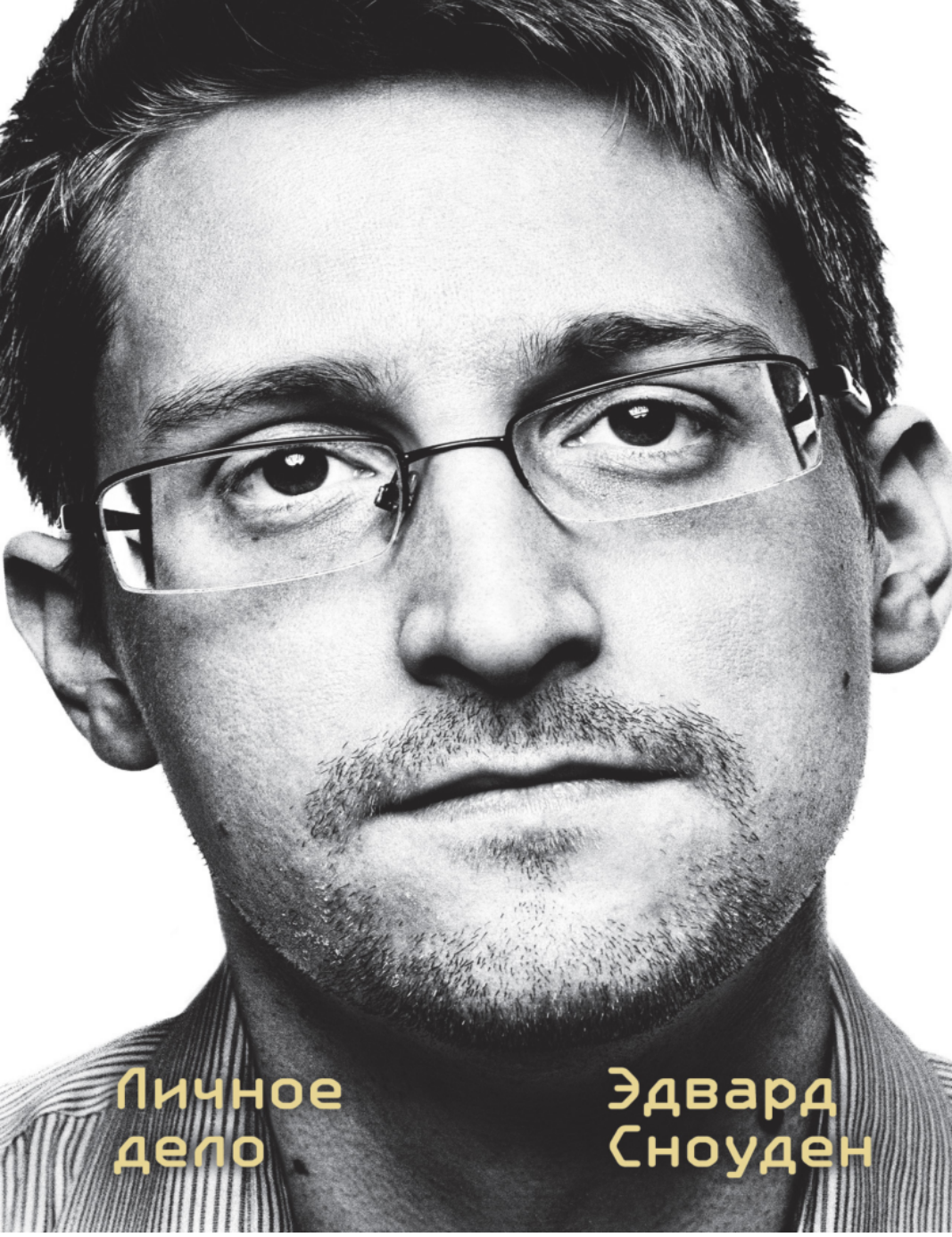
Личное
дело
Эдвард
Сноуден

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 2013 году Эдвард Сноуден, агент ЦРУ и сотрудник АНБ, шокировал мир, разорвав связь с американской разведкой и раскрыв особо секретную информацию. Он обнародовал доказательства того, что правительство США установило глобальную систему слежки, собирая звонки, текстовые сообщения и электронные письма граждан всего мира. В «Личном деле» Сноуден впервые рассказывает читателям свою историю: как он помогал создать эту систему массового наблюдения, а затем, испытывая угрызения совести, пытался ее уничтожить. Мемуары Сноудена – это биография мальчишки, который вырос в свободном Интернете и в итоге стал его совестью и защитником. Это глубоко личная история, в которой, как в зеркале, отражается поразительная трансформация не только Америки, но и всего мира в целом. Сочетая трогательные рассказы о «хакерской» юности и становлении Интернета с безжалостной «внутренней кухней» американской разведки, книга Сноудена представляет собой важнейшие мемуары цифровой эпохи.

- Эдвард Сноуден
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая
    - ■ Глядя в окно
    - ■ Невидимая стена
    - ■ Белтвей
    - ■ Американский Онлайн
    - ■ Хакерство
    - ■ Неуспеваемость
    - ■ 9/11
    - ■ 9/12
    - ■ Икс-лучи
    - ■ Чистый и влюбленный
  - ○ Часть вторая
    - ■ Система
    - ■ Homo contractus
    - ■ Индоктринация
    - ■ Граф с Холма
    - ■ Женева
    - ■ Токио
    - ■ Дом на облаке

        - На кушетке
    - Часть третья
        - Туннель
        - Сердцебиение
        - Дующие в свисток
        - Четвертая власть
        - Чтение, запись, выполнение
        - Шифрование
        - Мальчик
        - Гонконг
        - Москва
        - Из дневников Линдси Миллс
        - Любовь и изгнание
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

Эдвард Сноуден
Эдвард Сноуден. Личное дело

Edward Snowden
PERMANENT RECORD

© Л. Лазарева, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Л.

Пролог

Мое полное имя – Эдвард Джозеф Сноуден. Если раньше я работал в интересах правительства, то сейчас я работаю в интересах общества. Мне понадобилось около тридцати лет жизни, чтобы осознать, что эти вещи – отнюдь не одно и то же. Вдобавок после этого осознания у меня на работе возникли кое-какие неприятности. Теперь я стремлюсь защитить общество от самого себя, каким я был прежде – то есть от шпиона, работавшего на Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Агентство национальной безопасности (АНБ)[1]. Шпиона, который был очередным молодым специалистом в области технологий, предназначенных, как я тогда был полностью убежден, для того, чтобы изменить мир к лучшему.

Моя карьера внутри американского разведывательного сообщества[2] продолжалась каких-нибудь неполных семь лет – что, к моему удивлению, всего на год больше, чем те годы, которые я вынужден был провести на чужбине, в стране, которую я не выбирал. В тот семилетний отрезок времени тем не менее я успел поучаствовать в самом важном для истории американского шпионажа процессе – в переходе от целенаправленного наблюдения за отдельными индивидами к массовому слежению за населением в целом. В своей работе я поспособствовал тому, чтобы одно правительство могло собрать в своих руках все сведения о цифровой коммуникации по всему миру, могло хранить ее сколь угодно долго и по своему желанию могло осуществлять в ней поиск.

После 11 сентября все американское разведсообщество терзалось чувством вины за то, что не смогло справиться с защитой собственной безопасности, за то, что оно допустило самое разрушительное и деструктивное нападение на страну после Перл-Харбора. В качестве ответной меры его руководители приняли решение создать такую систему, которая уже никогда и ни при каких условиях не даст захватить их врасплох. В основании этой системы должны были находиться компьютерные технологии – достаточно чуждая вещь для их армии крупнейших авторитетов в области политических наук и мастеров делового администрирования. Двери в большинство засекреченных учреждений органов разведки широко распахнулись перед молодыми технарями вроде меня. Гикам выпал шанс вознестись над целым миром!

Если я что и понимал в этом мире, так это компьютеры – и поэтому мой карьерный рост шел быстрыми темпами. В двадцать

два года я получил свой первый допуск к секретным сведениям по линии Агентства национальной безопасности, занимая при этом самую низшую должность в структуре организации. А менее чем через год я уже работал в ЦРУ в качестве системного инженера, имея неограниченный доступ к некоторым из наиболее уязвимых сетей на планете. Единственным начальником надо мной был тогда парень, всю дорогу читавший на работе книжки Роберта Ладлэма[3] и Тома Клэнси[4] в мягкой обложке. Наши агентства огульно нарушали собственные правила привлечения к своей деятельности технических талантов. Обычно там не брали на работу никого без степени бакалавра или – уже позднее – хотя бы диплома младшего специалиста, а ни того, ни другого у меня не было. По большому счету, я не должен был даже приближаться к зданию.

В 2007–2009 годах я, как один из редких специалистов по современным технологиям, был переведен в Женеву для работы под дипломатическим прикрытием при посольстве США. Моей задачей было участвовать в модернизации ЦРУ и переводить онлайн европейские базы США, оцифровав и автоматизировав разветвленную сеть, посредством которой правительство США осуществляет свою шпионскую деятельность. Мое поколение не просто вывело всю работу разведок на принципиально новый инженерный уровень: нам выпало целиком по-новому сформулировать суть разведдеятельности. Ибо в нашем случае она не сводилась к тайным встречам и тайниковым закладкам. Для нас разведка – это сбор компьютерных данных.

К двадцати шести годам я номинально числился сотрудником компании Dell, однако на самом деле был снова занят работой для АНБ. Договор с фирмой служил для меня только прикрытием – как, в общем-то, и для всех технических сотрудников моего ранга, трудившихся вместе со мной. Меня послали в Японию, где я поспособствовал созданию того, что со временем выросло в глобальный резервный массив данных для всего агентства. Он представлял собой колоссальную систему тайных сетей, это гарантировало – даже в случае, если бы штаб-квартира АНБ взрывом атомной бомбы была стерта в ядерную пыль, – что никакая информация не будет потеряна. Тогда я еще не понимал, что разработка системы, которая обеспечит непрерывное слежение за каждым живущим человеком на Земле, является трагической ошибкой.

В возрасте двадцати восьми лет я вернулся в Штаты и получил немыслимое повышение по службе в группе технической поддержки связи, обеспечивавшей контакты компании Dell с ЦРУ. На работе я должен был сидеть рядышком с начальниками

технических отделов ЦРУ, чтобы конструировать и продвигать решения самых разнообразных проблем, какие только могли прийти им в голову. Моя группа помогала агентству выстраивать новый тип вычислительной архитектуры – «облако». То была первая технология, позволявшая каждому агенту независимо от того, где физически он в тот момент находится, отыскивать и отслеживать любую информацию, которая ему понадобится, причем расстояние также не имело значения.

В итоге производственная операция по введению потока разведданных в управляемое русло и увязыванию их в единое целое привела к следующей операции – необходимости хранить имеющиеся данные вечно, что, в свою очередь, породило следующую – гарантировать, чтобы хранимая информация имела возможность поиска и при необходимости была бы общедоступной. Все эти проекты стали для меня первостепенными на Гавайях, куда я отправился, чтобы заключить новый контракт с АНБ, в возрасте двадцати девяти лет. До того момента в своей работе я руководствовался принципом «необходимого знания»[5], не имея понятия о том кумулятивном, всеобщем замысле, который таился за моими конкретными, узкоспециализированными задачами. И только уже в гавайском раю я наконец увидел, как вся моя работа складывалась воедино, увидел, как каждое колесико двигается в сложном взаимодействии с остальными частями гигантской машины, образуя систему глобального массового слежения.

В глубоком тоннеле под ананасовой плантацией – на бывшем подземном авиазаводе эпохи Перл-Харбора – я сидел за терминалом, откуда имел практически неограниченный доступ к средствам коммуникации почти каждого мужчины, женщины или ребенка, который хоть раз набрал телефонный номер или коснулся компьютерной клавиатуры. Среди этих людей было около 320 миллионов моих соотечественников-американцев, которые в их частной жизни изо дня в день регулярно испытывали на себе грубейшее нарушение не только провозглашаемых Конституцией США прав, но и базовых ценностей любого свободного общества.

Вы держите в руках эту книгу потому, что я осмелился на крайне опасный в моем положении поступок – рассказать правду. В доказательство того, что правительство США замешано в нарушении законов, я собрал документы для внутреннего пользования секретных спецслужб и передал их журналистам, которые их проверили и опубликовали, сделав достоянием всего потрясенного мира. Эта книга рассказывает о том, что привело к подобному решению, о морально-этических принципах, которые

его подпитывали, и о том, как эти принципы стали частью меня самого; одним словом, все это о том, какой была моя жизнь.

Что такое жизнь отдельного человека? Это всегда больше, чем можно сказать словами, и даже больше, чем все наши поступки, вместе взятые. Наша жизнь – это и то, что мы любим, и то, во что мы верим. Для меня то, что я люблю и во что я верю, определяется связями, человеческими контактами, а также теми техническими средствами, благодаря которым эти связи становятся возможными. В понятие «технические средства», конечно же, входят и книги. Но все-таки для моего поколения эти человеческие контакты и технические средства – это в наибольшей степени Интернет.

Прежде чем отшатнуться в испуге перед той токсичной и цепкой паутиной, что сегодня опутывает весь мир, попытайтесь понять: для меня Интернет в свое время был чем-то совсем иным. Для меня он был добрым другом и отчасти – заботливым родителем. Интернет – это общность без границ и берегов, один голос, в котором слились миллионы голосов. Это граница соседствующих многоликих племен, установленная не для того, чтобы ее нарушать, поскольку те способны жить дружно в своем соседстве, где каждый член сообщества волен выбирать себе имя, историю и обычаи. В Интернете каждый надевал маску, но все же эта культура «анонимности через многоликость» производила больше правды, чем лжи, поскольку была скорее креативной и кооперативной, нежели конкурирующей или коммерческой. Разумеется, в ней было место и конфликту. Но все перевешивала добрая воля и добрые чувства – как истинный дух первопроходцев!

Я думаю, вы согласитесь с моим мнением, что сегодняшний Интернет стал неузнаваемым. Стоит подчеркнуть, что эти перемены продиктованы сознательным выбором, они – результат систематически вкладываемых усилий со стороны властного привилегированного меньшинства. Усилия по направлению коммерции в русло электронной коммерции привели к эффекту «раздутого пузыря», а в итоге – к коллапсу. После этого компании осознали, что люди, которые заходят в Интернет, намного меньше заинтересованы в том, чтобы тратить, чем делиться, и что человеческие контакты, которые и создали Всемирную сеть, можно превращать в звонкую монету. Если большинство людей желают войти в Интернет, чтобы рассказать своим близким, друзьям и случайным знакомым, что у них на уме, а те в ответ хотят рассказать, что на уме у них, – то все, что остается сделать компаниям, это придумать, как им влезть в самую середину этого обмена мыслями и обратить его в прибыль.

Все это знаменовало собой начало «капитализма слежки» и конец того Интернета, с которым я был знаком.

Креативная сторона Всемирной паутины претерпела коллапс, поскольку рухнуло бесчисленное количество прекрасных, сложных, индивидуализированных веб-сайтов. Перспектива большего удобства понуждала людей отказываться от персональных сайтов, которые требовали постоянного и трудоемкого обслуживания, в пользу страницы на Facebook и аккаунта в Gmail. Мнимое «владение» аккаунтом на этих сервисах можно было легко принять за истину. Мало кто из нас тогда это понимал, но ничего из того, чем мы хотим поделиться в Сети, отныне не будет нам принадлежать. Наследники е-коммерции, потерпевшие крах из-за того, что не сумели найти что-либо, способное нас заинтересовать, нашли для себя новый товар.

Этот товар – мы сами.

Наше внимание, наши действия, наше местоположение, наши желания – все подробности нашего существования, которыми мы поделились, осознанно или нет, были собраны и тайком распроданы, с тем чтобы оттянуть неизбежное ощущение насилия, которое для многих из нас нагрянуло только сейчас. И это слежение будет и дальше активно поддерживаться и даже оплачиваться армадой правительственных структур, алчущих получить как можно больше массивных объемов разведданных. Помимо банковских аккаунтов и финансовых транзакций в начале нулевых годов едва ли какие-то данные были закодированы. А это означает, что во многих случаях заинтересованным организациям не приходилось обременять себя трудом по сближению с компаниями, чтобы выяснять, чем занимаются их клиенты. Можно было просто шпионить за всем миром, никому не докладывая.

Американское правительство в противовес всем своим основополагающим документам стало жертвой как раз такого соблазна и, вкусив однажды отравленный плод, поддалось этой лихорадке. Втайне оно обрело могущество массового слежения, ту власть, которая по определению притесняет невиновных гораздо сильнее, чем виновных.

И вот именно тогда, когда я во всей полноте увидел эту слежку и осознал наносимый ею вред, мною овладело ощущение, будто мы, общественность – общественность не просто одной страны, а всего мира, – не получили ни одного шанса высказаться о своем отношении к данному процессу. Система глобальной слежки утвердилась не без нашего согласия, но таким образом, что каждая ее деталь была намеренно скрыта от нашего внимания. На каждом этапе процедуры проведения изменений

были проведены втайне ото всех, включая даже представителей законодательной власти. К кому по этому поводу мне надо было обращаться? С кем я мог поговорить? Даже шепотом произнести правду на ухо какому-нибудь юристу или конгрессмену было равнозначно такому тяжкому преступлению, что лишь описание в общих чертах самых основных доводов означало бы приговор и пожизненное содержание в федеральной тюрьме.

Я растерялся и впал в мрачное состояние духа, сражаясь со своей совестью. Я люблю свою страну, верю в служение обществу, и вся моя семья, все мои родственники на протяжении веков состоят из мужчин и женщин, которые всю свою жизнь отдали служению стране и ее гражданам. Я лично давал присягу, но не Агентству по национальной безопасности и даже не государству – но обществу, в поддержку и защиту Конституции, гарантии свобод которой столь грубо нарушаются. И вот оказывается, что я – часть этого злоупотребления! Мало того, я даже не *часть*, а *соучастник*! Весь мой труд, все эти годы… На кого я в действительности работал? Как мог я соблюсти равновесие между подписанным мной обязательством неразглашения при приеме на работу – и клятвой моей стране с ее основополагающими принципами? Кому или чему прежде всего я должен хранить верность? В какой конкретный момент я был морально обязан нарушить закон?

Размышления обо всех этих принципах привели меня к ответам. Я понял, что, если бы я открыто выступил перед журналистами и раскрыл масштаб злоупотреблений моей страны, это не было бы призывом к разрушению государства и даже разведывательного сообщества. Это было бы ответом на попрание нашим государством и разведсообществом ими же провозглашаемых идеалов.

Свобода страны измеряется только тем, насколько она уважает права своих граждан. Сейчас я убежден в том, что сами эти права, по сути, являются ограничением государственной власти, четко определяя грань, где и когда государство не должно нарушать пространство личных или индивидуальных свобод, которые американская революция называла «правами личности» – и которые позднее, во время революции в Интернете, стали именоваться «неприкосновенностью частной жизни».

Шесть лет назад я выступил с этим заявлением, поскольку заметил гораздо меньшее рвение так называемых «передовых» государств по всему миру по защите «неприкосновенности частной жизни» – которая, как я считаю и как считает Организация Объединенных Наций, является одним из фундаментальных прав человека. На протяжении этих лет, по

мере того как демократические режимы перерождаются в авторитарный популизм, этот процесс только усугубляется. Нигде он не был столь явным, как в вопросе отношения государственных органов к прессе. Выборные должностные лица часто пытаются делегитимизировать журналистику путем полномасштабного наступления на принципы правды. Правдивая информация намеренно смешивается с фейками посредством технологий, которые способны раздувать это смешение в беспрецедентную всемирную путаницу.

Я знаком с этим процессом достаточно близко, поскольку создание путаницы всегда было самым темным искусством разведсообщества. Те же самые агентства, которые только на протяжении моей карьеры манипулировали разведывательной информацией, чтобы сфабриковать повод к войне, которые пользовались незаконными политическими методами и теневым судопроизводством, разрешая похищение людей под видом «экстрадиции», пытку как «допрос с пристрастием» и массовую слежку как «масштабный сбор информации», – не моргнув глазом, презрительно назвали меня китайским двойным агентом и российским тройным агентом. Или, что еще хуже – «миллениалом».

Оговорить меня можно было легко и свободно в основном потому, что я отказался защищаться. С момента моего выступления и по сей день я был полон решимости никогда не открывать никаких деталей моей личной жизни, которые могли бы в дальнейшем причинить вред моей семье и друзьям, которые, признаться, и так серьезно пострадали из-за моих принципов.

Именно из-за опасения увеличить мои страдания я сомневался, стоит ли мне писать эту книгу. По правде, куда легче выступить с обличением противоправных действий правительства, нежели представить отчет о собственной жизни. Злоупотребления, свидетелем которых я стал, требовали действий с моей стороны. Но никто и никогда в истории не писал мемуары лишь потому, что он не в состоянии сопротивляться диктату собственной совести. Именно поэтому я попросил разрешения на публикацию у каждого члена семьи, у друзей и коллег, тем или иным образом упоминаемых на этих страницах.

Поскольку я решительно против того, чтобы считать себя единственным арбитром чужой «частной неприкосновенности», я никогда не считал, что могу собственнолично выбирать, какой из секретов страны следует обнародовать, а какой нет. Вот почему я открыл государственные документы только журналистам. Количество секретных бумаг, которые я показал широкой публике, фактически равно нулю.

Я, как и те журналисты, считаю, что правительство имеет право скрывать какую-то информацию. Даже самая прозрачная демократия в мире имеет право закрывать, к примеру, личность своих тайных агентов и продвижение войск во время войны. Но подобных секретов в этой книге нет.

Дать отчет о своей жизни, не причинив неприятностей тем, кого я люблю, и не выдавая государственных тайн законных правительств – непростая задача, но я взял ее на себя. Между этими двумя обязательствами – где-то посредине – вы, возможно, найдете меня таким, каков я есть на самом деле.

Часть первая

Глядя в окно

Первое, что я «хакнул» в своей жизни, – это время отхода ко сну.

Несправедливо, когда родители принуждают тебя ложиться спать раньше, чем отправляются сами, и даже раньше, чем ляжет спать моя сестра, а я еще даже не почувствовал усталости. Это и была та самая первая маленькая несправедливость в жизни.

Многие вечера из первых двух с чем-то тысяч вечеров в моей жизни заканчивались актами моего «гражданского неповиновения»: ревом, криком, уговорами – до тех пор, пока в 2193-ю ночь, когда мне исполнилось шесть лет, я не отыскал непосредственный выход из положения. Старшие, как всегда, не были заинтересованы в реформах, но и я не вчера родился. Наступил один из самых лучших дней в моей юной жизни – с друзьями, гостями и даже с подарками. Ужасно не хотелось, чтобы день рождения кончался – и только потому, что все разойдутся по домам. Поэтому я потихоньку перевел все часы в доме на несколько часов назад. С таймером микроволновки все оказалось просто, с кухонной плитой – не очень, разве что до нее было легче дотянуться.

Когда родители – в своем безграничном неведении – ничего не заметили, я просто помешался от собственного могущества и начать прыгать и скакать по комнате. Я – повелитель времени, и меня никогда больше не отправят спать! Я обрел свободу. И в конце концов уснул на полу, все-таки повидав перед этим солнечный заход 21 июня – дня летнего солнцестояния, самого долгого дня в году. Когда я проснулся, все циферблаты в доме вновь показывали время в соответствии с отцовскими ручными часами.

Если бы кто-нибудь сегодня озадачился тем, чтобы завести ручные часы, то как бы он проверил точное время? Если поступать так, как поступают большинство, то вы выставите время, сверившись со своим смартфоном. Но если вы всмотритесь в свой мобильник, я имею в виду *внимательно* всмотритесь и глубоко вникните во все его меню и настройки, то внезапно до вас дойдет, что «время настроено автоматически». Ваш телефон бесшумно – и незаметно – нет-нет да и сделает запрос вашему же провайдеру сетевых услуг: «Эй! Как там со временем?» А эта сеть, в свою очередь, обратится к более масштабной сети – и так далее, через массу вышек и проводов, пока запрос не достигнет одного из истинных повелителей времени: сервера точного времени. А

тот, в свою очередь, сверится с атомными часовыми механизмами, которые хранятся в таких местах, как Национальный институт стандартов и технологий США, Швейцарский федеральный институт метеорологии и климатологии и Национальный институт информационных и коммуникационных технологий Японии. Этот большой, невидимый глазу путь, совершаемый в долю секунды, объясняет, почему вы не видите на дисплее своего мобильника всякий раз, когда вы подзаряжаете батарейку, мигающее 12:00.

Я родился в 1983 году, в конце эпохи, когда люди еще заводили свои часы самостоятельно. В том же году Министерство обороны США разделило внутреннюю систему взаимосвязанных компьютеров пополам, сделав одну половину сетью для обслуживания нужд оборонного ведомства, названную MILNET, и другую – сетью для широкой публики, известную под названием Internet. До конца года новые правила разграничили это виртуальное пространство, породив систему доменных имен (DNS), которой мы пользуемся и поныне: все эти. gov,mil,edu и, разумеется, com, а также интернет-коды стран, розданные всему остальному миру:.uk,de,fr,en,ru и так далее. Причем у моей страны (как и у меня лично) было преимущество: собственный двухбуквенный код с краю интернет-адреса[6]. До создания World Wide Web, или Всемирной паутины, было еще шесть лет и еще около девяти, прежде чем мои родители приобрели компьютер и модем, чтобы к ней подключиться.

Конечно, Интернет не составляет единого целого, хотя нас постоянно тянет считать его таковым. Техническая реальность, однако, состоит в том, что в глобальном кластере взаимосвязанных коммуникационных сетей ежедневно возникают все новые сети, которыми вы (и еще около трех миллиардов человек – то есть в районе 42 % населения Земли) пользуетесь постоянно. Тем не менее я буду использовать этот термин в предельно широком смысле, подразумевая под словом «Интернет» всеохватывающую сеть сетей, соединяющих большинство компьютеров всего мира друг с другом посредством набора общих протоколов.

Здесь вы, конечно, можете заволноваться, что не знаете каких-то непонятных протоколов, с которыми контактирует ваш компьютер, но на самом деле все мы пользуемся ими – и даже не одним. Будем считать протокол чем-то вроде языка для машин, теми общими правилами, которыми те руководствуются, чтобы понимать друг друга. Если вы примерно моего возраста, вы наверняка помните, как набирали *http* в начале адресной строки вашего веб-браузера. Тем самым происходит переадресация на

протокол передачи гипертекста – язык, который необходим для доступа во Всемирную паутину, в это громадное собрание не только текстов, но и аудио-, и видео-сайтов – таких как Google, YouTube и Facebook. Проверяя электронную почту, вы каждый раз пользуетесь протоколами IMAP[7], или SMTP[8], или POP3[9]. Пересылка файлов происходит через Интернет с использованием протокола FTP[10]. А что касается процедуры установки времени на вашем телефоне, о чем я говорил раньше, то все изменения вносятся через протокол NTP[11].

Все вышеупомянутые протоколы являются прикладными и образуют одну семью среди мириад прочих, имеющихся в Сети. К примеру, чтобы данные одного из этих прикладных протоколов прошли через Интернет и достигли вашего персонального компьютера, ноутбука или телефона, они прежде всего должны быть «упакованы» средствами одного из протоколов, предназначенных для транспортировки, – совсем как обычная «черепашья» почта предпочитает, чтобы вы посылали свои письма или посылки в конвертах и коробках стандартных размеров. Протокол TCP[12] применяется для маршрутизации, среди прочих прикладных задач, веб-страниц и электронной почты. Протокол UDP[13] нужен для маршрутизации более времязависимых, более оперативных данных, в таких прикладных программах, как Интернет-телефония или прямой эфир.

Любая попытка перечислить все многочисленные, многоуровневые функции того, что в моем детстве звалось «киберпространством», Сетью, Информационным хайвеем[14] и т. д., в любом случае будет неполной, но суть такова: все перечисленные протоколы дают нам способ оцифровать и всунуть в Сеть практически все, что нельзя съесть, выпить, надеть на себя или использовать в качестве крыши над головой. Интернет вошел в нашу жизнь такой же неотъемлемой ее частью, как воздух, через который, кстати, осуществляется немало его коммуникаций. А еще – нам не устают повторять, что наши социальные сети постоянно побуждают нас постить что-то такое, что выставляет нас в неблагоприятном свете и может нас скомпрометировать. А ведь оцифровать информацию – это значит увековечить ее в формате, который сохранит написанное навсегда.

И вот что поражает меня, когда я в мыслях возвращаюсь в свое детство, и в частности в те первые девять лет, которые прошли без Интернета: я не могу ручаться за все воспоминания о происходившем тогда, поскольку полагаюсь только на свою память. Больше те данные нигде не сохранились. Когда я был ребенком, фраза «незабываемые впечатления» еще не была пугающе буквальным технологическим описанием. Нет, она несла

в себе исполненный чувства метафорический посыл к поиску смысла: первые слова, первые шаги, первый выпавший зуб, первая поездка на велосипеде…

Мое поколение было последним в Америке и, наверное, в мировой истории вообще, для которого все так и было. Последнее «неоцифрованное» поколение, чье детство еще не хранилось в «облаке». Наше детство по большей части застревало в аналоговом формате вроде рукописных дневников, поляроидов и VHS-кассет – артефактов осязаемых и несовершенных, которые со временем портятся и могут быть безвозвратно утрачены. Мои школьные контрольные выполнены карандашом и ластиком, безо всякого подключенного к Сети планшета, который запечатлел бы мои удары по клавиатуре. Мои подростковые увлечения не отслеживались недремлющим оком «умного дома». Они остались в виде зарубок перочинным ножом на древесине оконных рам в доме, где я вырос.

Мы жили в большом красивом доме из красного кирпича, окруженном небольшой лужайкой в тени кизиловых деревьев. Летом на ней пышно цвели белые магнолии, под которыми укрывались целые армии пластмассовых солдатиков: играя, я постоянно ползал с ними по траве. Дом имел необычную конструкцию: его главный вход находился на втором этаже, к нему вела массивная кирпичная лестница. На этом этаже располагались все жилые комнаты – кухня, столовая и спальни.

Над этим жилым пространством находился пыльный, затянутый паутиной, запретный чердак, служивший для хранения всякого хлама, в который, уверяла мама, наведывались белочки. Но отец утверждал, что там обитали оборотни и вампиры, готовые проглотить маленьких мальчиков, ежели они настолько глупы, чтобы забраться на чердак. Внизу у нас был более-менее обустроенный цокольный этаж, что для Северной Каролины было редкостью, особенно когда дом стоит так близко к побережью. Подвалы затапливало, и наш тоже был постоянно сырым, несмотря на постоянно работающую сушилку и дренажный насос.

К нашему переезду в этот дом к основному этажу сделали пристройку со стороны двора, и в ней разместилось несколько дополнительных помещений: постирочная, еще одна ванная, моя спальня и комната для отдыха с телевизором и тахтой. В моей спальне, там, где раньше была внешняя задняя стена дома, было окно, прежде выходившее во двор, и теперь сквозь него можно было видеть ту комнату.

Почти все время, пока мы с семьей жили в этом доме в Элизабет-сити, эта спальня была моей и окна в ней – тоже. И хотя

у внутреннего окна были занавеси, они не особенно обеспечивали мне уединенность. Сколько я помню себя, моим любимым занятием было, отдернув занавеску, заглядывать в каморку. Иными словами, столько, сколько я себя помню, моим любимым занятием было шпионить.

Я шпионил за моей старшей сестрой Джессикой, когда ей разрешали лечь позже меня и она смотрела мультики, которые мне смотреть было еще рано. Я шпионил за мамой, Венди, которая садилась на кушетку, чтобы разобрать и сложить постиранное белье, а заодно послушать по телевизору вечерние новости. Но больше всего я шпионил за отцом – его звали Лон (или, на южный манер, Лонни). Он окапывался в «берлоге» в самые ранние предрассветные часы.

Отец служил в Береговой охране, хотя в то время я, конечно, не имел ни малейшего представления о том, что это значило. Помню, что иногда он ходил в форме, а иногда нет. Уходил из дома рано, приходил поздно и часто приносил новые гаджеты – вроде научного калькулятора TI-30 компании Texas Instruments, секундомера Касио на ремешке или динамика для домашней стереосистемы. Некоторые из них он мне показывал, а некоторые – прятал. Угадайте, какие меня интересовали больше.

Гаджет, сильнее всего поразивший мое воображение, появился ночью, после отбоя. Я уже лежал в постели и готовился уснуть, как вдруг услышал отцовские шаги в холле внизу. Я встал на кровати, слегка отдернул занавеску и стал наблюдать. Из загадочной коробки, похожей на обувную, отец достал напоминавший силикатный кирпич светло-коричневый предмет, от которого отходили, змеясь, черные провода – точь-в-точь щупальца какого-то глубоководного морского чудовища из моих ночных кошмаров!

Действуя не спеша, методически, отчасти в силу своей инженерской привычки всегда действовать именно так, отец распутал провода и протянул один из них поверх ворсистого напольного ковра, соединив заднюю стенку коробки с задней панелью телевизора. Потом он вставил другой кабель в розетку позади кушетки.

Вдруг экран телевизора осветился, а вместе с ним осветилось и лицо отца. Если бы все шло как обычно, он прилег бы на кушетку с бутылочкой содовой воды «Сандроп» и принялся бы смотреть, как на экране телевизора гоняют мяч футболисты. Но на этот раз все шло не так.

В один момент я сообразил – и то было самое поразительное открытие всей моей – пусть даже и очень короткой на тот момент – жизни: мой папа *управлял тем, что происходило на*

экране телевизора.

Так я впервые столкнулся с Commodore 64, одной из первых домашних компьютерных систем, появившихся в продаже.

Тогда я, конечно же, не представлял себе, что такое компьютер. И тем более не знал, что делает с ним отец – играет или работает? Хотя он улыбался и на вид получал большое удовольствие, он полностью отдавался тому, что было на экране – с тем же пылом, с которым он всегда брался за любую механическую работу по дому. Я понимал лишь одно: что бы отец там ни делал, я хочу делать то же, что и он.

С того вечера, когда бы мой отец ни приходил в «берлогу», чтобы включить бежевую коробочку, я вставал на своей постели, отодвигал занавеску и внимательно следил за его приключениями. Однажды на экране появился падающий шарик, а внизу находилась горизонтальная доска. Отец должен был поднимать доску, чтобы ударить по шарику, отбросить его и разрушить целую стенку из разноцветных кирпичей: «Арканоид». В другой раз папа сидел перед целым экраном разноцветных кирпичей различной формы. Они постоянно падали, и в это время он передвигал их и расставлял так, чтобы они образовывали ровные ряды, которые тотчас же исчезали: то был «Тетрис».

Я был в полной растерянности, не понимая, что делает мой папа: он так развлекается или это часть его работы? Пока однажды я, глядя в окошко своей комнаты, не увидел, что он – летает.

Мой отец, который всегда восхищал меня тем, что показывал мне вертолеты, летящие над нашим домом с авиационной базы Береговой охраны, сейчас пилотировал собственный вертолет. Прямо у меня на глазах, не выходя из своей «берлоги»! Он стартовал с небольшой авиабазы под крошечным развевающимся американским флагом, взмыл в черное ночное небо, усыпанное мерцающими звездами, – и тут же рухнул на землю. Негромкий вскрик отца заглушил и мой вопль. Но только я подумал, что игре конец, как он начал все сначала, вновь оказавшись на маленькой базе с крошечным флагом и вновь стартуя с летного поля.

Игра называлась *Choplifter!* – восклицательный знак был частью ее названия, и впечатления от игры требовали этого восклицания. Она вызывала восторг и трепет. Снова и снова я наблюдал эти вылеты из нашей «берлоги» к плоскому диску пустынной луны. С вертолета стреляли, стреляли по вертолету – с вражеских самолетов и танков… Вертолет садился и снова взлетал, когда отец пытался спасти внезапно возникающую толпу людей, которых необходимо было перенести в безопасное место. Тогда сформировалось мое особенное детское представление об

отце: он был героем!

Ликующий вопль, раздавшийся с кушетки в первый раз, когда малюсенький вертолет невредимым вернулся на базу, перенеся на себе всех крошечных человечков, оказался чересчур громким. Голова отца повернулась к окну, чтобы посмотреть, не разбудил ли он меня, – и тут он застал меня врасплох.

Я нырнул в постель, натянул на себя одеяло и лежал не шевелясь, слыша тяжелые отцовские шаги по направлению к своей комнате.

Он стукнул в окошко. «Давно пора спать, дружище! Ты еще на ногах?»

Я затаил дыхание. Внезапно он распахнул окно, протянул руки, схватил меня – вместе с одеялом – и утащил в свою «берлогу». Все произошло так быстро, что я даже не коснулся ногами ковра.

Еще не успев опомниться, я сидел у отца на коленях и как будто стал вторым пилотом. Я был слишком мал и слишком взволнован, чтобы сообразить – джойстик в моих руках не подключен. Но это не имело значения, потому что главное – я летал бок о бок со своим отцом.

Невидимая стена

Элизабет-Сити – живописный и не очень большой портовый город с более или менее сохранившимся историческим центром. Как большинство остальных ранних американских поселений, он вырос у воды, в данном случае у берегов реки Паскуотанк. Название является искаженным англичанами алгонкинским[15] словом, которое переводилось как «место, где течение разделяется». Река течет от Чесапикского залива через болота Виргинии и Северной Каролины и впадает в залив Албемарл, как реки Човон, Перкиманс и другие. Когда задумываешься о каком-то ином пути, по которому могла пойти моя жизнь, я невольно вспоминаю этот речной край: не важно, по какому конкретному руслу движется река от своих истоков – она все равно достигает нужного места назначения.

Моя семья всегда была связана с морем, особенно по материнской линии. Происхождение моей мамы прямиком восходит к отцам-пилигримам, а самый ранний из известных предков, появившийся на этих берегах, – не кто иной как Джон Олден, член экипажа «Мейфлауэр»[16], числившийся на нем бондарем[17]. Он стал мужем приплывшей вместе с ним Присциллы Маллинс, имевшей сомнительное преимущество быть единственной на судне женщиной брачного возраста и посему ставшей первой женщиной брачного возраста из всего первого поколения основателей Плимутской колонии.

Судьбы Джона и Присциллы не соединились тогда, в День благодарения, и им не довелось бы быть вместе из-за вмешательства возглавлявшего Плимутскую колонию капитана Майлза Стэндиша. История его любви к Присцилле и ее отказа положены в основу литературного произведения, упоминания о котором сопровождали меня в юные годы. Это историческая поэма «Сватовство Майлза Стэндиша» Генри Уордсворта Лонгфелло (тоже потомка Олденов и Маллинсов).

> Тихо в комнате, только перо скрипит под рукою,
> Важные письма строча. Их с «Майским цветком» отправляют:
> Завтра он должен отплыть иль еще через день, но не позже.
> Весть о страданьях минувшей зимы на отчизну везет он
> В письмах, что Олден писал, повторяя в них имя Присциллы,
> Нрав неустанно хваля молодой пуританки Присциллы!

[18]

Дочь Джона и Присциллы Элизабет была первым ребенком, родившимся у переселенцев в Новой Англии. Моя мама, имя которой также Элизабет, – ее прямой потомок. В силу того что это родство прослеживается преимущественно по женской линии, фамилии менялись почти в каждом колене: Элизабет Олден выходит замуж и становится Пабоди, Пабоди сочетается браком с Гринеллом, Гринелл – со Стивенсом, их отпрыск – с Джослином. Мои пришедшие из-за моря предки приплыли вдоль побережья из теперешнего Массачусетса в Коннектикут и Нью-Джерси, прокладывая торговые пути и спасаясь от пиратов, где-то между колониями и Карибами. С началом революции в колониях семья Джослинов осела в Северной Каролине.

Амасия Джослин (среди прочих вариантов – Джоселин) занимался каперством[19] и был военным героем. В качестве командира 10-пушечного барка «Файербренд» он отличился при обороне Мыса Страха. Сражаясь за американскую независимость, он поступил на службу в военный флот США и стал офицером снабжения при порте Уилмингтон. Там же он основал первую в городе торговую палату, которую сам в шутку называл «разведывательным центром». Джослины и их потомки – Муры, Холлы, Мейленды и Хауэллы, Стивенсы, Рестоны, Стокли, другие представители моей родни по материнской линии – сражались во всех войнах в истории моей страны, от Войны за независимость до Гражданской. Правда, на этот раз они дрались за Конфедерацию против янки из Новой Англии и сторонников центрального правительства. Но и те, и другие участвовали в обеих мировых войнах XX века. Мою родню всегда отличало высокое чувство долга.

Дедушка, отец моей матери, которого я называю Поп, в народе известен как контр-адмирал Эдвард Дж. Баррет. К моменту моего рождения он был заместителем начальника авиационно-технической службы при штабе Береговой охраны США в Вашингтоне. И в дальнейшем он занимал различные командные должности как технического, так и операционного характера, от Губернаторского острова в Нью-Йоркской бухте до Ки-Уэст в штате Флорида, где он возглавлял Объединенную межведомственную рабочую группу «Восток»[20]. Я понятия не имел, до каких высот поднялся по службе наш Поп, но знал, что церемонии по случаю его вступления в должность становились все круче, речи длиннее, а торты все выше. Так, помню, в качестве сувенира артиллерийский расчет подарил мне

сорокамиллиметровую стреляную гильзу – круглую, еще теплую и пахнувшую порохом после салюта в честь дедушки.

И, наконец, мой папа Лон, который в момент моего рождения был младшим офицером авиационно-технического учебного центра Береговой охраны в Элизабет-Сити, работавшим в качестве методиста и инструктора по электронике. Он часто отсутствовал, оставляя дома нас с сестрой на попечении мамы. Та, дабы воспитать в нас чувство ответственности, давала нам разные задания. Обучая чтению, она наклеивала на наши шкафчики с одеждой этикетки со словами, отражавшими содержимое: «носки», «белье». Сажала нас в тележку и везла в местную библиотеку, где я моментально отправлялся в свой любимый зал, тот, который я называл «Большие машинки». Если мама спрашивала, какие «большие машинки» мне понравились больше всего, я без запинки отвечал: «Самосвалы, паровые катки, и автопогрузчики, и краны, и…»

«Это все, дружок?»

«А еще, – вздыхал я, – бетономешалки, бульдозеры и…»

Мама любила задавать мне головоломные задачки по математике. В магазинах «Кей-март» или «Уинн-Дикси» она выбирала книжки и модели машинок, легковых и грузовых, и покупала в том случае, если я смогу быстро и правильно сложить в уме их цены. Все мои детские годы она следила за тем, чтобы сложность заданий плавно росла, сперва давая мне решать примеры в пределах доллара, затем – требуя найти точную сумму долларов и центов. После я должен был вычислить 3 % от полученного числа и результат прибавить к общей сумме. Последняя операция ставила меня в тупик не столько арифметически, сколько логически. «Зачем?» – спросил я.

«Это называется налог, – объяснила мама. – За все, что мы покупаем, мы платим три процента государству».

«А что с ними делают?»

«У нас хорошие дороги, сынок? А мосты? Правительство использует эти деньги для ремонта. Деньги нужны для того, чтобы в библиотеках были книги», – пояснила мама.

Однажды я испугался, что мои многообещающие математически навыки меня подводят – сделанные в уме вычисления не совпадали с тем итогом, который я видел на кассовом аппарате. «Ставку налога подняли. Теперь мы платим четыре процента», – снова пояснила мама.

«Значит, теперь в библиотеке будет еще больше книг?» – спросил я.

«Будем надеяться», – ответила мама.

Бабушка жила через несколько улиц от нас, напротив

Каролина-Фид и Сид-Милл, и над ее домом высился громадный пекан. Сняв с себя рубашку и сделав из нее сумку, чтобы нести нападавшие с дерева орехи, я поднимался к бабушке наверх и ложился на ковер возле длинных, низких стеллажей с книгами. Моими неразлучными друзьями были басни Эзопа и, пожалуй, самая любимая – «Мифология» Булфинча. Я перелистывал страницы, отвлекаясь время от времени, чтобы разгрызть несколько орехов, и снова впитывал в себя истории о крылатых конях, запутанных лабиринтах, о горгоне со змеями вместо волос, чей взгляд превращал смертных в камень. Я был в восторге от Одиссея, мне вполне нравились Зевс, Аполлон, Гермес и даже Афина. Однако больше всего меня восхищал Гермес, неказистый бог огня и вулканов, покровитель кузнецов, столяров и плотников, кустарей и ремесленников. Я гордился тем, что умею писать его греческое имя и знаю его древнеримское имя – Вулкан. А в «Стартреке» так называлась планета, родина Спока. Грандиозный замысел греко-римского пантеона всегда поражал меня. На вершине некой горы проживала компания богов и богинь, проводившая большую часть своего бесконечного существования в ссорах друг с другом и подсматривании за делами жившего внизу человечества. Время от времени, узнавая что-то такое, что могло их заинтриговать или вывести из себя, они, переодевшись в ягнят, лебедей или львов, спускались с высот Олимпа, чтобы разобраться, что происходит, и вмешаться. Результатом нередко была катастрофа: кто-нибудь тонул, погибал от разряда молнии или превращался в дерево, и все потому, что бессмертные сочли необходимым влезть в дела смертных.

Однажды мне попалось иллюстрированное издание легенд о короле Артуре и его рыцарях, где я прочел об еще одной легендарной горе, на этот раз в Уэльсе. Гора служила крепостью для злобного великана по имени Рита Гавр. Тот отказывался признавать, что время его царствования прошло и что в будущем над ним будут властвовать земные короли, которых он считал ничтожными и слабыми. Стремясь не упустить власть, он сошел со своего высоченного пика на землю и стал нападать то на одно королевство, то на другое, побеждая войско за войском. В конце концов он разбил и уничтожил всех до одного королей Уэльса и Шотландии. Каждый раз, убивая, он сбривал их бороды, чтобы оторочить ими свой плащ, который носил как кровавый трофей. И потом он решил бросить вызов сильнейшему королю Британии – Артуру, поставив его перед выбором: Артур мог сам сбрить бороду и сдаться или Рита Гавр собственноручно снимет ему голову вместе с бородой. Выведенный из себя подобной наглостью, Артур выступил против великана в его горной

крепости. Они встретились на самой высокой вершине и сражались несколько дней, пока Артур не был ранен. И когда Рита Гавр схватил короля за волосы и готов был его обезглавить, Артур собрал последние силы и погрузил легендарный свой меч в глаз великана и тот повалился на землю мертвый. Артур вместе с рыцарями сложил из камней погребальную пирамиду над его телом. Но еще до того, как они завершили свою работу, начался сильный снегопад, и под конец кроваво-красный плащ великана стал идеально белым.

Гора называлась Snaw Dun, и в примечаниях говорилось, что на старом английском это означает «снежный курган». В наше время этот снежный курган называется Сноудон. Давно потухший вулкан высотой примерно 1085 метров – самая высокая вершина Уэльса. Помню чувство, с которым я обнаружил в этой истории свою фамилию, – трепетный восторг. А изменившееся правописание придало ощутимое понимание, что мир старше, чем я сам, он даже старше моих родителей! Имена ассоциировались с геройскими подвигами Артура, Ланселота, Гавейна, Персиваля, Тристана и других рыцарей Круглого стола, что придавало мне гордости – пока я не узнал, что все эти деяния были не историческими, а легендарными.

Годы спустя я с маминой помощью обшарил всю библиотеку в надежде отделить факты от мифов. Я обнаружил, что замок Стерлинг был переименован в замок Сноудон – в честь победы короля Артура, в качестве попытки шотландцев обосновать свои притязания на английский трон. Реальность, как я убедился, всегда суетна и менее лестна, нежели мифы.

К тому времени как я откопал правду об Артуре, меня уже давно занимала новая и совершенно иная история. На Рождество 1989 года в доме появилось то, что называется Nintendo. Я вцепился в двухтоновый серый геймпад так крепко, что встревоженная мама ввела правило: нельзя начать новую игру, пока не дочитаешь книгу. Игры были дорогие, и, уже изучив те, которые шли вместе с приставкой (единственный картридж объединял *Super Mario Bros* и *Duck Hunt*), я изнывал по новым. Вся незадача была в том, что в свои шесть лет я не мог читать так же быстро, как одолевал очередную игру. И тут назрел момент для следующей моей неофитской хакерской атаки. Я стал приносить из библиотеки домой все более и более тонкие книжки, а также книжки с большим количеством картинок. Я брал визуальные энциклопедии изобретений и открытий с чудными рисунками старинных велосипедов и дирижаблей, а еще – комиксы, которые, как я понял уже гораздо позже, были сокращенным пересказом для самых маленьких произведений Жюля Верна и Герберта

Уэллса.

Простая до гениальности приставка NES 8-bit – Nintendo Entertainment SYSTEM – обеспечила мое подлинное образование. Из «Легенд Зельды» я узнал, что мир существует, чтобы его исследовали; из *Mega Man* я понял, что могу многому научиться у своих врагов. Ну а игра *Duck Hunt*… Благодаря ей я знаю, что, если кто-то смеется над твоими неудачами, это совсем не значит, что всех недоброжелателей надо перестрелять. И в конечном счете все-таки *Super Mario Bros*, эта серия игр, научила меня, пожалуй, самому главному в жизни. Я сейчас совершенно искренен. И прошу отнестись к моим словам с предельной серьезностью. *Super Mario Bros*, в версии 1.0 – среди всех сайд-скроллеров это безусловно шедевр на все времена.

Когда игра начинается, Марио всякий раз стоит слева от возникающего легендарного экрана и двигается всегда в одном направлении. Он движется только вправо, ибо навстречу ему прокручивается фон и оттуда появляются все его враги. Ему надо пройти по четыре уровня в восьми мирах; каждый уровень подчинен временному ограничению, пока герой наконец не попадает в юдоль Зла и не освобождает принцессу Грибного королевства. На всех тридцати двух уровнях Марио стоит перед чем-то таким, что на игровом жаргоне именуется «невидимой стеной», которая не позволяет ему пятиться назад. Пути назад нет ни для Марио, ни для Луиджи, ни для меня, ни для вас. Свиток жизни разворачивается только в одну сторону, в том направлении, куда движется время, – и не важно, как далеко мы успеем зайти, невидимая стена будет всегда позади, отделяя нас от прошлого и побуждая продвигаться дальше в неизведанное. Маленький мальчик, подрастающий в небольшом городке штата Северная Каролина в 80-х годах прошлого века, должен откуда-то получить это представление о смертности. Так почему бы не от двух братьев-водопроводчиков, иммигрантов из Италии, падких до грибов из канализации?

В один прекрасный день мой заезженный картридж с Super Mario Bros никак не загружался, сколько бы я на него ни дул. Тогда так полагалось делать – в случае чего дуть на картридж изо всех сил, чтобы удалить пыль или еще какой-нибудь мелкий мусор, всякие ворсинки, которые так и норовили к нему прицепиться. В общем, сколько бы я ни дул и на сам картридж, и на паз для подключения, на экране телевизора мелькали какие-то пятна и волны, что внушало одну безнадегу.

Вспоминая об этом сегодня, я думаю, что у Nintendo было слабое штырьковое соединение. Но что я в свои семь лет мог знать о штырьковом соединении! Я просто очень расстроился и

был почти в отчаянии. Хуже всего было то, что мой папа на две недели ушел в море по делам Береговой охраны и никак не мог мне помочь. А так как я не знал никаких трюков в духе Марио для того, чтобы недели без отца шли быстрее, эту штуку я решил починить самостоятельно. Если бы у меня что-нибудь тогда получилось, папа, я точно знаю, был бы приятно удивлен. Я отправился в гараж, чтобы взять его серый ящик с инструментами.

Я решил: чтобы выяснить, что произошло, нужно прежде всего разобрать штуковину. По сути, я просто копировал или пытался копировать все те действия, которые совершал мой отец, когда он сидел за кухонным столом и разбирал видеомагнитофон или кассетник (оба бытовых прибора, на мой взгляд, наиболее близко напоминали консоль Nintendo). Чтобы разобрать консоль, мне понадобился примерно час с небольшим. Своими неловкими и слишком маленькими ручонками я откручивал крестообразные винты Филипса, пользуясь плоской отверткой, но кое-как у меня это получилось.

Снаружи консоль выглядела скучной и монотонно серой, но внутри представляла собой разноцветный лабиринт. Казалось, что настоящая радуга из ярких проволочек, серебряные и золотые блестки высовывались из зеленой, как трава, монтажной схемы. Я что-то на ней подкрутил, что-то ослабил – наугад, конечно, – и снова как следует подул. И на всякий случай протер бумажным полотенцем. Потом мне снова пришлось дуть на панель, на этот раз чтобы удались кусочки бумаги, которые зацепились за то, что, как я теперь знаю, называется «штыри».

Коль скоро я закончил чистку и ремонт устройства, настало время его собрать по новой. Но наша «Золотая лаборатория», «Сокровищница уюта», должно быть, проглотила один из винтиков, а может, он затерялся где-нибудь на мягком ковре или под кушеткой. И я, должно быть, не поставил все детали на прежние места, потому что они с трудом влезали в консоль. Верхняя крышка не надевалась, я стал запихивать детали, как будто хотел закрыть битком набитый чемодан. Наконец крышка плотно стала на место, но только с одного бока. С другой стороны содержимое выпирало, и когда я запихивал его внутрь, крышка защелкивалась, но зато отскакивала с противоположной стороны. Я попробовал так и эдак еще какое-то время, а после сдался и включил устройство в сеть.

Нажал кнопку питания – ничего. Нажал *Reset* – снова ничего. Других кнопок на консоли не было. До моего ремонта около кнопок горели ярко-красные огоньки, а теперь и тут все словно умерло. Консоль стала кривобокой и бесполезной, а сам я

испытывал приступ страха и чувство вины.

Отец вернулся из своего рейса Береговой охраны, и не скажу, чтобы он был ужасно горд за меня – даже чуть не набросился на меня, как злой Гумба. Но я испугался не столько его гнева, сколько разочарования. Для своих товарищей по работе отец был инженером, специализировавшимся по радиоэлектронному оборудованию. Для меня он был знатоком и мастером по ремонту домашней техники, который мог починить все что угодно: розетки, посудомоечные машины, водонагреватели и кондиционеры. Я всегда помогал ему, если он разрешал, и, работая вместе с ним, я познал и удовольствие от физического труда, и первые интеллектуальные радости, связанные с основами механики наряду с основными принципами электроники. Я научился видеть разницу между напряжением в сети и силой тока, мощностью и сопротивлением. Всякий раз, когда мы с ним брались за ремонт какой-нибудь вещи, наша работа завершалась либо успехом – либо взрывом негодования. Вконец загубленный прибор отец швырял в дальний угол, и в дальнейшем тот пропадал в картонном ящике вместе с другими вещами, «не подлежащими восстановлению».

Когда отец, возвратившись из похода, обнаружил, что я наделал с NES, то, к моему удивлению, он не был очень сильно зол. Правда, не был особенно доволен тоже, но отнесся к моей неудаче терпимо. Он объяснил, что ошибка произошла уже на этапе, когда следовало определить, что и почему пошло не так, а это до последних мелочей так же важно, как и понять, какая деталь прибора полетела. Если разберешься, что и как, это поможет избежать похожей поломки в будущем. Он по очереди показал каждый компонент внутреннего устройства консоли, не только рассказав, что это, но и как оно работает, и как взаимодействует с остальными деталями для обеспечения правильной работы устройства в целом. Только проанализировав механизм как совокупность отдельных деталей, ты можешь определить, насколько он подходит для выполнения определенных задач. Если прибор был сконструирован удачно, но просто забарахлил, ты его чинишь. Если нет, ты должен внести изменения в его работу и постараться усовершенствовать конструкцию. Таков единственно правильный подход к ремонту, по мнению моего отца, и тут не было ничего чрезмерного. Фактически так ты обнаруживал, ответственно ли ты относишься к технике.

Как и все уроки моего отца, этот имел широкое применение далеко за пределами наших непосредственных задач. В конечном счете то был урок о принципах «доверия к себе», о котором, как

заметил отец, Америка часто забывала – в период между его детскими годами и моими. Сегодня нам проще и дешевле заменить поломанную машину новой моделью, нежели собирать все запчасти и размышлять, как самому их установить. Уже один этот факт гарантировал технологическую тиранию – не по вине самой техники, но из-за невежества всякого, кто изо дня в день пользовался ею и при этом отказывался ее понимать. Отказываясь от знания базовых операций и порядка обслуживания оборудования, от которого зависим, мы приходим к пассивному принятию этой тирании и принятию ее условий. Когда твое оборудование работает, ты тоже работаешь. Если оно выходит из строя, ты тоже выходишь из строя: то, чем ты владеешь, начинает владеть тобой.

Как выяснилось, я поломал спаянное соединение, но, чтобы понять, какое именно, отец захотел провести специальный тест в лаборатории при береговой пограничной базе. Думаю, он мог бы принести все, что для этого нужно, к нам домой. Но вместо этого он взял меня на работу. По-моему, он просто хотел показать мне лабораторию. Он решил, что я уже созрел для этого.

Но он ошибался. Нигде я не был под таким сильным впечатлением. Даже в библиотеке. Даже в радиорубке торгового центра Линнхейвен Молл. Мне запомнилось множество экранов. В лаборатории было сумрачно и пусто. Стандартный бежево-белый цвет государственного учреждения. Но еще до того, как папа включил свет, меня невольно ошеломило зеленоватое электрическое свечение. *Почему здесь так много телевизоров?* – первая моя мысль. И тут же вторая: *И почему они все настроены на один и тот же канал?* Папа объяснил, что это не телевизоры, а компьютеры. Хотя я слышал это слово и раньше, я не понимал, что оно значит. Сперва я решил, что экраны, то есть мониторы, – это сами компьютеры и есть.

Отец продолжал мне их показывать один за другим, пытаясь объяснить, что они делают: вот этот производит радиосигналы, этот – посылает радиоволны, а еще один – это симулятор электронной бортовой системы воздушного судна. Не буду врать, будто я понял хотя бы половину всего этого. Те компьютеры превосходили все, что можно было найти в частном секторе, далеко опережая то, что было в быту – и что я мог себе представить. Конечно, их процессоры запускались целых пять минут, дисплей поддерживал только один цвет, у них не было устройств, чтобы воспроизводить речь или музыку. Но эти недостатки только подчеркивали их профессиональную серьезность.

Отец усадил меня в кресло, подняв его так, чтобы я мог

дотянуться до столешницы и большой пластмассовой штуки, которая на нем лежала. Впервые в жизни я видел перед собой клавиатуру. На своем Commodore 64 папа никогда не допускал меня к клавиатуре. Мой досуг у экрана ограничивался только видеоиграми с консолями, имевшими рычажки для управления всего лишь несколькими отдельными действиями. Здесь же не было ни рычажков, ни джойстика, ни пистолета… Это устройство представляло собой поверхность из пластмассы с аккуратными рядами клавиш, на которых виднелись буквы и цифры. Но буквы были выстроены в ином порядке, чем тот, что я изучал в школе. Первой с краю была не A, а Q. За ней шли W, E, R, T и Y. По крайней мере, цифры стояли в том порядке, как я их выучил.

Папа сказал, что каждая клавиша на клавиатуре имела смысл – каждая буква, каждая цифра – и все их сочетания также! И точно так же, как с рычажками на консоли или джойстиком, ты мог творить чудеса с их помощью. Чтобы мне это продемонстрировать, он перегнулся над моим плечом, набрал команду и нажал кнопку *Enter* – «Ввод». Что-то появилось на экране – как я понимаю теперь, текстовой редактор. Потом папа написал на самоклеющемся листочке несколько букв и чисел и сказал, чтобы я их напечатал, пока он будет заниматься поломанным Nintendo.

Когда он отошел, я начал повторять написанное на листочке, нажимая на клавиши. Леворукий малыш стал действовать как правша – этот способ мгновенно показался мне самым естественным из всех прочих способов писать.

```
10 input «Как тебя зовут?»; name$
20 print «Привет,» + name$ + «!»
```

Вам все это кажется простым, но вы – не маленький мальчик, каким тогда был я. Я был мальчиком с толстенькими, короткими пальцами, не знавшим даже, что такое кавычки, не говоря уже о том, что надо было нажать кнопку *Shift*, прежде чем их напечатать. После многократных усилий и ошибок я все-таки закончил файл. Нажал «Ввод» – и вдруг компьютер задал мне вопрос: *«Как тебя зовут?»*

Я был потрясен. Больше ничего не говорилось, что мне делать, поэтому я решил ответить и вновь нажал на уже хорошо знакомую кнопку «Ввод». *«Привет, Эдди!»* – всплыло вдруг радиоактивной зеленой вспышкой поверх темного экрана.

Так состоялось мое вступление в программирование и информатику на самом общем уровне. Урок про то, что эти машины делают то, что они делают, потому что кто-то сказал им

это делать – очень особым и очень бережным способом. И этому «кому-то» может быть только семь лет от роду!

Я тут же понял все недостатки игровых систем. В них было тесно по сравнению с компьютерными. Nintendo, Atari, Sega – все они привязывали вас к мирам и уровням, где можно было идти вперед, даже побеждать, но ничего нельзя было изменить. Отремонтированная консоль Nintendo вернулась в «берлогу», где мы с папой вдвоем состязались в *Mario Kart, Double Dragon* и *Street Fighter*. Вскоре я уже перегнал отца во всех этих играх (первый случай, когда я мог в чем-то с ним поспорить!). Но очень-очень часто я еще позволял ему одержать надо мной победу. Мне не хотелось, чтобы он считал меня неблагодарным.

Я не считаю себя прирожденным программистом и не особенно силен в этом деле. Но все-таки за последнее десятилетие или около того я вырос и стал опасен. По сей день процесс мне кажется волшебством: пишешь команды на всех этих странных языках, которые процессор переводит в реальность, доступную не только мне, но всем и каждому. Я был поражен тем, что один отдельно взятый человек может программировать что-то универсальное, что не связано никакими законами и правилами, никакими инструкциями, за исключением тех, что сводятся к причине и следствию. Есть четкое логическое взаимодействие между тем, что вводишь и что в итоге получаешь. Если мой ввод был неверен, неверным будет и результат на выходе. Никогда прежде я не сталкивался с чем-то настолько согласованным и честным, столь недвусмысленно непредвзятым.

Компьютер способен до бесконечности дожидаться моей команды, и он выполнит ее незамедлительно, стоит мне только нажать клавишу «Ввод». Без лишних вопросов. Ни один учитель не бывает столь терпеливым – и столь отзывчивым. Нигде и никогда я не чувствовал себя – в школе или даже дома – до такой степени уверенным в себе. То, что безупречно написанный набор команд будет безупречно выполняться – раз за разом, показалось мне (как и многим сообразительным, имеющим технические склонности детям миллениума) единственной надежной и спасительной истиной нашего поколения.

Белтвей

Помню, каким я был застенчивым к своему девятому дню рождения, когда наша семья переехала из Северной Каролины в Мэриленд. К моему удивлению, оказалось, что мое имя шло впереди меня. «Сноуден» то и дело можно услышать по всему округу Анн-Арандел, где мы тогда поселились, хотя я еще долго не мог понять, почему.

Ричард Сноуден был британским майором, который появился в провинции Мэриленд в 1658 году в полной уверенности, что гарантии религиозных свобод, обещанных лордом Балтимором католикам и протестантам, распространятся также и на квакеров. В 1674 году к Ричарду присоединился его брат Джон, который согласился покинуть Йоркшир с тем, чтобы сократить срок тюремного заключения по приговору за приверженность движению квакеров[21]. Когда парусный корабль Уильяма Пенна[22] под названием «Добро пожаловать» поднялся в 1682 году вверх по реке Делавэр, Джон был одним из немногих европейцев, кто приветствовал его прибытие.

Три внука Джона поступили на службу в Континентальную армию во время Войны за независимость. Квакеры были пацифистами. В своих общинах они порицали участие в боях за независимость, однако их совесть требовала пересмотра пацифистских взглядов. Уильям Сноуден, мой прямой предок по отцу, дослужился до капитана, был взят британцами в плен при штурме форта Вашингтон под Нью-Йорком и умер в заключении, в одной из тюрем на острове Манхэттен, печально известной как «сахарный завод» (молва гласила, будто британцы убивали военнопленных, подсыпая им в еду толченое стекло). Жена Уильяма Сноудена Элизабет, урожденная Мур, была неоценимым консультантом генерала Вашингтона и матерью следующего Джона Сноудена – политика, историка и газетного издателя в Пенсильвании, чьи потомки забрались глубже на юг и расселились в Мэриленде промеж владений своих родичей Сноуденов.

Округ Анн-Арандел охватывает почти все 1976 акров[23] покрытых лесами земель, которые король Карл II пожаловал в 1686 году семье Ричарда Сноудена. Тот основал литейное предприятие Патаксент, одно из важнейших в колониях, производившее ядра и пули, и положил начало плантации Сноуден, с молочной фермой и маслодельней, которыми управляли внуки Ричарда Сноудена. Отслужив в войсках Мэриленда в составе Континентальной армии, они возвратились

на плантацию и совершенно в духе принципов независимости освободили 200 чернокожих рабов – почти за столетие до Гражданской войны.

В наше время бывшие сельскохозяйственные земли Сноуденов разрезаны пополам дорогой Сноуден Ривер Парквей. Это нагруженный участок коммерческой магистрали с большим количеством престижных ресторанов и автосалонов. Ближайшая автострада Патаксент – Трасса 32 ведет прямиком к Форт-Мид, второй по значению в стране авиабазе и центру АНБ. Так получилось, что сам Форт-Мид построен на землях, некогда принадлежавших моим родственникам Сноуденам, либо приобретенных у них (по одной версии), либо (согласно иным версиям) – экспроприированных правительством США.

Я к тому времени, как мы туда переехали, ничего об этой истории не знал, а родители шутили, что имена на дорожных знаках меняются всякий раз, как кто-то переезжает в Мэриленд на жительство. Им все это казалось забавным, но я был отчаянно напуган. Округ Анн-Арандел находится всего в 250 милях[24] от Элизабет-сити, если ехать по шоссе I-95, но мне чудилось, будто я попал на другую планету. Мы променяли тенистые аллеи у реки на бетонированные дорожки, а школа, где я был популярен и успешен в плане успеваемости, сменилась другой, где меня дразнили из-за моих очков, моего равнодушия к спорту и, самое главное, моего тягучего южного акцента, по причине которого в классе меня считали умственно отсталым.

Я так тяжело переживал за свое произношение, что вообще перестал разговаривать в классе, до тех пор пока не стал говорить «нормально» или хотя бы перестал называть место своего позора – класс английского языка с певучими, растянутыми гласными – «в кла-ассе». И не заявлять на потеху всем, что порезал бумагой «па-алец». Как бы то ни было, все это время я боялся говорить свободно, оценки мои упали ниже некуда, и кое-кто из учителей решил подвергнуть меня IQ-тестированию для диагностики предполагавшейся «необучаемости».

Когда отметки «встали на место», не помню, чтобы кто-то принес извинения. Разве что последовала пачка факультативных заданий. Более того, те же учителя, что сомневались в моей способности учиться в школе, теперь ополчились против моего вновь обретенного желания высказаться.

Мой новый дом стоял на Белтвее. Это название обычно относят к Interstate 495, трассе, которая проходит вокруг столицы, города Вашингтона. Но сейчас в понятие Белтвей входит и обширный спальный район в окрестностях столицы, простирающийся от Балтимора, штат Мэриленд, до Куантико,

Виргиния. Обитатели этих предместий, за небольшим исключением, либо служат в правительственных учреждениях США, либо работают на одну из компаний, каким-то образом взаимодействующих с правительством США. А других, говоря простым языком, причин находиться здесь, в общем-то, и нет.

Мы жили в Крофтоне, штат Мэриленд, на полпути между Аннаполисом и Вашингтоном, у западной границы округа Анн-Арандел, где все жилые комплексы с виниловым сайдингом воплощают стиль федералистов, а улицы носят причудливые, «ста-аромодные» названия: Крофтон Таун, Крофтон Мьюз, Презерв, Райдингс…

Сам Крофтон спроектирован как жилой район, вписанный в природные извивы Крофтонского загородного клуба. Если посмотреть на карту, увидишь нечто, сильно напоминающее изображение человеческого мозга: улицы вьются и закручиваются в точности, как мозговые извилины. Наша улица называлась Найтсбридж Турн – петлистая и просторная, с разноуровневыми домами, широкими подъездными дорогами и гаражами на две машины. Дом, в котором мы поселились, был седьмым от края «завитка» и седьмым, если считать от другого края, то есть он стоял как раз посередине. У меня появился 10-скоростной велосипед «Хаффи», на котором я развозил «Капитал», достопочтенную газету, издаваемую в Аннаполисе. Со временем доставка газеты становилась все более чреватой всякими неожиданностями, особенно зимой, особенно между Крофтон Парквей и Маршрутом 450, который, проходя близ нашего квартала, носил другое название – Военно-автомобильная дорога.

У моих родителей в то время было много поводов для волнений. Для них Крофтон был ступенькой вверх как в финансовом, так и в социальном плане. Улицы, почти полностью безопасные по части криминала, были обсажены деревьями. Мультикультурное, мультирасовое, многоязычное население, отражавшее все многообразие дипломатического корпуса и разведывательного сообщества, проживавшего здесь, было хорошо обеспеченным и хорошо образованным. Наш дворик был фактически полем для гольфа с теннисными кортами за углом, а чуть подальше находился бассейн олимпийских размеров.

Расстояние до места работы также было идеальным. У отца уходило минут сорок, чтобы добраться до места службы – он был старшим уоррент-офицером[25] в главном управлении авиационно-технического штаба Береговой охраны, который в то время располагался в Баззард-Пойнте в южном Вашингтоне, по соседству с Фортом Лесли Макнейр. А маме нужно было всего двадцать с чем-то минут, чтобы доехать до ее новой работы в

АНБ, чьи кубические футуристские здания с куполами антенн, покрытые блокирующей коммуникационные сигналы медью, образовывали сердцевину Форт-Мида.

Никак не могу объяснить посторонним: подобное трудоустройство было типичным. Наши соседи слева работали в Министерстве обороны, соседи справа – в Министерстве энергетики и Министерстве торговли. Какое-то время у каждой девочки, к которой я неровно дышал, папа оказывался сотрудником ФБР. Форт-Мид был просто местом, где работала моя мама наряду со ста двадцатью пятью тысячами других сотрудников, из которых примерно сорок тысяч проживали поблизости от места работы вместе с семьями. База была домом для более чем ста пятнадцати правительственных учреждений вдобавок к военнослужащим, представлявшим все пять родов войск.

Если смотреть шире, то среди населения округа Анн-Арандел, свыше полумиллиона человек, каждый восьмисотый работал на почте, каждый тридцатый – в системе среднего образования, а каждый четвертый – работал или служил – на предприятии, в учреждении или отрасли, так или иначе связанными с Форт-Мид. На базе имелись собственные почты, школы, полицейские участки и пожарные команды. Местная детвора, военная да и гражданская молодежь ежедневно собирались на базе, чтобы упражняться в гольфе, теннисе и плавании. И хотя мы жили за ее пределами, моя мама отоваривалась там продуктами, запасаясь впрок большими партиями необходимых товаров. Также она пользовалась преимуществами местного «военторга», универсального магазина, делая продуманные и важные покупки – например, свободные от налогообложения вещи для нас с сестрой, так как мы все время вырастали из одежды. Наверное, будет лучше, если читатель, не выросший в этой среде, представит себе Форт-Мид и его окрестности, если не весь Белтвей в целом, как один громадный, развивающийся со своими взлетами и падениями городок при одном учреждении, наподобие Кремниевой долины. Разве что его продуктом была бы не технология, а правительство как таковое.

Я должен еще добавить, что родители имели допуск к совершенно секретной работе, но мама вдобавок еще прошла от и до проверку на полиграфе. Это проверка на безопасность более высокого уровня, которой члены семей военнослужащих обычно не подвергаются. Самое забавное, но мама меньше всего подходила на роль шпионки. Она была канцелярским служащим независимой ассоциации по страхованию, которая сотрудникам АНБ – собственно говоря, шпионам – составляла планы их выхода

в отставку. И все-таки, чтобы оформлять пенсионные дела, она проходила проверку, как будто ей предстояло спуститься на парашюте в джунгли для подготовки политического переворота.

Карьера моего отца остается непрозрачной для меня и по сей день, причем в моей неосведомленности нет ничего ненормального. В мире, в котором я рос, не говорили о служебных делах – ни с детьми, ни друг с другом. И это правда, что многим взрослым в моем окружении закон запрещал обсуждать подробности своей работы даже в семье. Но, на мой взгляд, более точное объяснение лежит в технической природе самой деятельности и в настойчивом требовании правительственных органов об ограничении информированности сотрудников рамками их служебных обязанностей. Технические специалисты редко – если вообще когда-либо – стремятся переходить к более широким обобщениям или практическим выводам из тех исследований, которыми они занимаются в служебное время. Причем работа, которая их поглощает, требует столь специализированных знаний, что разговор о ней на барбекю с друзьями закончится тем, что тебя больше не пригласят в другой раз – до такой степени это не интересно другим.

Задним числом предполагаю, что, возможно, именно это и привело нас на новое место жительства.

Американский Онлайн

Вскоре после того, как мы переехали, отец купил наш первый настольный компьютер Compaq Presario 425, розничная цена которого была 1399 долларов. Но он приобрел его на распродаже подержанного армейского оборудования, а поставил сначала – к огорчению мамы – прямо посередине обеденного стола. С того момента, как комп оказался в доме, мы с ним были неразлучны. Если и до этого я не особенно рвался из дому пинать мяч в окрестностях, то теперь сама мысль об этом казалась нелепой. Не было вне стен дома ничего более привлекательного, чем то, что я находил внутри этого несоразмерного грязновато-серого «клона» персонального компьютера, у которого по тем временем был невероятно быстрый 25-мегагерцовый процессор Intel 486 с неистощимым жестким диском на 200 Мб. А еще, заметьте, у него был цветной 8-битный монитор, а это, дабы быть точным, означает, что он мог передавать 256 различных цветов. (То, что сейчас имеется у вас, наверняка способно передавать миллионы оттенков!)

Мой Compaq стал моим бессменным другом, новообретенным собратом, первой любовью. Он вошел в мою жизнь в том самом возрасте, когда впервые открываешь свое независимое «я» и множественность миров, которые одновременно сосуществуют в этом мире. Процесс открытий был настолько волнующим, что я принимал его без доказательств и даже не замечал, по крайней мере первое время, свою семью и ту частную жизнь, которая тогда у меня уже была. Говоря другими словами, я переживал в то время все муки пубертата. Но то был технологизированный пубертат, а громадные перемены, которые из-за него происходили во мне, в известном отношении происходили повсюду, с каждым.

Родители напоминали, что мне пора идти в школу, но я их не слышал. Меня окликали, чтобы я шел обедать, но я делал вид, что не слышу. И всякий раз, когда мне напоминали, что компьютер у нас общий, а не мой персональный, я покидал свое место возле него со страшной неохотой, уступая папе, маме или сестре. Они часто требовали, чтобы я вышел из комнаты, так как я задумчиво висел у них над плечом и начинал давать советы – подсказывал сестре макросы и комбинации клавиш для работы с текстовыми файлами или делился с родителями опытом по электронным таблицам, когда они садились рассчитывать налоги.

Я все время их подгонял, чтобы поскорей вернуться к тому, что было для меня гораздо важнее всего остального, например к игре *Loom* («Ткацкий станок»). Поскольку технологии далеко

ушли вперед, игры типа пинг-понга и вертолетиков, в которые играл мой папа на своем теперь уже безнадежно отставшем от жизни Commodore, уступили место приспособлениям, основанным на истине, что в душе каждого компьютерного пользователя скрывается читатель, существо, которому мало ощущений – ему хочется сюжетов. Простенькие игры моего детства на Nintendo, Atari и Sega со своими линейными сюжетами (вот пример, действительно имевший место) типа «спасения президента США от воинов ниндзя» окончательно сдались перед детализированными переосмыслениями античных историй вроде тех, что я пролистывал, лежа на ковре в бабушкином доме.

Loom – это рассказ об Обществе ткачей, чьи старейшины (их имена Клото, Лахесис и Атропос, как у греческих Прях – богинь судьбы), создали волшебный ткацкий станок, который правит судьбами мира, или, говоря словами сценария самой игры, вплетает «тончайшие узоры влияния в саму ткань реальности». Когда подросток открывает для себя силу станка, он принужден к изгнанию. Хаос закручивает его существование в спираль, и это будет продолжаться до тех пор, пока мир не решит, что тайная машина судьбы – не такая уж и чудесная идея.

Невероятно, да. Но тем не менее это всего лишь игра.

И все же от моего внимания не укрылось, даже в столь юном возрасте, что упомянутая в заглавии игры машина – это символ таких компьютеров, как тот, на котором я в тот момент играл. Нити ткацкого станка всех цветов радуги были в точности как внутренние проводочки всех цветов радуги в компьютере, а длинный серый провод, который предсказывал неопределенное будущее, выглядел как длинный серый телефонный провод, что тянулся от задней стенки компьютера и соединял его с огромным, обширным внешним миром. В этом для меня открывалась истинная магия: с этим проводом, расширительной платой Compaq и модемом, посредством телефонной линии я мог подсоединиться к чему-то совсем новому – что называлось Интернет.

Читатели, которые родились уже в новом тысячелетии, вряд ли поймут мое тогдашнее состояние, но поверьте: для меня выход в Интернет казался каким-то чудом. Сейчас установление соединения принимается как данность. Смартфоны, ноутбуки, персональные компьютеры – все соединяется, постоянно. Соединяется, но с чем конкретно? Как? Не важно. Просто нажмите значок, который ваши предки называют «кнопкой Интернета» – и все тут как тут: новости, доставка пиццы, музыка и стриминговые фильмы, как мы называли телевидение и кино. А мы в свое время, приходя из школы, вставляли наш модем в

стенную розетку своими мужественными двенадцатилетними ручонками!

Не скажу, чтобы я точно знал, что такое Интернет или каким именно образом происходило соединение, но я точно понимал всю его чудодейственность. Потому что в те годы, давая компьютеру команду о связи с Интернетом, вы запускали целый процесс бибикания и шипения, как если бы змеи попали в дорожную пробку. После чего (а ждать приходилось чуть ли не всю жизнь или по крайней мере несколько минут) можно было взять любой другой телефон из имевшихся в доме и реально услышать, *как разговаривают компьютеры*. Конечно, вы не понимали, что они говорят друг другу, ведь они разговаривали на своем машинном языке, посылая 14 тысяч символов в секунду. Но даже при этом непонимании вам становилось ясно, что телефоны существуют не только для того, чтобы звонить сестренкам одноклассников.

Доступ в Интернет и появление Всемирной паутины стали для моего поколения подлинным Большим взрывом, зарождением новой вселенной. Это событие безвозвратно поменяло весь ход моей жизни, как и жизни всех остальных. Лет с двенадцати я был занят тем, что планировал следующий выход в Сеть. Интернет стал убежищем, а Веб заменил мне детскую площадку с турниками – «джунглями», шалаш на дереве, крепости – и стал классной комнатой без стен. Насколько это было возможно, я вел еще более сидячий образ жизни. Насколько это было возможно, я стал еще бледнее. Постепенно я вообще перестал спать ночами, а вместо этого днем спал на уроках. Мои отметки покатились вниз.

Тем не менее я не переживал по поводу своих академических неудач и мои родители вроде бы тоже. Если на то пошло, образование, которое я получал онлайн, представлялось лучшим и даже более в плане моей будущей карьеры, чем что бы то ни было, предлагаемое школой. По крайней мере я не уставал твердить об этом маме и папе.

Мое любопытство было таким же безграничным, как и сам Интернет – беспредельное пространство, разраставшееся по экспоненте, добавлявшее веб-страницы каждый день, каждый час, каждую минуту по вопросам, о которых раньше я ничего не слышал. Но в тот самый момент, когда я слышал о проблеме, у меня возникало ненасытное желание разобраться до последних частностей, не останавливаясь, не отвлекаясь на еду или малую нужду, не делая никаких перерывов! Мой аппетит не ограничивался серьезными техническими проблемами вроде «как починить CD-привод» – конечно, нет! Я проводил много времени на игровых сайтах, разыскивая игровые чит-коды для игр Doom и

Quake. Но в то же время я был так ошеломлен самим количеством информации, доступной как данность, что не уверен, понимал ли, где кончается одна тема и начинается другая. Интенсивный курс, как построить собственный компьютер, вел к другому – об архитектуре процессора, с попутным экскурсом в информацию о боевых искусствах, огнестрельном оружии, спортивных машинах и (выдавая тебя с головой) – в «мягкое» и готическое порно.

Временами у меня возникало чувство, что я должен знать все, и я не собирался сдаваться, пока этого не добьюсь. У меня была как бы гонка с технологиями, наподобие той, какая бывает у мальчишек-тинейджеров, которые состязаются, кто вырастет самым высоким или у кого раньше начнут расти усы. В школе меня окружали ребята, некоторые – из других стран, и им очень хотелось «вписаться» в окружение, они тратили массу усилий, чтобы казаться крутыми, чтобы соответствовать популярным брендам. Но достать последнюю шапку NO FEAR и научиться подворачивать ее поля – это все детские игры, буквально – *детские игры* – по сравнению с тем, чем я занимался. Мне до такой степени важно было быть на одном уровне со всем этими сайтами и практическими руководствами, которым я следовал, что я стал отсылать родителей обратно, когда они – в ответ на табель с отметками ниже некуда или оставление после уроков – гнали меня прочь поздно вечером от компьютера накануне школьных занятий. Я бы не перенес, если б мои привилегии у меня были отняты. Меня мучила мысль, что каждое мгновение, пока я не в Сети, там появляются новые и новые темы, которые я пропущу. После неоднократных родительских предупреждений и угроз отлучения от компьютера я в конце концов шел на попятную и распечатывал на матричном принтере файл, который читал на экране, и брал с собой странички для чтения в постели. Чтение печатной копии продолжалось до тех пор, пока мои родители сами не лягут в постель. Тогда я на цыпочках проходил в темноту, осторожно трогая скрипучую дверь, и поднимался по обветшалым ступенькам. Я не зажигал света и, ориентируясь по слабому свечению на экране, «будил» компьютер и входил в Интернет, сидя с подушкой около машины, чтобы заглушить звуки набора модема и все усиливающийся шум соединения.

Как объяснить все это тому, кто не был там? Мои читатели младшего возраста, с иными, более молодежными мерками, могут подумать, что нарождавшийся Интернет был слишком медленным, нарождающаяся Паутина – малопривлекательной и не очень развлекательной. Вовсе нет. Тогда быть в Сети означало другую жизнь, которая многими расценивалась как отдельная, отличная от «реальной жизни». Виртуальное и актуальное еще не

слились воедино. И каждый отдельно взятый пользователь мог сам для себя определить, где кончалось одно и начиналось другое.

Это и было самым привлекательным в Интернете: свобода вообразить что-нибудь совершенно новое, свобода начать сначала. И если Web 1.0 был не очень удобным в использовании и по части дизайна, то он восполнял многие недостатки тем, что подвигал на эксперименты и, следовательно, на оригинальность самовыражения. Типичный сайт на веб-хостинге GeoCities, к примеру, мог иметь мигающий синим и зеленым цветами фон и текст, белый шлейф которого разворачивался посреди экрана как пояснительные титры – «Сначала прочтите это!» – под «гифкой» с танцующим хомяком. Но для меня все эти образцы «народного творчества» означают, что руководящий интеллект, стоящий за сайтом, был глубоко человечен и неповторим. Профессора информатики и специалисты по системотехнике, подрабатывающие втихую на стороне, английские авторитеты и страдающие одышкой, живущие в цокольных этажах диванные политэкономы были несказанно рады поделиться своими исследованиями и убеждениями – и не ради денежного вознаграждения, а просто для того, чтобы привлечь новых сторонников. Касались ли их идеи PC или Mac, макробиотического питания или борьбы за отмену смертной казни – мне все было интересно, потому что там был энтузиазм. Со многими из этих странных и блестящих людей можно было контактировать, и они с явным удовольствием отвечали на мои вопросы через формы («Кликните на эту гиперссылку или скопируйте и вставьте ее в свой браузер») и адреса электронной почты (@usenix.org, @frontier.net), представленными на их сайтах.

С приближением нового тысячелетия мир Интернета будет все больше становиться централизованным и консолидированным, а правительство и бизнес будут стараться все больше вмешиваться в то, что изначально буквально связывало людей «друг с другом», «равного с равным». Но на короткий и прекрасный отрезок времени – тот, который, на мое счастье, почти полностью совпал с моим отрочеством, – Интернет был в основном сделан о людях, людьми и для людей. Его целью было просвещать, а не выколачивать деньги. Им временно руководил набор постоянно меняющихся коллективных норм, а не эксплуататорских, принудительных в глобальном масштабе «условий оказания услуг». По сей день я считаю, что «онлайн девяностых» был и остается самым приятным и самым удачным опытом анархии, какой мне только довелось пережить.

Особенно я втянулся в электронные доски объявлений Би-би-

эс[26]. В них ты мог выбрать себе имя пользователя и набрать любое сообщение, какое ты хотел отправить, либо добавив его к уже существующей группе дискутирующих, либо положив начало своей ветке. Все до одного письма, ответившие на твой пост, будут организованы в цепочку. Вообразите самую длинную цепочку электронных писем, в которой вы были, но только у всех на виду. Также были еще чат-клиенты, например Internet Relay Chat[27], которые приносили моментальное удовлетворение от обмена мгновенными – а не с задержкой – сообщениями. В них вы могли обсуждать любую тему практически в реальном времени, как в разговоре по телефону, прямому радио- и телеэфиру.

Большинство моих сообщений и чатов посвящались поискам ответов на имевшиеся у меня вопросы о том, как построить собственный компьютер. Ответы, которые я получал, были столь продуманные и обстоятельные, столь великодушные и добрые, что сегодня невозможно даже представить что-нибудь подобное. Когда я в панике искал ответ, почему такой-то чипсет, на который я накопил из карманных денег, был вроде бы несовместимым с материнской платой, полученной в подарок на Рождество, я получил пояснения из двух тысяч слов и советы от профессионального, штатного компьютерного специалиста, жившего на другом конце страны. Не списанный из какой-нибудь инструкции, этот ответ был составлен персонально для меня, чтобы решить мои проблемы, шаг за шагом, пока я полностью с ними не разберусь. Мне было двенадцать лет, а мой партнер по переписке был взрослым, далеким незнакомцем. И все же он обращался со мной как с равным – по той причине, что я проявил уважительный интерес к технологии. Я объясняю эту любезность, столь далекую от сегодняшнего общения в социальных сетях, высокой интеллектуальной планкой участников того времени. В конце концов единственными людьми на этих чатах были только те, кто там мог быть, – кто хотел этого очень сильно, кто обладал профессионализмом и любовью к профессии, потому что Интернет девяностых требовал не «один клик». Чтобы войти в систему, требовались значительные усилия.

Однажды на одной доске объявлений, где я сидел, попытались организовать встречу ее участников, так сказать, «во плоти» – в Федеральном округе Колумбия, в Нью-Йорке и в Лас-Вегасе на Международной выставке потребительской электроники. После длительных и довольно настойчивых уговоров принять участие – с обещанием оригинальных вечеров с закуской и выпивкой – я наконец открыл, сколько мне лет. Я испугался, что кто-то из моих собеседников перестанет со мной общаться, но вместо этого они стали даже еще дружелюбнее. С

электронной ярмарки мне была послана самая свежая информация и картинки из каталога. Один парень предложил переправить мне запчасти от бывшего в употреблении компьютера – через всю страну и притом бесплатно.

Я мог рассказывать своим виртуальным собеседникам, сколько мне лет, но я никогда не называл им своего имени, потому что самой большой радостью как раз таки было то, что на подобных платформах я не был тем, кто я есть. Я мог быть кем угодно. Такие черты, как анонимность и свобода в выборе псевдонима, помогают поддерживать равновесие в общении, корректируя реальный дисбаланс между собеседниками. Я мог укрыться фактически за любым прозвищем – или «ником», как их называли, и быть старше, выше, мужественнее, стать улучшенной версией себя. У меня могло даже появиться много разных «я». Я пользовался этим, задавая самые дилетантские, как чувствовал сам, вопросы, на форумах, которые я сам считал дилетантскими, каждый раз представляясь иной персоной. Мои компьютерные умения совершенствовались так прытко, что, вместо того чтобы гордиться своими успехами, я чувствовал беспокойство из-за моей прежней безграмотности и хотел дистанцироваться от былых ошибок. Я решил откреститься от своих старых «я» и говорил себе, что squ33ker был до того туп, задавая тот вопрос про чипсет тогда, давным-давно, в прошлую среду.

При всей этой кооперативной, коллективистской культуре свободных сообществ не буду делать вид, будто конкуренция не была беспощадной или что обитатели чатов, почти поголовно мужской пол, гетеросексуальный, измученный гормонами, – время от времени не скатывался к жестоким и мелочным ссорам. Однако ввиду отсутствия реальных имен люди, которые вас ненавидят, – тоже ненастоящие. Они не знают ничего о вас помимо предмета вашего спора и вашего метода ведения этого спора. Если, а точнее когда, один из ваших аргументов вызовет приступ сетевого гнева, вы можете просто отказаться от данного ника и придумать себе иную маску, под прикрытием которой вы сможете также влезть в эту мимикрическую «кучу малу» и поколотить вашего отброшенного аватара, как будто он вам никогда не принадлежал. Нет слов, чтобы рассказать, какое глубокое облегчение это порой приносило!

В 1990-х Интернету еще только предстояло стать жертвой величайшего беззакония в истории цифровых технологий: движения правительства и бизнеса к установлению реальной идентичности, настолько точному, насколько возможно, у виртуальных персон. Раньше дети, которые привыкли заходить в

Сеть, изрекая там глупейшие вещи, не обязаны были в дальнейшем отвечать за это. Это может не казаться вам благоприятнейшим местом, где можно провести детство, но на самом деле именно такой Интернет – *самая благополучная* среда, в которой только можно вырасти. Я имею в виду, что диссоциативные возможности раннего Интернета в самом деле подвигали меня и представителей моего поколения менять наши убеждения, вместо того чтобы сопротивляться и защищать их, когда на них нападают. Эта способность воссоздавать себя заново означала, что мы никогда не закроем разум по причине того, что раз и навсегда выбрали сторону, сомкнули ряды – из страха нанести непоправимый вред своей репутации. Ошибки, которые мгновенно наказывались, но и мгновенно исправлялись, позволяли и общности, и «нарушителю» двигаться дальше. Мне, как и другим, это представлялось свободой.

Вообразите, что вы проснулись утром и восприняли новое имя, новое лицо, под которым вас узнает мир. Представьте, что вы сможете выбрать и новый голос, и новые слова, произносимые им. Как будто «кнопка Интернета» и в самом деле *reset button*, кнопка перезагрузки вашей жизни. В новом тысячелетии интернет-технологии уже обращены к совершенно иным целям: к принуждению к преданности вместо памяти, идентитаристской сплоченности и в итоге – конформности. Но тогда, по крайней мере какое-то время, Интернет защищал нас, забывая о наших проступках и прощая нам наши грехи.

Мои первые, ранние и самые значительные встречи с онлайновыми саморепрезентациями случились все же не на электронных досках, а в более фантастическом царстве: на псевдофеодальных землях и в темницах ролевых игр – MMORPG в частности. Чтобы играть в *Ultima Online*, мою любимую MMORPG, я должен был создать виртуального персонажа; мог, например, выбрать, быть ли мне воином или магом, мастером на все руки или вором, и я мог переключаться между этими альтернативными мирами с той свободой, которая недоступна мне в реальной жизни, все институции которой имеют обыкновение относиться к изменчивости как к чему-то подозрительному.

В качестве одного из моих «альтернативных» воплощений я бродил по сказочным ландшафтам игры, взаимодействуя с альтернативными репрезентациями других людей. Если я сотрудничал с ними в отдельных квестах, то осознавал, что встречал этих пользователей раньше, но в других обличьях, а те, в свою очередь, могли узнать и меня. Они могли прочесть мои сообщения и разгадать по характерным фразам, которые я использовал, или конкретному квесту, который я предложил, что

я – бывший на момент, к примеру, рыцарем по имени Шрайк – был также до этого бардом, называвшим себя Корвин и кузнецом по имени Белгарион. Порой я просто получал удовольствие от этих взаимодействий как возможности позубоскалить. Но все-таки чаще я относился к ним как к конкурентам, измеряя свой успех тем, насколько много персонажей одного и того же человека я могу «разоблачить» без того, чтобы не выдать себя самого. Подобные «соревнования» требовали от меня осторожности – нужно было не позволять вовлечь себя в разговоры, детали которых могли бы меня выдать. Но одновременно они понуждали и моих собеседников быть внимательнее к тому, что они рискуют нечаянно раскрыть свою истинную идентичность.

Если персонажи игры *Ultima* и были многообразны по именам, то в целом они были стабилизированы в своих ролях, хорошо очерченных, даже архетипичных, и настолько удачно вплетенных в продуманный уклад, что играя ими, чувствуешь, будто исполняешь гражданский долг. Когда коротаешь вечер в качестве целителя или пастуха, готового оказать помощь алхимика или мага, то появляется чувство сделанного полезного дела – в отличие от первой половины дня, проведенного в школе или на скучной, неинтересной работе. Относительная стабильность вселенной *Ultima*, ее непрерывное развитие, определяемое законами и кодексами поведения, гарантируют, что каждый созданный персонаж имеет специфические ролевые задачи и будет судим с учетом их способности или готовности их осуществить и исполнить общественные ожидания их функций.

Я любил эти игры и альтернативные жизни, которые они позволили мне прожить, хотя любовь не обеспечивала свободу другим членам моей семьи. Игры, в особенности многообразные «массивные многопользовательские», к большому сожалению, требуют огромных затрат времени. Я провел за игрой *Ultima* столько времени, что наши счета за телефон стали непомерными и при этом к нам никто не мог дозвониться. Линия всегда была занята. Моя сестра, которой уже давно минуло десять лет, приходила в ярость, обнаруживая, что из-за моих онлайн-странствий она пропустила какие-то важные школьные новости. Впрочем, она довольно скоро сообразила, что ей нетрудно будет отомстить мне, если она приобретет телефон, который разрывает интернет-соединение. Шипение модема прекращалось. Еще до того, как она слышала обычный гудок в телефонной трубке, я уже с криком срывался вниз по лестнице.

Если соединение прервалось, скажем, во время чтения новостей, вы всегда сможете вернуться и найти то место, где это

случилось. Но если вас прервали во время игры, где нельзя ни сделать паузу, ни сохраниться, поскольку сотня тысяч других играют в ту же игру одновременно с вами, – то вы пропали! Вы могли быть на вершине мира, легендарным победителем драконов в собственном замке и во главе войска, но после тридцати секунд отсоединения («Соединение потеряно!») – вы сидите перед мертвенно-бледным серым экраном с жестокой эпитафией: «Вы мертвы».

Меня сейчас немного смущает, как серьезно я тогда к этому относился. Но я никак не могу обойти тот факт, что сестра хотела нарочно разрушить мою жизнь – в частности в подобных случаях, когда она перехватывала через всю комнату мой взгляд и улыбалась, прежде чем снять внизу телефонную трубку; не потому, что она хотела позвонить, а просто из желания напомнить, кто тут хозяин. Наши родители были сыты по горло нашими постоянными криками и поступили на удивление снисходительно. Они переоформили наш счет за Интернет, изменив плату за минуту на неограниченный доступ, и установили еще одну телефонную линию.

Мир вновь воцарился в нашем доме.

Хакерство

Все тинейджеры – хакеры. Им приходится быть ими по причине невыносимых жизненных обстоятельств. Они считают себя взрослыми, а взрослые считают их детьми.

Помните ли вы себя в подростковом возрасте? Вы тоже были хакером, стремясь сделать что-то в обход родительского надзора. И вообще, вы были сыты по горло тем, что с вами обращаются как с ребенком.

Припомните, каково это было, когда кто-то старше и больше вас стремился установить над вами контроль, как будто возраст и рост сами по себе равносильны авторитету. В какой-то период жизни ваши родители, учителя, тренеры, предводители скаутов и служители церкви неизменно пользовались своим положением, чтобы вторгаться в вашу частную жизнь, навязывать вам свои ожидания относительно вашего будущего и принуждать к послушному следованию стандартам прошлого. Всякий раз, когда взрослые подсовывали вам свои надежды, мечты и желания вместо ваших собственных, они это делали, по их же словам, «ради вашего блага» или «заботясь о ваших интересах». И если иногда это так и было, мы все помним и другие случаи, когда все было по-другому – когда доводов вроде «потому что я так сказал» было недостаточно, а «ты еще скажешь мне за это спасибо» не внушало доверия. Если вы помните свою юность, вы точно знаете, каково находиться на «принимающей стороне» подобных клише, так же как и на противоположной, при дисбалансе власти.

Взрослеть – значит осознавать, до какой степени твоим существованием управляют наборы правил, расплывчатые руководящие принципы и все более и более неприемлемые нормы, навязанные тебе без твоего согласия и имеющие свойство в любую минуту измениться. Были даже и такие правила, о существовании которых вы могли узнать, только после того как их нарушили.

Если вы были похожи на меня, вас это возмущало.

Если вы были похожи на меня, вы были близоруки, костлявы и в силу возраста едва набирали двузначные числа, когда впервые заинтересовались политикой.

В школе вам рассказывали, что в рамках американской политики граждане, реализуя свое право голоса, дают согласие на то, чтобы ими управляли равные им. Это демократия. Но демократии явно не находилось места в классах на уроках истории США, где, если бы нам с одноклассниками дали право голоса, мистер Мартин был бы уволен с работы. Но мистер

Мартин, напротив, устанавливал правила для уроков истории США. Мистер Эванс устанавливал правила для английского языка, мистер Суини – для естественных наук, мистер Стоктон – для математики, причем все упомянутые учителя постоянно меняли правила в свою сторону, чтобы расширить до максимума свою власть. Если учитель не захочет отпускать тебя в туалет, приходится терпеть. Если учитель обещал провести экскурсию в Смитсоновский институт, но затем отменил ее по причине надуманного проступка кого-то из класса, никаких объяснений он не даст, кроме ссылок на свой высокий авторитет и необходимость поддержания надлежащего порядка. Уже тогда я осознал, что любая оппозиция подобному укладу будет трудна хотя бы оттого, что, случись этим правилам измениться в интересах большинства, сам акт тут же поставит тех, кто навязывает правила, в явно невыгодное положение. Это в конечном итоге есть самый главный изъян или, говоря иначе, «конструктивный недостаток», нарочно интегрированный в любую систему, как в политике, так и в компьютерной науке: люди, создающие правила, не имеют побудительной причины действовать против самих себя.

Что убедило меня в том, что школьная система по меньшей мере нелигитимна? То, что она не признает легитимным любое инакомыслие. Я мог бы защищать свое дело в суде, пока не потеряю голос, или просто признать тот факт, что я никогда и не имел голоса, чтобы начать защищаться.

Вместе с тем у внешне благожелательной тирании школы, как и у всех видов тирании, весьма короткий срок годности. В какой-то момент непризнание правил учреждения становится лицензией на сопротивление оным; правда, отрочеству свойственно путать сопротивление с эскапизмом и даже насилием. Обычный подростковый бунт мне не подходил: я считал себя слишком крутым, чтобы опуститься до вандалима, но не настолько крутым, чтобы пробовать наркотики. (До сего дня я ни разу в жизни не напился и не выкурил сигареты.) Вместо этого я стал хакером – что было и остается самым благоразумным, самым здравым и самым высоколобым способом, какой только доступен школьникам, дабы утвердить свою автономию и послать взрослых куда следует.

Как большинство моих одноклассников, я не любил правил, но боялся их нарушить. Я знаком с системой. Ты исправил ошибку учителя – замечание; ты поспорил с учителем, когда ошибку не признали таковой, – останешься после уроков. Кто-то списал у тебя контрольную, хотя ты никому не давал списывать, – тебе оставаться после уроков, а списанная работа не

засчитывается. Отсюда и возникает любое хакерство – уверенность в систематической взаимосвязи между «вводом» и «выводом», причиной и следствием. Потому что хакерство не рождено компьютерами. Оно существует там, где есть правила. Чтобы «хакнуть» систему, требуется знать ее правила лучше тех, кто ее создавал или ею управляет; это эксплуатация уязвимого зазора между тем, как эти люди представляли себе работу системы, и как она работает на самом деле – или как ее можно заставить работать. Обращая себе на пользу все эти непредусмотренные полезные варианты, хакеры не столько нарушают правила, сколько развенчивают их.

Люди запрограммированы распознавать закономерности. Каждый выбор, который мы делаем, обоснован целым набором предварительных допущений, как эмпирических, так и логических, бессознательно извлекаемых и сознательно развиваемых. Мы используем эти допущения, чтобы просчитать потенциальные последствия сделанного каждый раз выбора; эту способность мы называем интеллектом. Но даже самые умные из нас полагаются на допущения, которые ни разу не подвергли проверке. А значит, и варианты выбора, которые мы делаем, часто не лишены изъянов. Всякий, кто разбирается в чем-то лучше или мыслит быстрее, точнее, чем мы, может воспользоваться этими изъянами и создать последствия, о которых мы заранее даже не подозревали. В этом и заключается эгалитарная природа хакерства: ему не важно, кто вы, важно лишь, как вы рассуждаете. Это самый надежный способ обращения с авторитарными фигурами, которые настолько убеждены в нерушимости их системы, что им никогда не приходило в голову ее протестировать.

Ничего подобного, конечно же, я в школе не проходил. Всему этому я научился онлайн. Интернет дал мне шанс пройти все темы, которые меня интересовали, и все связующие звенья между ними, причем скорость прохождения не была связана с темпами моих одноклассников и учителей. Но чем больше времени я проводил онлайн, тем больше мои школьные работы выглядели внепрограммными.

В то лето, когда мне исполнилось тринадцать, я принял решение никогда не возвращаться к заданиям, выполняемым в классе, или по крайней мере их серьезно сократить. Честно говоря, я не очень понимал, как я устрою такие крутые перемены. Все планы, какие я мог тогда замыслить, с большой вероятностью могли дать результат, обратный желаемому. Если бы меня засекли на пропусках занятий, родители прикрыли бы мои компьютерные привилегии. А если бы решил тогда бросить

школу, и вовсе б закопали мое тело в чаще леса, а соседям сказали, что я убежал из дому. Я подумал и нашел для себя выход: хак. А потом, в первый день нового учебного года, я нашел, какой именно. Фактически он сам приплыл ко мне в руки.

В начале каждого года учителя распределяли наши учебные планы, разработки материала, который надо пройти, обязательное чтение и расписание тестов и самостоятельных работ, задания. Наряду со всем этим они сообщали нам критерии выставления оценок. По существу, они инструктировали, как высчитываются все эти «A», «B», «C» и «D». Прежде с подобной информацией я никогда не сталкивался. Числа и буквы походили на странную формулу, предлагаемую в качестве решения моих проблем.

В тот день после школы я засел за учебный план и сделал расчеты, пытаясь выяснить, какие аспекты из каждого курса я могу элементарно игнорировать и все-таки рассчитывать на удовлетворительную оценку. Возьмем, к примеру, программу по истории США. Согласно плану, проверочное задание стоило 25 %, тесты – 35 %, а итоговая работа по курсу – 15 % и домашние задания – 15 %, да еще участие в работе класса – самая субъективная категория, за каждую тему тянуло на 10 %. Поскольку я хорошо справлялся с проверочными работами и тестами, не особенно затрудняя себя подготовкой, на них можно было рассчитывать как на безотказный запас времясберегающих факторов. Больше всего гробили время написание курсовой работы и домашние письменные задания – цена низкая, но неоправданно высокая трата моего «времени для себя».

Все эти подсчеты натолкнули меня на мысль, что если я не стал бы делать никакой домашней работы, но был бы асом во всех остальных видах деятельности, то к концу набрал бы суммарную оценку в размере 85 % («B»). Если бы я не делал домашних заданий и не написал бы итоговую курсовую, но был бы асом во всем остальном, то набрал бы в итоге 70 % («C» с минусом). Десять процентов за активность в классе могли бы стать моим буфером. Даже если там я наберу «ноль» – если учитель сочтет мою активность попыткой внести путаницу, – я все равно мог рассчитывать на 65 %, это «D» с минусом. Тоже проходной балл.

Придуманная учителями система была безнадежно порочной. Их регламент по достижению наивысшей оценки мог использоваться в качестве инструкции по достижению наивысшей свободы – ключ к тому, как отмазаться от нежелательной работы, при этом удерживаясь на плаву.

С той минуты, как я все это просчитал, я полностью прекратил делать домашние задания. Каждый день был

блаженством – того сорта, которое запрещено всем остальным, кто ходит на работу и платит налоги. Пока мистер Стоктон перед всем классом не спросил у меня, почему за последнее время я ни разу не сдал ему ни одной из полудюжины или что-то в этом роде домашних работ. Не тронутый еще хитростью, которая приходит с возрастом, и забыв на тот момент, что, выдавая свой «хак», я лишусь всех своих выгод, я бодро раскрыл заветную формулу учителю математики. Через мгновение смешки одноклассников утихли, так как они принялись выписывать и высчитывать по той же формуле, могут ли и они себе позволить привольную жизнь без домашних заданий.

«Неглупо, Эдди», – сказал мистер Стоктон, с улыбкой отправляясь на следующий урок.

Я ходил в главных умниках всей школы, пока на следующий день мистер Стоктон не вручил мне новый учебный план. В нем значилось, что учащийся, который не сдал больше шести домашних работ к концу семестра, автоматически получал «F».

«Неглупо, мистер Стоктон».

Потом он отвел меня после уроков в сторонку и сказал: «Тебе бы следовало использовать свои мозги не для того, чтобы уклоняться от работы, а чтобы подумать, как делать ее как можно лучше. У тебя такой большой потенциал, Эд! Но, по-моему, ты не понимаешь, что оценки, которые ты сейчас получаешь, будут тянуться за тобой всю жизнь. Тебе пора подумать о записи в своем личном деле».

Расслабившись без выполнения домашних заданий, хотя бы и ненадолго, и все еще имея больше времени в запасе, я вновь увлекся обычным, то есть компьютерным, хакерством. По мере этого занятия мои способности улучшались. В книжном магазине я пролистал тонюсенькие, с мутными фотокопиями, сколотые степлером журналы для начинающих хакеров под названиями типа *2600* и *Phrack*, в которых излагались разные технологические приемы и по ходу дела – антиавторитарные политические взгляды их издателей.

В хакерской иерархии я находился в самом низу тотемного столба: взломщик-дилетант n00b, «нуль без палочки», орудовавший инструментами бездумно, ибо принципы их работы были далеко за пределами моего понимания! Меня все еще продолжают спрашивать, почему я, приобретя кое-какую квалификацию, не бежал потрошить банковские счета или взламывать номера кредитных карт. Что сказать? Я был слишком юн и глуп, чтобы даже знать о подобном ремесле, не говоря уже о том, что я не знал, что потом делать с награбленной добычей.

Все, чего я хотел и в чем я нуждался, у меня уже было, причем совершенно даром. Вместо этого я придумывал упрощенные схемы, чтобы «хакнуть» какие-то игры, присвоив несколько дополнительных жизней или получив дар делать нечто особенное, например видеть сквозь стены. А еще – в тогдашнем Интернете было не так уж много денег, по крайней мере по нынешним меркам. Самым близким к воровству методом, о котором я знал или читал, был «фрикинг» – взлом телефонных сетей для звонков «на халяву».

Если вы спросите некоторых «заслуженных» хакеров наших дней, почему, например, они взламывают большие новостные сайты только для того, чтобы заменить заголовок новости на провозглашающую таланты барона фон Хакерфейс «гифку» – которая провисит на сайте менее получаса, – их ответ мало чем будет отличаться от ответа альпиниста на вопрос, зачем он взошел на Эверест. «Затем». Большинство хакеров, особенно молодых, ставят перед собой задачу взлома не ради выгоды или власти, но для того, чтобы увидеть пределы своего таланта и доказать, что невозможное возможно.

Я был юн, и пока мое любопытство было чистым, оно, как я теперь вижу, психологически было весьма показательным, потому что некоторые из моих ранних попыток «хакинга» служили цели подавления моих неврозов. Чем больше я узнавал о хрупкости компьютерной системы защиты, тем больше я переживал по поводу последствий доверия такой машине. Первый мой полноценный подростковый «хак», который повлек за собой проблемы, случился потому, что я всерьез боялся угрозы полномасштабного, испепеляющего ядерного холокоста.

Я сидел, читая некоторые статьи об истории американской ядерной программы, и всего через пару кликов оказался на веб-сайте Лос-Аламосской национальной лаборатории, центре ядерных исследований страны. Вот так и работает Интернет: тебе становится любопытно, а дальше твои пальцы думают за тебя. А дальше я законным образом обалдел: веб-сайт крупнейшего и важнейшего в Америке учреждения по научно-исследовательской работе и поискам нового оружия имел зияющую дыру в защите. Его уязвимость была виртуальным аналогом неплотно закрытой двери: открытая структура каталога.

Сейчас я объясню. Представьте себе, что я послал вам ссылку для скачивания PDF-файла, который хранится на многостраничном сайте. URL-адрес этого файла выглядит примерно так: website.com/files/pdfs/filename.pdf. Так вот, поскольку структура URL производится прямиком от структуры каталога, каждая часть этого URL-адреса воспроизводит целую

«ветку» этого «дерева» директории. В этом случае внутри директории website.com есть папка с файлами, внутри которой есть вложенная папка PDF-файлов, среди которых и нужный вам файл с указанным именем. В настоящее время большинство сайтов ограничат ваш визит этим специфическим файлом, сохраняя свои каталоги закрытыми и неприкосновенными. Однако в ту эпоху динозавров даже крупные и важные сайты создавались и администрировались людьми, которые ничего не соображали в технологиях и часто оставляли свои директории открытыми настежь. А это значит, что, если вы сократите URL-адрес своего файла – просто-напросто поменяете что-то в website.com/files, – вы получите доступ к каждому файлу сайта, как ко всем загруженным PDF-файлам, так и к прочим документам, в том числе таким, которые для посетителей совсем не предназначаются. Такой вот случай и был с сайтом Лос-Аламоса.

В хакерском сообществе такие случаи называются «детским хаком» – весь процесс представляет собой рутинную процедуру «гуляния по директориям» («dir walking»). Чем я, собственно, и занимался: во всю прыть передвигался от вложенной папки до папки верхнего уровня и обратно; подросток, вырвавшийся на волю, чтобы обшарить родительские директории! За полчаса чтения статьи о ядерной угрозе я прямо под ногами обнаружил целый клад файлов, предназначенных только для сотрудников проверенной-перепроверенной лаборатории!

Конечно, документы, которые я нашел, не были инструкцией по изготовлению атомного оружия у меня в гараже. (Кстати, не факт, что такие чертежи не существовали на дюжине сайтов типа «Сделай сам».) Но то, что увидел я, было скорее конфиденциальной внутрикорпоративной документацией и персональными данными сотрудников. В любом случае, как тот, кого внезапно взволновали грибообразные облака на горизонте, а также – особенно поэтому – как сын военных, я сделал то, что, мне казалось, я должен был сделать: я сказал взрослым. Я послал по электронной почте письмо с пояснениями веб-мастеру лаборатории, указав на уязвимость, и стал ждать ответа, который так никогда и не пришел.

Каждый день после школы я посещал сайт, чтобы проверить структуру его каталогов – изменилось там что-нибудь или нет; но там так ничего и не менялось, кроме моей способности изумляться и негодовать. В конце концов я решил позвонить по второй телефонной линии у нас дома и набрал номер справочной, указанный в самом низу сайта лаборатории.

Телефонистка взяла трубку, и в тот же самый момент я начал

мямлить и запинаться и, кажется, даже не договорил фразу «структура каталогов», как мой голос сорвался. Она прервала меня со словами «ждите ответа специалиста» и, прежде чем я успел сказать «спасибо», включила автоответчик.

К тому моменту, как прозвучал гудок, я собрался и восстановил минимум уверенности, и в гортани в том числе, и оставил сообщение. Помню сейчас, что закончил произносить свой текст с чувством облегчения. И когда произносил свое имя и телефонный номер. Я, кажется, даже назвал свое имя по буквам, как иногда это делал отец, используя военный алфавит: «Сьерра, Ноябрь, Оскар»… И так далее… Потом я повесил трубку – и вернулся к своей обычной жизни, которая еще на целую неделю по большей части состояла в проверке состояния лос-аламосского веб-сайта.

В наше время, учитывая материально-технические возможности государственных структур по контролю над киберпространством, всякий, кто набирает несколько десятков раз на дню лос-аламосский номер, давно вызвал бы к себе интерес определенного толка. В то время я был всего лишь очередным любопытствующим. И никак не мог понять: неужели никому нет дела?

Проходили недели – а подростку неделя может казаться месяцем. И вот однажды вечером, как раз перед ужином, зазвонил телефон. Мама, которая готовила на кухне, взяла трубку.

Я сидел за компьютером в столовой и услышал, как она сказала: «Да-да, он здесь!» И потом: «Могу я узнать, кто его спрашивает?»

Я повернулся к ней вместе с креслом, она протягивала мне трубку, держа телефон на уровне моей груди. Краска сошла с ее лица. Она дрожала.

В ее шепоте была скорбь и поспешность, такого я с ней раньше не видел и не слышал, и это привело меня в ужас. «Что ты наделал?» – спросила она.

Если бы я знал, я бы ей сказал. Вместо этого я уточнил: «Кто это звонит?»

«Лос-Аламос, ядерная лаборатория».

«А! Слава богу!»

Я осторожно взял телефон из ее рук и усадил ее. «Алло!» Ответил дружелюбный представитель лос-аламосских айтишников, который все время называл меня мистером Сноуденом. Он поблагодарил меня за сообщение о проблеме и заявил, что они только что ее устранили. Я еле удержался, чтобы не спросить: почему так поздно – как и от того, чтобы тут же потянуться к компьютеру проверить сайт.

Мама не отрывала от меня глаз. Она пыталась воспринять весь разговор, но слышала она только одну сторону. Я показал ей большой палец, а затем, чтобы лучше ее успокоить, заговорил более взрослым, серьезным и неубедительно глубоким голосом, коряво объяснив айтишнику то, что он и так знал: как я обнаружил проблему с незащищенной директорией, как доложил об этом, как не получил – вплоть до этого дня – никакого ответа. Я закончил словами: «Я искренне признателен за ваш звонок. Надеюсь, я не причинил неприятностей…»

«Нисколько», – ответил айтишник, а потом спросил, как я зарабатываю на жизнь.

«Никак, вообще-то», – пробормотал я.

Он спросил, не ищу ли я работу, и я сказал: «Во время учебного года я довольно-таки занят, но у нас есть каникулы, и летом я свободен».

Тут как будто зажглась лампочка: он понял, что разговаривает с подростком. «Хорошо, парень, – произнес он. – У тебя есть мои контакты. Обязательно позвони, когда тебе исполнится восемнадцать. А сейчас передай трубку той милой леди, с которой я начал беседу».

Я передал телефон в руки встревоженной матери, и мы вместе перешли на задымленную кухню. Ужин сгорел, но я считаю, что собеседник сказал достаточно приятных слов. Я так боялся наказания, но плачевный результат моих затей просто вышел в форточку вместе с дымом.

Неуспеваемость

Старшие классы я помню довольно смутно, потому что в основном спал, наверстывая упущенное в те бессонные ночи, что я провел за компьютером. В Арандельской средней школе учителя ничего не имели против моей привычки немного вздремнуть на уроках и не трогали меня до тех пор, пока я не начинал храпеть. Правда, не перевелось еще безжалостное, унылое меньшинство, считавшее своим долгом непременно разбудить – скрипом мела по доске или шлепком упавшего ластика – и подловить меня неожиданным вопросом: «А *вы* что думаете, мистер Сноуден?»

Я поднимал голову с парты, выпрямлял спину, зевал и – пока одноклассники давились бесшумным смехом – ничего не отвечал.

Если честно, мне нравились такие ситуации. В них воплощался величайший кураж старшеклассника, одно из немногих удовольствий средней школы. Мне нравилось быть захваченным врасплох: ты одуревший, расслабленный и тридцать пар глаз и ушей навострились в ожидании твоего позора, пока ты ищешь какую-нибудь зацепку на полупустой доске. Если удается быстро сообразить и дать правильный ответ, становишься легендой. Но если медлишь, можно всегда отпустить удачную шутку – шутить никогда не поздно. В худшем случае что-то бессвязно бормочешь себе под нос, и весь класс думает, что ты идиот. Всегда надо позволять людям вас недооценивать. Потому что, когда люди неправильно оценивают ваш интеллект и способности, они невольно раскрывают собственные уязвимые места, зияющие дыры в доводах рассудка. И пусть они «зияют» до тех пор, пока вы не сочтете нужным промчаться сквозь них на пылающем коне, искореняя чужие огрехи своим мечом правосудия.

Когда я был подростком, я был немного чересчур увлечен идеей, будто самые важные жизненные вопросы всегда бинарны. Это значит, что один из ответов всегда будет Правильным, а другой – Неверным. Скорее всего я был захвачен моделью компьютерного программирования, где все вопросы имели, как правило, два варианта: единица или ноль, что является машинной версией пресловутых Да / Нет, Правильно / Неправильно. Даже многовариантные вопросы моих проверочных работ и тестов могут рассматриваться в свете «оппозиционной» логики бинарных противопоставлений. Если мне не удавалось немедленно определить один из предложенных вариантов ответа как правильный, я всегда пробовал сократить их количество путем отсеивания, задавая дополнительные условия вроде

«всегда» или «никогда» и отбрасывая непригодные исключения.

К концу первого года пребывания в старших классах средней школы я столкнулся с довольно необычным типом заданий – вопросом, на который нельзя было ответить, заполнив пропуски карандашом средней степени твердости: только риторика, целая статья, состоящая из развернутых предложений. Короче, речь шла о задании по английскому языку, которое письменно формулировалось так: «Напишите автобиографическое сочинение объемом не менее 1000 слов». Какие-то чужие люди приказывали мне выложить напоказ мои мысли по поводу единственного объекта, о котором у меня не было никаких мыслей. И этот «объект» (или «субъект») – я, кем бы я ни был. Я просто не мог этого сделать. Меня замкнуло. Я не сумел включиться и получил «неуд».

Моя проблема – как и описание задания – была личной. Я не мог «написать автобиографическое сочинение», поскольку моя жизнь в то время была страшно запутанной. Дело в том, что семья наша распадалась. Мои родители подали на развод. Все случилось очень быстро. Отец от нас уехал, а мама выставила дом в Крофтоне на продажу и переехала со мной и сестрой в многоквартирный дом, а после – в кондоминиум в жилом районе неподалеку от Элликотт-Сити. У меня были друзья, которые говорили: ты, мол, еще не стал взрослым, если не похоронил одного из родителей или не стал им сам. Но чего никто ни разу не упомянул, это то, что для детей определенного возраста развод родителей равносилен тому и другому, случившемуся одновременно. В единый миг безупречный образ вашего детства исчезает без следа. Вместо него рядом с вами, если кто-нибудь останется вообще, то это будет неузнаваемое существо, еще более потерянное, чем вы сами, вечно в слезах и раздражении, жаждущее вашей поддержки и уверений, что все будет хорошо. А хорошо не будет, по крайней мере некоторое время.

Как только были улажены вопросы родительского попечения и порядок свиданий, сестра поспешила подать заявление в колледж и стала считать дни до своего отъезда в университет Северной Каролины в Уилмингтоне. Потерять ее для меня означало потерять мою самую тесную связь с тем, что еще недавно было нашей семьей.

Я отреагировал, уйдя в себя. Засучил рукава и решил стать другим человеком, научиться перевоплощаться и надевать на себя маску того, кем люди, нужные мне в данный момент, хотели меня видеть. Дома с семьей я был зависимым и искренним. С друзьями – радостным и беззаботным. Но, когда я был один, я

был подавлен, даже мрачен, и постоянно переживал, что стал для всех обузой. Меня преследовало чувство вины за все поездки по дорогам Северной Каролины, в которых я непрерывно жаловался; все праздники Рождества, омраченные тем, что я приносил никудышные итоговые отметки; все случаи, когда я не соглашался выключить компьютер и выполнить свои обязанности по дому. Все мои детские выходки вспыхивали в памяти, словно документальная запись преступления, и я постоянно терзался ответственностью за то, что произошло.

Я сделал попытку покончить с чувством вины, игнорируя эмоции и разыгрывая самоуверенность, пока не додумался до проектирования в некотором роде преждевременной взрослости. Я перестал говорить, что я «играю» в компьютер, и стал говорить, что я «работаю» на нем. Просто поменяв слова и только чуть-чуть поменяв привычки, я настоял на отличии того, как меня будут воспринимать другие – и даже я сам.

Я перестал употреблять форму имени Эдди. Отныне и до сих пор я Эд. Я приобрел свой первый сотовый телефон, который прицепил к поясному ремню, как его носили взрослые мужчины.

Нежданное благо травмы – возможность преображения – научило меня ценить мир за пределами четырех стен. Я удивился, обнаружив, что устанавливаю все более и более далекую дистанцию между собой и двумя взрослыми, которые любили меня сильнее всех на свете. Я стал ближе к другим, тем, кто обращался со мной как с равным. У меня появились наставники, которые учили меня ходить под парусом, тренировали в боевых искусствах, натаскивали для публичных выступлений и придавали уверенности на сцене. Все они так или иначе способствовали моему преображению.

К следующей ступени старших классов средней школы я начал ужасно уставать и спал больше чем обычно, но уже не в школе, а прямо за компьютером. Я мог проснуться среди ночи в более или менее сидячем положении, с какой-то белибердой на мониторе, потому что уснул лицом на клавиатуре. Вскоре у меня разболелись суставы, лимфатические узлы на шее вздулись, белки глаз пожелтели, и я не мог от усталости встать с постели, даже проспав без перерыва двенадцать часов с лишним.

После того как я сдал на анализы больше крови, чем ее у меня, по моим представлениям, было, мне наконец поставили диагноз: инфекционный мононуклеоз. Это заболевание угрожало как физическим истощением, так и моральным унижением, не в последнюю очередь потому, что оно обычно передавалось через то, что мои одноклассники называли «подцепить», а в мои пятнадцать лет единственным, с кем я мог что-то «подцепить»,

был модем.

Школа была совершенно забыта, пропуски занятий накапливались в неимоверных количествах, правда, это не делало меня счастливым. Даже рекомендованная диета с мороженым не могла меня сделать счастливым. У меня едва оставались силы на что-то еще, кроме игр, которые приносили мне родители, причем каждый из них старался найти игру покруче, поновее, словно они соревновались, кто поставит меня на ноги, или надеясь смягчить свою вину за развод. Когда я уже не мог дотянуться до джойстика, мне стало удивительно, как я вообще еще жив. Иногда, просыпаясь, я не мог понять, где нахожусь. Какое-то время я не мог сообразить, что за полумрак вокруг меня: то ли я нахожусь у мамы в ее «кондо», то ли у отца в его двухкомнатной квартире. А главное, я никак не мог вспомнить, как меня сюда привезли. Все дни стали одинаковыми.

Все было как в дыму. Помню, я прочел «Совесть хакера» (известную также под названием «Манифест хакера»[28]), «Лавину» Нила Стивенсона и целые тома Дж. Р. Р. Толкина, засыпая на середине главы и путая события и персонажей. И вот уже во сне мне снится, что около кровати стоит Голлум и жалобно воет: «Хозяин, хозяин, информация хочет быть свободной!»

Когда лихорадочные сновидения пропали, наяву пришла мысль о необходимости нагнать пропуски в школе – и это стало подлинным кошмаром. Пропустив примерно четыре месяца школьных занятий, я получил официальное письмо из Арандельской средней школы с уведомлением, что я остаюсь на второй год. Признаюсь, я был в шоке, но, читая письмо, все-таки отдавал себе отчет, что догадывался об этом и понимал, что это неизбежно, и целыми неделями с ужасом ждал, когда это случится. Перспектива вернуться в школу, не говоря уже о том, чтобы пройти заново два семестра, казалась невообразимой. Я готов был пойти на что угодно, лишь бы избежать подобного развития событий.

В тот самый момент, когда заболевание желез переросло в полномасштабную депрессию, известие из школы хорошенько встряхнуло меня. Я сразу поднялся на ноги и впервые оделся не в пижаму, а во что-то другое. Сразу вошел в Интернет через телефонную линию и стал искать «хак». Проведя небольшое исследование и заполнив много-много бланков, я получил результат, упавший мне на электронку: меня принимали в колледж. Как выяснилось, чтобы подать заявление, аттестат средней школы не требовался.

Общественный колледж имени Анны Арандел был местным

учебным заведением, не столь почтенным, как школа моей сестры, однако фокус удался. Главное, колледж имел аккредитацию. Я отнес справку о поступлении руководству средней школы, которое с любопытством и плохо скрываемой смесью безразличия со злорадством дало согласие на мое поступление. Я посещал занятия в колледже два дня в неделю, и на тот момент это практически равнялось моим усилиям, чтобы стоять прямо и выполнять какие-то действия. Поступив на курс, который был выше моего класса в школе, я не так страдал бы из-за года, который пропустил. Я попросту через него перепрыгнул.

Колледж находился всего в двадцати минутах пути, и первые несколько раз я не сидел за рулем машины, так как это было бы опасно. Я только недавно получил водительское удостоверение и был совсем новичком, да вдобавок едва не засыпал за рулем. Я отправлялся на занятия, а после них тут же возвращался домой – спать. В группах я был самым младшим и, может быть, даже самым младшим во всем учебном заведении, попеременно служа, как новое лицо, то неким подобием талисмана, то поводом для дискомфорта в силу одного своего присутствия. Все это наряду с тем, что я еще только выздоравливал, означало, что я не болтался без дела просто так. А еще, поскольку колледж находился в ближайшем пригороде, там не было активной кампусной жизни. Анонимность школы мне прекрасно подходила – как и занятия, большинство которых было заметно интереснее, чем те, на которых я дремал в Арандельской средней школе.

Прежде чем я двинусь дальше и навсегда оставлю среднюю школу позади, я должен заметить, что за мной все еще числилась задолженность по английскому – единственное с отметкой «неуд». Мое автобиографическое сочинение. Чем старше я становлюсь, тем тяжелее оно меня обременяет, тогда как писать его не становится легче.

Дело в том, что никто с такой биографией, как моя, не чувствует себя комфортно, когда речь заходит о мемуарах. Когда ты потратил столько времени своей жизни на то, чтобы избежать идентификации, тяжело развернуться в противоположную сторону и перейти к «полному саморазоблачению» в книге. Разведсообщество требует от сотрудников заведомой анонимности, своеобразной «пустой страницы», личности такого типа, которой предписана секретность и искусство притворяться кем-то другим. Ты стремишься к тому, чтобы не бросаться в глаза, чтобы твой вид и голос были как у всех. Живешь в самом обыкновенном доме, водишь самую обыкновенную машину, носишь самую обыкновенную одежду. Различие только в том, что ты это делаешь намеренно: «нормальность», «заурядность» – твое

прикрытие. Таково извращенное вознаграждение за карьеру самоотречения, которая не дает ни общественного признания, ни славы. Слава приходит не во время работы, а после, когда ты вновь сможешь выйти к людям и благополучно убедить их в том, что ты – один из них.

Несмотря на то что существует еще большое количество более популярных и наверняка более точных терминов для описания этого типа расщепления идентичности, я склонен назвать его самошифровкой. Как при любой шифровальной работе, исходный материал – ваша подлинная идентичность – продолжает существовать, только в замкнутой и закодированной форме. Формула, делающая эту самошифровку возможной, довольно проста: чем больше ты знаешь о других, тем меньше – о себе. Спустя какое-то время ты можешь утратить даже свои вкусы – то, что тебе нравится (и даже что не нравится!). Ты теряешь свои политические взгляды наряду с любым уважением к политическому процессу, если таковое у тебя и было в прошлом. «Миссия превыше всего!»

Некоторые вещи из тех, что я здесь описал, годами служили мне в качестве объяснения моей любви к приватности и моей неспособности или нежелания быть более индивидуальным. Это только сейчас, когда я нахожусь вне разведсообщества почти столько же времени, сколько я находился в нем, до меня дошло: этого совсем недостаточно. Если на то пошло, я едва ли шпион. Я ведь даже еще не начал бриться, когда не справился с сочинением по английскому. Я был всего лишь ребенком, который уже немного поиграл в шпиона. Отчасти – в виде онлайн-экспериментов, когда в играх учился менять свою идентичность; но больше всего – когда столкнулся с молчанием и ложью, которые повлекли за собой развод моих родителей.

В связи с их разрывом мы стали семьей «хранителей секретов», экспертами в игре в прятки и недомолвки. Мы с сестрой в итоге тоже стали иметь свои секреты, когда один из нас проводил выходные у папы, а другой продолжал оставаться с мамой. Одно из тяжелейших испытаний для ребенка при разводе – это когда один из родителей расспрашивает его о новой жизни бывшего супруга.

Мама надолго пропадала – она обратилась к службе знакомств и ходила на свидания. Папа изо всех сил старался заполнить вакуум, но временами его приводил в ярость процесс расторжения брака, затянутый и недешевый. Когда его накрывало, мне казалось, что наши с ним роли поменялись. Я должен был сохранять уверенность и стараться уговорить, успокоить его.

Писать обо всем этом тяжело, хотя и не так, чтобы очень – потому что эти события, даже при всей их болезненности, ни в коей мере не ставят под сомнение глубокую врожденную порядочность моих родителей, которые смогли из любви к своим детям запрятать поглубже свои разногласия и прийти к согласию, чтобы в конце концов благоденствовать, живя по отдельности.

Перемены такого рода постоянны, обычны и по-житейски понятны. Автобиографическое сочинение статично: это застывший документ человека в постоянном движении. Вот почему лучшим отчетом, который ты можешь дать о самом себе, будет не сочинение, а зарóк. Ручательство о принципах, которые ты ценишь, и зримое представление о тебе как о человеке, каким ты хочешь стать.

Я поступил в колледж, чтобы сберечь время после длительного пропуска, но не потому, что я намеревался продолжить учебу в старших классах средней школы. Я дал самому себе зарок, что я хотя бы решу вопрос о своей школьной степени. И в конце концов в один уик-энд выполнил данное себе обещание, подъехав на машине к частной школе близ Балтимора, где сдал завершающий тест, последний в штате Мэриленд: экзамен об окончании полного среднего образования.

Помню, как я ехал с экзамена с чувством необыкновенной легкости, потому что подтвердил соответствие своих знаний школьным требованиям и в ходе двухдневных испытаний возвратил долг, который у меня был по отношению к государству. Ощущался как бы «хак», но это было нечто большее. Это был я, доказавший верность своему слову.

9/11

С шестнадцати лет я почти все время жил самостоятельно. Так как мама всецело отдалась работе, я часто занимал ее кондо. Жил по своему расписанию, сам готовил себе еду и сам себя обстирывал. Я отвечал за все, кроме оплаты счетов.

В 1992 году у меня была белая «Хонда Цивик» и на ней я ездил по всему штату, слушая инди-музыку радио 99.1 WHFS («А теперь послушайте это» – одна из их фирменных фраз) – поскольку именно это делали все остальные. Мне не очень хорошо удавалось быть нормальным, но я старался.

Моя жизнь превратилась в круговерть, движение по заданному маршруту – дом, колледж и друзья, в частности новая компания ребят, с которыми я познакомился в японском классе. Не знаю, сколько времени прошло, пока мы не поняли, что составляем одну шайку, но ко второму семестру мы посещали занятия не столько для того, чтобы учить язык, а чтобы видеться. Это, между прочим, лучший способ «казаться нормальным» – окружить себя людьми такими же чудны́ми, как и ты, если не чуднее. Многие из этих ребят были начинающими художниками и графическими дизайнерами, одержимыми аниме – тогда еще спорной японской анимацией. По мере того как наша дружба крепчала, росло и мое знание аниме, так что я уже мог отбарабанить более или менее обоснованные суждения, делясь опытом о таких новинках, как «Могила светлячков», «Юная революционерка Утэна», «Евангелион», «Ковбой Бибоп», «Небесный Эскафлон», «Бродяга Кэнсин», «Навсикая из долины ветров», «Триган», «Рубаки» и – мое личное предпочтение – «Призрак в доспехах».

Одна из нашей компании – назову ее Мэй – была женщиной, намного старше – ей было все двадцать пять. Для остальных она была чем-то вроде идола, как публикуемая художница и неутомимая участница костюмированных вечеринок. Она была моей парой на занятиях по разговорному японскому, и я поражен, когда узнал, что у нее свой успешный бизнес в веб-дизайне. Я называл его «Беличьим производством», потому что она время от времени носила с собой фиолетовую фетровую сумку Crown Royal с изображением ручных белок-летяг.

И так я стал фрилансером. Я стал работать как веб-дизайнер на девушку, с которой познакомился в учебной группе. Она, или, как я предполагал, ее деловые партнеры, наняла меня подпольно за щедрую плату тридцать долларов в час. Вопрос в том, сколько именно часов моей работы на самом деле оплачивались.

Конечно, Мэй могла бы получить мою помощь бесплатно – «за красивые глаза», потому что я был очарован и по уши в нее влюблен. И хотя не слишком хорошо умел это скрывать, не уверен, что она была против – ведь я ни разу не пропустил возможности оказать ей бескорыстную услугу. При этом я быстро учился. Когда работаете вдвоем, можно сделать все что угодно. Хотя я мог (и часто так и делал) заниматься своим «Беличьим производством» где угодно – это вопрос всего лишь выхода в Интернет, – Мэй предпочитала, чтобы я приходил в ее офис, то есть к ней домой, в двухэтажный таунхаус, где она жила вместе с мужем, аккуратным и спокойным человеком, которого я называл Норм.

Да, Мэй была замужем. Более того, их с Нормом таунхаус находился на военной базе, у юго-западного угла территории Форт-Мид, и там Норм работал лингвистом для военно-воздушных сил, будучи приписанным к АНБ. Не могу сказать, законно ли это – иметь собственный бизнес у себя дома, если ваш дом является федеральной собственностью на территории военного объекта. Но я был всего лишь тинейджер, влюбившийся в замужнюю женщину, которая к тому же была и моим боссом, поэтому я не хотел показаться слишком въедливым.

Сейчас такое не укладывается в голове, а тогда Форт-Мид был почти полностью доступен для всех. Отсутствовали и заградительные тумбы у въезда, и аварийные барьеры, и пункты пропуска, окруженные колючей проволокой. Я спокойно въезжал на своей «Цивик-92», с опущенными стеклами и включенным радио, не останавливаясь у ворот и не предъявляя удостоверение личности. И, по-моему, четверть нашей японской группы раз в две недели по выходным собиралась в домике Мэй позади штаб-квартиры АНБ, чтобы посмотреть аниме и сочинить очередной комикс. Так тогда повелось, в те незапамятные дни, когда все говорили: «У нас же свободная страна, не так ли?» Эту фразу я слышал в каждом школьном дворе и в каждом телесериале.

По будням я появлялся у Мэй утром, оставив машину в тупике возле дома, когда Норм уходил в АНБ, а я оставался на целый день, фактически до его возвращения. Эпизодически мы с Нормом пересекались в течение двух лет или что-то около, пока я работал с его женой, и все это время он был со мной добр и великодушен. Вначале я думал, что он не замечает моей влюбленности или мои шансы соблазнить его жену столь ничтожны – но он не имел ничего против, оставляя меня наедине с ней. И только однажды, когда мы случайно столкнулись в прихожей – он уходил, а я только пришел, – он вежливо напомнил, что держит в прикроватной тумбочке пистолет.

«Беличье производство», то есть только Мэй и я, было довольно-таки типичным случаем начинания на фоне бума информационных технологий: предприятие, конкурировавшее из-за газетных вырезок до того, как все пошло прахом. Работало оно так же, как и большое предприятие – к примеру, автомобильный завод, – нанимая крупное рекламное или пиар-агентство, чтобы создать веб-сайт и как-то благопристойно обставить свое присутствие в Интернете. Большая компания ничего не хочет знать о создании веб-сайтов, а рекламщики или пиарщики будут знать чуточку больше: ровно столько, чтобы описать продукцию, найдя веб-дизайнера на одном из многочисленных порталов фрилансеров, предлагающих свои услуги.

«Семейная» фирма» типа «мама-папа» (а в нашем случае – взрослая замужняя женщина и неженатый молодой человек) – будет вносить деловые предложения, но конкуренция столь велика, что расценки оказываются до смешного низкими. Учтите, что получивший место разработчик должен еще отдать какую-то часть гонорара, чтобы заплатить порталу за помощь в предоставлении работы. Словом, по итогу денег останется совсем немного, чтобы на них мог прожить взрослый, не говоря о том, чтобы содержать семью. Более того, при низком денежном вознаграждении есть еще фактор унижения, а отсюда – недостаток доверия. Фрилансеры редко сообщают о проектах, которые они выполнили, поскольку рекламное или пиар-агентство потребовали бы, чтобы вся работа выполнялась штатно.

Я многое узнал о мире, в частности о мире бизнеса, с Мэй в качестве своего босса. Она действовала на удивление осмотрительно, выкладываясь вдвое больше и усерднее, чем ее коллеги, работая в тогдашней совершенно шовинистской деловой среде, где каждый второй клиент норовил раскрутить вас на бесплатную работу. Эта культура неофициальной эксплуатации подвигала фрилансеров искать «хак» внутри системы, а Мэй обладала талантом организовать взаимоотношения таким образом, чтобы обойти сайты по размещению заказов. Она обходилась без посредников и третьих сторон, имея дело с самыми крупными, насколько это было возможно, клиентами. Тут она не знала себе равных – особенно благодаря моей помощи в технических вопросах, которая позволяла ей полностью сфокусироваться на деловой и художественной сторонах дела. Как иллюстратор, она искусно подходила к созданию логотипов и предлагала базовые услуги по продвижению бренда. Моя же работа, написание кода, была для меня простым делом, и, хоть она и была рутиной, я ловил на лету и никогда не жаловался. Я пользовался Notepad + + и получал удовольствие от самой что ни

на есть черной работы. Чего только не сделаешь ради любви, особенно безответной.

Не могу не задуматься, догадывалась ли Мэй о моих чувствах все это время или просто использовала меня в своих интересах. Но если я был жертвой, то жертвой добровольной, и это время рядом с ней пошло мне на пользу.

И все-таки менее чем через год моего сотрудничества с «Беличьим производством» я сообразил, что мне надо хорошенько подумать о будущем. Профессиональную сертификацию в секторе информационных технологий нельзя было не замечать. Многие перечни вакансий и контракты на серьезную работу начинались с требования, чтобы соискатель был официально аккредитован крупными IT-компаниями, такими как IBM или Cisco, для использования и обслуживания их продукции. Во всяком случае, такова была суть рекламы, передававшейся по радио, которую я регулярно слушал. В один прекрасный день, вернувшись домой и прослушав рекламные объявления уже, должно быть, в сотый раз, я понял, что набираю номер 1–800 и записываюсь на курс Майкрософт для получения сертификата, предлагаемый Институтом компьютерной карьеры Университета Джона Хопкинса. В целом вся эта история, от обескураживающе высокой стоимости курсов до их местоположения – в пригородном филиале, а не в главном здании университета, – имела легкий налет авантюры, но я не стал переживать. Я принимал этот неприкрытый характер сделки. Той, что позволила бы Майкрософт облагать налогом невиданный растущий спрос на айтишников. Менеджеры по персоналу прикидывались бы, что дорогостоящий листок бумаги способен отличить доподлинных профессионалов от грязных шарлатанов. А такие «нули без палочки», как я, смогут вставить магические слова «Университет Джона Хопкинса» в свои резюме и рваться на передний край.

Аккредитация сертификатов проходила по индустриальным стандартам, причем настолько быстро, насколько индустриальные методы способны эту процедуру изобрести. Сертификат A+ означает, что вы можете обслуживать и ремонтировать компьютеры. Сертификат Net+ означал, что вы способны выполнять основные операции в Сети. Но только все это нужно парню, который обслуживает клиентов. Самые красивые бумажки были собраны под рубрикой «Сертифицированный профессионал Майкрософт». На начальном уровне, без опыта работы, он – «Сертифицированный профессионал Майкрософт» (MCP); имея стаж побольше – «Сертифицированный системный администратор Майкрософт» (MCSA); а на высшем уровне подтвержденной письменно технической подготовленности –

«Сертифицированный системный инженер» (MCSE). А это уже «предмет упований», гарантированная карточка на довольствие. На низшем уровне заработок начинающего MCSE составляет 40 000 долларов в год – сумма, которая на рубеже тысячелетий и в возрасте семнадцати лет мне показалась ошеломительной. Но почему бы и нет? Майкрософт торгует акциями под 100 % и выше, а Билл Гейтс был признан самым богатым человеком в мире.

С учетом технических ноу-хау получить квалификацию MCSE – не самое простое дело. С другой стороны, там не требовалось того, за что каждый уважающий себя хакер считает себя «уникумом». С учетом времени и денег сделка была стоящей. Я должен был пройти семь отдельных тестов по 150 долларов каждый и заплатить порядка восемнадцати тысяч за обучение в университете с полным набором учебных курсов – которые, как и следовало ожидать, я не окончил, изначально нацелившись перейти сразу к тестированиям, как только почувствую, что с меня хватит. К сожалению, обратно Хопкинс деньги не возвращал.

Учитывая тот факт, что на обучение я взял займ, теперь я имел оправданный повод чаще видеться с Мэй: нужен был заработок. Я попросил ее о дополнительных часах. Она согласилась и велела приходить к девяти утра. Время немыслимо раннее, особенно для фрилансера – почему я и опоздал в тот вторник.

Я мчался по Дороге 32 под прекрасным голубым, как на заставке Майкрософт, небом, стараясь не отвлекаться и не пропустить из-за скорости какую-нибудь «ловушку». Если повезет, я подкачу к дому Мэй в половине десятого. С открытым окном и ветерком, гладящим мне руку, утро казалось великолепным! Я слышал, как резким звуком завершился разговор по радио, и приготовился слушать новости, не отвлекаясь от движения.

Как раз когда я собрался съехать на Кейнайн-Роуд, – короткий путь к Форт-Мид, – передали последние новости о крушении самолета в Нью-Йорке.

Мэй подошла к двери, и я последовал за ней из слабо освещенной передней по лестнице наверх, в тесный офис рядом со спальней. В нем было немного предметов: два стоявших рядышком наших письменных стола, бок о бок; профессиональная чертежная доска для ее работ и клетка с белками. Хоть я был слегка выбит из колеи новостью, нас ждала работа. Я заставлял себя сосредоточиться на ближайшей задаче. Я привычно открывал файлы нашего проекта в простом текстовом редакторе – мы от руки писали коды для веб-сайта… И тут зазвонил телефон. Мэй взяла трубку: «Что? В самом деле?»

Поскольку мы сидели рядом очень близко, я слышал пронзительный, громкий голос ее мужа.

На лице Мэй появилось встревоженное выражение. Она открыла новостной сайт на своем компьютере. Единственный телевизор был внизу. Я читал на сайте сообщение о том, что самолет врезался в башни-близнецы Центра международной торговли, когда Мэй сказала:

«Хорошо-хорошо. Вот это да! Ладно», – и повесила трубку.

Она повернулась ко мне.

– Второй самолет только что врезался в другую башню.

До этого момента я думал, что произошел несчастный случай.

– Норм думает, что базу закроют, – добавила она.

– Как, ворота? – ответил я. – Все настолько серьезно? – Тяжесть того, что произошло, еще никак до меня не доходила. Я думал о своих поездках на работу.

– Норм сказал, чтобы ты ехал домой. Он не хочет, чтобы ты тут застрял.

Я вздохнул и сохранил работу, которую только начал. Когда я уже уходил, вновь зазвонил телефон. На этот раз разговор был еще короче. Мэй побледнела:

– В голове не укладывается!

Ад кромешный, хаос – формы древнейших ужасов человечества. И то, и другое предполагает крушение привычного порядка и панику, которая рвется заполнить собой пустоту. До конца моей жизни буду помнить, как ехал возле штаб-квартиры АНБ по Кейнайн-Роуд после того, как было совершено нападение на Пентагон. Безумие лилось из темных застекленных башен агентства, поток истошных криков, звон сотовых телефонов… Машины ревели, разворачиваясь на парковках быстрее обычного, чтобы пробиться к выезду на дорогу. В момент самой злейшей атаки террористов в американской истории персонал АНБ – крупнейшего разведывательного органа связи в американском разведывательном сообществе – тысячами покидал место службы. И этот поток увлек за собой и меня.

Директор АНБ Майкл Хейден издал приказ об эвакуации до того, как большая часть страны узнала о произошедшем. В результате АНБ и ЦРУ (которое тоже 11 сентября эвакуировалось из собственной штаб-квартиры полностью, за исключением небольшой аварийной команды) объяснили свое поведение тем, что одно из агентств потенциально могло бы стать вероятной мишенью для атаки четвертого и последнего угнанного самолета, авиалинии США, рейс 93. Даже скорее, чем Белый дом или Капитолий.

Уж точно я не думал о следующей вероятной цели террористической атаки, выбираясь из транспортного коллапса, где все кинулись разъезжаться с одной и той же парковки одновременно. В тот момент я вообще ни о чем не думал. Я был занят исключительно послушным следованием за всеми, в чем сегодня усматриваю момент тоталитарного поведения. Автомобильные гудки (кажется, я никогда в жизни не слышал, чтобы вблизи американского военного объекта звучал клаксон!) и нестройные радиоголоса, выкрикивавшие все новые подробности об обрушении Южной башни, пока водители держали руль в коленях и лихорадочно нажимали кнопку перенабора своих телефонов… Я все еще помню это в настоящем времени. Помню ту пустоту всякий раз, когда мой звонок затухал в перегруженной сети. Помню постепенное понимание отрезанности от всего мира и скученности – бампер к бамперу. Даже несмотря на то, что я сидел на водительском месте, по сути, я был всего лишь пассажиром.

Сигнал светофора на Кейнайн-Роуд дал дорогу пешеходам, а спецподразделение полиции АНБ приступило к работе по регулированию движения на дорогах. Все последующие часы, дни и недели их будут сопровождать конвои армейских внедорожников с установленными на них пулеметами – охранять новые блокпосты и контрольные пункты. Многие из этих мер безопасности стали постоянными и дополнились бесконечными рядами проволоки и массовой установкой камер слежения. С подобными мерами предосторожности мне было трудно вернуться на базу и проезжать мимо зданий АНБ – до того дня, как я был принят туда на работу.

Эти меры предосторожности, оправдываемые позднее «войной против терроризма», не были единственной причиной моего расставания с Мэй после 11 сентября, хотя свою роль они, несомненно, сыграли. События того дня оставили ее потрясенной. Спустя время мы перестали работать вместе и отдалились друг от друга. Я время от времени перекидывался с ней парой слов – только чтобы убедиться, что мои чувства изменились и я сам изменился тоже. Позже Мэй рассталась с Нормом и переехала в Калифорнию, став для меня совсем чужой. Она была слишком не согласна с войной.

9/12

Попытайтесь восстановить в памяти самое крупное семейное событие, на котором вы когда-либо присутствовали, – может быть, сбор всей семьи. Сколько человек тогда собралось? Человек тридцать или пятьдесят? Хотя все они вместе образуют вашу семью, у вас, вероятно, еще не было возможности лично узнать каждого, пообщаться со всеми по отдельности. Число Данбара – знаменитая оценка того, сколько связей вы осмысленно можете поддерживать на протяжении жизни, – и это сто пятьдесят. А теперь мысленно вернемся в школу. Сколько человек было в вашем классе в начальной школе, а потом в средней? Сколько из них было друзей, а скольких вы просто знали как хороших знакомых и скольких только узнавали в лицо? Если вы посещали школу в Соединенных Штатах, допустим, что это тысяча человек. Что, безусловно, расширяет тот круг, о котором вы можете сказать: это «мои люди», – по крайней мере со всеми вы могли иметь дружеские отношения.

Примерно три тысячи человек погибло 11 сентября. Представьте себе всех, кого вы любили, всех, кого вы знали, даже тех, чьи имена вам просто знакомы или просто лица… И представьте, что их больше нет. Представьте себе пустые дома. Представьте пустую школу, пустые классы. Все они, те люди, среди которых вы жили, – теперь их больше нет. После событий 11 сентября осталась брешь. Бреши в семьях, бреши в обществе. В самой земле…

А теперь подумайте вот о чем: свыше миллиона людей убито в ходе американской ответной операции.

Два десятилетия после 11 сентября – это сеяние американского разрушения в ходе саморазрушения Америки, с применением тайных политических мер, тайных законов, тайных судебных процессов и тайных войн, травматическое воздействие которых – сам факт их существования – правительство США постоянно засекречивает, отрицает, отвергает, извращает. Проработав приблизительно половину этого периода в качестве сотрудника американской разведки и еще примерно половину проведя в изгнании, я знаю лучше, чем многие, насколько часто эти агентства вредят. Мне также известно и то, как сбор и анализ информации превращается в производство дезинформации и пропаганду – которая не менее часто используется против союзников Америки, как и против ее врагов, а порой и против ее собственных граждан. Но, даже зная это, я все еще пытаюсь осмыслить масштаб и скорость трансформации Америки, как

страны, проявлявшей уважение к инакомыслию, в полицейское государство, чья милитаризированная политика требует тотального подчинения – что теперь повсеместно выражается фразой: «Прекратите сопротивление».

Вот почему, когда я пытаюсь понять, как проходили эти два десятилетия, я возвращаюсь к тому сентябрю – ко дню «Граунд Зиро» и его непосредственным последствиям. Возвращаться к той катастрофе – значит подходить к правде более темной, нежели ложь, которая связывает «Талибан» и «Аль-Каиду», и возвращаться к Саддаму Хусейну с выдуманными запасами оружия массового применения. А это, в свою очередь, значило бы отвергать тот факт, что кровавая расправа и злоупотребления, которыми отмечено мое взросление, были рождены не только в системе исполнительной власти и органах разведки, но также в сердцах и умах всех американцев, включая меня.

Я вспоминаю, как изо всех сил старался не быть раздавленным толпой шпионов, в панике мчавшихся из Форт-Мид, когда рухнула Северная башня. Уже на шоссе я, держась за рулевое колесо одной рукой и нажимая кнопки телефона другой, старался безуспешно дозвониться к кому-нибудь из родных, ко всем без разбора. Наконец мне удалось связаться с мамой, которая к тому времени уже ушла из АНБ и работала судебным секретарем в одном из госучреждений Балтимора. Их там по крайней мере не эвакуировали.

Ее голос меня напугал, и вдруг мне ужасно захотелось сделать только одно – подбодрить ее.

«Все в порядке. Я уехал с базы, – говорил я. – У нас нет никого в Нью-Йорке, да?»

«Я… не знаю. Не знаю. Не могу связаться с бабушкой».

«А дед, он в Вашингтоне?»

«Насколько я знаю, он должен быть в Пентагоне».

У меня перехватило дыхание. В 2001 году дед вышел в отставку как офицер Береговой охраны и служил теперь в высшем офицерском составе ФБР в качестве одного из руководителей авиационного сектора. Это значит, что он проводил много времени в многочисленных госучреждениях по всему федеральному округу Колумбия и окрестностям.

Прежде чем я подобрал несколько слов утешения, мама заговорила снова: «Кто-то звонит по другой линии. Возможно, это бабушка. Я отвечу…»

Когда она больше не перезвонила, я набирал ее номер бессчетное количество раз, но не мог дозвониться. Тогда я поехал домой и стал ждать, сидя перед орущим телевизором, и запускал новостные сайты. Новый кабельный модем, который, как мы

быстро убедились, работал намного устойчивее, чем все спутники связи TELECOM и все натыканные по стране вышки сотовой связи, вместе взятые.

Из-за невероятной загруженности дорог мама долго и трудно ехала домой из Балтимора. Она появилась вся в слезах, но нам все-таки повезло. Дед оказался цел и невредим.

Когда впоследствии мы увиделись с бабушкой и дедушкой, было много разговоров – о планах на Рождество и Новый год. Но о Пентагоне и нью-йоркских башнях никто даже не упомянул. Отец, наоборот, рассказал мне о своем 11 сентября живо и подробно. Когда случилась атака на башни, он находился в штаб-квартире Береговой охраны. С тремя сослуживцами он покинул офис Оперативного управления и отыскал конференц-зал, где на большом экране можно было наблюдать за событиями. За ними туда же влетел молодой офицер, который на ходу выкрикнул: «Они только что бомбили Пентагон!» Заметив недоверчивую реакцию, он повторил еще раз: «Я серьезно – они только что бомбили Пентагон». Отец поспешил к окну во всю стену с видом на Потомак, где на противоположном берегу виднелось порядка двух пятых громадного здания Пентагона в клубящихся облаках густого черного дыма.

Чем больше отец предавался воспоминаниям, тем больше меня заинтриговывали эти слова: «Они только что бомбили Пентагон». Они! Кто же эти «они»?

Америка тут же поделила мир на «нас» и «них», и отныне каждый был либо за «нас», либо за «них», судя по известной фразе президента Буша, произнесенной им, пока на пепелище еще тлели обломки. Люди в соседних домах вывесили американский флаг, как бы стараясь показать, на чьей они стороне. Другие собирали красно-бело-синие картонные стаканчики и на каждом переходе у каждой автомагистрали между домом моей мамы и домом моего отца выкладывали из них фразы типа: «Сплотившись, мы выстоим. Помни!»

Я время от времени ездил пострелять в тир, и наряду со старыми мишенями – «бычий глаз» или плоский силуэт – там появились изображения мужчин в арабских головных уборах. В магазинах огнестрельное оружие, которое годами лежало за пыльным стеклом витрин, теперь повсеместно имело табличку «Продано». Американцы стояли в очередях, покупая сотовые телефоны, надеясь на своевременное предупреждение о новых атаках – или по крайней мере на возможность сказать «Прощай» из угнанного террористами самолета.

Почти сто тысяч шпионов вернулись на свои рабочие места в агентствах, как только узнали, что провалили свое

первостепенное дело, а оно заключалось в том, чтобы защищать Америку. Подумайте, какое чувство вины они испытывали! Они, как и всякий тогда, испытывали гнев, но также они испытывали и чувство вины. Разбор их ошибок мог подождать – сейчас главным было искупить этот грех. Тем временем их боссы, пугая угрозой террористических атак, раскручивали кампанию по предоставлению гигантских бюджетов и чрезвычайных полномочий, дабы расширить комплексы вооружений и властвовать не только над воображением публики, но даже и тех, кто одобрил им эти бюджеты.

Двенадцатое сентября стало первым днем новой эры, которую Америка встретила в единодушном порыве, окрепнув за счет ожившего чувства патриотизма, доброй воли и сочувственной поддержки всего мира. Оглядываясь назад, думаю, что моя страна могла бы так много сделать, пользуясь этими возможностями. К терроризму можно относиться не как к теологическому явлению, за которое он себя выдает, а как к преступлению, чем он является на самом деле. Этот редчайший момент солидарности можно было использовать, чтобы укрепить демократические ценности и взрастить жизнестойкость в отныне взаимосвязанном глобальном общественном мнении.

Но вместо этого дело кончилось войной.

Величайшее сожаление всей моей жизни – моя безотчетная, безоговорочная поддержка данного решения. На меня напали, да! Но мое возмущение было «первым звоночком» процесса победы эмоций над рассудком. Я безоговорочно проглотил все утверждения, которые выдавались средствами массовой информации за правду. Я повторял их, словно мне за это платили. Я хотел быть освободителем. Хотел освободить угнетенных. Я принял мантру, сконструированную «для блага страны», которую в своем ошеломлении спутал с самим благом для страны. Мои индивидуальные политические взгляды, которые я выработал, как будто рухнули. Этос хакера, противника любой институциональности, который я впитал в Сети, а также аполитичный патриотизм, который унаследовал от родителей, одновременно испарились из системы моих взглядов. Я был перекован в готовое орудие мести. Самое острое унижение происходит от осознания того, как легко произошла эта трансформация и как податливо я ее принял.

Думаю, я хотел стать частью чего-то большего. До 11 сентября я колебался относительно армейской службы, потому что считал ее бесцельной, а то и просто скучной. Все знакомые, о ком я знал, что они были в армии, служили в мире после холодной войны – между падением Берлинской стены и атаками

2001 года. В этот промежуток, совпавший с моей юностью, у Америки не было врагов. Страна, в которой я вырос, была единственной глобальной супердержавой. Все казалось – по крайней мере мне и таким, как я, – процветающим и устойчивым. Не было нового фронтира, чтобы его отвоевывать, великих гражданских проблем, чтобы их решать, кроме тех, которые были онлайн. Атаки 11 сентября все изменили. И вот наконец появилось поле для битвы.

Мое решение тем не менее встревожило меня. Я думал, что больше пригожусь моей стране у терминала. Но нормальная работа в области информационных технологий казалась слишком комфортабельной и безопасной в мире асимметричного конфликта. Я думал, что буду походить на хакеров из кинофильмов или на ТВ – этакие сцены со стенами мигающих огней, предупреждающих о вирусах, когда ты преследуешь врагов и срываешь их коварные замыслы. К несчастью для меня, основные агентства, которые этим занимались – АНБ и ЦРУ, – пользовались списками требований по найму сотрудников, составленными полвека назад, и часто по традиции настаивали на дипломе об окончании колледжа. Получалось, что если техническая отрасль признавала мои документы об окончании Анн-Арандельского колледжа и квалификацию системного инженера Майкрософт (MCSE) подходящими, то правительство с этим не считалось. Чем больше я собирал материала в Сети, тем больше осознавал, что мир после 11 сентября был миром исключений. Агентства, особенно технического направления, разрастались так быстро, что иногда делались исключения для ветеранов военной службы. И вот тогда я решил поступить на службу в армию.

Вы можете подумать, что мое решение имело смысл или было неизбежностью, отвечало семейным традициям или характеру службы родных. Нет, все было не так. Записываясь в армию, я точно так же бунтовал против устоявшейся преемственности, как и подчинялся ей – потому что, поговорив с новобранцами из всех родов войск, я решил идти в армию, руководителей которой некоторые из моих родственников-пограничников традиционно считали полоумной «американской военщиной».

Когда я сообщил о своем решении маме, она плакала несколько дней. Я лучше знал, как стоит сообщить о своем выборе отцу, который уже достаточно ясно выразился во время гипотетической дискуссии, что я буду растрачивать там свой технический талант.

В день отъезда я написал ему письмо – от руки, а не на принтере. Я объяснил свое решение и подсунул конверт под

переднюю дверь его квартиры. Оно заканчивалось словами, от которых меня до сих пор передергивает: «Прости, папа, – писал я, – но это жизненно необходимо для моего личностного роста».

Икс-лучи

Я вступил в армию, и, как утверждал известный слоган, должен был стать всем тем, кем я могу стать (о Береговой охране не было и речи).

Не помешало бы, если б на вступительных испытаниях я набрал больше очков, чтобы пройти подготовку (чем черт не шутит) на сержанта спецназа, осилив тренировочный цикл, который новобранцы называли 18 Икс-лучей[29]. Он был предназначен для пополнения рядов небольших резервных групп, которые выполняли самые тяжелые боевые задачи во все более частых «невидимых» и неравноправных войнах Америки. Программа 18X была ощутимым стимулом, потому что до 11 сентября я, как полагалось прежде, уже был бы в армии и не имел такого шанса пройти запредельно сложные и необычайно строгие курсы квалификационной подготовки спецназа. Новая система работала на заблаговременный отбор перспективных солдат – с самым высоким уровнем физической, интеллектуальной подготовки и способностями к изучению иностранных языков. Шанс особой подготовки, как и перспектива быстрого продвижения по службе, действовали как безотказная приманка для перспективных кандидатов, которые в любом случае могли завербоваться куда угодно. Я потратил пару месяцев на изнурительные тренировки по бегу и был в великолепной форме, хотя всегда терпеть не мог бег. Специалист по набору пополнения позвонил мне и сообщил, что моя письменная работа была одобрена, я поступил, я это сделал. Я был первым кандидатом, которого он записал на программу. Слышно было, как он горд. В его голосе звучало торжество, когда он сказал, что после обучения меня, вероятно, направят в специальные войска связи: сержантом технической или разведывательной службы.

Вероятно. Но в первую очередь я должен пройти базовое обучение в Форт-Беннинге, штат Джорджия.

Всю дорогу туда, с автобуса на самолет и снова на автобус Мэриленд – Джорджия, я сидел рядом с одним и тем же парнем. Он был огромным опухшим бодибилдером, весившим где-то между 200 и 300 фунтами[30]. Говорил он не переставая, перескакивая с того, как он даст по физиономии сержанту-инструктору, если тот будет грубить, на рекомендации по стероидным циклам для наиболее эффективного набора массы тела. Кажется, не заткнулся он ни разу, пока мы не прибыли на тренировочную базу Сэнд-Хилл[31] в Форт-Беннинге, где, насколько мне не изменяет память по прошествии этих лет, песка

было не так уж много.

Инструкторы приветствовали нас с выражением затаенной ярости и наградили прозвищами, основанными на наших первых шагах с неизбежными оплошностями в соблюдении правил. Как же пропустить, например, столь грубую ошибку, как то, что парень вылез из автобуса в яркой рубашке с флористическим принтом? Многие имена или фамилии тоже нетрудно переделать во что-нибудь более забавное. Так я моментально стал Снежинкой, а мой дорожный спутник – Маргариткой или просто Дейзи, и все, что ему оставалось, – это сжать зубы (посмел бы он сжать кулаки!) и молча пыхтеть.

Как только инструкторы заметили, что мы с Дейзи уже знакомы и он – самый тяжелый во взводе, а я – самый легкий, с весом 56 кг при росте 175 см, они решили развлечься по полной и быстренько поставили меня в пару с этим тяжеловесом. Я все еще помню упражнение по выносу раненого товарища с поля боя: расстояние с футбольное поле и можно использовать разные методы типа «волочение с захватом за шею», «пожарный» и особенно уморительный – «вынос невесты». Когда я пытался нести Дейзи на руках, меня из-за его туши не было видно. Он, казалось, плыл по воздуху, хотя я под ним потел и ругался, стараясь протолкнуть его гигантский зад за линию ворот, прежде чем рухнуть наземь. Тогда Дейзи вскакивал, взваливал меня себе на шею, как мокрое полотенце, и начинал бегать вприпрыжку, словно дитя, выросшее в лесу.

Мы все время были грязные, все время у нас что-то болело, однако через несколько недель я был в лучшей физической форме за всю мою жизнь. Худощавое сложение, которое я раньше воспринимал как наказание, скоро превратилось в преимущество, поскольку очень многое из того, что мы делали, представляло собой упражнения с собственным телом. Дейзи не мог лазать по канату, а я в один миг взбегал вверх, как бурундук. Он мучился, поднимая свой невероятный торс над турником, чтобы выполнить хотя бы минимум подтягиваний, а я мог подтянуться в два раза больше норматива одной рукой. Он с трудом отжимался от силы раз-другой, проливая пот, а я это выполнял с хлопками между отжиманиями, а то и с упором только на большие пальцы рук. Когда мы сдавали двухминутный тест на отжимание, меня останавливали раньше времени, чтобы не превышать норматив.

Куда бы мы ни шли, мы маршировали – или бежали. Бегали мы постоянно. Мили и мили до приема пищи, мили и мили после! Бежали по дорогам, полям и беговой дорожке, а сержант при этом громко отсчитывал шаги, выкрикивая вирши наподобие таких:

Я еду в пустыню
И только вперед!
Со мною мачете
И враг не уйдет.

Раз-два, раз-два! Бей-бей-бей!
Пуль, патронов не жалей!

Враг прячется в норах,
Сидит среди скал.
Я кину гранату –
И всех наповал!

Раз-два, раз-два! Бей-бей-бей!
Пуль, патронов не жалей!

Бежать строем, повторяя слова речевок, – это умиротворяет; твое «я» находится как бы вовне. В ушах стоит гул десятков мужских голосов, эхом вторящих твоему крику, вынуждая тебя неотрывно следить за движением ног бегущих впереди тебя. Совсем скоро ты перестаешь о чем-то думать, а просто мысленно ведешь счет, в то время как твое сознание переплавляется в сознание неприметного рядового, занятого только тем, как ставить ногу и бежать милю за милей вместе со всеми. Я бы назвал это состояние безмятежностью, если бы оно не было таким беспросветным. Скажу иначе: я был бы в гармонии с собой, если бы не был таким усталым. Именно этой цели и добивалась армейская подготовка. Сержант-инструктор не получит своей оплеухи не столько из-за страха «дающего», сколько из-за его переутомления: не стоит тратить силы зря. Армия создает бойца, прежде всего обучая его сражаться «за пределами себя»; измотанного настолько, что появляется безразличие ко всему прочему, кроме готовности выполнять команды.

Только вечером в казарме мы могли немного передохнуть, но и это следовало еще заслужить – отработать, выстроившись в линию перед нашими койками. Мы громко повторяли «Солдатское кредо»[32] и пели «Звездами усыпанное знамя»[33]. Дейзи вечно забывал слова. К тому же у него совсем не было слуха. Некоторые ребята подолгу не засыпали, толкуя о том, что бы они сделали с бен Ладеном, если бы они его нашли (все поголовно были уверены, что именно они его найдут). Фантазии в основном вертелись вокруг обезглавливания, кастрации и разъяренных верблюдов. А мне тем временем снился бег, но не по

роскошной, покрытой пышной растительностью глинистой Джорджии, а по пустыне.

Где-то на третьей или четвертой неделе мы вышли на занятие по ориентированию: когда твой взвод идет в лес и совершает дальний переход по неоднородной местности к указанной цели, прокладывая маршрут, карабкаясь на валуны и переходя вброд потоки, имея только карту и компас – ни GPS, ни цифровой технологии. Мы уже совершали такие вылазки раньше, но еще ни разу – в полном снаряжении, когда каждый из нас тащит на себе рюкзак с экипировкой весом в двадцать два с лишним килограмма. Хуже всего было то, что выданные мне армейские ботинки оказались слишком широки, и мои ступни в них буквально болтались. Волдыри появились на пальцах ног еще до того, как я пошел скакать по всей этой местности.

К середине движения я вышел к высоте и влез на поваленное бурей дерево, висевшее над тропинкой на уровне груди – нужно было взять азимут и определить, куда двигаться дальше. Убедившись, что мы на правильном пути, я собрался спрыгнуть и уже опустил одну ногу, как вдруг прямо под собой увидел на земле свернувшуюся в кольцо змею. Я совсем не натуралист, поэтому не могу знать, какой точно породы она была – но не все ли равно! Детям в Северной Каролине постоянно внушают, что все змеи смертельно опасны, и я тогда вовсе не собирался брать этот факт под сомнение.

Вместо этого я попытался пройти по воздуху. Я еще шире – в два или три раза – расставил ноги и вдруг понял, что падаю. Когда мои ноги коснулись земли на некотором расстоянии от змеи, их как будто огонь прожег. Это было больнее, чем если бы меня ужалила любая гадюка. Несколько неуверенных шагов, которые я сделал, чтобы восстановить равновесие, убедили меня, что дела неважные. Даже чересчур: боль была невыносимая. Но я не остановился, поскольку был в армии и мой взвод шел через лес. Я собрал все свое самообладание, вытеснил ощущение боли и просто сконцентрировался на поддержании равномерного ритма шагов – раз-два, раз-два, левой, правой, полагая, что ритм меня отвлечет.

Идти было все труднее, но я продолжал шагать. И хотя я сумел превозмочь боль и дошел, единственная причина тому – то, что у меня не было выбора. Пока я дошел до казармы, ноги совершенно онемели. Моя койка была верхней, и я едва сумел на нее взобраться. Пришлось ухватиться за столб, подтянуться, как будто выходишь из бассейна, а потом еще одним усилием перенести нижнюю часть туловища.

На следующее утро я был оторван от целительного сна

звоном металлического бака для мусора, брошенного между кроватями в знак того, что кто-то нес службу не настолько исправно, чтобы удовлетворить этим сержанта-инструктора. Я взметнулся автоматически, перенес свое тело через край и спрыгнул на пол. Когда я приземлился, мои ноги не выдержали. Они подогнулись, и я упал. Казалось, их у меня нет вовсе.

Я попытался встать, хватаясь за нижнюю койку и пробуя повторить свой маневр с подтягиванием на руках, но, как только я пошевелил ногами, каждый мускул в моем теле судорожно сжался, и я пополз вниз.

Тем временем вокруг меня собралась толпа, со смехом, который сменился озабоченностью, а потом тишиной, когда подошел инструктор. «Что с тобой, чудило? – осведомился он. – Встань сейчас же с моего пола, иначе я тебя втопчу в него напрочь!» Тут он увидел гримасу острейшей боли у меня на лице, когда я немедленно, не задумываясь, попробовал выполнить его команду, и положил ладонь мне на грудь, чтобы остановить. «Дейзи! Перенеси Снежинку на лавку». Потом он наклонился ко мне, как будто не хотел, чтобы остальные услышали его тогда, когда он был внимателен и мягок, и тихо проскрипел: «Когда там откроют, рядовой, потащишь свой разбитый зад в санитарную часть».

Быть в армии раненым – большой позор, прежде всего потому, что армия существует не для этого. Армия существует, чтобы научить солдат чувствовать себя непобедимыми, к тому же ей приходится отбиваться от обвинений из-за несчастных случаев во время тренировок. Именно по этой причине все жертвы тренировочных травм третируются как нытики или – еще хуже – как симулянты.

Перенеся меня на лавку, Дейзи отошел в сторону. Он не страдал от боли – а тех, кто страдал, держали отдельно от остальных. Мы были неприкасаемыми, прокаженными, непригодными к обучению – из-за чего угодно, от растяжений, порезов и ожогов до сломанных лодыжек и некротизированных укусов ядовитых пауков. Мои новые боевые товарищи вынуждены были отойти от моей скамьи позора. Боевой товарищ – это тот, кто по уставу идет туда, куда идешь ты, точь-в-точь как ты идешь туда, куда идут все (если только есть хотя бы один-единственный шанс, что кто-то из вас может идти один). Быть в одиночестве – значит начать думать, а думая, можно причинить армии проблемы.

По воле судьбы, мой «товарищ по несчастью» был изящен и красив – прямо картинка из каталога, вылитый «Капитан Америка»! Он повредил бедро неделей раньше, но не принял

никаких мер, пока боль не стала невыносимой, сделав его таким же калекой, как и меня. Ни один из нас не был расположен разговаривать, и мы ковыляли на костылях в унылом молчании: раз, два, раз, два – только медленнее, чем на занятиях. Мне сделали в госпитале рентген и сообщили, что у меня двусторонний перелом большеберцовой кости обеих ног. Это стрессовые переломы – то есть когда поверхностные трещины от времени и нагрузки углубились, что привело к дополнительному слому кости до самой середины. Все, чем можно было помочь излечению своих ног, – это отказаться от их использования и как-то обходиться без них. С такими комментариями я был выдворен из приемной и отправлен обратно в батальон.

Я не только не мог ходить, но и уехать без своего «товарища по несчастью» тоже не мог. Он ушел на рентген после меня и пока не вернулся. Полагая, что его все еще обследуют, я стал ждать. Проходили часы. Чтобы убить время, я читал газеты и журналы – недопустимая роскошь для рядового на стадии базовой подготовки.

Вошла санитарка и сказала, что мой сержант-инструктор на проводе. Пока я доковылял до конторки с телефоном, тот был в бешенстве. «Снежок! Ты там читаешь? Может, тебя там еще и манной кашей покормят или дадут несколько экземпляров «Космо» для девочек? Ты почему, паразит, еще не выехал?»

«Сарж…!» Я поперхнулся и невольно произнес слово «сержант» почти так, как все говорили в Джорджии, где мой южный выговор стал проявляться вновь. «Я жду своего товарища, сержант».

«А где его носит, Снежок?»

«Сержант, я не знаю. Он отправился к врачу на обследование и еще не вернулся».

Мой ответ его не обрадовал, и он заорал еще громче: «Так подними свою покалеченную задницу и пойди поищи его, скотина!»

Я встал и на костылях пошел к стойке записи, чтобы навести справки. Там мне сказали, что мой товарищ в операционной.

Лишь ближе к вечеру, после шквала звонков от сержанта, я узнал, что происходит. Мой «товарищ по несчастью» всю прошлую неделю, ясное дело, ходил, опираясь на сломанное бедро, и если бы теперь не был безотлагательно прооперирован, то остался бы калекой на всю жизнь. Перелом был настолько сложным и «острым как нож», что могли необратимо пострадать крупные нервы.

Меня отправили обратно в Форт-Беннинг одного и уложили на отдельную койку. Всякий, кто проводил на ней три-четыре дня,

попадал под серьезный риск «пройти цикл заново», то есть повторить базовую подготовку с нуля. Или того хуже: его могли перевести в медсанчасть и отправить домой. А многие ребята всю свою жизнь мечтали служить в армии. Для них служба в армии была единственным выходом из жестокой семьи или зашедшей в тупик карьеры. Теперь перед ними маячила перспектива провала и возвращения «на гражданку» непоправимо сломленными.

Мы были изгоями, ходячим хромающим «адом», и у нас не было никаких дел, кроме как по полдня сидеть на скамейке, подпирая кирпичную стенку. Из-за травмы нас считали негодными к несению службы, и платой за это было то, что от нас все пятились и мы торчали отдельно от всех. Как будто сержант-инструктор опасался, что мы заразим остальных своей слабостью или мыслями, которые неминуемо приходят в голову, когда сидишь на скамье в одиночестве. Наказание было посильней физической боли, особенно когда нас вдобавок лишили такой маленькой радости, как праздничный фейерверк 4 июля[34]. Вместо того чтобы им любоваться, мы в ту ночь были зачислены в «противопожарный патруль» – смотреть, чтобы пустые здания не загорелись.

Мы дежурили в противопожарном патруле по двое в смену, и я, делая вид, что от меня есть какая-то польза, стоял в темноте на костылях рядом со своим напарником. Он был милым, простым, крепким восемнадцатилетним парнем с подозрительной, вероятно, самонанесенной раной. По его собственному мнению, ему ни в коем случае не следовало записываться в армию. Фейерверки гремели где-то поодаль, а он рассказывал, какую совершил ошибку и до какой жуткой степени был одинок, как скучал по родителям и родному дому, по семейной ферме где-то далеко в Аппалачах.

Я сочувствовал ему, хотя что я мог поделать – разве что послать выговориться к капеллану[35]. Хотел дать стандартный совет типа «подбери сопли»: мол, «привыкнешь – станет легче». Но тут он навис надо мной всем своим мощным телом и с детской непосредственностью напрямую признался, что уже не раз убегал (в армии это считается преступлением). А потом поинтересовался, расскажу ли я кому-нибудь. Только тут я заметил, что у него с собой мешок для прачечной – он дал понять, что собирается бежать сию же минуту!

Не знаю, как поступают в таких ситуациях – особенно когда был доверительный разговор – поэтому я попытался как-то его урезонить. Я убеждал его, что пускаться в бега – плохая идея, которая кончится ордером на его задержание, и что любой коп в этой стране сцапает его на всю оставшуюся жизнь. Но парнишка

только тряс головой. Там, где он живет, – далеко в горах, твердил он, нет никаких копов.

Я сообразил, что он уже принял решение. Он был гораздо подвижней и крупней меня, и если бы он побежал, я бы не смог его догнать. А если бы я попытался его остановить, он переломил бы меня пополам. Все, что я мог сделать в этой ситуации, – это доложить об услышанном. Но сделай я это, сам получил бы взыскание за то, что позволил подобному разговору зайти слишком далеко, не позвал на помощь и не побил парня костылем.

Я был зол. Я заметил, что кричу на него. Почему бы ему не подождать, когда я пойду в нужник, чтобы воспользоваться моментом? Чего ради он поставил меня в такое положение?

Он тихо сказал: «Ты единственный, кто умеет слушать». Произнес это и стал плакать.

Печальнее всего, что случилось в ту ночь, – это то, что я ему поверил. Среди одной четвертой тысячи человек он был одинок. Мы стояли молча, а вдали взрывались и гремели фейерверки. Я вздохнул и сказал: «Мне надо сходить по нужде. Я скоро вернусь». И заковылял прочь, не оглядываясь назад.

Я видел его тогда в последний раз. Мне кажется, я сам понял – там и тогда, что в армии я тоже ненадолго.

Очередное посещение врача послужило тому подтверждением. Доктор, высокий тощий южанин с кривой гримасой, после осмотра и новой порции рентгена сообщил, что мое состояние не позволяет мне тренироваться вместе со своей ротой. Десантирование было следующей стадией наших упражнений, и он сказал: «Сынок, если ты прыгнешь на такие ноги, от них останется пыль».

Я впал в уныние. Если мне не удастся закончить весь базовый цикл подготовок вовремя, то я не проскочу в 18X, и тогда меня перераспределят согласно нуждам армии. Пошлют куда сочтут нужным: обычным пехотинцем в регулярную армию, механиком, канцелярской крысой, чистильщиком картофеля на кухню или – а это был самый страшный мой кошмар – информационным специалистом в службе технической поддержки армии.

Доктор, должно быть, заметил, как я угнетен, потому что откашлялся и дал мне возможность выбирать: я мог пройти цикл заново и попытать счастья в перераспределении; или же он мог написать заключение, с которым меня бы списали – «принудительное увольнение с военной службы по решению начальства». Это, как он пояснил, особый случай увольнения из армии, ни к славе, ни к позору отношения не имеющий, и он применим только для контрактников, прослуживших менее шести

месяцев. Разрыв без выяснений и скандалов, вчистую. И воспользоваться им надо очень быстро.

Я решил принять его предложение – сама идея мне понравилась. В глубине души я даже подумал, что это, может быть, кармическое воздаяние за ту милость, которую я оказал жителю Аппалачских гор, который пустился в бега. Доктор оставил мне время на размышления. Когда через час он вернулся, я принял его предложение.

После этого довольно быстро я был переведен в медсанчасть, где мне сказали, что в силу административного решения я должен подписать заявление о том, что мне намного лучше, а кости совершенно срослись. Потребовалась моя подпись, хотя обставлено все было как обычная формальность – мол, подписал всего несколько бумажек и можно идти.

Я держал бланк заявления в одной руке и ручку в другой, и понимающая улыбка вдруг мелькнула на моем лице. Я распознал «хак»: то, что мне показалось добрым и великодушным предложением заботливого армейского доктора захворавшему новобранцу, на самом деле было одобренным государством способом избежать иска о возмещении вреда здоровью. По правилам военной службы, если бы я получил увольнение по состоянию здоровья, государству пришлось бы оплачивать счета на любые медицинские мероприятия, связанные с вытекавшими из моей травмы последствиями, на все виды лечения и препараты, которые бы потребовались. Увольнение по решению начальника возлагало это бремя на меня, и теперь моя свобода зависела от моей готовности его принять.

Я поставил подпись и в тот же день уехал – на костылях, которые армия разрешала оставить себе.

Чистый и влюбленный

Точно уже не помню, когда в процессе моего выздоровления я начал думать достаточно ясно. Сперва понемногу убывает физическая боль, потом постепенно отступает депрессия, и, после нескольких недель пробуждений, когда бессмысленным взглядом провожаешь стрелку часов, вдруг исподволь начинаешь сам верить в то, что окружающие постоянно тебе пытаются внушить, – что ты еще молод и у тебя есть будущее. Я сам это почувствовал, когда наконец смог стоять прямо и ходить самостоятельно. И то была одна из мириад безусловных истин, как любовь ко мне моих родных, вещей, которые я раньше принимал как должное.

Когда я сделал свою первую вылазку в садик позади маминой квартирки, то я подумал, что есть еще одна вещь, которую я принимал как должное: мой талант к технике.

Простите, если звучу самовлюбленно, но по-другому, наверно, и не скажешь: мне всегда настолько легко давалась работа с компьютерами, что я фактически не относился к своим способностям всерьез. Я не нуждался в похвале за это умение – вместо этого я хотел признания на каком-нибудь другом поприще – том, что давалось мне труднее. Я хотел показать, что я не «мозг в стеклянной колбе», но также сердце и мышцы.

Этим объясняется мой финт с армией. В ходе выздоровления я понял, что, хотя этот опыт и ранил мою гордость, он все равно укрепил мою уверенность в себе. Я стал сильнее и уже не столько боялся боли, сколько был ей благодарен за то, что она послужила моему самосовершенствованию. Жизнь по эту сторону колючей проволоки становилась все легче. Если хорошенько подумать напоследок, то все, чего мне стоила армия, – это волосы, которые потом отросли, и хромота, которая постепенно проходила.

Я был готов посмотреть фактам в лицо: если у меня еще есть потребность служить своей стране (а я, вероятней всего, буду ей служить), то я это буду делать головой и руками – работая на компьютерах. Это единственная возможность сделать для своей страны все, на что я способен. Хоть я и не мнил себя ветераном, но мне, прошедшему через тяготы армейской жизни, стоило попробовать начать работу в разведывательном агентстве – там, где мои таланты были бы наиболее востребованы и, возможно, как следует испытаны.

Так я смирился с тем, что теперь, когда оглядываешься назад, кажется неизбежностью – с необходимостью получить допуск к секретной работе. Вообще, существует три степени секретности, снизу доверху: «для служебного пользования», «секретно, не

подлежит разглашению» и «совершенно секретно». Последний уровень защиты может быть в дальнейшем расширен за счет дополнительной оговорки – «sensitive compartmented information» («секретная информация с особым режимом хранения»), что влечет за собой желаемую форму допуска – TS/SCI («top secret / sensitive compartmented information»), необходимую для получения должности в престижных агентствах – ЦРУ и АНБ. Бесспорно, форму TS/SCI очень трудно получить, но она открывает многие двери. Поэтому я вернулся в свой Анн-Арандельский колледж – на время, пока я искал работодателя, который мог бы оплатить мое заявление на прохождение самой строгой проверки для получения нужного допуска – «Проверки анкетных данных»[36]. Поскольку процесс утверждения допуска TS/SCI длится целый год, я от души рекомендую его всем, кто проходит реабилитацию после травмы. Все, что требуется, – это заполнить несколько бумаг, а потом, лежа с высоко поднятыми ногами в гипсе, стараясь не совершать ничего предосудительного, пока федеральное правительство не вынесет свой вердикт. От вас, собственно, больше ничего не зависит.

На бумаге я был идеальным кандидатом. Я ребенок из военной семьи, где почти каждый взрослый прошел тот или иной уровень проверки на благонадежность. Я сделал попытку записаться в армию, чтобы сражаться за свою страну, хотя несчастный случай вывел меня из строя. У меня не было ни криминального прошлого, ни привычки к наркотикам. Из финансовых обязательств на мне висел только студенческий долг за курсы на сертификат Майкрософт, но я еще ни разу не пропустил сроков платежа.

Ни одно из этих обстоятельств, впрочем, не мешало мне нервничать.

Я регулярно ездил на занятия в Анн-Арандельский колледж и обратно, а Национальное бюро проверки анкетных данных тем временем копалось во всех аспектах моей жизни и собирало показания обо мне почти у каждого, с кем я знался: родители, вся моя обширная семья, одноклассники и друзья. Наверняка они рылись в моих «неровных» школьных ведомостях, и, без сомнения, не упустили возможности поговорить с кем-нибудь из учителей. Очень может быть, что опросили Мэй с Нормом, а также парня, вместе с которым я торговал летом мороженым в парке «Шесть флагов». Целью таких проверок является не только желание найти, что я сделал не так, но и отыскать вещи, с помощью которых меня можно скомпрометировать или шантажировать. Органам разведки не нужно, чтобы ты на все 100 % был идеально чист – ведь если бы такое в принципе было

возможно, то некого было бы нанимать на работу. Вместо этого ты должен быть честен, как робот, – чтобы показать, что у тебя нет ни одного грязного секрета, который мог бы быть по воле недругов использован против тебя, а значит, и против агентства.

Это, конечно, стало предметом для раздумий, пока я стоял в дорожной пробке, и все мгновения жизни, о которых я мог бы сожалеть, проносились в моей голове. Ничто из того, что я вспоминал так горько, ни на грамм не могло удивить бывалого дознавателя из бюро, где привыкли докапываться до человеческих слабостей и достоверно знали про какого-нибудь аналитика средних лет, работающего на «фабрике мыслей», что тот носит подгузники и любит, когда его шлепают пожилые дамы в кожаном белье. Но у меня оставалась еще одна параноидальная идея, которую продуцировал этот процесс: вам не надо быть скрытым фетишистом, чтобы делать то, что вас смущает, и бояться, что незнакомые люди могут неправильно вас понять, если ваши тайны будут выставлены на всеобщее обозрение. Я хочу сказать, что, черт возьми, я вырос в эпоху Интернета – а если в нем вы не залезли в какой-то очень нескромный или грубый сайт, значит, вы буквально вчера к нему подключились. Хотя как раз из-за порнографии я не особенно переживал. Все ее смотрят, а те, кто сейчас мотает головой, тоже не переживайте: я чужих тайн не выдаю. Мои поводы для беспокойства были более личного свойства: бесконечная череда глупых ура-патриотических высказываний и масса еще более глупых мизантропических призывов, от которых я впоследствии открестился бы сам в процессе своего личностного становления. Другими словами, я беспокоился о логах чатов и постах на форумах, переживал за все тупые комментарии, которые рассылал направо и налево, играя в игры и посещая хакерские сайты. Когда пишешь под псевдонимом, пользуешься свободой, причем часто безрассудно. А поскольку главным аспектом культуры раннего Интернета было постоянное состязание за самое зажигательное высказывание, то нередко я, не колеблясь, предлагал бомбить страну, где облагали налогом видеоигры, или хотел загонять людей, которые не любят аниме, в лагеря для перевоспитания. Никто на таких сайтах не принимал подобные вещи всерьез, тем более я сам.

Когда я зашел туда снова и перечитал свои посты, то содрогнулся от страха и стыда. Половина из того, что я тогда писал, совсем не имелась в виду. Я просто искал внимания. Но я вовсе не предполагал, что за свои шалости мне придется объясняться с седовласым человеком в роговых очках, вперившим взгляд в кипу бумаг громадной папки с ярлыком «Личное дело». Другая половина сказанного казалась еще хуже, потому что я был

уже не тот ребенок, что раньше. Я вырос. Как я сейчас попросту не узнал бы свой прежний детский голос, так же активно я не приемлю те несуразные, спровоцированные гормонами высказывания. Я увидел, что готов спорить с призраком. Я хотел сражаться с тем бестолковым, ребячливым, временами жестоким призраком самого себя, которого больше не существует. Мысль о том, что он будет преследовать меня до конца моих дней, была невыносима, но я не знал наилучшего способа выразить раскаяние и положить некий барьер между ним и собой, и не представляю себе даже попытку это сделать. Отвратительно быть таким безнадежно, технологически привязанным к прошлому, о котором полностью сожалеешь, но которое никак не можешь забыть.

Такова, наверно, самая распространенная проблема моего поколения, первого из тех, кто вырос в Сети. Мы взращивали нашу идентичность почти без постороннего контроля, но и без единой мысли о том, что наши необдуманные реплики и пошловатые шутки будут сохранены в веках и что в один прекрасный день от нас потребуют объяснения. Я уверен, что каждый, кто сидел в Интернете раньше, чем нашел работу, отнесется к моим словам с пониманием. Безусловно, у каждого есть «тот самый» пост, который вызывает на душе тревогу, или посланный по электронной почте текст, за который могли бы уволить…

Моя ситуация все-таки немного отличалась тем, что на большинстве электронных досок объявлений в мое время старые посты можно было уничтожить. Я мог бы ввести два крошечных набора символов – даже не то чтобы написать настоящую программу, – и все мои посты испарились бы менее чем за час. Сделать это было бы проще простого. Поверьте, я все продумал.

Но сделать так я не смог. Что-то все время мешало. Ощущение, будто так поступать нельзя. Вроде бы не скажешь, что стереть свои посты с лица Земли – это что-то противозаконное. И даже при проверке на благонадежность это не могло бы мне навредить, случись кому-то узнать. Меня угнетала сама перспектива заниматься подобным. Это послужило бы упрочению самой из вредоносных тенденций в Сети: после этого уже никто не будет иметь права на ошибку, а всякому, кто все-таки сделает ошибку, придется отвечать за нее всю жизнь. Меня в данном случае не столько волновала сохранность написанного, сколько сохранность моей собственной души. Я не хотел жить в мире, где каждый должен был притворяться, будто он совершенен, поскольку тогда в этом мире не было бы места ни мне, ни моим друзьям. Стереть свои комментарии означало бы, что стерто то,

кем я был, откуда я был и как далеко я зашел бы. Отрицать мое собственное более юное «я» означало бы отрицать состоятельность меня сегодняшнего.

Я решил оставить все как есть и подумать, как мне с этим жить. Я даже решил, что подлинная верность этой позиции потребовала бы, чтобы я продолжал размещать свои посты. Когда-нибудь я перерасту и свои новые взгляды. Но мой изначальный импульс останется непоколебимым – если, конечно, он был сколько-нибудь важным шагом в моем собственном развитии. Мы не можем стирать в Интернете то, что вызывает в нас стыд, – как и «отменять» поступки, за которые нам стыдно. Мы способны лишь на управление своими реакциями: либо мы позволим прошлому давить на нас, либо мы вынесем свой урок, будем расти и двигаться дальше.

Вот то самое первое, что можно было бы назвать принципом и что пришло мне в голову в то праздное, но насыщенное размышлениями время. И как бы это ни было трудно, я пытался жить по этим принципам.

Хотите верьте, хотите нет, но единственными следами моего существования, чьи прошлые итерации никогда не оставляли во мне что-то хуже легкого смущения, были мои появления на сайтах знакомств. Подозреваю, это связано с тем, что там я должен был писать кому-то в предвкушении, что их слова на самом деле что-то значат, раз уж весь смысл онлайн-знакомств сводился к тому, что кто-то воспринимал мои слова, а значит, и меня, всерьез.

Я присоединился к сайту под названием HotOrNot.com, самому популярному среди рейтинговых сайтов ранних 2000-х наряду с RateMyFace и AmIHot. (Их самые удачные черты были объединены молодым Марком Цукербергом в проекте FaceMash, который позже превратился в Facebook.) HotOrNot был самым популярным из всех этих ранних «дофейсбучных» рейтинговых сайтов по одной простой причине: он был лучшим среди немногих, содержавших компонент знакомств.

Собственно, как он работал: пользователи голосовали за фотографии друг друга – «горячий или нет»? Для зарегистрированных пользователей имелась дополнительная функция – возможность контактировать с другими зарегистрированными пользователями, если каждый отметил фото другого и кликнул «Встреться со мной». Этот банальный и тупой прием сработал – именно так я встретил Линдси Миллс, подругу и любовь моей жизни.

Глядя на фотографии сейчас, я умиляюсь тому, какой 19-летняя Линдси была простоватой, неуклюжей и пленительно

стеснительной. Хотя для меня в то время она была знойной, абсолютно взрывоопасной блондинкой. Более того, сами ее фотографии были красивыми: они имели серьезные художественные достоинства: целые автопортреты, а не селфи. Они привлекали внимание и удерживали его. Ненавязчиво и скромно играли со светотенью. В них даже был намек на самоиронию. Одно фото запечатлело ее в лаборатории, где она работала, другое – когда она не видела камеру.

Я поставил всем ее снимкам по десять баллов. К моему удивлению, мы с ней «совпали». Она поставила мне «восьмерку» (мой ангел!). Очень скоро мы уже болтали в чатах. Линдси изучала искусство художественной фотографии. У нее был собственный веб-сайт, где она вела дневник и выставляла больше фотографий – леса, цветы, заброшенные фабрики и, что мне нравилось больше всего, – ее портреты.

Я перерыл весь Интернет, ища все новые факты для того, чтобы создать полную картину. Город, где она родилась (Лорел, штат Мэриленд), название ее школы (MICA, Мэрилендский институт-колледж искусств). В итоге признался, что практически шпионил за ней. Чувствовал себя последним гадом, но Линдси заявила в ответ: «Я все это время тоже искала сведения о вас, мистер!» И выдала целый список фактов из моей биографии.

То были самые приятные слова, какие мне только довелось слышать в жизни. И все же я не стремился увидеть ее собственной персоной. Мы назначили встречу, и, по мере того как назначенный день приближался, моя нервозность только увеличивалась. Пугающая перспектива – перевести онлайн-отношения в офлайн. Это было бы страшно, даже если б в мире не было убийц с топорами и жуликов. По моему опыту, чем больше общаешься онлайн, тем больше разочарований бывает при встрече. Вещи, которые легче всего сказать с экрана, становятся самыми трудными, когда говоришь их лицом к лицу. Дистанция благоприятствует духовной близости: никто не говорит так открыто, как тот, кто в одиночестве разговаривает с кем-то невидимым, находящимся где-то в другом месте. Попробуйте встретиться с этим человеком – и свобода исчезнет. Беседа более безопасна и управляема, когда это общий разговор на нейтральной территории.

В Сети мы с Линдси стали закадычными друзьями, и я боялся потерять это доверие при встрече. Иными словами, я боялся, что меня отвергнут.

А не надо было.

Линдси, которая настояла, что будет за рулем, условилась, что заедет за мной к кондоминиуму моей мамы. В назначенный

час я стоял в сумеречном холоде на пороге дома, по телефону подсказывая ей, как проехать по одинаково называемым и похожим между собой улочкам маминого района. Я смотрел во все глаза, ожидая ее золотистый «Шевроле Кавалер» 1998 года, и внезапно был ослеплен: сноп света ударил мне в лицо со стороны бордюра. Это Линдси дальним светом фар осветила снег между нами.

«Пристегнись!» – первые слова, которые Линдси сказала мне при нашей личной встрече, когда я сел в машину. Потом она спросила: «Какие планы?»

Только тогда я сообразил, что, хотя не переставая думал о ней, я ни разу не подумал, куда мы, собственно, поедем.

Окажись я в подобной ситуации с любой другой женщиной, я бы сымпровизировал, чтобы как-то выкрутиться. Но с Линдси все иначе. С Линдси это не имело значения. Она ехала по любимой дороге – у нее был любимый маршрут, – и мы разговаривали, пока не заехали в Гилфорд, где остановились на парковке у торгового центра Лорел-Молл. Мы просто сидели в машине и разговаривали.

Лучшего ничего не могло и быть! Разговор лицом к лицу не был простым продолжением наших телефонных звонков, электронных писем и чатов. Наше первое свидание было продолжением нашего первого контакта онлайн и началом разговора, который будет длиться столько, сколько мы захотим. Мы говорили о наших семьях – вернее о том, что от них осталось. Родители Линдси тоже были в разводе. Отец и мать у нее жили на расстоянии двадцати минут пути, и в детстве Линдси постоянно кочевала между их домами. Она жила «на чемоданах», все время переезжая. По понедельникам, средам и пятницам она ночевала в своей комнате в доме матери. По вторникам, четвергам и субботам она ночевала в своей комнате в доме отца. Драматизм воскресенья был в том, что она могла выбирать.

Она указала, что у меня плохой вкус, и раскритиковала мой выходной прикид: рубашка с воротником на пуговицах поверх майки-алкоголички и джинсов (прошу прощения!). Она сообщила мне о двух других парнях, с которыми также встречалась и о которых она уже упоминала онлайн. Даже Макиавелли не покраснел бы, слушая, как осторожно я стал подкапываться под них (и не прошу прощения!). Я тоже все ей рассказал про себя, включая тот факт, что мне нельзя будет говорить с ней о своей работе (к которой я даже еще не приступал). Получилось до смешного напыщенно, и она дала мне это понять, важно кивая и поддакивая.

Я сказал ей, как меня беспокоит предстоящее тестирование

на полиграфе, требуемое для подтверждения моей благонадежности, и она предложила потренировать меня – как бы понарошку все отрепетировать. Сама ее жизненная философия была безупречным тренингом: скажи, чего ты хочешь; скажи, кто ты есть; никогда не стыдись. Если они тебя отвергнут, это их проблема. Мне никогда ни с кем не было так легко и никогда не хотелось, чтобы кто-то вот так покритиковал меня за мои недостатки. Я даже разрешил ей меня сфотографировать.

Ее голос звучал у меня в голове, когда я ехал в АНБ в комплекс с необычным названием Friendship Annex – «Дружеский филиал» – на заключительное интервью для получения допуска. Я оказался в комнате без окон, привязанный, как заложник, к простому офисному стулу. Вокруг груди и живота у меня были пневмографические трубки для измерения дыхания. На кончиках пальцев – зажимы, проверяющие электрическую активность кожи, а пневматическая манжета на руке измеряет частоту сердечных сокращений. Датчик на кресле фиксирует мелкие суетливые движения и перемену положения тела. Все эти приборы – привязанные, прицепленные, застегнутые и затянутые ремнями вокруг моего тела – были соединены с большой черной машиной, стоящей на столе прямо напротив меня: полиграфом.

По ту сторону стола, на более элегантном кресле, сидела полиграфолог. Она напомнила мне одну мою бывшую учительницу, и во время теста я большую часть времени потратил на то, чтобы вспомнить ее имя – и при этом все время старался не думать о нем. Она, то есть полиграфолог, начала задавать вопросы, причем первые были чепуховыми: правда ли, что мое имя Эдвард Сноуден? 21 июня 1983 года – день моего рождения? Дальше: совершал ли когда-нибудь я серьезное преступление? Играл ли когда-нибудь в азартные игры с крупными проигрышами? Имелись ли проблемы с алкоголем и нелегальными наркотиками? Был ли я агентом иностранного государства? Призывал ли я когда-нибудь к насильственному свержению правительства Соединенных Штатов? Допускались только бинарные ответы: «Да» и «Нет». Я много раз ответил «Нет» и все ждал вопросов, которые меня страшили. Вроде таких: «Вы когда-нибудь онлайн ставили под сомнение компетенцию и моральный облик медицинского персонала Форта-Беннинг?» Или: «Что вы искали в сетях Лос-Аламосской атомной лаборатории?» Но этих вопросов у меня никто не спросил. И, прежде чем до меня дошел этот факт, тестирование было окончено.

Я прошел его с блестящими результатами – «чист как стеклышко». Полагалось ответить на циклы вопросов по три раза, и все три раза я прошел успешно. А это значило, что я не только

получил допуск TS/SCI, но и еще заслужил формулировку «тест на полиграфе в полном объеме» в личном деле – что является высочайшей степенью благонадежности в Соединенных Штатах.

У меня есть девушка, и я на вершине мира.

Мне исполнилось двадцать два года.

Часть вторая

Система

Здесь я ненадолго поставлю повествование на паузу, чтобы вкратце объяснить мои политические взгляды в возрасте двадцати двух лет. У меня их вообще не было. Вместо этого, как у многих молодых людей, у меня были твердые убеждения, но я отказывался признавать, что они не доподлинно мои, что это довольно противоречивый набор унаследованных принципов. Мой разум был мешаниной ценностей, в которых я был воспитан, и идеалов, которых я нахватал онлайн. Только к тридцати годам я наконец стал понимать, что столь многое, во что я верил (или думал, что верю), было всего лишь юношеским импринтингом. Мы учимся говорить, имитируя речь окружающих нас взрослых, и в процессе запоминания вбираем в себя их мнения и взгляды, полученные через имитацию, – но обманываемся тем, что считаем слова, которыми пользуемся, своими собственными.

Мои родители если не презрительно относились к политике в целом, то уж точно презирали политиканов. Несомненно, их отношение не имело ничего общего с недовольством тех, кто не ходит голосовать, или высокомерным фанатизмом других. Это было, скорее, изумленное отстранение, характерное для их класса, который в иные времена называли «федеральным гражданским сектором» или «общественным сектором» – а сейчас пытаются именовать «глубинным государством»[37] или «теневым правительством». Ни один из этих эпитетов тем не менее не ухватывает подлинной сути того, чем они являются. Это класс профессиональных чиновников (к тому же, вероятно, последний работоспособный средний класс в американской действительности), который – не будучи ни выборным, ни назначенным – работает в правительстве или в одном из независимых агентств, от ЦРУ и АНБ до Налогового управления и Комиссии по коммуникациям; или же трудится в одном из органов исполнительной власти – Государственном департаменте, Министерстве финансов, Министерстве обороны, Министерстве юстиции…

Таковы были и мои родители, «мои» люди, почти трехмиллионный профессиональный государственный контингент, призванный помогать дилетантам, которых выбирает электорат, и назначенный этими «народными избранниками», чтобы помогать им в выполнении их политического долга – или, говоря словами клятвы, «в добросовестном исполнении служебных обязанностей». Это государственные служащие, которые остаются при своих должностях, даже когда

администрации приходят и уходят; которые работают одинаково честно и при республиканцах, и при демократах, потому что в конечном итоге они работают для самого государства, обеспечивая основополагающую непрерывность и стабильность правления.

Также это люди, которые, когда страна вступила в войну, отозвались на ее зов. Как отозвался и я после 11 сентября, обнаруживая при этом, что вскормивший меня патриотизм моих родителей очень легко переплавляется в националистический угар. На некоторое время, особенно когда я поспешил вступить в армию, мое мировосприятие стало напоминать дуализм самых простых видеоигр, где добро и зло ясно обозначены и не подвергаются сомнению.

Тем не менее, как только я вернулся из армии и решил посвятить себя компьютерам, я опять стал немного жалеть о своей тяге к «воинственным» фантазиям. Чем больше я развивал свои способности, тем больше понимал, что у технологий коммуникаций больше шанс успеха там, где технология насилия бы потерпела поражение. Демократию невозможно навязать силой оружия, но ее, вероятно, можно сеять, распространяя кремний и оптоволокно. В начале 2000-х Интернет еще переживал период становления и, на мой взгляд, он предложил более подлинное воплощение американских идеалов, чем сама Америка. Страна, где все равны? Да! Место для жизни, свободы и поисков счастья? Трижды да! Помогло этому еще то, что почти все важнейшие «учредительные документы» в интернет-культуре определяли ее рамки в образах, напоминавших американскую историю. Это был дикий, открытый ко всему новому и подвижный мир, принадлежавший всякому, кто был достаточно смел и дерзок, чтобы в него внедриться; среда, которая мгновенно колонизировалась государством и теми корпоративными интересами, что хотели ею управлять ради власти и выгоды. Большие компании, которые начисляли большую плату – за «железо», за «начинку», за междугородние звонки, необходимые для выхода в Интернет, и за само знание (которое было общим достоянием человечества и, по справедливости должно быть в свободном доступе), – были точь-в-точь как британцы, чьи алчные налоги в колониях спровоцировали безудержный порыв к независимости.

Революция происходила не в учебниках истории, но прямо сейчас, на глазах моего поколения, и каждый из нас мог стать ее частью исключительно в силу своих способностей. Это приводило в трепет – участвовать в создании нового общества, основанного не на том, где ты родился, или как ты рос, или какой

популярностью пользовался в школе, но только на способностях и технических умениях. В школе меня заставляли выучить преамбулу к Конституции Соединенных Штатов. Сейчас в моей памяти эти слова уживаются рядом с «Декларацией независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу, который употребил в ней такое же бесспорное, не требующее обоснований личное местоимение множественного числа: «Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства».

Эта техническая меритократия, безусловно, расширяла возможности, но могла также и принизить тебя – что я стал понимать, когда впервые пришел на работу в разведывательное сообщество. Децентрализация Интернета делала акцент на компьютерной грамотности. Я мог быть высшим компьютерным деятелем в рамках своей семьи или в жилом комплексе среди своих соседей, но работа для разведсообщества предполагала проверку моих умений среди всех в стране и в мире. Интернет показал мне количество и многообразие существующих талантов и дал понять, что для процветания я должен найти свою специализацию.

Существовало несколько различных видов карьеры, доступных мне как технарю. Я мог стать разработчиком программного обеспечения, или проще – программистом, пишущим коды, которые заставляют компьютеры работать. С другой стороны, я мог бы стать специалистом по компьютерному оборудованию или сетям, чтобы монтировать серверы на их стойках, тянуть провода, устанавливать сложные конструкции, которые соединят между собой каждый компьютер, каждый прибор и каждый файл. Компьютеры и компьютерные программы интересовали меня, но также мне были интересны и сети, которые соединяли их между собой. А больше всего меня интриговало их общее функционирование на более глубоком уровне абстракции – не как отдельных компонентов, а как всеобъемлющей системы.

Об этом я думал очень много, сидя за рулем по дороге к дому Линдси, по пути в колледж или домой. Время, проведенное в машине, – лучшая возможность все как следует обдумать, а дорожные маршруты в загруженном Белтвее долгие. Быть разработчиком программ схоже с организацией пунктов технических остановок у выездов: тут надо следить, чтобы все

точки продажи фаст-фуда и все франшизы АЗС были расставлены удобно по отношению друг к другу и отвечали ожиданиям клиентов; быть специалистом по компьютерному обеспечению – это прокладывать инфраструктуру, непосредственно выравнивать и мостить сами дороги; а быть специалистом по сетям – значит отвечать за регулирование движения, расстановку дорожных знаков и светофоров, прокладывать в нужных направлениях хорды, сокращающие время. Выходит, что заниматься системами – это как бы стать градостроителем, собирать все имеющиеся в наличии компоненты вместе и обеспечивать их взаимодействие для максимального эффекта. Это было просто и ясно: все равно что получать деньги за то, что исполняешь роль Бога (или от силы – какого-нибудь мелкотравчатого диктатора).

Есть два способа быть системщиком. Первый – это когда ты завладеваешь всей существующей системой и поддерживаешь ее в рабочем состоянии, постепенно делая ее все более эффективной и ремонтируя, если она ломается. Эта должность называется «системный администратор», или «сисадмин». Второй способ – когда ты анализируешь проблему, например, как хранить данные или как осуществлять поиск по базам данных, и разрабатываешь для нее решения путем комбинаций существующих компонентов или изобретая сугубо новые. Эта должность называется «системный инженер». По большому счету я мог бы делать обе эти работы, совершенствуясь до администратора, а затем – и до инженера, не думая о том, как это активное взаимодействие с глубочайшими уровнями интеграции компьютерных технологий влияет на мои политические убеждения.

Я попытаюсь сейчас не быть чересчур абстрактным, но мне хотелось бы, чтобы вы представили себе систему. Не важно, о какой системе пойдет речь: это может быть компьютерная система, экосистема, правовая система или даже система государства. Нужно помнить, что система – это просто набор частей, которые функционируют как единое целое, о чем большинство людей вынуждены вспоминать, когда что-то ломается. Тогда удивительным образом проясняется суть работы с системой, ибо часть системы, в которой произошла неисправность, почти никогда не бывает той частью, где вы *замечаете* неисправность. Чтобы отыскать, что стало причиной сбоя, вам приходится начинать с той точки, где вы обнаружили проблему, и проходить все последствия проблемы логическим путем, через все компоненты системы. Поскольку сисадмин или инженер ответственны за подобные ремонты, они должны быть одинаково хорошо подкованы и в программном обеспечении, и в техническом, и в устройстве сетей. Если неполадки имеют

отношение к программному обеспечению, ремонт может заключаться в просмотре – строка за строкой – всех кодов на языках программирования, достойных Генеральной Ассамблеи ООН. Если проблема в технической конструкции, возможно, нужно будет пройтись по всей монтажной схеме с фонариком в зубах и паяльником в руках, проверяя каждое соединение. Если же не обошлось без сбоя в сетях, возможно, придется обследовать каждый изгиб и каждый поворот кабеля, который проходит над потолком или под полом, соединяя удаленный центр сбора данных, полный серверов, с офисом, полным ноутбуков.

Поскольку система работает согласно инструкциям – или правилам, подобный анализ есть в конечном итоге поиск, какие из правил нарушены, как и почему; это попытка идентифицировать характерные моменты, где значение того или иного правила было неадекватно истолковано на уровне определения или на уровне его применения. Дала ли система сбой, потому что где-то что-то не соединилось, или кто-то нарушил нормальный ход ее работы, обратившись к ресурсу, не имея разрешения к доступу, или доступ к ресурсу был разрешен, но вход был произведен варварски? Была ли прервана работа одного компонента или ей препятствует сбой в другом? Могла ли какая-то программа, или компьютер, или группа людей просто перегрузить систему?

На протяжении всей моей карьеры мне становилось все труднее отвечать на эти вопросы о технологиях, за которые я нес ответственность, без того, чтобы не применять их к моей стране. Больше всего меня разочаровывало то, что я могу ремонтировать первое, но никак не второе. Я прекратил работать в разведке, как только убедился, что операционная система моей страны – ее правительство – вообразила, будто она лучше функционирует, будучи неисправной.

Homo contractus

Я хотел *служить* моей стране, а вместо этого пошел *работать* на нее. Для меня это не пустое различие. Мне, как и любому представителю моего поколения, уже недоступна своеобразная почетная устойчивость положения, которая была предоставлена моему отцу и деду. Они оба, отец и Поп, поступили на службу своей стране в первый свой рабочий день и ушли в отставку в последний. Тогдашнее американское правительство, знакомое и мне с самого раннего детства, помогало кормить, одевать меня, обеспечивать жильем – вплоть до того момента, когда оно проверило меня на предмет поступления в разведорганы.

Государство относилось к служению граждан как к взаимному договору: оно будет радеть о вас и вашей семье взамен на вашу добросовестность и потраченные годы вашей жизни.

Но я связался с разведорганами в другую эпоху.

К тому времени, как я пришел туда, искренность гражданского служения уступила дорогу алчности частного сектора, а священный договор солдата, офицера и профессионального госслужащего сменился богомерзкой сделкой наемного работника (назовем его *Homo contractus*, основной биологический вид правительства США 2.0). Это существо не было слугой, присягнувшим на верность. Это субъект, временно задержавшийся там, где его патриотизм подогревается лучшим заработком; федеральное правительство для него имеет не больший вес, чем конечный покупатель в оптовой торговле.

Во время революции в американских колониях Континентальный конгресс был вынужден брать на службу наймитов и корсаров, чтобы защитить независимость своей фактически действующей республики. Но в третьем тысячелетии, когда Америка, уже мировая сверхдержава, полагается на наемников в части национальной обороны – меня это глубоко поражает как нечто странное и даже несколько зловещее. Сегодня контрактная система чаще ассоциируется с позорными провалами, такими как «сражения ради найма» организации Blackwater[38] (которая сменила название на Xe Services после того, как ее сотрудников обвинили в гибели четырнадцати иракских гражданских лиц, после чего она вновь сменила название на Academia, когда ее перекупила группа частных инвесторов); или «пытки ради найма» компаний CACI и Titan (как известно, обе поставляли персонал, который пытал заключенных в тюрьме Абу-Грейб[39]).

Такие сенсационные случаи, как эти, могут заставить публику верить, что правительство нанимает частные компании для прикрытия, чтобы свалить на них всю нелегальную (или псевдолегальную) работу, самим оставаясь с чистыми руками и чистой совестью. Но это не совсем правда – по крайней мере в разведсообществе, где меньше зацикливаются на «отрицании причастности», а больше всего – на том, чтобы вообще никогда не попасться. Первостепенная цель, объясняющая использование контрактной системы в разведывательном сообществе, гораздо более земная: обходные пути, лазейки, «хак», позволяющий агентствам всякими хитроумными способами обойти федеральные квоты по найму. Каждое агентство имеет установленный законодательством лимит, диктующий, какое количество людей можно нанимать для определенного вида работ. Но исполнители по контракту, поскольку они не наняты непосредственно федеральным правительством, в это число не входят. Агентства могут нанимать их столько, сколько хватит денег их оплачивать, и все, что им после этого остается – это свидетельствовать перед отдельными избранными подкомитетами конгресса о террористах, которые «идут за нашими детьми», или о том, что «русские уже в нашей электронной переписке», а китайцы – «в нашей энергосистеме». Конгресс никогда не откажется дать деньги в ответ на подобные просьбы (которые на самом деле являют собой разновидность угрозы) и предсказуемо капитулирует перед требованиями разведслужб.

Среди документов, которые я передал журналистам, был «Черный бюджет» на 2013 год. Это засекреченный бюджет, где свыше 68 % средств – 52,6 миллиарда – выделено разведслужбам, включая предоставленные средства для 107 035 служащих разведывательного сообщества, из которых пятая часть, порядка 21 800 человек, работают по контрактам с полной занятостью. И это число даже не включает еще десятки тысяч нанятых компаниями, кто подписал контракты (или субконтракты, субсубконтракты) с агентствами на конкретные виды заданий или проектов. Такие контракты никогда не учитываются правительством даже в «Черном бюджете», поскольку, если добавить их к общему личному составу работающих по контракту, станет очевидным один неприятный факт: работу американской разведки столь же регулярно выполняют частные наемные работники, как и профессиональные «слуги государства».

Разумеется, многие, в том числе и в правительстве, считают подобную схему очень выгодной. С контрактниками, говорят они, правительство может объявлять торги на конкурсной основе,

чтобы снижать затраты и не быть обязанным выплачивать пенсии и компенсационные выплаты. Но подлинной выгодой для чиновников является конфликт интересов, неотъемлемо связанный с процессом распределения бюджета как такового. Руководители разведывательных структур просят у конгресса денег для найма сотрудников частных компаний. Конгрессмены утверждают означенные суммы. А потом те руководители разведструктур и конгрессмены, уходя в отставку, получают награды и высокооплачиваемые посты, а также должности консультантов в тех самых компаниях, которые они обогатили. Эти контракты, став источником выгод для руководства крупных компаний, с тем же государственным размахом способствуют коррупции. В Америке это самый законный и удобный способ переносить общественные деньги в частный кошелек.

Тем не менее, до какой бы степени ни была приватизирована работа разведки, выдавать индивидуальный допуск на доступ к секретным данным может только федеральное правительство – как единственная инстанция, обладающая этими полномочиями. А поскольку кандидатам на получение допуска должны оплачиваться заявления на процедуру проверки «благонадежности» – то есть они должны заранее иметь предложение о работе на должности, предполагающей доступ к секретным данным, – многие из тех, кто заключает контракт, начинают свои карьеры на государственных должностях. Если на то пошло, частной компании незачем тратиться на ваше заявление о прохождении проверки, а потом платить вам около года, пока вы ждете результат, одобренный государством. В финансовом отношении компании больше смысла принять в свои ряды служащего, уже прошедшего проверку. В ситуации, создаваемой подобным экономическим расчетом, государство берет на себя все бремя проверки биографических данных, но получает при этом мало выгод. Оно выполняет всю работу и несет затраты на проверку кандидата, который к моменту, когда допуск получен, разве что не хлопает дверью и спокойно меняет голубой бейдж государственного служащего на зеленый бейдж работника по контракту. Юмор ситуации еще в том, что зеленый цвет ассоциируется с деньгами…

Государственная организация, которая оплачивала получение мной допуска TS/SCI, была такая: официально я был служащим штата Мэриленд, работавшим для Мэрилендского университета в Колледж-Парке. Университет помогал АНБ открыть новое учреждение под названием CASL («Centre for advanced study of Language» – «Центр углубленного изучения языков»). Не тот работодатель, которого я бы хотел, но единственный из

спонсоров, кого я смог найти.

Фиктивная миссия CASL заключалась в том, чтобы исследовать, как люди изучают языки, и развивать компьютерные методы, чтобы делать это быстрее и лучше. Тайный подтекст этих исследований же заключался в том, что в АНБ желали развивать способы компьютерного понимания языка. Остальные агентства испытывали затруднения с поиском компетентных носителей арабского языка (а также фарси, дари, пушту и курдского), которые сдавали свои нередко смехотворные варианты проверки на благонадежность, делая письменные и устные переводы на местах. Я знаю достаточно много американцев, которым отказали по той причине, что у кого-то из них имелся не совсем удобный дальний родственник, хотя, может быть, они никогда с ним не встречались. У АНБ имелся собственный, очень непростой вариант проверки, а компьютеры агентства умели понять и проанализировать массивные объемы информации на иностранных языках, перехваченной в процессе коммуникации.

У меня нет более детального представления о роде занятий CASL по той простой причине, что, когда я показался на работе со своим блестящим, прямо-таки сверкающим допуском, данное учреждение еще не открылось. В принципе, само здание еще строилось. Пока стройка не кончилась и не установили технику, я был в здании практически охранником в ночные смены. Мои обязанности ограничивались тем, что я появлялся ежедневно и делал обход после того, как строители – тоже работники по контракту, только с другими задачами – заканчивали работу и надо было убедиться, что они не подожгут здание, ничего не сломают и не насуют каких-нибудь жучков. Я проводил часы, обходя кругами наполовину завершенную оболочку здания, и наблюдал изменения, произошедшие за рабочий день: садился на только что установленные стулья и кресла в ультрасовременной аудитории, пинал туда-сюда камешки на внезапно покрытой гравием крыше, любовался стенами из гипсокартона и в буквальном смысле наблюдал, как сохнет краска.

Такова жизнь охранника в ночное время на сверхсекретном объекте, и, по правде говоря, я ничего не имел против. Мне начали платить деньги за то, что я практически ничего не делал, а просто ходил в темноте, додумывая свои мысли. Все это время в моем распоряжении был единственный действующий компьютер, к которому я получил доступ еще во время поисков новой работы. В дневное время я наверстывал недосып и отправлялся в фотоэкспедиции с Линдси, которая благодаря ухаживаниям и различным махинациям с моей стороны дала отставку другим своим поклонникам.

В то время я был еще довольно наивным, полагая, что моя работа в CASL станет мостом к штатной карьере федерального служащего. Но чем больше я оглядывался по сторонам, тем больше меня поражало, как мало имеется возможностей напрямую служить своей стране, хотя бы в качестве полноценного технического сотрудника. Более выгодной для меня была работа по контракту для частной компании, которая служила моей стране ради собственной выгоды; а лучший шанс у меня был, как оказалось, – работать на основе субконтракта для частной компании, подписавшей контракт с другой частной компанией, которая служила моей стране ради собственной выгоды. То, как эти схемы воплощались в жизнь, было уму непостижимо.

Особенно ненормальным казалось то, что большинство должностей системных инженеров и системных администраторов тоже были частными – ведь эти должности предполагали почти неограниченный доступ ко всему «цифровому» существованию работодателя. Невозможно представить, чтобы крупный банк или даже социальная сеть наняла бы посторонних для работы системного уровня. Но в правительстве США, как ни странно, сплошь и рядом наблюдается такая реструктуризация разведывательных агентств, когда ваши самые уязвимые системы находятся под контролем того, кто у вас даже никем не числится, причем все это выдается за инновацию.

Органы разведки нанимали технические компании, чтобы те нанимали молодежь, а потом вручали им «ключи от королевства», потому что – как уверяли конгресс и пресса – у них не было выбора. Никто, кроме «молодняка», больше понятия не имел, как работают эти «ключи» или эти «королевства». Я попытался посмотреть на это с позитивной стороны. Проглотил свою недоверчивость, составил резюме и пошел на ярмарку вакансий, которая, по крайней мере раньше, была местом важных событий, где внештатники находили новую работу, а стабильные государственные служащие переманивались на сторону. Такие ярмарки проходили под двусмысленным названием «Проходные вакансии» – я, кажется, был единственный, кто позабавился двойным значением этой фразы.

В то время подобные ярмарки вакансий каждый месяц проходили в Ритц-Карлтоне в Тайсон-Корнер, штат Виргиния, на некотором расстоянии от штаб-квартиры ЦРУ, или в одном из вшивых отелей в стиле «Мариотта» неподалеку от штаб-квартиры АНБ в Форт-Мид. Ярмарка как ярмарка, такая же, как другие, о которых мне рассказывали, но с одним важным исключением: здесь всегда чувствовалось, что нанимающих гораздо больше, чем

нанимаемых. Этот факт давал представление о реальных «аппетитах» отрасли. Рекрутинговые агентства платили внушительные взносы за право присутствовать на ярмарках такого рода, так как это единственные места в стране, где каждый вошедший с именным бейджиком скорее всего уже был проверен онлайн и опрошен в агентствах, а значит, имеет допуск и необходимую квалификацию.

Покинув шикарное фойе отеля и перейдя в ужасно деловой зал для приемов, вы попадаете в Мир Работ по Контракту. Здесь будут все: не только Мэрилендский университет, но и Lockheed Martin[40], BAE Systems[41], Booz Allen Hamilton[42], DynCorp[43], Titan, CACI, SAIC, COMSO, и целый ряд всяких разных акронимов, каких я, наверное, даже не слышал. У некоторых нанимателей столы, но у большинства – кабины, полностью обставленные и оснащенные, даже с закуской.

После того как вы вручили потенциальным работодателям ваше резюме и немного побеседовали в неформальном тоне, те раскрывают перед вами свои скоросшиватели, в которых хранятся государственные бланки с неким подобием описания вакансии. Но, поскольку предполагаемая деятельность соприкасается с чем-то негласным, документация не имеет единообразного перечня должностей, а только намеренно засекреченное словоблудие, свое у каждой конкретной компании. К примеру, «старший разработчик № 3» одной компании может быть приравнен «ведущему аналитику № 2» в другой компании, а может и не быть. Часто единственным способом разобраться с этими должностями оказывается перечисление факторов, который каждый для себя считает важными: количество отработанных на должности лет, уровень сертификации и тип проверки на благонадежность.

После моих разоблачений в 2013 году правительство США до сих пор пытается выставить меня как «единственного сотрудника по контракту» или «бывшего сотрудника Dell», давая тем самым понять, что я не прошел через те же процедуры проверки и допуска, что и сотрудник агентства с голубым бейджем. Как только эта дискредитирующая характеристика была пущена в ход, правительство обвинило меня в «перескакивании» с одного рабочего места на другое, намекая, что я был недовольным сотрудником, который не ладил с начальством; или исключительно честолюбивым – из тех, кто любой ценой добивается превосходства над другими. Правда лишь в том, что и то, и другое – удобная ложь. Разведслужбы знают лучше других, что смена работы в интересах карьеры – это судьба любого, кто подписал контракт. Агентства создают эту мобильность сами и

получают благодаря этому свою прибыль.

В контрактной системе национальной безопасности, особенно в контрактах технического сектора, вы часто обнаруживаете, что физически работаете на объекте агентства. Но на бумаге вы работаете на Dell или Lockheed Martin – на одну из бесчисленных маленьких фирм, которые нередко бывают ими куплены. В случае такого приобретения подписавшие контракт с меньшей фирмой работники «покупаются» заодно, и отсюда – другой наниматель и другое название должности на вашей визитке. Изо дня в день ваша работа тем не менее остается той же самой, вы выполняете те же задачи. Для вас ничего на самом деле не поменялось. В это же время десятки сотрудников, сидящих справа и слева от вас, с которыми вы изо дня в день работаете над теми же проектами, технически могут быть наняты десятками других компаний, а те компании все еще могут быть на несколько градусов отдалены от юридических лиц, которые имели первоначальный контракт с агентством.

К сожалению, я не помню точной хронологии всех своих контрактов, у меня больше нет копии моего резюме – файла Эдвард Сноуден_Резюме. doc. Он остался в папке «Документы» одного из моих старых домашних компьютеров, еще тогда изъятых сотрудниками ФБР. И все-таки я помню, что первый большой проект по контракту у меня был субконтрактным проектом: ЦРУ наняло BAE Systems, которые наняли COMSO, а те наняли меня.

BAE Systems – средних размеров американское подразделение British Aerospace, организованное исключительно для заключения контрактов с американскими разведслужбами. Их рекрутером главным образом была COMSO, небольшая группа людей, которые часами колесили по дорогам Белтвея, пытаясь найти подходящих кандидатов на подписание контрактов («ослов», как они выражались) и заключить с ними контракт (или «усадить в кресло»). Из всех компаний, с которыми я вел разговоры на ярмарках вакансий, COMSO – самая прожорливая, скорее всего потому, что она самая маленькая. Я никогда не был в курсе, как расшифровывается ее название, если оно вообще что-нибудь значит. С технической точки зрения COMSO может считаться моим нанимателем, но я ни одного дня на них не работал, так же как ни дня не сидел в офисе BAE Systems – как и многие другие, заключившие контракт. Я работал только в штаб-квартире ЦРУ.

По правде, я заходил в офис COMSO в Гринбелте (штат Мэриленд) два-три раза в своей жизни. Первый раз – это когда я зашел, чтобы обсудить свое жалованье и подписать какие-то документы. В CASL я получал в год 30 тысяч долларов, но эта

работа не имела ничего общего с технологиями, поэтому я не стал стесняться и попросил у COMSO 50 тысяч. Когда я назвал эту цифр, мужик за столом спросил: «А как насчет 60 тысяч?»

В то время я был настолько неопытен, что не понимал, почему он предлагает мне переплату. Я догадывался, что эти деньги не совсем, что ли, принадлежат COMSO, но только позже я понял, что некоторые из контрактов, заключенных COMSO, BAE и прочими, принадлежали к разряду «оплата плюс». А это означало, что посредники, поставлявшие кандидатов, брали с агентств комиссионные в размере 3–5 % ежегодно. Завышать зарплату было в интересах каждого – разумеется, исключая налогоплательщиков.

Мужик из COMSO уговорил меня наконец на 62 тысячи долларов, и в результате я вновь согласился работать в ночную смену. Он протянул руку, я ее пожал, и он представился мне как мой «менеджер». Далее он объяснил, что название – это всего лишь формальность и что я буду получать распоряжения непосредственно из ЦРУ. «Если все пойдет нормально, – сказал он, – то мы больше не увидимся».

В фильмах и телевизионных сериалах про шпионов, если кто-нибудь говорит вам что-нибудь подобное, подразумевается, что вас ждет смертельно опасная операция, в ходе которой вы почти наверняка погибнете. Но в обычной шпионской жизни это означало: «Поздравляю с выходом на работу». Когда я вышел за дверь, то он, я уверен, уже забыл, как я выглядел.

Я ушел с этой встречи в приподнятом настроении, но уже в машине, по дороге домой, ко мне стало понемногу возвращаться чувство реальности. Я думал, что отныне это будет мой ежедневный маршрут из дома на работу. Если я собираюсь по-прежнему жить в Элликот-Сити, Мэриленд, близко от Линдси, а работать в ЦРУ, штат Виргиния, то дорога на работу будет отнимать до полутора часов ежедневно в дорожных заторах Белтвея, и тогда мне конец. Я знал, что не пройдет много времени, как я начну сходить с ума. Во всей вселенной не нашлось бы столько аудиокниг…

Я не мог попросить Линдси переехать вместе со мной в Виргинию, так как она была только на втором курсе своего колледжа искусств и ходила на занятия три раза в неделю. Мы это обсудили, осторожно касаясь моей работы где-то там, в COMSO типа: «Почему это COMSO так далеко?» Наконец, мы решили, что я подыщу небольшую квартирку где-то там, *около* COMSO, совсем небольшую, – чтобы перебиться в течение дня после ночных смен *в этом* COMSO. А потом я бы опять приезжал в Мэриленд каждый уик-энд, или она приезжала бы ко мне.

Я принялся искать квартиру, что-нибудь попривлекательнее «посредине диаграммы Венна», выбирая между достаточно дешевой, чтобы позволял мой бюджет, и достаточно симпатичной, чтобы Линдси могла в ней выжить. Поиск оказался непростым: учитывая, какое количество людей работали в ЦРУ, а ЦРУ находится в Виргинии, где плотность застройки, скажем так, носит «полудеревенский» характер, – цены были выше крыши. Самый дорогостоящий почтовый код в Америке – 22100.

В итоге, просматривая Крейгслист[44], я нашел комнату, которая была на удивление как раз в рамках моего бюджета и располагалась в доме на удивление близком – меньше четверти часа от штаб-квартиры ЦРУ. Я срочно поехал смотреть, предполагая обнаружить какой-нибудь занюханный свинарник отпетого холостяка. Но я притормозил перед большим, с застекленным фасадом, похожим на старинный замок домом-сказкой, с безукоризненно подстриженной лужайкой, декорированной по сезону. Говорю абсолютно серьезно, что, когда я добрался до места, мне явственно послышался аромат тыквенных пряностей.

Дверь открыл человек по имени Гэри. Он был старше, чем я предполагал сначала, судя по тону его электронного письма («Дорогой Эдвард!»). Но я не ожидал, что он будет настолько хорошо одет. Он был очень высокого роста, с седыми волосами, подстриженными ежиком, и в фартуке поверх костюма. Гэри очень вежливо попросил минутку подождать – был занят на кухне, где стоял противень с яблоками, в которые он запихивал гвоздику и посыпал их мускатным орехом, корицей и сахаром.

Пока яблоки запекались в духовке, Гэри показал мне комнату, которая располагалась в цокольном этаже и куда, как он мне сказал, я мог въехать тотчас же. Я принял предложение и выложил свой гарантийный взнос и плату за месяц.

Затем он объявил правила поведения в доме, которые звучали как музыка: никакого беспорядка, никаких домашних животных, никаких поздних гостей.

Признаюсь, что первое правило я практически сразу нарушил, зато у меня не было никакого резона нарушать второе. Что касается третьего, то для Линдси Гэри сделал исключение.

Индоктринация

Знакомый по шпионским фильмам и телепрограммам титр: «Штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния»? И камера облетает мраморный вестибюль с Мемориальной стеной, полной звезд, и на полу, в самом центре, задерживается на знаменитой эмблеме агентства… Так вот, Лэнгли – историческое название местности, которое агентство позволило использовать Голливуду, а сама штаб-квартира ЦРУ официально находится в Мак-Лине, штат Виргиния, и в холле этого здания почти никто просто так не ходит, за исключением ВИП-персон и редких туристов.

Это знаменитое здание – старая штаб-квартира. А новое здание[45], куда входит почти каждый работник ЦРУ, не предназначено для съемок крупным планом. Первый день на работе для меня был одним из редких, когда я находился в нем при свете дня. Я хочу сказать, что проводил большую часть дня под землей – в тусклой комнате из шлакоблоков с шармом противорадиационного бомбоубежища и резким запахом предписанной правилами хлорки.

«Так вот где находится «глубинное государство», – произнес один парень, и почти все засмеялись. Он, по-моему, ожидал увидеть хоровод скандирующих активисток Лиги Плюща, тогда как я предполагал встретить нормальных гражданских служащих, что-то вроде молодой версии моих родителей. Но каждый из нас, присутствующих здесь, был компьютерным гиком, наверное, впервые в жизни надевшим деловой костюм в стиле «бизнес-кэжуал». Некоторые носили тату и пирсинг – или следы пирсинга, вынутого по случаю такого важного события. У одного парня в волосах еще виднелись панковские окрашенные пряди. Почти у всех был бейдж контрактника, зеленый и хрустящий, словно новенький банковский билет в сто долларов. Так что мы точно не выглядели замкнутой кучкой одержимых властью заговорщиков, которые следят за каждым движением выборных должностных лиц из темных подземных бункеров.

То совещание стало первой стадией нашей трансформации. Называлась она *indoc*, т. е. индоктринация, и весь ее смысл заключался в том, чтобы внушить нам, что мы элита, что мы особые, избранные причастными к тайнам государства и к истинам, которыми остальная страна – а временами даже конгресс и суды – не могла воспользоваться.

Сидя на этой проповеди, я не мог удержаться от мысли, что выступающие не сказали ничего нового. Нет нужды рассказывать горстке компьютерных вундеркиндов, что они обладают

превосходными знаниями и умениями, которые сами по себе дают им уникальную возможность действовать независимо и принимать решения от имени соотечественников без оглядки и колебаний. Ничто так не взращивает самомнение, как время, проведенное среди машин, неспособных вас критиковать.

Это, на мой взгляд, и есть то общее, что связывает разведсообщество и IT-индустрию: и те, и другие представляют собой глубоко укоренившуюся силу, не зависящую от выборов, гордящуюся абсолютной секретностью своих достижений. И те, и другие верят, что знают решения всех проблем и без малейших колебаний готовы в одностороннем порядке вам их навязать. Более того, и те, и другие верят, что эти решения по определению находятся вне политики, потому что они основаны на компьютерных данных – более надежных и неизменных в сравнении с хаотичным непостоянством простых граждан.

Каждый индоктринированный в разведсообщество, как и тот, что стал экспертом в области технологий, испытывает на себе мощные психологические последствия. Внезапно у вас появляется доступ к тайной подоплеке историй и событий, считавшихся хорошо известными. Эти открытия дурманят голову, особенно такому трезвеннику, как я. Откуда-то у вас появляется обязанность лгать, скрывать, притворяться и недоговаривать. Так возникает чувство принадлежности к своей узкой группе, что может привести к уверенности, будто ваша преданность принадлежит в первую очередь учреждению, а не главенству закона.

Разумеется, эти мысли мне и в голову не приходили во время занятия по индоктринации. Наоборот, я изо всех сил старался не заснуть, пока ведущие продолжали инструктировать нас о базовых методах оперативной безопасности, составлявших часть более широкой шпионской технологии, которую разведсообщество коллегиально определяет как «профессиональные методы работы». Они настолько очевидны, что иногда казались откровенно тупыми. «Никому не сообщайте, на кого вы работаете». «Не оставляйте секретные материалы без присмотра». «Не берите с собой свой очень небезопасный сотовый телефон в очень секретный офис», а также «Не говорите по телефону о работе. Никогда». И «Не надевайте бейдж: «Привет! Я работаю на ЦРУ», когда идете в торговый центр.

Наконец речи кончились, погас свет, высветилась программа PowerPoint, и на экране, прикрепленном к стене, возникли лица. Все, кто был в комнате, невольно сели прямо. С экрана, как нам объявили, на нас смотрели лица бывших агентов и контрактников, которые в силу жадности, злого умысла,

некомпетентности или небрежности не стали соблюдать означенные правила. Они думали, что стоят выше этих земных мелочей – что и привело их к тюремному заключению и краху карьеры. Подразумевалось, что люди на экране в данный момент находились в подвалах похуже этого, причем некоторые пробудут там до самой смерти.

В общем и целом эффективная получилась презентация.

Позднее мне передали, что за годы с момента окончания моей карьеры этот парад ужастиков – посредственностей, «кротов», отступников и предателей – расширился и включает дополнительные категории: людей с принципами, «дующих в свисток» разоблачителей, радеющих об общественных интересах. Могу только надеяться, что те двадцать с чем-то человек, которые сидят в этой же комнате сегодня, потрясены двурушничеством государства, которое продает секреты противнику и раскрывает их журналистам, когда новые лица – когда *мое* лицо – возникают на экране.

Я пришел работать в ЦРУ, когда учреждение находилось на самом низком уровне его морального падения. Вслед за поражением органов разведки 11 сентября конгресс и исполнительная власть начали агрессивную кампанию по реорганизации. Она подразумевала избавление от должности директора центральной разведки – как главы ЦРУ и как главы всего американского разведывательного сообщества. Эта должность со времени основания агентства по окончании Второй мировой войны всегда совмещала обе роли. Когда в 2004 году Джордж Тенет был отправлен в отставку, вместе с ним ушло и полувековое превосходство ЦРУ над всеми прочими агентствами.

Рядовые сотрудники увидели в отставке Тенета и понижении статуса директорской должности самый наглядный символ предательства агентства тем политическим классом, для служения которому он был создан. Манипулирование администрацией Буша, а затем обвинение в худших эксцессах привели к практике поиска жертв и сокращению штата. Этот процесс лишь усугубился с назначением Портера Госса, ничем не примечательного бывшего офицера ЦРУ, республиканского конгрессмена от Флориды, в качестве нового директора агентства – первого, кто занял эту должность в ее уже урезанном виде. Введение в должность политика было воспринято как наказание и попытка использовать ЦРУ в военных целях, поставив его под надзор приверженца партии власти. Госс немедленно развернул масштабную кампанию по увольнениям, временному отстранению от работы и принудительному уходу в отставку, что поставило недоукомплектованное агентство в еще большую

зависимость от «контрактников». Общественное мнение о ЦРУ было низким как никогда – публика никогда не вникала во внутреннее устройство агентства до того, как не последовали утечки сведений и разоблачения об экстрадициях и тайных тюрьмах.

К этому времени ЦРУ было разбито на пять структурных подразделений. Оперативное управление (Directorate of Operations) отвечало за шпионаж как таковой; Управление разведывательной информации (Directorate of Intelligence) занималось сбором и анализом результатов шпионажа; Управление науки и техники (Directorate of Science and Technology) создавало и обеспечивало всем необходимым компьютеры, средства связи и оружие для шпионов, демонстрируя, как всем этим пользоваться; Административное управление (Directorate of Administration), как следовало предполагать, имело в своем штате юристов, людской ресурс и всех тех, кто координирует повседневные дела агентства и служит взаимодействию с правительством; и, наконец, существовало Управление поддержки (Directorate of Support) – самое странное, но и самое крупное. В него входили все, кто работал на агентство, оказывая любое содействие: от технических специалистов и медицинского персонала до работников кафетериев, спортивных залов и охранников на въезде. Главной задачей подразделения было управление коммуникационной инфраструктурой ЦРУ – той платформой, которая давала бы гарантию, что доклады шпионов попадают к аналитикам, а доклады аналитиков – к администраторам. Также оно включало сотрудников техподдержки всего агентства, которые обслуживали серверы и обеспечивали их безопасность, – людей, которые строили, обслуживали, защищали сеть ЦРУ и соединяли ее с сетями других агентств и осуществляли контроль над доступом.

Короче говоря, то были люди, которые использовали технологию, чтобы соединить все воедино. Не стоит удивляться, что в массе они были молодыми людьми. И также неудивительно, что большинство из них были контрактниками.

Моя команда была подчинена Управлению поддержки, и наша задача заключалась в том, чтобы выстроить архитектуру сервера Вашингтон-Метрополитен – который представлял собой громадное большинство серверов ЦРУ в континентальной части Соединенных Штатов. Это гигантские залы с большим количеством дорогого «железа» тех компьютеров, которые объединяли в одно целое внутренние сети и базы данных агентства, все его системы, которые передавали, получали и хранили информацию. Хотя ЦРУ испещрило всю страну

удаленными серверами, многие и наиболее важные серверы агентства стояли на местах их эксплуатации. Из них половина находилась в Новом здании, там же, где и моя команда. Другая половина располагалась в Старом здании. Они были установлены на противоположных концах обоих зданий с таким расчетом, что, если бы один край был взорван, мы бы не потеряли слишком много машин.

Мой допуск TS/SCI подразумевал, что я был «ознакомлен» с рядом различных «разделов» информации. Часть этих разделов имела отношение к SIGINT (радиоэлектронная разведка или радиоперехват); другие разделы – это HUMINT (агентурная разведка, когда работа выполняется, а донесения обрабатываются и хранятся соответственно агентами и аналитиками) – в ЦРУ на регулярной основе включены оба аспекта. Помимо всего этого я был посвящен в раздел COMSEC (безопасность связи), что позволяло мне работать с материалами по управлению криптографическими ключами, с кодами, которые традиционно считались главнейшими секретами агентства, поскольку они применяются для защиты всех остальных секретов агентства. Криптографический материал обрабатывался и хранился на серверах, которыми я занимался, и рядом с ними. Моя команда была одной из немногих в агентстве, кому было позволено касаться их руками, и, похоже, единственная, которая могла на эти серверы зайти.

В ЦРУ такие надежно защищенные офисы называются «склепами», и «склеп» моей команды располагался чуть позади комнаты отдела технической поддержки ЦРУ. В дневное время эта комната была битком набита занятым контингентом старшего возраста, примерно ровесниками моих родителей. Они носили блейзеры и слаксы, даже блузки и юбки. То было одно из немногих мест в мире технологий ЦРУ того времени, где я могу припомнить такое значительное число женщин. Некоторые из них носили голубые бейджи, что позволяло идентифицировать их как государственных служащих. Они отрабатывали свои смены, отвечая на звонки целой батареи телефонов или разговаривая с людьми, в здании или за его пределами, о своих технических проблемах. В общих чертах это было похоже на особую церэушную версию работы кол-центра: восстановление паролей, разблокирование аккаунтов и выявление неисправностей по стандартному опроснику. «Можешь закончить сеанс и снова войти?» «Включен сетевой кабель?» Если госслужащие с их минимальным техническим опытом не справлялись с какой-то частной проблемой, они переводили ее на более высокий уровень в специализированную команду, особенно когда проблема

происходила на «чужом поле» – в зарубежных резиденциях ЦРУ в Кабуле или Багдаде, Боготе или Париже.

Мне немного неловко вспоминать, как я гордился, когда впервые шел под этими мрачными сводами. Я был на десятки лет моложе этих людей из отдела техподдержки, а направлялся я в «склеп» позади них, куда они не имели доступа – и никогда не будут иметь. В то время мне не приходило в голову, что степень моего доступа означала неисправность в самой системе получения этого доступа. Государство попросту отказалось от целенаправленного менеджмента и продвижения своих талантов изнутри, потому что новая культура контрактов означала государственное невмешательство. Ярче любых других воспоминаний о моей карьере я помню этот путь позади комнаты технической поддержки ЦРУ, который стал для меня символом поколенческих и культурных сдвигов в разведсообществе. Я тоже был частью этого процесса – в той его части, где представители «старой школы», отчаявшись идти в ногу с технологиями, усвоить которые они не дали себе труда, приветствовали новую волну юных хакеров, разрешили им развиваться и иметь неограниченную власть над непревзойденной технологической системой государственного контроля.

Со временем я полюбил сотрудников отдела технической поддержки, которые были ко мне добры, великодушны и всегда признательны за готовность им помочь, даже если это не входило в мои обязанности. Я тоже, в свою очередь, многому у них научился – по мелочи, фрагментарно. Я узнал, как функционирует крупная организация за пределами Белтвея. Некоторые из этих сотрудников на самом деле работали за рубежом – когда-то давным-давно, как те агенты, которых они теперь консультировали по телефону. А те, в свою очередь, тоже рано или поздно вернутся обратно в Штаты, не всегда сохранив семьи, и их тоже направят в комнату поддержки – так как им не хватит компьютерных навыков, требуемых для конкурентоспособности в агентстве, что все больше фокусируется на расширении технических возможностей.

Я гордился тем, что завоевал уважение представителей «старой школы», но мне часто бывало неловко за многих членов моей команды, которые снисходительно жалели и даже потешались над этими блестящими и преданными делу людьми. Эти мужчины и женщины за небольшую плату и очень небольшую славу отдали агентству свои лучшие годы – часто в негостеприимных и даже откровенно опасных местах за пределами страны, – а итогом этой жизни стала работа отвечать на телефонные звонки в пустом и гулком холле.

После нескольких недель знакомства с системами в дневную смену я перешел на ночную работу – с шести часов вечера до шести утра, когда комнату поддержки заполняли украдкой дремавшие работники из бригады сокращенной численности, а вся остальная часть здания выглядела как вымершая.

По ночам, примерно между 22:00 и 4:00 утра, в здании ЦРУ пусто и безжизненно, в просторном, посещаемом видениями комплексе витает постапокалиптический дух. Все эскалаторы выключены, и мне приходилось ходить по ним, как по обычным лестницам. Половина лифтов еще работает, и их треньканье, едва различимое днем в рабочей суете, теперь звучит как тревожный сигнал. Бывшие директора ЦРУ взирают со своих портретов, а геральдические орланы выглядят не как изваяния, но как настоящие хищные птицы, терпеливо подстерегающие добычу. Как красно-бело-синие привидения, вздымаются волнами государственные флаги. Агентство только что ввело новую экологичную энергосберегающую политику и установило сенсорное верхнее освещение: коридоры перед тобой окутаны тьмой, но при твоем приближении свет зажигается, так что кажется, что за тобой следят, а звук твоих шагов отдается бесконечным эхом.

По двенадцать часов три ночи подряд с двумя выходными я сидел в безопасном офисе позади отдела техподдержки, среди двадцати письменных столов с двумя или тремя терминалами на каждом. Терминалы были закреплены за сисадминами, которые обеспечивали работу глобальной сети ЦРУ. Независимо от того, насколько заманчиво это звучит, сама работа была относительно банальной и вкратце может быть описана как «ожидание возможной катастрофы». Если возникала проблема, решить ее было не очень трудно. В момент сбоя я пытался войти в систему, чтобы удаленно устранить неисправность. Если не получалось, тогда я должен был физически сойти в Центр обработки и хранения данных, спрятанный этажом ниже, под моим отделом в Новом здании штаб-квартиры, – или пройти по жутковатому, длиной в целую милю туннелю в Центр обработки и хранения данных Старого здания – и там возиться с оборудованием.

Моим партнером в этом деле – единственным кроме меня сотрудником, отвечающим за ночную работу всей архитектуры серверов ЦРУ – был тип, которого я буду звать Фрэнк. Он у нас держался особняком и был во многих смыслах неординарной личностью. Мало того что он обладал политической сознательностью (либертарианец высшей пробы!), он имел неугасимый интерес ко многим вещам помимо собственно

техники (читал винтажные детективные повести, полные загадок и тайн, и триллеры в бумажных обложках). Ему было пятьдесят с хвостиком: все на свете повидавший бывший военный моряк, радист, которому удалось-таки вырваться из тесных рядов колцентра благодаря тому, что он тоже подписался на контрактную работу.

Должен сказать, что, когда я впервые встретил Фрэнка, я подумал: «*Подумать только, что вся моя жизнь будет как те ночи в CASL!*» Потому что, говоря начистоту, Фрэнк вряд ли вообще что-нибудь делал. По крайней мере, ему нравилось производить подобное впечатление. Он обожал рассказывать мне, как и всем остальным, что ничего не понимает в компьютерах и в самом деле не знает, с какой стати его поставили на такую важную работу в нашей команде. Он часто заявлял, что «контрактная система – это третье по счету самое большое надувательство в Вашингтоне», после подоходного налога и конгресса. Еще он рассказывал, что, когда его предложили перевести в команду обслуживания серверов, он ответил боссу, что «небесполезен, но не более того», но, несмотря на это заявление, его все равно перевели. По его же собственным оценкам, все, что он за минувшее десятилетие делал на работе, – сидел и читал книги, а иногда раскладывал пасьянс с настоящей колодой карт, а не на компьютере, естественно. Он вспоминал бывшую жену («Мог бы удержать, но не сумел!»), а о подружке рассказывал: «Взяла мое авто, но оно того стоило». Иногда он просто бродил всю ночь или перезагружал сайт новостей Drudge Report.

Когда звонил телефон, сигнализируя, что что-то сломалось, а ударить кулаком не помогало, он просто докладывал о неполадке дневной смене. В принципе, его философия, если это можно так назвать, сводилась к простой истине, что ночная смена рано или поздно кончится, а дневная смена разбирается в вопросе гораздо лучше. Дневная смена, однако же, устала каждое утро сменять Фрэнка, положившего ноги на стол перед цифровым эквивалентом полного бардака, и был нанят я.

По какой-то неведомой причине агентство решило, что предпочтительнее ввести в дело меня, чем отправить старика на все четыре стороны. Через две недели совместной работы я заподозрил, что его должность была результатом каких-то личных связей или чьим-то покровительством. Дабы проверить свою гипотезу, я вывел Фрэнка на откровенность и спросил, с кем из директоров ЦРУ или другими шишками в погонах он служил на флоте. Но мой вопрос спровоцировал тираду, что, как ни крути, а в агентстве ни один флотский ветеран, занявший высокое положение, не был из числа рядового и сержантского состава,

все – только бывшие офицеры, что так много объясняет в плане печального положения вещей. Лекция продолжалась и продолжалась, пока внезапно паническое выражение не появилось на его лице. Он подскочил и сказал: «Я должен поменять ленту!»

Я так и не понял, что он имел в виду. Но Фрэнк уже шел к серой двери в глубине нашего «склепа», открывавшейся на грязную лестницу, которая имела вход прямо к Центру обработки и хранения данных – гудящему, холодному и темному, как сама ночь, помещению, над которым, мы, собственно, и сидели.

Прогулка вниз, в «склеп» сервера – особенно в ЦРУ, – может дезориентировать. Вы спускаетесь в темноту с мигающими, словно рождественская нечисть, зелеными и красными светодиодами, шумно вибрирующую из-за работающих вентиляторов, которые охлаждают драгоценное оборудование, чтобы оно не расплавилось от высоких температур. Заходя сюда, всегда чувствуешь легкий дурман в голове, даже когда рядом нет старого маньяка, который ругается как матрос, пока бежит к серверной.

Фрэнк остановился в облезлом закутке, где стояло отремонтированное оборудование, помеченное как принадлежащее Оперативному управлению. Занимая почти всю поверхность жалкого, шаткого стола, стоял компьютер. При ближайшем рассмотрении это было что-то не то начала 90-х, не то конца 80-х, даже старше того, что я видел в лаборатории Береговой охраны у отца, – компьютер такой старинный, что его и компьютером не назовешь. Правильнее было сказать «*машина*», на ленточном носителе, которую я не узнал, но все же уверен, что ей бы очень обрадовались в музеях Смитсоновского института.

Рядом с машиной был массивный сейф, открытый Фрэнком.

Он возился с лентой, которая была в машине, а потом вынул ее и положил в сейф. Потом он достал оттуда же другую, столь же древнюю, ленту и заправил ее вместо первой, продев одним движением. Затем аккуратно ударил несколько раз по клавишам клавиатуры – down, down, down, tab, tab, tab. Увидеть результат своих ударов по клавишам он не мог, поскольку монитор у машины не работал, но он нажал «Ввод» очень уверенно.

Я не мог понять, что происходит. Но пустячная ленточка начала тикать и вращаться, а Фрэнк довольно ухмыльнулся.

– Это самая важная машина во всем здании, – сказал он. – Агентство не доверяет всему этому цифровому дерьму. Не верят собственным серверам. Ты знаешь сам, что они постоянно ломаются. А когда сервер выходит из строя, есть риск потерять все, что там хранится. И вот, чтобы не потерять то, что накопилось за день, они на всякий случай дублируют это по

ночам на ленте.

– Так вы здесь делаете резервную копию хранилища?

– Резервную копию на ленте. По старинке. Надежно, как валидол. С лентой ничего не случается.

– Но что на этой ленте? Личные данные или донесения разведки?

Фрэнк взялся рукой за подбородок в знак задумчивости и сделал вид, что воспринял вопросы всерьез. Потом сказал:

– Эд, парень, я не хотел тебе говорить. Это полевые донесения о твоей девушке – у нас куча агентов трудится. Короче, это сырая разведывательная информация. Совсем сырая!

И он пошел вверх по лестнице, смеясь всю дорогу, а я молча краснел в темном «склепе».

Только когда Фрэнк повторил свой ритуал со сменой ленты на следующую ночь, и потом на следующую, и так каждую ночь после, я стал понимать, зачем агентство его тут держит – во всяком случае, не за его прекрасное чувство юмора! Фрэнк был единственным человеком, согласным торчать тут с шести вечера до шести утра и вдобавок достаточно старым, чтобы знать, как заправляется эта «фирменная» лента. Все остальные технари, которые пришли в агентство в те далекие времена, когда носителем была лента, имели семьи и предпочитали ночью быть дома. Но Фрэнк был холостяком и помнил мир еще до «эпохи Просвещения».

Когда я нашел способ автоматизировать большую часть своей собственной работы – написал скрипты для автоматического обновления серверов и восстановления разорванных сетевых соединений, – я тоже, как Фрэнк, получил уйму свободного времени. В смысле, я всю ночь мог делать все, что захочу. Я стал проводить часы в долгих беседах с ним, особенно на политические темы, о которых он читал: книги о том, как стране вернуться к золотому стандарту или о тонкостях фиксированного подоходного налога. Но каждую смену были периоды, когда Фрэнк внезапно исчезал. Он или с головой погружался в детективный роман и не вылезал оттуда до самого утра; прогуливался по холлам агентства, разыскивая в кафетерии кусок остывшей пиццы, или заходил в зал тренажеров – поупражняться с гирями. У меня, конечно, были свои привычки. Я входил в Интернет.

Когда ты входишь в Интернет в ЦРУ, надо поставить галочку «разрешения на соглашение о надзоре», и это фактически означает, что все, что ты делаешь, записывается, а ты даешь согласие отказаться от каких бы то ни было ожиданий в плане приватности. Ты жмешь на эту кнопку так часто, что это

становится твоей второй натурой. Ты перестаешь замечать это уведомление вовсе, потому что оно выскакивает постоянно, а ты стараешься сразу же кликнуть, чтобы вернуться к тому, что делаешь. Мне кажется, именно это – главная причина, почему сотрудники разведорганов не разделяют беспокойства гражданских лиц по поводу «цифровой слежки». Вовсе не потому, что они располагают инсайдерской информацией о том, как эта слежка помогает защитить Америку, а потому, что для сотрудника разведслужб наблюдение за ним босса является частью его должностных инструкций.

Как бы то ни было, не много можно найти во «внешнем» Интернете такого, что было бы интереснее того, что уже имеется во внутренних сетях агенства. Немногие это понимают, но ЦРУ имеет собственный Интернет и Веб. У ЦРУ есть и своя разновидность Фейсбука, позволяющая агентам общаться в сетях; собственная Википедия, которая снабжает агентов информацией о подразделениях агентства, проектах и заданиях; есть собственная внутренняя версия Google – на самом деле Google и предоставляемая, – через которую по этой разветвленной секретной сети осуществляется поиск. Каждое подразделение ЦРУ имеет в ней собственный веб-сайт, где обсуждается его деятельность, публикуются протоколы совещаний и презентации. Многие и многие часы все это было моим образованием.

Если слушать Фрэнка, то первое, что каждый ищет во внутренних сетях ЦРУ, – это инопланетяне и 11 сентября, и именно поэтому, опять-таки по его словам, вы никогда не получите в результате ничего путного. Я все-таки взглянул. Google, приправленный духом ЦРУ, действительно не выдал ничего интересного по обеим темам, но стоп! Истина может лежать где-нибудь на другом сетевом диске. Кстати, насколько я могу судить, инопланетяне никогда не контактировали с Землей – или на худой конец, не контактировали с сотрудниками американской разведки (прошу занести это в протокол). Но «Аль-Каида» на самом деле поддерживает необычайно тесные связи с нашими союзниками из Саудовской Аравии – факт, который Белый дом Буша всячески старался замять, раз мы вступили в войну с двумя другими странами.

Существуют две вещи, которые плохо организованное ЦРУ не понимало в свое время и ни один крупный американский руководитель из Кремниевой долины тоже не понимал: компьютерщик знает все или, скорее, имеет средства, чтобы все знать. Чем выше положение служащего и чем больше привилегий системного уровня он имеет, тем больше у него доступа к буквально каждому байту цифрового существования его

работодателя. Конечно, далеко не каждый на деле пользуется этими образовательными возможностями, да и не каждый одержим столь искренним любопытством. Мои вылазки через системы ЦРУ были естественным продолжением моей детской жажды узнать, как все устроено, как различные детали механизма складываются воедино. И вот с официальной должностью, привилегиями системного администратора и технической подкованностью, которая позволяет выжать из моего допуска максимум, я имел возможность заполнить любой информационный пробел – и даже сверх того. Да, человек действительно высаживался на Луне. Климатические изменения – реальность. Химиотрассы – чушь.

На внутренних новостных сайтах ЦРУ я читал самые секретные донесения, касающиеся торговых переговоров и переворотов еще в стадии их развертывания. Эти отчеты агентства о событиях часто были очень похожи на репортажи, что впоследствии появлялись на новостных сайтах, CNN или Fox, только на несколько дней позже. Главное различие заключалось только в подборе источников и в уровне детализации. В то время как газета или журнал в своем отчете о беспорядках в другой стране ссылается на «высокопоставленное лицо, пожелавшее не раскрывать свое имя», версия ЦРУ будет иметь четко обозначенный источник, скажем, «ZBSMACKTALK/1, сотрудник Министерства внутренних дел, который регулярно откликается на специфические вопросы, сообщает новости, бывшие в употреблении, и неоднократно доказывал в прошлом, что заслуживает доверия». А подлинное имя и подробное личное дело этого ZBSMACKTALK/1 можно будет найти несколькими кликами.

Иногда новостной материал о событиях внутри страны не появлялся в средствах информации вовсе, но шум вокруг события и значимость того, о чем я прочел, повышали мою оценку важности нашей работы и заставляли чувствовать так, словно я пропускаю все самое интересное, сидя у терминала. Это может выглядеть наивно, но я был удивлен, когда узнал, до какой степени ЦРУ – международная организация, причем я имею в виду не сами ее операции, а рабочую силу. Количество языков, которые я слышал в кафетерии, просто поражало. Меня не оставляло чувство моего провинциализма. Работать в штаб-квартире ЦРУ – это восторг, а ведь это всего в нескольких часах пути от места, где я вырос, во многих смыслах все это знакомая местность. В мои двадцать с небольшим я – если не считать пребывание в Северной Каролине, детских поездок к дедушке на морские базы Береговой охраны, и несколько недель в армии в Форте-Беннинг – по-настоящему никогда не покидал Белтвей.

Когда я читал о событиях в Уагадугу, Киншасе и других экзотических городах, которые никак не мог найти на некомпьютеризированной карте, я понял, что, пока я еще так молод, я должен послужить моей стране, сделав что-то поистине важное за ее пределами. Альтернатива этому, думал я, это может быть чуть-чуть более успешный Фрэнк, сидящий за более прогрессивным и большим столом, делающий прогрессивно больше денег, – пока в конце концов и я не устарею настолько, что меня будут держать для обслуживания будущего эквивалента завалящей ленточной машины.

И тогда я совершил нечто немыслимое. Я решил переквалифицироваться в госслужащие.

Мне кажется, кто-то из моих руководителей был поставлен в тупик такой перспективой, но, с другой стороны, они были и польщены, поскольку типичный маршрут был обратным: государственный чиновник к концу своей карьеры уходит ради денег на контракт. Ни один технарь на контракте не идет на госслужбу в самом начале своего пути, теряя в заработке. Но по мне, стать работником госаппарата было более логично: мне будут оплачивать путешествия.

Мне повезло: освободилось подходящее место. Проработав девять месяцев в качестве системного администратора, я подал заявление в ЦРУ для работы за рубежом, и в короткий срок оно было принято.

Мой последний день в штаб-квартире ЦРУ был простой формальностью. Я закончил всю бумажную работу и поменял свой зеленый бейджик на голубой. Все, что мне оставалось, – это отсидеть другую индоктринацию, которая теперь, поскольку я был госслужащим, проходила в элегантном конференц-зале рядом с кафетерием «Данкин Донатс». Именно там я совершил тот священный акт, в котором никогда не участвуют контрактники. Я поднял руку, давая клятву верности – но не правительству или агентству, которые на этот раз нанимали меня напрямую, а Конституции США. Я торжественно клялся поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов от всех врагов, иностранных и внутренних.

На следующий день я вел свою старую верную «Хонду Цивик» по направлению к деревенской Виргинии. Чтобы попасть на зарубежную станцию моей мечты, я должен был сначала вернуться в школу – вновь сесть за парту в классе и учиться, потому что моя учеба еще не была закончена.

Граф с Холма

Первыми же распоряжениями на мой счет в качестве новоиспеченного государственного служащего я был направлен в «Комфорт-Инн» в Уоррентоне, штат Виргиния, – скучный обветшалый мотель, едва ли не единственным клиентом которого был «Государственный департамент», под которым я имею в виду ЦРУ. То был самый худший мотель в стране худших мотелей, и, видимо, поэтому ЦРУ выбрало именно его. Чем меньше посторонних, тем ниже шансы, что кто-нибудь заметит, что данное конкретное место служит временным пристанищем для Уоррентонского тренировочного центра – или, как его называл народ на работе, – Холма.

Когда я зарегистрировался, администратор предупредил, чтобы я не пользовался лестницей, ступени которой были ограждены полицейской лентой. Мне выделили номер на втором этаже главного здания с видом на вспомогательные постройки во дворе гостиницы и парковку. Комната была скудно освещена, в ванной жила плесень, на затоптанных коврах – аккурат под надписью «Не курить» – валялись окурки, а продавленный матрас был покрыт темно-фиолетовыми пятнами чего-то, что, я надеюсь, было выпивкой. Несмотря на все это, номер мне понравился – я еще был в таком возрасте, когда в любом предмете умеешь найти что-то романтическое. Первую ночь я провел без сна, глядя, как насекомые роятся вокруг единственного в комнате светильника, висевшего куполом на потолке, и подсчитывая, сколько часов осталось до бесплатного завтрака, обещанного мне накануне. Наутро я обнаружил, что под завтраком здесь подразумевались одноразовые коробки с фруктовыми колечками Froot Loops и простокваша. Добро пожаловать на госслужбу!

В последующие шесть месяцев «Комфорт-Инн» стал нашим домом. Мои товарищи, или, как мы в шутку себя называли, «сидельцы», и я в том числе, постеснялись рассказывать своим девушкам, в какую дыру нас поселили и чем мы там занимаемся. Я особо понадеялся на протокол о неразглашении, редко наведываясь в Мэриленд, так как класс был засекреченным, и даже не часто звонил Линдси по телефону. К тому же нам не разрешалось брать телефоны с собой в школу, а занятия в классе шли целый день. Уоррентон загружал нас с головой, чтобы мы не чувствовали себя одиноко.

Если «Ферма» близ Кэмп-Пири – самый известный тренировочный лагерь ЦРУ, то главным образом потому, что он единственный, о котором пиар-службе Управления разрешено

сообщать Голливуду. Наш же Холм, вне всякого сомнения, был самым загадочным. Соединенный по микроволновой и волоконно-оптической связи со спутниковым ретранслятором в Бренди-Стейшн, одним из звеньев Учебного центра в Уоррентоне в созвездии родственных тренировочных баз, Холм является сердцем сети полевой линии связи ЦРУ, предусмотрительно расположенным от Федерального округа Колумбия на расстоянии, безопасном в случае ядерного нападения. Старые прожженные технари, работавшие здесь, поговаривали, что ЦРУ выживет, если в случае катастрофы потеряет свои штаб-квартиры, но погибнет, если потеряет Уоррентон. И сегодня, когда Холм скрывает на своей вершине два громадных засекреченных дата-центра (созданию одного из которых я позже способствовал), думаю, что с этим трудно не согласиться.

Холм получил свое название благодаря местоположению – естественно, на довольно крутом возвышении. По прибытии туда я увидел всего одну дорогу – она шла вдоль умышленно никак не обозначенного периметрового ограждения, а потом кренилась вверх под таким углом, что при низких температурах, когда возникала наледь, машины теряли сцепление и начинали съезжать вниз.

Прямо за охраняемым контрольно-пропускным пунктом расположен приходящий в упадок тренировочный лагерь дипломатической связи, принадлежащий Госдепартаменту, заметное местоположение которого, видимо, должно было служить дополнительным прикрытием: вид создавался такой, будто здесь просто место, где американская дипломатическая служба обучает своих технарей. В глубине территории разбросаны низенькие, ничем не обозначенные дома, где проходило мое обучение, а еще дальше имелось стрельбище, которым стрелки из ЦРУ пользовались для специальной огневой подготовки. Звучали выстрелы, но стиль стрельбы мне был незнаком: *хлоп-хлоп, хлоп; хлоп-хлоп, хлоп*. Два выстрела – вывести из строя, сопровождаемые одним, чтобы, аккуратно прицелившись, убить.

Я числился в классе 6–06 BTTP – базовой программы обучения телекоммуникациям[46]. За этим намеренно бесцветным названием сокрыт один из самых засекреченных и необычных курсов, какие только вообще бывают. Цель программы – подготовка TISO[47], сотрудников службы технической информации – церэушных кадров элитных «коммуникаторов», или, менее формально, «связистов». Из таких специалистов готовят «мастеров на все руки»: в одиночку он должен быть готов заменить собой шифровальщика, радиотехника, электрика,

механика, консультанта и по физической, и по цифровой безопасности, а также компьютерного техника. Основным занятием этого законспирированного сотрудника является обеспечение технической инфраструктуры для операций ЦРУ, как правило, на заморских территориях, на станциях, укрытых внутри американских дипломатических представительств, консульств и посольств – отсюда и связь с Госдепом. Идея такова, что, если вы попадаете в американское посольство, которое находится далеко от дома и окружено не заслуживающими доверия иностранцами (союзники они или враги, все равно для ЦРУ они – «не заслуживающие доверия иностранцы»), вы сможете решить все свои технические проблемы на месте собственными силами. А если вы попросите местного мастера отремонтировать вашу секретную шпионскую технику, он, безусловно, это сделает и возьмет недорого, но при этом натыкает хорошо замаскированных жучков – в интересах иностранной державы.

В результате TISO должен знать о починке практически любой техники в здании – от индивидуальных компьютеров и компьютерных сетей до кабельного телевидения, систем климат-контроля, солнечных батарей, обогревателей и кулеров, а также резервных генераторов, спутниковых коммуникаторов, армейских шифровальных устройств, сигнализации, замков и так далее. Правило такое: если эту штуку включают в розетку или у нее самой есть розетка, то это епархия TISO.

Также такой специалист должен не только знать, как самому сконструировать некоторые из этих систем, но и то, как их уничтожить, если, скажем, посольство в осаде, а все дипломаты и большая часть сотрудников, офицеров ЦРУ, эвакуировалась. TISO всегда уходят в самом конце. По должности им положено произнести последнее «Конец связи» – сообщение в штаб-квартиру, после того как уже изорвано в клочья, сожжено, стерто в порошок, размагничено и разворочено всё, на чем мог остаться хоть один отпечаток пальца сотрудника ЦРУ, от рабочей документации до дисков с шифрованным материалом, – для полной уверенности, что ничто ценное не попадет в руки противника.

Почему этим должны заниматься люди из ЦРУ, а не Государственный департамент, организация, которой, собственно говоря, и принадлежат посольские здания, – вопрос не только компетенции и доверия: истинная причина в правдоподобном отрицании. Ни для кого уже не секрет, что первейшей функцией посольств на сегодняшний день является использование их в качестве платформ для шпионажа. Старые доводы о том, зачем страна может отстаивать формально суверенное физическое

присутствие на территории иного государства, окончательно иссякли вместе с внедрением электронных коммуникаций и реактивными самолетами. В наши дни самая результативная дипломатия осуществляется непосредственно между министерствами и министрами. Конечно, посольства еще время от времени выражают по тому или иному поводу протест, оказывают поддержку согражданам за границей, а еще есть консульский отдел, который выдает визы и меняет старые паспорта на новые. Но все это происходит в совершенно разных зданиях, и в любом случае вся эта деятельность даже приблизительно не могла бы оправдать размер затрат на содержание подобной инфраструктуры. На самом же деле то, что оправдывает затраты, – это возможность под прикрытием своей дипломатической службы вести и легализировать шпионскую деятельность.

TISO работают под дипломатическим прикрытием по документам, которые скрывают их среди сотрудников дипломатической службы под видом «атташе». В крупных посольствах может быть пять таких сотрудников, средние могут иметь трех, но большинство обходятся одним. Таких именуют «одиночками», и помню, мне говорили, что из всех должностей, которые могут предложить в ЦРУ, у этих сотрудников наибольший процент разводов. Стать таким «одиночкой» – это значит быть одиноким офицером технической службы, далеко от дома, в мире, где все время что-то ломается.

Мой класс в Уоррентоне в начале занятий насчитывал восемь человек и перед выпуском расстался только с одним – что, как мне сказали, было редкостью. Пестрый состав группы тоже не совсем типичен – он был в основном представлен эдакими «мятежниками», которые добровольно подписались на карьеру, гарантирующую, что они проведут свою службу под прикрытием в чужой стране. Впервые за всю мою карьеру в разведсообществе я не был самым молодым в группе. В свои двадцать четыре я был почти «средним», хотя мое знакомство с системной работой, которой я занимался в штаб-квартире, несомненно, давало мне преимущества по части знакомства с операциями ЦРУ. Большинство остальных были просто подростками с техническими склонностями сразу после колледжа или прямо с улицы, а кто-то записался онлайн.

Отдавая дань военизированным устремлениям иностранных филиалов ЦРУ, мы реже называли друг друга по имени, а использовали придуманные прозвища, быстро приставшие и всегда немного эксцентричные. Тако Белл – это провинциал: широкий, симпатичный, туповатый. В двадцать лет единственным

занятием, которое у него было до ЦРУ, была работа ночным администратором в филиале одноименного с ним ресторана в Пенсильвании. Человеку дождя, Рейнмену, было под тридцать, и этот срок он провел в аутистическом спектре, резко меняясь, перескакивая от кататонической отрешенности к трясущейся ярости. Прозвище, которое мы ему дали, он носил гордо, утверждая, что это почтительное обращение у коренных американцев. Флют, флейта, заслужил свое прозвище по той причине, что нас куда меньше интересовала его служба в морской пехоте, чем музыкальное образование и диплом по «дудочке», полученный им в консерватории. Прозвище Спо получил парень постарше, лет где-то под тридцать пять. Мы так его назвали, потому что он и был СПО, «специальный полицейский отряд», – служил в полицейском спецназе при штаб-квартире ЦРУ, где до такой степени сходил с ума от скуки, охраняя ворота в Мак-Лин, что готов был бежать за моря, даже если для этого всей его семье пришлось бы ютиться в одноместном номере мотеля. (Ситуация продлилась до тех пор, пока администрация не обнаружила живую змею, принесенную его сыном в выдвижном ящике тумбочки.) Самым старшим был Полковник, хорошо за сорок, бывший сержант-связист, после многочисленных странствий «по пескам» решивший начать все сначала. Мы называли его Полковником, хотя он не был даже офицером, потому что усмотрели сходство с тем добродушным жителем штата Кентукки, чьих жареных цыплят предпочитали стандартному набору блюд из уоррентонского кафетерия.

Моя кличка – думаю, этого не избежать – Граф. Вовсе не из-за моей аристократической осанки или модного, как у денди, наряда, а просто потому, что я, как войлочный вампир из телепрограммы «Улица Сезам», имел привычку привлекать к себе внимание и перебивать других, подняв палец, словно хотел сказать: *«Один, два, три, ах-ха-ха! Вы забыли три вещи!»*

С этими ребятами я прошел весь цикл из двадцати различных дисциплин, в основном обучаясь тому, как заставить технические средства, доступные в любой данной местности, служить правительству Соединенных Штатов, в посольстве или на ходу.

Одно задание включало выволакивание «походного» пакета – который был на самом деле 80-фунтовым[48] чемоданом с коммуникационным оборудованием – на крышу нашего учебного корпуса. Имея только компас и ламинированный листок с координатами, я должен был найти в огромном небе с мерцающими звездами спутник-невидимку ЦРУ, который свяжет меня с кризисным коммуникационным центром в Маклине – позывной сигнал Центральный, – после чего я возьму комплект

эпохи холодной войны, который извлеку из пакета, чтобы установить шифрованную связь. Это задание стало практическим напоминанием, почему офицер связи всегда первым приходит и последним уходит: начальник станции может украсть самый страшный секрет в мире, правда, это вовсе не означает, что можно спокойно курить в сторонке на корточках, пока не скажут идти домой.

В ту ночь я остался на базе затемно, потом въехал на машине на самый верх Холма, припарковался возле переоборудованного сарая, где мы изучали электрические конструкции, которые будут мешать противнику отслеживать наши действия. Методы, которые мы изучали, временами слишком напоминали колдовство вуду – как, например, способность воспроизвести изображение на мониторе любого компьютера, пользуясь только крошечным источником электромагнитного излучения в его внутренних компонентах, что возможно уловить, пользуясь особой антенной (метод называется «телефонный хакинг Ван Эка»). Если это трудно понять, уверяю: мы чувствовали себя точно так же. Инструктор сам с готовностью признался, что никогда целиком не понимал деталей и не умел их нам демонстрировать, но он знал, что угроза реальна: ЦРУ применяло это против других, а это значит, что другие могут применять то же и против нас.

Я сидел на крыше своей машины, той самой старой «Цивик», откуда, кажется, была видна вся Виргиния, и позвонил Линдси в первый раз за несколько недель, а может, и за целый месяц. Мы разговаривали, пока не села батарейка в моем телефоне. Из моего рта шел пар, так как ночью похолодало. Ничего мне так не хотелось, как разделить с ней это зрелище: темные поля, волнистые холмы, свет высоких мерцающих звезд. Но лучшее, что я мог сделать тогда, – это описать ей все это словами. Я уже нарушил правила, воспользовавшись телефоном, и не хотел нарушать еще одно, сделав фото.

Один из самых важных предметов в Уоррентоне изучал методы обслуживания терминалов и кабелей (многими способами, в том числе примитивными) и компоненты любой инфраструктуры связи представительств ЦРУ. «Терминал» в этом контексте – любой компьютер, используемый, чтобы посылать и получать сообщения по одной защищенной сети. В ЦРУ слово «кабели» относится к самим сообщениям, но технические сотрудники знают, что кабели также имеют и более вещественный смысл. Речь идет обо всех шнурах и проводах, которые за последние полвека или около того соединяли терминалы агентства, особенно его древние версии, – линии

телеграфной связи по всему миру, по подземным туннелям, на дне океана, пересекая границы государств.

Наш учебный год был последним, где TISO учились полноценно владеть всем этим: «железом» терминалов, программными пакетами и, конечно же, кабелями. Нескольким моим одноклассникам казалось слегка ненормальным заниматься изоляцией и обмоткой, когда на дворе уже беспроводной век. Но если бы кто-то из них высказал вслух свои сомнения в уместности любого из этих на вид антикварных технических средств, на которых нас обучали, инструкторы нам напомнили бы, что за всю историю Холма от TISO ни разу не потребовали знания азбуки Морзе.

Ближе к окончанию мы должны были заполнить то, что сами окрестили «страничкой мечты». Нам предоставили список представительств ЦРУ по всему миру, где требовались новые сотрудники, и предложили расположить их в соответствии с нашими предпочтениями. Потом «странички мечты» поступали в отделы кадров, где их, по слухам, сразу же комкали, рвали и выбрасывали в мусорную корзину.

Моя страничка начиналась с того, что называлось «Отряд сотрудников специального назначения». Строго говоря, это были командировки не в любое посольство, а только здесь, в Виргинии, откуда меня периодически будут посылать в менее привлекательные места «песочницы», туда, где агентство считало постоянное пребывание чересчур суровым и опасным, – на маленькие, изолированные передовые оперативные базы в Афганистане, Ираке и в приграничных районах Пакистана, например. Выбирая «спецназ», я выбирал нечто, требующее смелости, и к тому же разнообразное, чтобы не застревать в одном городе года на три. Все мои инструкторы были совершенно уверены, что меня туда возьмут, а я был стопроцентно уверен в своих заново отточенных способностях. Но не все бывает так, как ожидаешь.

Как было ясно из условий гостиницы «Комфорт-Инн», школа предпочитала «халтурить». Некоторые из моих однокашников начали подозревать, не была ли администрация (хотите верьте, хотите нет!) замешана в нарушении федерального трудового законодательства. Как одержимый работой затворник, я с самого начала не обеспокоился этим – так же как и остальные мои ровесники. Для нас это было разновидностью низкопробного сервиса, к которому мы уже притерпелись, испытывая ее слишком на себе и по ошибке принимая за нормальное положение вещей. Однако неоплаченные переработки, отказ предоставить отпуск, невыплата семейных пособий сильно сказывались на наших

старших товарищах. Полковник платил алименты, у Спо была семья: каждый доллар, каждая минута были на счету.

Последней каплей стал случай, когда расшатанные ступеньки в «Комфорт-Инн» окончательно обвалились. К счастью, никто не пострадал, отделавшись испугом, но наши парни принялись ворчать, что, если бы здание финансировалось еще какой-то организацией помимо ЦРУ, ее бы еще год назад привлекли к ответственности за нарушение правил пожарной безопасности. Недовольство росло, и скоро наша «школа мятежников» была близка к созданию профсоюза. Администрация же в ответ решила просто выждать, когда мы уберемся, тем более что всякий, кто влип в эту историю, мог либо окончить курс, либо быть уволен.

Ко мне подошли несколько одноклассников. Они знали о хорошем отношении инструкторов ко мне – мои умения поставили меня на одно из самых высоких мест в классе. Они также были в курсе, что я работал в штаб-квартире и умел разговаривать с бюрократами. Плюс я хорошо умел писать – по крайней мере для технаря. Они хотели, чтобы я выступил в качестве своего рода «классного представителя» – или «выбранной жертвы», официально передав их жалобы руководству школы.

Должен здесь сказать, что был не прочь взяться за это дело единственно из-за моего оскорбленного чувства справедливости. Но не могу отрицать, что, как молодой человек, который преуспел во всех своих начинаниях, я увидел в этой ситуации повод для веселья. В течение часа я собрал по внутренней сети жалобы и еще до конца дня отправил недобросовестной администрации школы письмо по «электронке».

На следующее утро глава школы попросил меня зайти в его кабинет. Он не стал отрицать, что в школе все шло наперекосяк, но заметил, что эти проблемы не уполномочен решать. «Вам учиться еще двенадцать недель – так что сделайте одолжение и передайте своим одноклассникам, чтобы подобрали сопли. Скоро будут задания, и у вас появятся заботы поважнее. Все, что вам надо помнить о вашем пребывании здесь, – это с какой стороны вы себя показали».

Сказанное им прозвучало как угроза – а, может быть, и как подкуп. В любом случае, это обеспокоило меня. Когда я покинул его кабинет, веселье кончилось, и меня интересовало только восстановление справедливости.

Я вернулся в класс, который ожидал моего провала. Помню, что Спо заметил мою угрюмую гримасу и сказал: «Не переживай, друг. Попытка не пытка!»

Он работал в агентстве дольше всех остальных, знал, как все

в нем устроено и понимал всю нелепость надежды, что здесь что-то исправят. По сравнению с его бюрократической подкованностью я был невинное дитя. Я был расстроен поражением и той легкостью, с которой Спо и другие с ним смирились. Мне было отвратительно осознавать, что пустые страхи могут так быстро развеять искреннее стремление добиться результата. Не то чтобы мои одноклассники не склонны были продолжать борьбу; дело было еще в том, что они не могли себе этого позволить: система была устроена так, что возможная цена перевода конфликта на более высокий уровень превосходила выигрыш в случае его решения. Но в двадцать четыре года я еще мало думал о стоимости и издержках, как, впрочем, и о выигрышах; я думал о системе. Сдаваться я не собирался.

Я переписал и вновь послал письмо, но не руководителю школы, а его начальнику, директору Группы полевого обслуживания. Хотя на тотемном столбе он занимал куда более высокое место, чем глава школы, статус его в известной мере равнялся статусу некоторых сотрудников, с которыми мне приходилось иметь дело в штаб-квартире. Потом я поставил в копию письма *его* босса – статус которого, разумеется, уже определенно был не таков.

Несколько дней спустя мы были на занятиях, тема которых, кажется, называлась «Ложное вычитание как прием шифрования подручными средствами», как вошла секретарша из канцелярии и объявила, что старый режим пал. Больше никто не потребует от нас неоплачиваемой работы, а через две недели мы переедем в отель получше. Помню свое воодушевление и гордость, когда она произнесла: «Хэмптон-Инн!»

У меня были сутки на то, чтобы отпраздновать заслуженную славу, но на следующий день занятия снова прервали. На этот раз в дверях появился сам руководитель школы и вновь вызвал меня в свой кабинет. Спо вскочил со своего стула, крепко обнял меня, изобразил, как он вытирает слезу, и объявил, что никогда меня не забудет. Директор закатил глаза.

В кабинете нас ждал вышестоящий над директором школы начальник: директор нашего подразделения, то есть начальник почти каждого TISO на всем протяжении его карьеры, – тот самый, которому я отправил электронное письмо. Он был исключительно сердечен и вовсе не склонен так гневно сжимать челюсти, как директор школы. Это-то меня и напрягало.

Я пытался сохранять хотя бы внешнее спокойствие, но на самом деле весь взмок. Директор школы начал разговор, снова напомнив, что наши вопросы решаются в данный момент. Начальник подразделения прервал его: «Мы здесь не для того,

чтобы говорить об этом. Мы здесь, чтобы обсудить несоблюдение субординации и командные инстанции».

Если бы он меня отлупил, я бы и то удивился меньше.

Я понятия не имел, что директор подразумевал под «несоблюдением субординации», но, прежде чем мне представился случай спросить, он продолжил. «ЦРУ очень отличается от других – гражданских – организаций, – произнес он, – даже если на бумаге правила внутреннего распорядка и утверждают, что это не так. И в агентстве, которое выполняет такую важную работу, нет ничего важнее, чем командные инстанции».

Вежливо подняв указательный палец, я подчеркнул, что прежде чем послать электронное письмо, я *пытался* соблюсти субординацию, но потерпел неудачу. Именно это мне меньше всего хотелось объяснять «командным инстанциям», в персонифицированном виде сидевшим за столом напротив меня.

Глава школы сидел, уставившись на свои ботинки, а потом стал глядеть в окно.

«Слушай, Эд, – сказал его начальник. – Я здесь не для того, чтобы писать «отчет об оскорбленных чувствах». Расслабься! Я готов признать, что ты талантливый парень. Мы тут обошли всю школу и поговорили со всеми инструкторами, и они говорят, что ты талантливый и сообразительный. Ты даже записался добровольцем в армию для отправки в зону военных действий. Мы такое ценим высоко. Мы хотим, чтобы ты здесь учился, но мы должны знать, что можем на тебя рассчитывать. Тебе надо понять, что тут своя система. Порой надо примириться с вещами, которые нам не нравятся, потому что наша миссия должна быть на первом месте, а мы не сможем ее выполнить, если каждый парень в команде будет делать собственные выводы. – Он сделал паузу, сглотнул и сказал: – Нигде это не является такой бесспорной истиной, как в пустыне. Много чего случается в пустыне, и я не уверен, что могу быть полностью спокоен за тебя, за то, как ты справишься с работой там…»

Вот оно – их возмездие! При словах начальника директор школы улыбался, глядя на парковку за окном. Никто, кроме меня – то есть *вообще никто,* – не отмечал спецназ или другую активную боевую единицу ни в качестве первого, ни второго, ни даже третьего пункта в своем списке пожеланий. Остальные, как один, обвели в своих анкетах пункты в пределах Европы, где дипломаты пьют шампанское, – эдакие чистенькие станции в городках, заканчивающихся на «бург», с ветряными мельницами и велосипедными дорожками, где не часто услышишь взрывы.

Прямо назло они всучили мне одно из этих направлений.

Мне дали Женеву. Они наказали меня, дав мне то, о чем я совсем не просил, но что каждый на моем месте хотел бы.

Словно читая мои мысли, директор сказал: «Это не наказание, Эд. Это настоящая возможность, правда. Кто-нибудь с твоим уровнем познаний мог бы зазря пропасть в зоне военных действий. Тебе нужно большое представительство, которое пилотирует новейшие проекты, чтобы ты мог по-настоящему заниматься развитием своих умений».

Каждый человек в классе, поздравляя меня, позже стал завидовать и думать, что я купил себе роскошное положение и отказался от всех жалоб. Моя реакция в тот момент была противоположной: я подумал, что у руководителя школы, должно быть, имелся информатор в классе, который рассказал ему, какого рода назначения мне хотелось избежать.

Начальник встал с улыбкой, давая понять, что разговор окончен. В его взгляде читалось: «Итак, по-моему, мы все спланировали. Прежде чем попрощаться, я хочу убедиться, что ты понял: мне не нужно больше никаких моментов вроде сегодняшнего. Договорились?»

Женева

Действие в романе Мэри Шелли «Франкенштейн», написанном в 1818 году, по большей части развертывается в Женеве, оживленном, чистом, опрятном и организованном, как часы, швейцарском городе. Как многие американцы, я вырос на многочисленных киноверсиях и телевизионных мультиках о Франкенштейне, но саму книгу не читал. Однако в дни, когда я должен был уехать из Штатов и подбирал, что можно почитать о Женеве, во всех списках, которые я открывал в Интернете, название «Франкенштейн» прямо-таки выделялось среди туристических путеводителей и общей информации. По-моему, единственными PDF-файлами, которые я скачал для чтения в полете, были «Франкенштейн» и Женевские конвенции, причем первое я только что закончил. Долгие тоскливые месяцы я провел в одиночестве в ожидании приезда Линдси, лежа с книгой на голом матрасе в гостиной – до смешного изящной, до смешного просторной, но почти совсем не обставленной квартиры, оплачиваемой посольством, на набережной Сеже в районе Сен-Жан-Фалез, с одним окном, выходившим на Рону, и другим – с видом на горы Юра.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что книга совсем не оправдала моих ожиданий. «Франкенштейн» оказался эпистолярным романом, который читается как лента раздутых электронных писем с описаниями сцен безумия вперемешку с кровожадными преступлениями и предостерегающими увещеваниями о том, что технический прогресс имеет тенденцию переступать через всяческие моральные, этические и правовые ограничения. А результат этого прогресса – создание неконтролируемого монстра.

В разведсообществе «эффект Франкенштейна» упоминается довольно часто, хотя чаще встречается военный термин «ответная реакция»[49]: ситуация, когда политические решения, направленные на продвижение интересов Америки, в результате приносят ей непоправимый вред. Известный пример пресловутого «эффекта Франкенштейна», на который постфактум ссылались многие гражданские, правительственные, военные и даже разведывательные исследования, – финансирование и подготовка моджахедов для противостояния Советскому Союзу, что в конечном итоге привело к радикализации Усамы бен Ладена и образованию «Аль-Каиды». Второй пример – политика по снижению влияния партии Баас в эпоху иракской военщины и Саддама Хусейна – что в конечном итоге привело к образованию

Исламского государства. Нет сомнений, что убедительный пример «эффекта Франкенштейна» в течение моей непродолжительной карьеры можно было бы усмотреть в тайном стремлении правительства реструктурировать все средства коммуникации в мире. В Женеве, в тех же декорациях, где созданный воображением писательницы монстр мчался, не разбирая дороги, Америка была занята созданием сети, которая в конце концов заживет собственной жизнью, неся угрозу жизни своих создателей, причем в немалой степени и моей.

Представительство ЦРУ в американском посольстве в Женеве являлось одной из ведущих европейских лабораторий, где десятилетиями проводился этот эксперимент. Город, изысканная «столица семейного банковского дела» Старого Света и существующих с незапамятных времен традиций финансовой тайны, также находится в точке пересечения волоконно-оптических сетей Евросоюза и остального мира, а также попадает в тень ключевых спутников связи, нарезающих круги где-то высоко над ним.

ЦРУ – главное американское разведагентство, которое занимается агентурной разведкой (HUMINT, т. е. «human intelligence»), – собирает данные посредством интерперсональных контактов: от человека к человеку, лицом к лицу, не обращаясь к экранам мониторов. Сотрудники, которые специализируются на этом виде разведки, – законченные циники, очаровательные обманщики, которые много пьют и курят. Они, в свою очередь, питают глубочайшую неприязнь к радиотехнической разведке (SIGINT, т. е. «signals intelligence»), замаскированной разведке, собирающей сведения посредством перехвата информации в коммуникационных сетях, – которая с каждым годом уменьшала их привилегии и престиж. Но хотя сотрудники агентуры и испытывают общее недоверие к цифровым технологиям, чем всегда напоминали мне согбенную спину Фрэнка в ночном «склепе» штаб-квартиры, они, безусловно, понимают ее полезность, которая помогала поддерживать между этими двумя подразделениями продуктивный товарищеский дух и здоровую конкуренцию. И даже самый хитрый и харизматичный разведчик в ходе своей карьеры иногда сталкивается с редкими идеалистами, чью преданность он не смог заполучить при помощи конвертов, набитых наличностью. Тогда он и обращается к техническому специалисту при посольстве – то есть в данном случае ко мне – с вопросами, комплиментами и приглашениями на вечеринку.

Служить в другой стране среди сотрудников агентуры в качестве технического сотрудника равносильно работе

культурного посла или консультанта-эксперта, который знакомит их с нравами и обычаями новой территории – для большинства американцев не менее чужой, чем все 26 кантонов Швейцарии и четыре официальных языка. В понедельник один агент может попросить у меня совета, как установить тайный сетевой канал связи с потенциальным перебежчиком, которого боится вспугнуть. Во вторник другой агент захочет познакомить меня с неким «специалистом из Вашингтона», который на поверку оказывается «понедельничным» агентом, проверяющим свою маскировку, а я все еще не уверен, надо ли сообщать, что я его узнал, хотя за этим ко мне и обращались. В среду у меня могут поинтересоваться, как лучше всего уничтожить после передачи файлов (технологическая версия известной шпионской рекомендации «сжечь после прочтения») диск с записями клиента, который сотрудник агентуры выманил у продажного швейцарского служащего. В четверг мне, возможно, придется составить и отправить адресу отчет о нарушении безопасности с жалобой на данного оперативного сотрудника, так как тот допускает мелкие погрешности, например не запирает двери «склепа», выходя в туалет (обязанность, которую я выполняю с особой истовостью), ибо однажды мне самому приходилось письменно отчитываться за точно такую оплошность. В пятницу начальник оперативного управления может вызвать меня к себе и спросить, может ли штаб-квартира «гипотетически» выслать зараженную флешку, с помощью которой «кто-то» может хакнуть компьютеры делегатов ООН, чье главное здание находится тут же рядом, на улице, – и много ли, по моему мнению, у него шансов быть незамеченным?

На первый ответ – нет, на второй – тоже.

Суммируя вышесказанное, во времена, которые я провел «в полях», эти самые «поля» стремительно менялись. Агентство было непоколебимо уверено, что оперативные сотрудники вступают в новое тысячелетие, а технические «полевые сотрудники» вроде меня должны им помогать дополнительно к своим основным обязанностям. Мы дали им выход в Интернет, а они в ответ смирились с нашим существованием.

Женева рассматривалась как «точка отсчета» для подобных изменений, потому что в ней сконцентрирована богатейшая в мире среда привлекательных целей, от центральных учреждений Организации Объединенных Наций до головных офисов ее многочисленных специализированных агентств и международных неправительственных организаций. Здесь находится Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), которая внедряет ядерную технологию и определяет стандарты безопасности в этой области, включая те, которые имеют

непосредственное отношение к атомному оружию. Здесь же располагаются Международный союз электросвязи (МСЭ), который посредством влияния на технические стандарты всех устройств – от спектров глобальных радиочастот до спутниковых орбит – определяет, что и как может коммуницировать, и Всемирная торговая организация (ВТО), которая, регулируя торговлю товарами, услугами и интеллектуальной собственностью между странами-участницами, определяет, что и как может быть продано. Важную роль играет и сама Женева как столица частных финансовых источников, что открывает великолепные возможности что-то перехватить и потратить, не давая себе труда отчитываться перед публикой, получены эти средства обманным способом или честно заработаны.

Традиционные методы шпионажа помаленьку, медленно, делали успехи, манипулируя этими системами на пользу Америки, но уже не могли удовлетворять аппетиты читающих донесения разведки американских «творцов политики» – особенно после того, как швейцарский банковский сектор (наряду с остальными в мире) перешел на «цифру». Если глубочайшие тайны мира сохраняются отныне в компьютерах, сплошь и рядом подключенных к Интернету, логично, что американские разведывательные агентства пожелают воспользоваться этими же соединениями, чтобы что-нибудь украсть.

До наступления эпохи Интернета, когда какое-нибудь агентство хотело получить доступ к компьютеру цели, ему приходилось связываться с источником, имевшим с этой целью непосредственный физический контакт. Ситуация была явно небезопасной: источник могли уличить в том, что он внедрял посторонние устройства или программу и таким образом передавал секреты своим кураторам. Глобальное распространение цифровых технологий невероятно упростило этот процесс. Этот новый мир «цифровой разведки» означал, что физический доступ почти никогда больше не требовался – что снижало уровень «человеческого риска» и окончательно выравнивало баланс между «человеческой» и «электронной» разведками. Отныне агент мог просто послать адресату сообщение, например электронное письмо, с приложением или ссылкой, которые запускали вредоносную программу, что позволяло агентству не только отслеживать работу цели, но и всю его сеть контактов. Принимая во внимание подобную инновацию, «человеческий потенциал» ЦРУ будет занят идентификацией представляющих интерес адресатов, а радиотехническая разведка позаботится об остальном. Вместо обработки цели путем подкупа или – в случае провала – принуждения и шантажа несколько компьютерных

взломов обеспечат аналогичный результат. И, самое главное, адресат остается в полном неведении – что, безусловно, гарантирует чистоту процесса.

Таковы по крайней мере были надежды. Однако радиоэлектронная разведка все быстрее превращалась в «киберразведку» – этот термин используется, чтобы отделить ее от более ранних, еще офлайновых форм – с телефоном и факсом. Старые приемы также должны модернизироваться ради новой интернет-среды. Вот пример: как исследовать цель, соблюдая анонимность в Сети.

Эта проблема обычно возникала, когда сотрудники агентуры занимались поиском человека из таких стран, как Иран или Китай, в базах данных агентства, и в итоге оказывались с пустыми руками. Для поверхностного поиска перспективного объекта в таких базах строчка «Ничего не найдено» – вполне закономерный итог: базы данных ЦРУ в основном заполняются людьми, уже представлявшими интерес для агентства или гражданами дружеских государств, чьи досье были более доступны. Столкнувшись с отсутствием результатов, оперативный сотрудник сделает то же, что и вы, интересуясь какой-то персоной, – войдет в публичный Интернет. А это рискованно.

Обычно, когда заходите на какой-либо сайт, ваш запрос исходит от вашего компьютера более или менее прямо к серверу, на котором размещается ваш конечный пункт назначения – тот веб-сайт, который вы стремитесь посетить. На каждой остановке этого пути ваш запрос бодро объявляет, откуда он был сделан и куда конкретно он идет, благодаря идентификаторам, которые называются «адрес источника» и «адрес назначения» – по аналогии с адресами отправителя и получателя на почтовой открытке. Благодаря им ваше интернет-соединение легко идентифицируется как именно ваше – среди всех прочих, веб-мастерами, сетевыми администраторами и спецслужбами иностранных государств.

В это может быть трудно поверить, но на тот момент агентство толком не могло сказать, что, собственно, оперативный сотрудник должен делать в такой ситуации – кроме как попросить штаб-квартиру ЦРУ начать поиск в его интересах. Формально эта нелепая процедура предполагала, что кто-то в штаб-квартире входил в Сеть с особого компьютерного терминала, используя так называемую неопределяемую поисковую систему. Она подразумевает, что запрос проходит через прокси, то есть ненастоящий сервер, прежде чем он будет отправлен в Google. Если кто-нибудь попробовал бы узнать, кто проводил данный конкретный поиск, то все, что он бы нашел, это сайт некоей

мутной конторы, находящейся «где-то в Америке», – одной из мириад мнимых компаний по набору персонала, которые ЦРУ использовало для прикрытия.

Не уверен, что кто-нибудь мог бы внятно мне объяснить, почему агентство любило использовать для отвода глаз сайты кадровых агентств; могу предположить, что это единственные в своем роде компании, которые сегодня ищут инженера-ядерщика в Пакистане, а завтра – отставного польского генерала. Но могу с полной уверенностью сказать, что сам процесс был малоэффективным, обременительным и дорогостоящим. Чтобы создать только один такой вариант прикрытия, агентство должно было придумать название компании, расписать ее род занятий, приделать ей правдоподобный физический адрес, зарегистрировать URL, после чего арендовать на ее имя сервер. К этому добавляются затраты на установление зашифрованных соединений с этих серверов, которые позволяют коммуницировать с сетями ЦРУ так, чтобы никто не замечал соединения. И самое смешное: после всех этих затрат денег и усилий, потраченных только затем, чтобы анонимно погуглить чье-то имя, связь с ЦРУ обнаруживалась, когда какой-нибудь аналитик решал сделать перерыв и входил на том же компьютере в свой аккаунт на Facebook. Поскольку немногие люди из штаб-квартиры работали под прикрытием, это было равносильно тому, чтобы выйти на улицу с плакатом «Я работаю в ЦРУ». Или так: «Я работаю в Государственном департаменте, но только в Маклине».

Вам сейчас смешно, а тем не менее в то время это случалось сплошь и рядом.

В период моей работы в Женеве, когда агенты спрашивали меня, как совершить поиск безопаснее, быстрее и в целом эффективнее, я знакомил их с «Тором».

Изначально *Tor Project* создавался государством, а в итоге стал одним из немногих способов противостоять его слежке. Tor – бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом, которое при правильном пользовании обеспечивает пользователям анонимность, практически близкую к идеальной. Его протоколы были разработаны американской Военно-морской исследовательской лабораторией в середине 1990-х, а в 2003 году продукт появился в открытом доступе и с тех пор служит гражданскому населению, которое обеспечивает его работоспособность. Tor управляется посредством кооперативного сообщества, которое опирается на продвинутых в технике волонтеров по всему земному шару – а те организуют собственные серверы в своих подвалах, на чердаках и в гаражах. Прогоняя исходящий интернет-трафик через все эти серверы, Tor

скрывает настоящие адреса пользователей аналогично неопределяемой системе ЦРУ – с той немаловажной разницей, что делает это куда более эффективно. Сам-то я давно в этом убедился, а вот убедить неотесанного сотрудника разведки – это совсем другое дело.

С Tor-протоколом ваш трафик распределяется и проходит через неоднородные каналы от одного Tor-сервера до другого Tor-сервера, заменяя вашу настоящую идентичность адресом последнего сервера из этой постоянно меняющейся цепи. В сущности, ни один из Tor-серверов, которые называются «слоями», не владеет информацией об отправной точке трафика. И, что, по мне, самое гениальное – самый первый Tor-сервер в цепи единственный, который знает, *откуда* трафик исходит, не знает, *куда* этот трафик идет. Поясню: первый Tor-сервер, который соединяет вас с Tor-сетью – входной узел, – знает, что вы послали запрос, но по причине, что на чтение этого запроса наложен запрет, у него нет никакого представления, ищете ли вы в Интернете котят или протестный контент. А последний Tor-сервер, через который проходит ваш запрос – так называемый выходной узел, – прекрасно знает, что запрашивают, но не имеет представления, кто делает запрос.

Этот многослойный метод называется «луковой маршрутизацией», отсюда и название TOR – «The Onion Router». В разведке бытует шутка: пытаясь взломать Tor, шпионы плачут. Здесь есть ирония, сопутствующая данному проекту: жили-были американские военные, захотели они разработать технологию, которая сделала бы кибербразведку одновременно и труднее, и легче; разработали ноу-хау, чтобы сохранить анонимность разведслужащих – но получилось только за счет предоставления этой самой анонимности соперникам и среднестатистическим юзерам по всему земному шару. В каком-то смысле Tor даже нейтральнее самой Швейцарии. Лично меня он вернул в Интернет моего детства, подарив немного свободы от массовой слежки.

Все, что я здесь написал выше о повороте ЦРУ в сторону кибербразведки или о превосходстве SIGINT над HUMINT, не значит, что агентство свернуло свои операции с участием сотрудников агентуры – такие, которые выполнялись с момента появления современного разведсообщества к моменту окончания Второй мировой войны. Даже я был в них задействован, хотя самая памятная моя операция закончилась провалом. Именно в Женеве я единственный раз лично познакомился с «объектом наблюдения», в первый и последний раз смотрел прямо в глаза человеку, а не в его досье. И должен сказать, вся эта история

показалась мне какой-то низменной и грустной.

Сидеть где-то вдалеке, обсуждая, как «хакнуть» безликий комплекс зданий ООН, психологически было намного легче. Прямое участие может оказаться слишком неприглядным и эмоционально изматывающим, чего никогда не бывает в технической стороне разведки и почти никогда – в работе с компьютерами. В последней есть момент деперсонализации, которому способствует отстраняющее воздействие экрана. Если вперить взгляд в окно, это тоже сильно абстрагирует нас от наших поступков и избавит от осознания их важных последствий.

Я познакомился с этим человеком на вечере в посольстве. Оно проводит их во множестве, и туда обязательно наведываются сотрудники агентуры, привлеченные возможностью отыскать новую кандидатуру для вербовки, а заодно – посидеть в барах и сигарном салоне.

Бывало, агенты брали меня с собой. Я много рассказывал им о своей специальности, и вот, как я догадываюсь, настал момент, когда они решили продемонстрировать благодарность и в ответ «потренировать» меня. Я должен быть помочь им «наметить болвана», ибо в такой многолюдной среде самостоятельно им было не управиться. Моя прирожденная «гиковость» поспособствовала тому, что я вышел на молодых людей из ЦЕРН – Европейской организации по ядерным исследованиям. Я говорил с ними о своей работе с тем пылким воодушевлением, какого специалисты по деловому администрированию и бывшие политологи, составлявшие ряды агентуры, не потянули бы.

Как технический специалист, я без труда поддерживал свою «легенду прикрытия». Лишь только космополит в дорогом костюме спрашивал меня, чем я занимаюсь, я отвечал без запинки: «Работаю с компьютерами» (или, совершенствуя свой французский: «*Je travaille dans l'informatique*»), и интерес ко мне тут же пропадал. Правда, разговор на этом не прекращался. Когда ты в компании – новое лицо, а разговор идет не о твоей специальности, никого не удивит, что ты задаешь столько вопросов. И, насколько мне известно, люди тут же хватаются за возможность во всех деталях рассказать, насколько они компетентнее тебя в вопросах, которые для них так много значат.

Встреча, о которой я сейчас вспоминаю, произошла теплой ночью на внешней террасе высококлассного кафе в переулке неподалеку от Женевского озера. На подобных сборищах некоторые агенты при любой возможности оставляли меня одного, стремясь подсесть к какой-нибудь девушке, успевая своими профессиональными индикаторами оценить и высокую привлекательность, и ее студенческий возраст. Я не жаловался.

По мне, намечать цели – милое хобби в дополнение к бесплатному ужину.

Я взял тарелку и сел за стол к хорошо одетому человеку с Ближнего Востока, в запонках и демонстративно швейцарской розовой рубашке. Мне показалось, что он одинок и чем-то выведен из себя, поэтому я стал задавать ему вопросы. Обычный прием: обнаружь любопытство – и пусть себе говорят! В этот раз мужчина говорил столько, как будто меня рядом и не было. Он был уроженцем Саудовской Аравии и рассказывал, как сильно любит Женеву. Он сравнивал красоты французского и арабского языков и воспевал абсолютную красоту одной швейцарской девушки, с которой он регулярно встречался, чтобы – гм – играть в лазертаг. Слегка заговорщицким тоном он поведал, что работает в сфере управления частным капиталом. В считаные минуты я получил блестящий вводный курс о том, что, собственно, делает частный банк таковым, а также лекцию о проблемах с инвестированием без выхода на рынок, когда богатство твоего клиента сопоставимо с фондом национального благосостояния.

«А кто ваши клиенты?» – поинтересовался я.

И тогда он мне сказал: «Большая часть счетов, с которыми я работаю, принадлежит саудитам».

Через несколько минут я извинился и пошел в уборную, но по дороге пригнулся, чтобы шепнуть агенту, работавшему по финансовым целям, что я нашел цель. После намеренно долгого интервала, пока я «поправлял волосы» и писал Линдси эсэмэски перед большим зеркалом в умывальнике, я вернулся к столику и обнаружил агента, уже сидящим на моем стуле. Я помахал рукой своему новому саудовскому другу и подсел к брошенной агентом даме с макияжем «смоки-айз». Чувствуя себя скорее хорошо, чем плохо, я решил, что и в самом деле заслужил *paves de geneve*, которые шли на десерт. Свое дело я сделал.

На следующий день агент, которого я буду называть Кэл, переполненный благодарностью, осыпал меня похвалами. Как водится, повышение в звании оперативного сотрудника зависит от того, насколько эффективно он вербует людей с выходом на информацию о чем-то существенном – чтобы можно было по всей форме отчитаться перед штаб-квартирой. Учитывая, что Саудовскую Аравию подозревали в финансировании террористов, Кэл испытывал страшное давление по поиску ценного источника. Я был уверен, что совсем немного времени пройдет с того момента, как наш новый друг из кафе получит от агентства второй чек…

Однако все пошло не так, как хотелось бы. Несмотря на

регулярные вылазки Кэла с банкиром в стрип-клубы и бары, клиент не поддавался – по крайней мере еще не дошел до того градуса, когда можно было произвести меткий удар. Кэл стал терять терпение.

После месяца неудач он был до того расстроен, что однажды напоил банкира до бесчувствия. После усадил его за руль, вместо того чтобы вызвать такси, и, не успел тот отъехать от ночного клуба, как Кэл уже сообщал марку и номер машины женевской полиции. Через пятнадцать минут банкира задержали за вождение в нетрезвом состоянии, оштрафовав на немыслимую сумму – в Швейцарии штрафы не фиксированные, их размер зависит от уровня дохода. Действие водительского удостоверения было приостановлено на три месяца, и все это время Кэл, как «настоящий друг», якобы из чувства вины возил саудовца на работу и обратно, чтобы тому было не стыдно появляться на работе. Уплата штрафа вызвала денежные затруднения, и Кэл с готовностью предложил дать взаймы. Банкир оказался зависимым – голубая мечта каждого агента.

Был только один прокол: когда Кэл наконец нанес свой «неотразимый удар», банкир послал его куда подальше. Сообразив, что его арест спровоцирован намеренно, а вся дружба была частью хитрого плана, он пришел в ярость. Поскольку великодушие Кэла не было искренним, он счел себя преданным и прекратил все контакты. Кэл без особого энтузиазма сделал еще одну попытку, чтобы довести начатое до конца и «оценить нанесенный ущерб». Но было слишком поздно. Так любивший Швейцарию банкир потерял работу и должен был вернуться назад в Саудовскую Аравию. Кэл по ротации тоже вернулся в Штаты.

Слишком много было поставлено на карту, и слишком мало достигнуто. Пустое расточительство, которое я сам привел в движение и потом бессилен был остановить. После описанного случая я глубже проникся идеей приоритета радиотехнической разведки над агентурной.

Летом 2008 года Женева отмечала ежегодный праздник – гигантский карнавал с фейерверком. Помню, как сидел на левом берегу Женевского озера с местными сотрудниками Специальной службы сбора информации – совместной программой ЦРУ и АНБ, отвечающей за установку и эксплуатацию разведывательного оборудования, которое позволяет посольствам США прослушивать средства связи других государств. Эти ребята работали в холле посольства недалеко от моего «склепа». Но они были старше меня, а их работа не просто оплачивалась выше моей категории, но и, по существу, была выше моих способностей: у них был доступ к таким инструментам АНБ, о

существовании которых я даже не догадывался. Тем не менее мы поддерживали дружеские отношения. Я смотрел на них снизу вверх, а они присматривали за мной.

Пока над головой гремел фейерверк, я рассказывал эту историю с банкиром, сетуя о том, каким разочарованием все закончилось. И тут один из них повернулся ко мне и сказал: «В следующий раз, когда встретишь кого-нибудь, Эд, не связывайся с оперативными сотрудниками, а просто дай нам его электронный адрес и мы все сделаем как надо». Помню, как я угрюмо кивнул в ответ, хотя вряд ли в тот момент имел хоть какое-то понятие о подлинном смысле этого комментария.

До конца года я избегал вечеринок и чаще всего ходил по кафешкам и паркам Сен-Жан-Фалез с Линдси и время от времени ездил с ней в отпуск в Италию, Францию и Испанию. Настроение отчего-то все время было кислое – и не только из-за провала с банкиром. Если подумать, причина была во всем банковском деле. Женева – город дорогой и немыслимо шикарный. Но, по мере того как 2008 год приближался к завершению, элегантность уже хлестала через край и переходила в экстравагантность. Все больше был наплыв супербогачей – в основном из стран Персидского залива, а конкретно – из Саудовской Аравии, наслаждавшейся наивысшими ценами на нефть в условиях наивысшего глобального финансового кризиса. Члены правящей саудовской династии снимали целые этажи в пятизвездочных гранд-отелях и приобретали целиком люксовые магазины по другую сторону реки. Они закатывали грандиозные банкеты в ресторанах, удостоенных звезд Мишлена, и гоняли по мощеным улицам на хромированных «Ламборджини». В любое время было бы трудно лицезреть то демонстративное потребление, какое всегда было в Женеве, но особенно оно неприятно в период экономического кризиса, который американские средства массовой информации сравнивали с Великой депрессией, а европейские – с межвоенным периодом после заключения Версальского договора.

Нельзя сказать, что мы с Линдси сильно страдали: в конце концов за нашу квартиру платил Дядя Сэм. Правда, каждый раз, когда мы общались с родными, ситуация выглядела куда менее радужной. Обе наши семьи знали людей, которые работали всю свою жизнь, а некоторые – на правительство США, чтобы выкупить у банков свои дома, но внезапная болезнь делала платежи по ипотеке невозможными.

Жить в Женеве означало жить в альтернативной, даже противоположной реальности. По мере того как остальной мир все больше и больше впадал в нищету, Женева процветала, и

покуда швейцарские банки не ввязывались во многие виды рискованной торговли, они радостно прятали деньги тех, кто наживался на чужом горе. Кризис 2008 года, заложивший основу для кризиса популизма, который прокатился по Европе и Америке десятилетие спустя, помог мне понять – то, что разорительно для широкой публики, нередко благодатно для ее элит. Таков был урок, который правительство США еще не раз преподаст мне в других контекстах в ближайшие годы.

Токио

Интернет – явление фундаментально американское, но мне нужно было уехать из Америки, чтобы полностью это осознать. World Wide Web, Всемирная паутина, могла быть изобретена в Женеве, в исследовательской лаборатории ЦЕРН в 1989 году, но пути, которыми к Паутине осуществляется доступ, – принадлежат США, что дает американскому разведсообществу преимущество «игры на своем поле». Кабели и спутники, серверы и вышки – так много инфраструктуры Интернета находится под контролем США, что свыше 90 % всемирного интернет-трафика проходит через оборудование, разработанное, принадлежащее или управляемое американским правительством и американским бизнесом и расположенное на американской территории. Страны, которые в силу традиции обеспокоены подобными преимуществами, например Китай и Россия, попытались создать альтернативные системы вроде «Золотого щита» (он же – «Великий китайский файервол»), финансируемые из госбюджета подцензурные поисковые системы или национальные орбитальные группировки для геолокации, – но Америка остается гегемоном, хранителем «рычага», который может включить или выключить все на свете в любое время.

Не только инфраструктуру Интернета я называю сугубо американской. Это и средства компьютерного программирования (Microsoft, Google, Oracle), и аппаратное оборудование (HP, Apple, Dell). Здесь все, от чипов (Intel, Qualcomm), роутеров и модемов (Cisco, Juniper) до сайтов соцсетей, почтовых служб и файловых хостингов (Google, Facebook и структурно самый важный, но невидимый Amazon, предоставляющих облачный сервис не только половине Интернета, но и правительству США). Хотя некоторые из этих компаний имеют производство, например, в Китае, сами компании – американские и подчиняются американским законам. Проблема, правда, в том, что еще они подчиняются секретным правилам американской политики, которая извращает закон и позволяет правительству США следить практически за каждым мужчиной, женщиной или ребенком, хоть раз касавшимся компьютера или смартфона.

Если учесть американское происхождение инфраструктуры связи по всей планете, станет очевидным, что правительство США устроит массовую слежку. Я должен был предугадать это раньше. Но не смог – главным образом потому, что правительство упорно отрицало подобную практику в суде и в средствах массовой информации, причем в столь непоколебимой манере, что к тем

немногим скептикам, кто обвинял его во лжи, относились так, будто это какие-то волосатые джанки, помешавшиеся на заговорах. Их подозрения относительно секретных программ АНБ в то время мало чем отличались от параноидального бреда с участием межпланетных пришельцев. И я, и все мы были слишком доверчивы. Но особенно болезненно то, что, когда я в последний раз совершил эту ошибку, я поддержал вторжение в Ирак и вступил в армию. Когда я пришел в разведорганы, то был уверен, что больше никогда не дам себя одурачить, тем более имея допуск к секретным сведениям. Несомненно, он должен был гарантировать какую-никакую степень прозрачности. К тому же зачем правительству скрывать секреты от своих хранителей секретов? Поэтому о таком я даже не мог помыслить, пока в 2009 году не переехал в Японию, чтобы работать в АНБ – главном американском агентстве радиоэлектронной разведки.

То была работа мечты, и не только потому, что была связана с самым передовым разведывательным агентством на планете, но и потому, что располагалась в Японии, которая всегда завораживала нас с Линдси. Хотя официально я и числился контрактником, мои задачи и в особенности местоположение устраивали меня более чем достаточно. Есть какая-то ирония в том, что, только снова получив зеленый бейдж, я получил возможность узнать, чем на самом деле занимается мое правительство.

На бумаге я был служащим компании Perot Systems, основанной тщедушным гиперактивным техасцем, который также создал Реформистскую партию и дважды выдвигался в президенты[50]. Но почти сразу же после моего приезда в Японию Perot Systems была приобретена корпорацией Dell, и на бумаге я числился сотрудником Dell. Как и в ЦРУ, система контрактов АНБ была лишь формальностью и прикрытием.

Тихоокеанский технический центр (Pacific Technical Center) при АНБ занимал половину здания внутри огромной авиабазы Йокота. Как и штаб-квартиру Вооруженных сил США в Японии, его окружают высокие стены со стальными воротами и охраняемым контрольно-пропускным пунктом. Йокота и Тихоокеанский технический центр находились на расстоянии небольшой велосипедной прогулки от нашей с Линдси квартиры в Фуссе – городе на западной окраине обширной токийской агломерации.

Тихоокеанский технический центр заведовал инфраструктурой АНБ по всему Тихоокеанскому региону и обеспечивал поддержку сайтам агентства в соседних с Японией

странах. Большинство из них были ориентированы на поддержание тайных взаимоотношений, что позволяло агентству охватывать весь «тихоокеанский рубеж» шпионским оборудованием, а в ответ оно обещало делиться разведданными, которые перехватывало у соседних государств. Перехват информации в каналах связи составлял главную часть этой миссии. Тихоокеанский технический центр занимался тем, что накапливал «обрывки» захваченных сигналов и отправлял их обратно через океан, на Гавайи, а там их, в свою очередь, посылали в континентальную часть США.

Официально моя должность называлась «системный аналитик» и в обязанности входило администрировать локальные системы АНБ, хотя поначалу я помогал и как сисадмин, когда нужно было совместить архитектуру систем АНБ и ЦРУ. Оттого что я был единственным в регионе, кто знал архитектуру ЦРУ, я к тому же ездил по разным американским посольствам, вроде женевского, устанавливая и поддерживая инфраструктуру, посредством которой агентства могли бы обмениваться информацией способами, доныне невозможными. В первый раз в жизни я по-настоящему осознал то чувство, когда сидишь перед терминалом, видя, как работает не одна изолированная система, а как она взаимодействует вместе со многими другими – или же нет. Позже, когда шефы Тихоокеанского технического центра оценили мою «хакерскую» хватку, мне дали вовсю разгуляться, и тогда я мог предлагать свои собственные проекты.

Два момента в АНБ поразили меня с самого начала: насколько технологически более продвинутым оно было в сравнении с ЦРУ и насколько мало внимания в нем уделялось вопросам безопасности каждой итерации – от разделения информации на безопасные и обособленные части до шифрования данных. В Женеве нам приходилось каждый вечер вытаскивать жесткие диски из компьютеров и запирать их в сейф, более того, сами диски были зашифрованы. В АНБ, наоборот, едва давали себе труд шифровать хоть что-то.

По правде говоря, меня слегка сбивало с толку то, насколько АНБ сильно по части киберразведки и как сильно отстает в самых простых методах компьютерной безопасности, таких как восстановление данных после сбоя и резервное копирование. Каждый из тихоокеанских сайтов агентства хранил данные на собственных локальных серверах и ввиду ограничений пропускной способности – лимита на высокоскоростную передачу данных – часто не отсылал копии на серверы штаб-квартиры АНБ. Это означало, что если что-то будет повреждено на каком-то конкретном сайте, то разведданные, с таким трудом собранные

агентством, будут утрачены. Мои начальники в Тихоокеанском техническом центре понимали риск, которому подвергалось агентство, не делая резервные копии, поэтому уполномочило меня найти инженерное решение и передать его в штаб-квартиру. Результатом стала система резервного копирования: всеохватывающая, автоматизированная и постоянно обновляющаяся копия всех наиболее важных файлов агентства, которая бы позволила агентству работать, даже если бы штаб-квартира в Форт-Мид была стерта в пыль.

Насущная проблема при создании глобальной системы восстановления после сбоя – и в принципе при создании любой системы резервного копирования – это ее работа с дублированными данными. Говоря простыми словами, у вас есть тысяча компьютеров, и все имеют копии одного-единственного файла. Вам нужно убедиться, что при создании резервной копии вы не дублируете этот файл тысячу раз, так как это потребует в тысячу раз больше пропускной способности соединения и места для хранения. Это ненужное дублирование, которое помешает сайтам агентства передавать ежедневные копии отчетов в Форт-Мид: соединение будет буквально забито тысячами копий одного и того же файла, содержащими перехваченный звонок, остальные 999 копий которого агентству совсем не нужны.

Способ избежать подобной дедупликации заключался в оценке уникальности данных. Система, которую я спроектировал, постоянно сканировала файлы на каждом жестком диске агентства, проверяя каждый «блок» данных, до мельчайшего фрагмента каждого файла, на уникальность. А если в штаб-квартире агентства его копия отсутствует, данные будут автоматически поставлены в очередь на передачу, сокращая объем передаваемых через транстихоокеанский оптоволоконный кабель данных с размеров водопада до еле заметной струйки.

Сочетание дедупликации с постоянным усовершенствованием технологии хранения позволило агентству хранить данные все дольше и дольше. Только за время моей работы планы агентства по хранению информации менялись от нескольких дней, потом недель, потом месяцев, пяти лет и больше от момента сбора информации. Ко времени выхода этой книги оно, вероятно, уже может хранить ее десятилетиями. В АНБ считали, что нет никакого смысла собирать данные, пока они не пригодятся, а способа предсказать, когда они наверняка понадобятся, нет. Эта точка зрения подогревала давно лелеемую мечту агентства, никогда не покидавшую его стен, – хранить все файлы на постоянной основе, тем самым сотворив идеальную память. Базу данных, где вечно сможет храниться личное дело всех и каждого.

В АНБ существует целый протокол, которому вам приходится следовать, давая программе кодовое имя. Эта стохастическая процедура случайного подбора слов из двух столбиков, как в И цзин[51]: внутренний веб-сайт как бы бросает игральные кости, получая одно слово из колонки «А», а другое, тем же способом, из колонки «Б». Именно так, а не иначе получаются имена, которые вообще ничего не значат, вроде FOXACID («лиса-кислота») или EGOTISTICALGIRAFFE («эгоистичный жираф»). Главное, чтобы в названии не было никаких указаний на то, чем занимается программа. (Как мне известно, FOXACID – это кодовое имя серверов АНБ, на которых размещены вредоносные «копии» известных веб-сайтов; EGOTISTICALGIRAFFE – программа АНБ, эксплуатирующая уязвимость определенных браузеров, работающих по технологии Tor – раз уж не удалось вывести из строя сам Tor.) Но агенты АНБ были так уверены в абсолютной неуязвимости агентства, что редко считались с этими предписаниями. В двух словах: они хитрили и повторяли попытки до тех пор, пока не получалась легко запоминаемая комбинация слов на их вкус: например, TRAFFICTHIEF («похититель трафика»), организатор атак на VPN-сервисы.

Клянусь, я не стал так делать, когда настала пора подобрать название для моей системы резервного копирования. Я кинул кости и получил EPICSHELTER – «эпическое пристанище».

Позже, после того как агентство приняло эту систему на вооружение, ее переименовали во что-то вроде Storage Modernization Plan или Storage Modernization Program – «программу модернизации хранения данных». Не прошло двух лет после изобретения EPICSHELTER, как этот вариант был внедрен и принят к стандартному использованию, но уже под другим именем.

Материалы, которые я распространил в прессе в 2013 году, документально подтверждают такое количество разнообразных злоупотреблений со стороны АНБ, посредством такого набора технологических возможностей, что ни один агент в ходе выполнения своих повседневных обязанностей не мог знать обо всех – даже ни один системный администратор. Чтобы найти хотя бы малую толику должностных преступлений, надо заняться поиском. Но, чтобы начать поиск, нужно знать, что эти злоупотребления есть.

В разгар моей работы над EPICSHELTER, Тихоокеанский технический центр принимал конференцию о Китае, спонсируемую JCITA[52], или Объединенной учебной академией контрразведки, для Разведывательного управления Министерства

обороны США – подразделения Минобороны, которое специализируется на шпионаже в войсках иностранных государств. На конференции экспертами из всех разведструктур (АНБ, ЦРУ, ФБР и армейских разведок) проводились брифинги о том, как китайские разведслужбы нацеливаются на американское разведывательное сообщество и что можно в связи с этим предпринять. Хоть Китай и интересовал меня, к моей работе это никак не относилось, поэтому конференцию я слушал в пол-уха – до того момента, как объявили, что единственный технический эксперт, чье выступление на брифинге ждали, не сможет прийти. Не помню, в чем была причина его отсутствия, однако председатель секции навел справки, мог ли кто-нибудь из Тихоокеанского центра его подменить, поскольку переносить выступление было поздно. Кто-то упомянул мое имя, и, когда меня спросили, не хочу ли я попробовать, я согласился. Я любил своего начальника и хотел ему помочь. К тому же я был любопытен и пользовался любой возможностью заняться чем-то, кроме дедупликации файлов.

Босс был в шоке. Потом он сообщил мне, в чем была ловушка: брифинг должен был состояться на следующий день.

Я позвонил Линдси и сообщил, что домой не приду. Собирался не спать всю ночь, готовясь к презентации, номинальной темой которой были совместные усилия «старой» контрразведки и «новой» киберразведки по противодействию иностранному шпионажу в Интернете. Я стал вытаскивать материалы из сетей АНБ (и сетей ЦРУ, к которым я еще имел доступ), стараясь прочесть каждое сверхсекретное сообщение, какое только мог найти, на тему китайского «следа» в Интернете. В частности, я читал материалы на тему так называемых «кибервторжений» – про конкретные типы атак, их инструменты и цели. Аналитики разведсообщества использовали эти материалы для выявления «почерка» китайских хакерских групп – наверно, так же как детективы пытаются выявить подозреваемого в серии краж по характерным «штрихам» их работы.

Цель моих исследований этого весьма обширного материала тем не менее выходила за рамки доклада о том, как Китай проводит против нас хакерские атаки. Что я в первую очередь хотел сделать – это сводный обзор того, как АНБ оценивает способность Китая проводить электронное отслеживание американских служащих и основных активов, задействованных в регионе.

Каждый знает (или думает, что знает) о драконовых мерах китайского руководства относительно Интернета; и некоторые знают (или думают, что знают) ключевые положения тех

документов о слежке, учиненной моим правительством, которые я передал журналистам в 2013 году. Но одно дело, когда между делом в какой-то научно-фантастической антиутопии ты читаешь, как правительство может видеть и слышит все, что делают граждане его страны. И совсем другое дело, когда оно и вправду пытается внедрить в жизнь подобную систему. То, что автор научно-фантастической прозы способен описать в одной фразе, может потребовать скоординированного труда многих тысяч инженерно-технических работников и оборудования на миллионы долларов. Читать о технических подробностях китайского отслеживания частных сообщений в Интернете – это читать полный и точный отчет о механизме и оборудовании, необходимых для постоянного сбора, хранения и анализа повседневных телефонных звонков и интернет-коммуникаций более миллиарда человек. Это действует на мозг ошеломляюще! Сперва я был под таким впечатлением от самого факта претворения в жизнь подобной системы, что даже забыл возмутиться ее тоталитарностью.

В конце концов, Китай – это явное антидемократическое однопартийное государство. Агенты АНБ, даже больше, чем обычные американцы, принимали как должное мысль, что это место – адская авторитарная дыра. Гражданские свободы в Китае не были темой моего отдела, да и сделать с этим я ничего не мог. Но я был уверен, что сам-то работаю на хороших парней, что делает и меня хорошим парнем тоже.

Но в том, что я читал, были некоторые моменты, которые меня тревожили. Фундаментальный закон технического прогресса: если что-нибудь может быть сделано, оно, скорее всего, будет сделано и, вероятно, уже существует. Америка никак не могла иметь столько информации о том, что делают китайцы, без того, чтобы не делать нечто подобное самой, и у меня появилось смутное ощущение, будто просматривая все эти материалы о Китае, я смотрю в зеркало и вижу там отражение Америки. То, что Китай делал с собственными гражданами открыто, Америка – вполне вероятно – могла бы делать втайне ото всех.

Вы должны меня ненавидеть за это, но скажу вам, со временем я избавился от своего беспокойства. Честное слово, я изо всех сил старался не замечать его. Различие между этими двумя странами и по сей день мне предельно ясно. Китайский «Золотой щит» был репрессией против своих граждан, он создавался, чтобы держать их в определенных границах, а Америку – вовне их; американская же система слежки, напротив, была невидимой и чисто оборонительной. Насколько я понимал

ее принципы, кто угодно в мире мог публиковать через инфраструктуру американского Интернета любой контент, не боясь блокировок и фильтраций – или, от силы, быть заблокированным собственной страной или американским бизнесом, который, как принято считать, не находится в США под правительственным контролем. Отслеживались только те, кто заходил, к примеру, на сайты джихадистов или площадки по продаже запрещенного товара.

В таком виде американская модель слежения меня полностью устраивала. Даже более того – я полностью поддерживал и оборонительную, и целенаправленную слежку, файерволл, который никого не блокировал, но испепелял виновного.

Однако в последующие дни после той бессонной ночи какое-то неясное сомнение все еще шевелилось в моем сознании. После того как я провел свой китайский брифинг, я не мог удержаться от того, чтобы продолжить «копать».

К началу моей работы в АНБ, в 2009 году, я разбирался в его приемах не намного больше, чем весь остальной мир. Из журналистских сообщений я знал о множестве инициатив агентства по организации слежки, разрешенных президентом Джорджем Бушем сразу же после 11 сентября. В частности, я знал о самой обсуждаемой инициативе, President's Surveillance Program, Президентской программе наблюдения, – которая была раскрыта газетой «Нью-Йорк таймс» в 2005 году благодаря смелости нескольких разоблачителей из АНБ и Министерства юстиции.

Строго говоря, Президентская программа была «указом, имевшим силу закона», то есть набором инструкций, который правительство вынуждено было считать равносильным публичному закону, даже если он был нацарапан потихоньку на салфетке. Программа давала АНБ право собирать разведданные в телефонных разговорах и интернет-переписке между США и иностранными государствами. Примечательно, что Президентская программа разрешала АНБ делать это, не получив ордер Суда по делам о надзоре за иностранными разведками. Этот негласный федеральный суд был учрежден в 1978 году для контроля над выполнением запросов на ордера для слежения, запрашиваемых агентствами: в свое время они были пойманы на шпионаже внутри страны, занимаясь слежкой за гражданскими активистами, выступавшими против войны во Вьетнаме.

После возмущенных криков, которые сопутствовали откровениям «Таймс», а также протесту Американского союза гражданских свобод, заявившего о противоречии Президентской

программы Конституции США и злоупотреблениями в несекретных, обычных судах, администрация Буша заявила о сворачивании программы в 2007 году. Однако прекращение срока действия обернулось фарсом. Последние два года пребывания Буша на президентском посту конгресс принимал законы, которые задним числом легализировали Программу. А это, в свою очередь, ограждало от судебных преследований за прослушку провайдеров телефонной связи и интернет-услуг. Законодательные документы – «Закон о защите Америки» 2007 года, а также и поправки к «Закону о надзоре за иностранными разведками» 2008 года[53] – умышленно содержали формулировки, вводящие в заблуждение: мол, средства общения граждан США нисколько не являются целью надзора, несмотря на значительное расширение полномочий. В дополнение к сбору входящих сообщений из других государств АНБ получило разрешение на несанкционированный надзор за телефонными звонками и интернет-коммуникациями внутри страны.

Таково было положение вещей на июль 2009 года, когда я прочитал доклад о ситуации самого правительства, опубликованный в негрифованном варианте – в то самое лето, которое я посвятил изучению кибер-возможностей китайцев. Этот доклад, вышедший под неприметным названием «Незасекреченный отчет о Президентской программе наблюдения»[54], был составлен усилиями разведотделов пяти ведомств (Министерства обороны, Министерства юстиции, ЦРУ, АНБ и Аппарата директора Национальной разведки) и был предложен вниманию публики вместо полного расследования конгрессом злоупотреблений АНБ эпохи Буша. Тот факт, что президент Обама, уже будучи у власти, отказался провести расследование конгресса, был первым «звоночком», по крайней мере для меня, что новый президент (за кого с таким энтузиазмом выступала Линдси!) хотел двигаться вперед, не рассчитавшись должным образом с прошлым. Но его администрация ограничилась ребрендингом мер, связанных с Программой, не меняя их сути, так что надежды Линдси, так же как и мои, никак не оправдались.

Когда «незасекреченный отчет» перестал быть новостью, я обнаружил в нем некоторые примеры информативности другого рода. Помню, как он моментально потряс меня своим необычным «они-слишком-сильно-протестуют» тоном, немалым количеством логических искажений и витиеватым языком. В докладе излагались правовые обоснования различных программ агентства, и я не мог не заметить, что едва ли кто-то из должностных лиц исполнительных органов власти, фактически санкционировавших

эти программы, согласился обсудить их с прокурорами. Почти каждый крупный политик, от вице-президента Дика Чейни и Генерального прокурора США Джона Эшкрофта до чиновников Минюста Дэвида Аддингтона и Джона Ю, отказался сотрудничать с теми институтами, которые надзирали за деятельностью разведсообщества, и принудить их к сотрудничеству не удалось, потому что на этот счет не было официального расследованием с предъявленными доказательствами. Мне трудно интерпретировать их уклонение от участия в деле, кроме как признанием злоупотреблений.

Еще один аспект доклада, потрясший меня, – это повторяющийся неясный оборот «Другие Виды Разведывательной Деятельности» (заглавные буквы как в документе), для которых ни одного «приемлемого юридического обоснования» или никакой «правовой основы» не могло быть найдено за рамками требований президента Буша об исполнительной власти в военное время. Военное время, конца которому не видно. Конечно же, все эти отписки не давали никакого объяснения насчет того, о каких Видах Разведывательной Деятельности речь, однако методом дедукции можно вычислить, что речь идет о внутренней слежке без судебного ордера, тем более что это единственный вид разведывательной деятельности, не предусмотренный в правовых рамках, что также вытекает из Президентской программы наблюдения.

Читая дальше, я не проникся уверенностью, что изложенное в этом отчете полностью оправдывает задействованные правовые махинации, не говоря уже об угрозах тогдашнего заместителя Генерального прокурора США Джеймса Коми и тогдашнего директора ФБР Роберта Мюллера уйти в отставку, если действие Президентской программы наблюдения будет возобновлено. Еще я не заметил ничего, что бы полностью объясняло риски, на которые пошли многие члены агентства (агенты намного выше меня рангом, с десятками лет стажа) и работники Минюста, которые в общении с прессой высказали опасения, что некоторые аспекты Президентской программы подверглись искажениям на практике. Если они ставили на кон свои карьеры, благополучие семей и собственную жизнь, то из-за чего-то более серьезного, нежели несанкционированная прослушка телефонов, которая к тому времени уже перестала быть темой заголовков в СМИ.

Подозрения заставили меня искать засекреченную версию отчета, и они нисколько не развеялись, когда выяснилось, что такой версии не существует. Я не понимал. Если секретная версия была просто перечнем грехов прошлого, ее можно было бы легко отыскать. Однако найти ее нигде не удавалось. Я недоумевал:

может быть, я не там ее ищу. После неудачных попыток поиска в более широком диапазоне я решил отказаться от этой затеи – жизнь брала свое, надо было работать. Когда у тебя спрашивают, как спасти агентов разведсообщества в Китае, которых может разоблачить и казнить Министерство государственной безопасности КНР, ты вряд ли сразу вспомнишь, что гуглил неделю назад.

И только позже, спустя много времени, когда я совсем позабыл о потерянном правительственном докладе, засекреченная версия откуда-то свалилась прямо мне на рабочий стол, словно в подтверждение старой истины, что лучший способ что-то найти – это перестать искать. Когда секретная версия отыскалась, я сразу понял, отчего я не смог найти ее раньше: она была недоступна даже руководителям агентств. Документ был представлен под грифом «Exceptionally controlled information» (ECI), чрезвычайно редкой формулировкой, которая применялась только для уверенности, что содержимое останется скрытым и от тех, кто обладает допуском к совершенно секретным работам и материалам. По роду моей деятельности в АНБ я был знаком со многими разновидностями этого грифа, но только не с этой. Вот как полностью выглядела полная формулировка секретности доклада: TOP SECRET//STLW//HCS//COMINT//ORCON/NOFORN. А перевод такой: слишком малое число людей во всем мире имеет разрешение на чтение этого документа.

Я, разумеется, к этому числу не принадлежал. Доклад попался мне на глаза по ошибке: кто-то в АНБ из Группы по сбору разведданных на местах в своем офисе оставил черновой вариант документа в системе, а я, как системный администратор, имел к ней доступ. Предостережение STLW, которое я не совсем понял, в дальнейшем оказалось так называемым «грязным словом» для моей системы. Эта пометка обозначала документ, который не должен был храниться на дисках нижних уровней безопасности. Сами диски беспрестанно проверяли информацию на наличие вновь поступающих «грязных слов», и в момент, когда они находились, мне приходило уведомление, чтобы я мог оперативно удалить документ из системы. Но, прежде чем так поступить, я обязан самостоятельно изучить файл-нарушитель, просто чтобы удостовериться, что «грязным словом» не было помечено что-нибудь по ошибке. Но на этот раз, только открыв документ, я понял, что прочту его весь, от начала до конца.

Там было все, чего не хватало в незасекреченной версии. Все, чем не располагали газетчики, чьи материалы я просматривал; все, чего не было в отчетах о судебных расследованиях, о которых я знал и которые закончились ничем. То была полная отчетность

о секретных программах АНБ, полный перечень директив агентства и мер Министерства юстиции, к которым прибегли, чтобы растоптать американское право и переступить через Конституцию США. По прочтении я наконец понял, почему ни один работник спецслужб не проронил журналистам ни слова и ни один судья не смог принудить правительственные органы рассмотреть дело в открытом суде. Документ был так глубоко засекречен, что всякий, имевший к нему доступ, был бы немедленно идентифицирован – если только он не системный администратор. А деятельность, которую он описывал, была настолько глубоко противозаконной, что ни одно правительство никогда не позволило бы обнародовать его без соответствующих сокращений.

И вот что мне сразу бросилось в глаза: было ясно, что та незасекреченная версия, с которой я уже был знаком, не была сокращенной версией засекреченного документа, как это обычно делалось. Скорее, то был совершенно другой документ, который эта секретная версия выдавала за истинный, незаметно подсовывая ложь. Подобное «раздвоение» ошеломляло, особенно если учесть, что я потратил месяцы, занимаясь дедупликацией файлов. В большинстве случаев, если вы имеете дело с двумя версиями одного и того же документа, различия между ними несущественны – пара запятых здесь, пара слов там. Здесь же общим между двумя текстами отчетов были только их заголовки.

Если незасекреченная версия просто ссылалась на распоряжения АНБ усилить действия разведорганов после 11 сентября, то засекреченный документ описывал характер и масштаб этого усиления. Основополагающая инструкция АНБ фундаментально поменялась: то, что называлось целенаправленным сбором данных в средствах коммуникаций, теперь стало именоваться «объемным сбором», и под этим эвфемизмом следовало понимать массовую, огульную слежку без всякого разбора. И если незасекреченная версия пускала пыль в глаза, маскируя расширение слежки как необходимость противодействия террору, то засекреченная версия ясно обнаруживала эти изменения, оправдывая их как логически вытекающее правовое следствие расширенных технических возможностей.

Та часть «засекреченного отчета», которую писали сотрудники АНБ, упирала на «пробел в сборе данных»: существующее законодательство в этом вопросе, в частности «Закон о надзоре за иностранными разведками» (Foreign Intelligence Surveillance Act, FISA), было принято в 1978 году – во времена, когда большинство коммуникационных сигналов

передавалось по радио и телефонным линиям, а не волоконно-оптическим кабелям и спутниковой связи. По существу, агентство утверждало, что темпы развития современных коммуникаций «переросли» американское законодательство и ни суд, ни даже секретный суд не могут предоставить индивидуальных целенаправленных ордеров достаточно быстро, чтобы можно было продолжить работу – мол, сегодняшний «глобальный мир» требует по-настоящему «глобальной разведки». Все это, по логике АНБ, указывало на необходимость массового сбора данных в Интернете. В качестве кодового названия для такой «массовой» инициативы глобального слежения было выбрано то самое «грязное слово», что однажды отметилось в моей системе: STLW, сокращение от STELLARWIND. Это оказалось единственным крупным компонентом Президентской программы наблюдения, которая продолжала существовать и даже втайне расти, после того как остальная часть программы была опубликована в прессе.

STELLARWIND был глубочайшей тайной засекреченного отчета. Он был глубочайшей тайной и всего АНБ, для защиты которой потребовался столь редкий статус секретности. Само существование этой программы было указанием на то, что изменилась сама миссия агентства: ранее это было использование технологии во имя защиты Америки – а теперь контроль над этой технологией. Интернет-коммуникации граждан отныне рассматривались как потенциальная цель радиоэлектронной разведки.

Подмена понятий пронизывала весь отчет, но самое неприкрытое отчаяние просматривалось в самом лексиконе правительства. Программа STELLARWIND была задействована в сборе информации в коммуникациях с начала срока ее действия в 2001 году. Но в 2004 году – когда чины Министерства юстиции уклонились от продолжения этой инициативы – администрация Буша сделала попытку узаконить ее постфактум, поменяв смысл исконно английских слов, таких как *acquire* («приобретать») и *obtain* («добыть»). Согласно отчету, позиция правительства США заключалась в том, что АНБ могло заниматься сбором сведений из коммуникационной информации, какие только ему понадобятся, не будучи обязанным иметь на то судебные ордера, потому что ему достаточно было получить указание *приобрести* или *добыть* эту информацию, в законном смысле, когда или если агентство «разыскало и затребовало» сведения из базы данных.

Лексические выкрутасы меня особенно раздражали, ибо я понимал, что целью агентства было получить возможность хранить как можно больше данных и как можно дольше – в идеале, вечно. Если сведения, полученные из средств

коммуникации, будут признаны «добытыми», поскольку они были использованы, они также могут быть «недобытыми», но оставленными на хранение вечно – «на будущее». Значения терминов «приобретать» и «добывать» кардинально менялись: из описания действия, когда сотрудник агентства вносит полученные сведения в базу данных, они превратились в описание действия, когда некое лицо (а, скорее, компьютерный алгоритм) запрашивает эти сведения из уже имеющейся базы в любой возможный момент в будущем. Этой подменой понятий правительство США закладывало фундамент постоянного полицейского надзора. В любое время правительство сможет покопаться в переписке кого-то, кого необходимо сделать жертвой, в поисках преступления (а в записях любого человека что-то да можно найти). В обозримом будущем любая новая администрация – кто-нибудь из следующих негодяев во главе АНБ, – заступив на пост, буквально одним кликом сможет просмотреть личное дело каждого человека, выяснив, кто он, где он, чем занимается и что делал раньше.

Термин «массовая слежка» мне более понятен, как, я думаю, и большинству людей, но государство предпочло выражение «объемный сбор», что, на мой взгляд, грозит создать нечеткое и расплывчатое впечатление о работе агентства. Выражение «объемный сбор» скорее наведет на мысль о чрезвычайно перегруженном почтовом отделении или санитарном управлении – в противовес исторической попытке получить тотальный доступ ко всем цифровым коммуникациям, какие только есть в природе, и исподтишка завладеть ими.

Но даже когда общий смысл терминологии утвержден, заблуждений все еще хоть отбавляй. Большинство людей даже сегодня склонны думать о массовой слежке с точки зрения содержания – какими словами они пользуются, когда звонят по телефону или пишут письмо по электронной почте. Когда они обнаруживают, что государство относительно мало заботит содержание, они склонны меньше беспокоиться о государственной слежке. И подобная успокоенность понятна: из-за того что наши коммуникации рассматриваются как что-то глубоко интимное, присущее только нам, звучание нашего голоса или неподражаемое выражение лица на отправленном в сообщении селфи столь же уникально, как наши отпечатки пальцев. Жестокая правда состоит в том, что содержание наших коммуникаций редко бывает столь же откровенно в сравнении с другими нашими проявлениями, в сравнении с ненаписанной, невысказанной информацией, которая разоблачает более

широкий контекст и стереотипы поведения.

АНБ называет все это «метаданными». Приставка «мета» обычно переводилась как «между» или «после, через», но здесь она имеет значение «о чем-либо»: метаданные – это данные о данных, Если говорить точнее, данные, которые делаются о данных, – это кластер тегов и маркеров, которые позволяют данным быть полезными. Иными словами, это «отчеты о деятельности» – данные обо всем, что вы делаете на ваших приборах, и о том, что ваши приборы делают самостоятельно. Возьмем, к примеру, телефонный звонок: его метаданные могут включать день и время звонка; его продолжительность; номер, с которого сделан звонок; количество звонков и местоположение абонента. Метаданные электронной почты могут включать информацию о типе компьютера, с которого оно было послано, когда и где этот компьютер был произведен, кому сейчас принадлежит; кто, где и когда послал и получил сообщение; кто, где и когда, кроме отправителя и получателя, имел к нему доступ. Метаданные могут сообщить тому, кто осуществляет за вами слежку, адрес, где вы спали прошлой ночью, и время, когда вы утром встали. От него не укроется, где вы находились в течение дня и сколько времени там провели. Метаданные покажут, с кем вы за этот день вступали в контакт и кто вступал в контакт с вами.

Эти факты развенчивают заявления правительства о том, что метаданные не являются «окном» в само существо коммуникации. Учитывая головокружительное количество цифровых коммуникаций в мире, просто нет физической возможности прослушать каждый телефонный звонок и прочесть каждое электронное письмо. Но даже если бы это было возможно, все равно в этом не было бы смысла – метаданные помогают отсеивать все ненужное. Вот почему лучше всего рассматривать их не как благодушную абстракцию, но как саму суть вашего контента: это именно та информация, которую хочет получить разведывательное ведомство или компания.

Есть еще одно обстоятельство: под «контентом» обычно определяется что-то, что вы производите намеренно. Вы знаете, что сказали по телефону или написали в сообщении. Но едва ли вы следите за метаданными, которые создаете, потому что обычно это происходит автоматически. Так же как потом они обрабатываются алгоритмами и машинами, так же машинами они и передаются, без вашего участия или даже согласия. Ваши устройства постоянно «общаются» за вас, хотите вы этого или нет. И, в отличие от людей, с которыми вы общаетесь по собственной воле, ваши приборы не скрывают информацию частного порядка о

вас в стремлении быть тактичными. Они просто-напросто посылают ближайшей сотовой вышке сигналы, которые не могут врать.

Самая главная ирония в том, что закон, который всегда примерно на одно поколение отстает от технологических новшеств, существенно уделяет внимание вашему контенту, нежели его метаданным. А разведывательные агентства, напротив, куда больше интересуются метаданными – записями действий, которые предоставляют им и «широкий спектр», то есть возможность анализировать данные в требуемом масштабе, и «узкий спектр» – возможность составлять идеальные карты, хронологии, ассоциативные конспекты чьей-то индивидуальной жизни, на основании которых они могут предсказывать ваше дальнейшее поведение. В целом метаданные могут рассказать вашему «надзирателю» практически все, что он хочет о вас знать, за исключением одного – что на самом деле происходит у вас в голове.

После прочтения этого засекреченного отчета я неделями сидел в оцепенении, пытаясь отрицать приходящие в голову мысли, – вот как я чувствовал себя к концу моего пребывания в Японии.

Я был вдали от дома, но постоянно под присмотром. Чувствовал себя повзрослевшим как никогда, но раздавленным – от осознания, что всех нас поставили в положение маленьких детей, которым предстояло до конца жизни просуществовать под вездесущим родительским надзором. Я чувствовал себя мошенником, пытаясь как-то оправдать перед Линдси свою угрюмость. Еще я чувствовал себя дураком, который, будучи вроде бы серьезным техническим специалистом, помогал выстроить эту систему слежки и не догадывался о ее предназначении. Я осознал, что меня использовали еще и как сотрудника разведки – который работал для защиты не страны, но государства. Более того, я чувствовал, что надо мной совершили насилие. Будучи в Японии, я особенно сильно ощущал вкус предательства.

Сейчас я объясню.

Японцы, с которыми мне довелось познакомиться в общественном колледже, мой интерес к аниме и манга – этого было достаточно, чтобы я овладел основами японской разговорной речи. Но чтение по-японски было сложным делом. В Японии каждое слово может быть представлено одним неповторимым и уникальным письменным знаком или их комбинацией. Эти знаки они называют «кандзи». Их десятки тысяч – мне столько не запомнить. Очень часто я просто мог

расшифровать конкретный «знак», если рядом были написаны их фонетические подсказки, которые называются *фуригана* – их пишут для иностранцев или начинающих маленьких читателей. Обычно этих подсказок нет ни в публичных текстах, ни на уличных знаках. В результате я оказался в положении функционально безграмотного. Я путался и шел налево, когда мне говорили, что надо идти направо. Я ходил не по тем улицам, не умел прочитать меню в ресторане. По существу, я был чужестранец и часто терялся – во всех смыслах слова. Временами я сопровождал Линдси, когда она ездила за город фотографировать, и нередко останавливался посреди какой-нибудь деревни или в чаще леса с осознанием, что ничегошеньки не знаю об окрестностях.

И, наоборот, обо мне самом все было известно. Теперь я понял, что был полностью прозрачен для своего правительства. Причина этому – мой телефон. Девайс, который направлял меня в пути и поправлял, если я шел не туда, который помогал мне перевести надписи на дорожных знаках, сообщал расписание автобусов и поездов – одновременно с этим сообщал моим боссам, где я был и когда, даже если я к нему не касался и просто носил в кармане.

Помню, как делано засмеялся, когда однажды мы заблудились во время одной из наших прогулок и Линдси (с которой я не разговаривал обо всем этом) внезапно сказала: «Почему бы тебе не послать эсэмэс в Форт-Мид, чтобы они нас нашли?» Вроде бы шутка, но как я ни старался, находил в ней мало забавного. «Привет! – передразнивала она меня. – Не поможете ли нам найти дорогу?»

Позже я буду жить на Гавайях, неподалеку от Перл-Харбора, где Америка подверглась нападению и была втянута, наверное, в свою последнюю справедливую войну. Здесь, в Японии, я жил неподалеку от Хиросимы и Нагасаки, где война с позором завершилась. Мы очень надеялись посетить эти города, но каждый раз планы срывались. В один из моих первых выходных мы были готовы поехать через весь остров Хонсю в Хиросиму, но я был отозван на работу и поехал в противоположном направлении – на север, к военной базе Мисава. В день нашей следующей запланированной поездки Линдси заболела, потом заболел и я. Еще один раз в ночь перед поездкой в Нагасаки мы были разбужены землетрясением – пришлось вскакивать с матраса-футона, сбегать вниз по семи лестничным пролетам и оставшуюся часть ночи стоять вместе с соседями на улице, дрожа в одних пижамах.

К моему искреннему сожалению, до Хиросимы и Нагасаки мы

так и не доехали. Эти города священны, их мемориалы, напоминающие об аморальности технологий, отдают дань памяти 200 000 человек, обращенных в пепел, а также бесчисленному количеству умерших позднее от радиоактивного заражения.

Я думаю часто о том, что называется «атомным моментом». Это выражение в физике описывает момент, когда ядро связывается с вращающимися вокруг него протонами и нейтронами и образуется атом. Но также оно означает и наступление ядерной эры, когда изотопы обеспечили прорыв в производстве энергии, в сельском хозяйстве, водоснабжении, в диагностике и лечении смертельных болезней – и когда была создана атомная бомба.

Технологии не дают клятвы Гиппократа. Столько решений было принято технологами в научных кругах, промышленности, военном деле и правительствами, учитывая тот факт, что Промышленная революция делалась под лозунгом «можем», а не «должны». И редко когда (или даже никогда) у этих технологических открытий есть лимиты, ограничивающие их применение.

Конечно, масштабы человеческих потерь от ядерного оружия и кибернаблюдения несопоставимы. Но у них есть нечто общее, когда речь заходит о двух вещах – концепции распространения и концепции разоружения.

Единственные две страны, о которых я знал, что там существовала и раньше тотальная слежка, – это две главные противоборствующие стороны во Второй мировой войне. Одна из них была врагом Америки, другая – ее союзником. И в нацистской Германии, и в Советском Союзе самые первые ранние признаки государственного надзора были внешне облечены во внешне безобидную форму переписи населения. В Советском Союзе первая Всесоюзная перепись населения проводилась в 1926 году и помимо простого счета имела на повестке дня свою задачу: советских граждан в открытую спрашивали о национальности. Полученные результаты убедили советскую элиту, в большинстве своем этнически русскую, что она находится в меньшинстве по сравнению с совокупными массами жителей, заявлявших о своей принадлежности к традициям Центральной Азии – узбеков, казахов, таджиков, туркмен, грузин и армян. Те результаты существенно повлияли на решимость Сталина выкорчевать эти культуры путем «перевоспитания» национального населения в духе лишенной корней идеологии марксизма-ленинизма.

Перепись 1933 года в нацистской Германии – аналогичный статистический проект, однако она проводилась уже с помощью компьютерных технологий. Она инициировалась для подсчета

населения Рейха с тем, чтобы контролировать его и проводить чистки, в первую очередь – евреев и цыган, еще до зверского уничтожения мирного населения за пределами своих границ. Для осуществления этих целей Рейх установил партнерство с Dehomag, немецким филиалом американской компании IBM, которой принадлежал патент на перфокарточный табулятор, своего рода аналог компьютера – он пересчитывал отверстия, сделанные в перфокартах. Каждый житель страны был представлен одной перфокартой, определенные отверстия соответствовали определенным параметрам их идентичности. В колонке № 22 размещались сведения о религиозной принадлежности: первое отверстие – протестант; отверстие второе – католик; третье отверстие – иудей. В 1933 году нацисты еще официально считали еврейство не расой, а религией. От этих воззрений отказались спустя несколько лет, к тому времени, как вся собранная переписью информация стала активно использоваться для выявления евреев и депортации их в лагеря смерти.

Любой современный смартфон сам по себе обладает большей компьютерной мощностью, чем вычислительные машины Третьего рейха и Советского Союза военного времени, вместе взятые. Помня об этом, убеждаешься не только в технологическом превосходстве американского разведсообщества, но и в той угрозе, которую оно несет демократическому правлению. Меньше чем через столетие после этих переписей технологии сделали умопомрачительный рывок – чего нельзя сказать о законах или моральных принципах, которые могли бы сдерживать отрицательные стороны этого прогресса.

Соединенные Штаты, конечно, тоже проводили перепись. Конституция утвердила порядок проведения американских переписей населения и документально закрепила их как официальный федеральный подсчет населения каждого штата для пропорционального представительства делегатов в палате представителей конгресса США. Этот подход был новшеством: авторитарные государства, включая британскую монархию, которая управляла колониями, традиционно использовали перепись для назначения налогов и учета молодых людей, подлежащих воинскому призыву. Гениальность американской Конституции в том, что она преобразовала механизм притеснения в механизм демократии. Перепись населения, находящаяся под юрисдикцией сената, законодательно должна была проводиться каждые десять лет – примерно столько времени требовалось для обработки данных большинства американских переписей, начиная с первой в 1790 году. Этот десятилетний перерыв был

сокращен после переписи 1890 года, в ходе которой впервые в мире использовались ранние формы компьютеров (прототипы тех моделей, что IBM впоследствии продала нацистской Германии). С применением вычислительной техники время обработки данных сократилось вполовину.

Цифровая технология не просто усовершенствовала процесс учета – она упразднила его как устаревший. Массовое слежение сегодня – это нескончаемая «перепись населения», существенно более опасная, нежели любой опросник, высланный по электронной почте. Все наши устройства, от телефонов в карманах до компьютеров в рюкзаках, по сути, миниатюрные «переписчики», наши постоянные «летописцы». Мы носим их в своих рюкзаках и в карманах, а они помнят все и не прощают ничего.

Япония стала моим «атомным моментом». Именно тогда до меня окончательно дошло, куда ведут новые технологии, и если мое поколение не вмешается, все будет становиться только хуже. Трагично будет, если ко времени, когда мы наберемся решимости оказать сопротивление, оно окажется тщетным. Грядущие поколения привыкнут жить в мире, где слежка – уже не временный эпизод, вызванный «юридической необходимостью», а данность: всеслышащее ухо, всевидящее око и память, бессонная и неотступная.

Теперь, когда вездесущий сбор данных соединился с вечным хранением файлов, все, что остается делать любому правительству, – это выбрать персону или группу козлов отпущения и идти копаться в их файлах, как я копался в файлах агентства в поисках улик соответствующего преступного деяния.

Дом на облаке

В 2011 году я вновь находился в Штатах, работая на того же самого номинального нанимателя, компанию Dell, но будучи на этот раз прикреплен к моему старому агентству, ЦРУ. Одним теплым весенним днем я вернулся домой с первого рабочего дня на новом месте и вдруг поразился: в доме, куда я въехал, был почтовый ящик. Ничего особенного, обычный прямоугольный ящик, часть имущества многоквартирного дома, и все-таки, глядя на него, я улыбнулся. У меня годами не было почтового ящика, да и в этот я не заглядывал ни разу. Возможно, я бы не заметил его вовсе, если бы он не был до отказа забит пачками почтового мусора, который был адресован мне: «Мистеру Эдварду Дж. Сноудену или проживающему в настоящее время». В конвертах лежали купоны супермаркетов и рассылка рекламы бытовой техники. Кто-то был в курсе, что я только что приехал.

Память вернула меня в детские годы. Я вспомнил, как проверял почту и нашел письмо, адресованное сестре. Я захотел вскрыть его, но мама не разрешила.

Помню, я спросил почему. «Потому что, – сказала мама, – оно адресовано не тебе». Она объяснила, что письмо предназначено для кого-то другого, и даже если это поздравление с днем рождения или «письмо счастья», открывать его не стоит. Фактически, это преступление.

Какого рода это преступление, поинтересовался я. «Большое, дружок, – сказала мама. – Предусмотренное федеральным законом».

Стоя на парковке, я не глядя разорвал конверты со спамом и отнес в урну для мусора.

У меня был новенький айфон, который лежал в кармане моего нового костюма от Ральфа Лорена. Новые очки от «Бёрберри». Новая стрижка. Ключи от нового таунхауса в Колумбии, штат Мэриленд, – самая большая квартира из всех, где мне доводилось жить, и первый дом, который я стал считать своим. Я был богатым – по крайней мере мои друзья считали меня таковым.

Я решил, что лучше всего жить в отрицании и просто зарабатывать деньги, делая лучше жизнь тех людей, которых я люблю. Разве не этим же в конце концов были заняты все остальные? Но легче сказать, чем сделать – я имею в виду отрицание. Деньги-то доставались легко. Настолько легко, что я чувствовал себя виноватым.

Считая Женеву и не считая периодических наездов домой, я

отсутствовал около четырех лет. Америка, куда я вернулся, ощущалась как другая страна. Не буду врать, что почувствовал себя иностранцем, но внезапно я оказался втянутым в слишком много разговоров, которых не понимал. Через слово – имена неизвестных мне телеведущих, названия фильмов, которых я не смотрел, или слухи о громком скандале среди знаменитостей, до которых мне не было дела. Я не мог ничего ответить – мне нечего было ответить.

Противоречивые мысли сыпались откуда-то сверху, как кирпичики в «Тетрисе», и я мучился, передвигая их – чтобы они исчезли. Сначала я думал: «Посочувствуй этим бедным, ни в чем не повинным людям, они – жертвы, за которыми следит правительство. За ними следят с каждого экрана, на который они с обожанием смотрят». Потом я думал: «Перестань! Хватит драматизировать, они счастливы, им не до чего нет дела, тебе – тоже. Взрослей! Делай свое дело, оплачивай счета. Такова жизнь».

О нормальной жизни мы с Линдси мечтали давно. Хотели перейти на новый этап отношений и решили обосноваться всерьез. У нас был красивый задний двор с вишневым деревом, которое мне напоминало лучшее, что я видел Японии: уголок у реки Тама, в Токио, где мы смеялись и валялись на ароматном ковре из лепестков, наблюдая как цветет сакура.

Линдси получила сертификат инструктора по йоге, я тем временем привыкал к своей новой должности – в торговле.

Один внешний поставщик, с которым я работал над EPICSHELTER, в конечном итоге стал работать в Dell и убедил меня, что я зря трачу время, получая плату за рабочие часы. Мне следовало, по его мнению, перейти в отдел продаж, где, продвигая подобные идеи, я заработаю состояние. Я сделаю астрономический прыжок вверх по корпоративной лестнице, а он получит ощутимое вознаграждение за наводку. Я готов был согласиться, в частности, потому, что это могло меня отвлечь от растущего чувства недовольства. Официальное название должности звучало так: консультант по принятию решений. По сути, это значило, что мне придется решать проблемы, которые создает мой новый партнер (назовем его Клифф). Клифф был менеджером по работе с клиентами.

Предполагалось, что Клифф – «лицо» предприятия, а мне предстояло стать его «мозгом». Когда мы сидели среди технической аристократии ЦРУ и агентов по закупкам, его делом было продать им оборудование Dell и все его новые «примочки» любыми средствами. Как это выглядело: роясь в задних карманах брюк, Клифф вытаскивал на свет божий прорву глянцевых буклетов, обещающих сделать для агентства то и это, что точно

не смогли бы сделать наши конкуренты (а на деле, и мы сами). Моей задачей было изобрести такое инженерное решение, которое приуменьшило бы масштабы его лжи до приемлемого уровня, чтобы человек, подписавший чек, в итоге не заявил бы на нас в полицию – и чтобы нас не посадили.

Просто и без нажима.

Наш главный проект заключался в том, как помочь ЦРУ достичь самого передового технического уровня – или хотя бы соответствовать техническим стандартам АНБ – посредством нашумевшей новой технологии под названием «частное облако». Наша цель была объединить в агентстве обработку и хранение, распределяя пути, по которым к данным осуществлялся доступ. Проще говоря, мы хотели сделать так, чтобы кто-то, сидя в шатре в Афганистане, смог работать так же, как и в штаб-квартире ЦРУ. Агентство (вернее, все разведсообщество) постоянно жаловалось на «разобщенность» разведданных – по всему миру были рассредоточены миллиарды сегментов информации, недоступные для отслеживания и закрытые для доступа. Я руководил группой нескольких довольно неглупых людей из компании Dell, и вместе мы искали способ, как кто-нибудь, где-нибудь мог достичь чего-нибудь.

В период утверждения концептуального этапа рабочим названием нашего проекта стало «Фрэнки». Не осуждайте меня: занимаясь техническими разработками, лично мы называли его просто «частное облако». Задористое название придумал Клифф в разгар презентации в ЦРУ: заверил присутствующих, что они полюбят нашего маленького Франкенштейна, «потому что это реальный монстр».

Чем больше обещаний давал Клифф, тем больше я был загружен, поэтому видеться с Линдси мы могли в основном на уик-эндах, проводя время с родителями и старыми друзьями. Мы пытались обставить и оборудовать наш новый дом. Трехэтажное жилище досталось нам пустым, и все, что не отдали нам родители, нам пришлось купить самим. Все было очень по-взрослому, но в то же время выразительно говорило о наших предпочтениях. Мы купили посуду, кухонные ножи, рабочие столы и стулья, но сами продолжали спать на полу на матрасе. Из-за мыслей о слежке у меня появилась аллергия на кредитки, поэтому мы купили все за наличные деньги. Когда нам понадобился автомобиль, я купил Acura Integra 1998 года – по объявлению, за $3000 наличными. Зарабатывать деньги – это одно, но тратить их ни Линдси, ни я не любили, разве что покупали компьютерное оборудование или подарки на «особый случай». На День святого Валентина я купил Линдси револьвер,

который она давно хотела.

Наш новый кондоминиум находился в двадцати минутах езды от дюжины торговых центров, включая самый крупный – Коламбия Молл, который занимал чуть ли не полтора миллиона квадратных футов торговых площадей – включая двести магазинов, кинотеатр кинокомпании AMC, ресторан китайской кухни P. F. Chang's и фабрику по производству чизкейков. Когда мы колесили по знакомым дорогам на подержанной «Интегре», я был впечатлен, но и немного растерян от изменений, которые произошли в мое отсутствие. Политика государства после 11 сентября определенно переправила кучу денег в кучу карманов на местах. Это не могло не вызывать беспокойство: вернуться в Америку после продолжительной отлучки и заново осознать, насколько же богата эта часть страны и сколько возможностей для потребления она предлагает! Сколько сетевой розничной торговли и высококлассных шоу-румов с авторским дизайном. Все постоянно что-то продавали. На Президентский день, на Мемориальный день, на День независимости, День труда, День Колумба, День ветеранов… Объявления о последних скидках развевались вместе с праздничными флагами.

В тот день мы решили купить бытовую технику и, как помню, после обеда зашли в магазин Best Buy – «Лучшая покупка». Облюбовали микроволновку и, поскольку Линдси настаивала на здоровом существовании, осмотрели целый прилавок блендеров. Она достала свой телефон и выясняла, который из десятка или около того кухонных приборов был самым лучшим по характеристикам, а я, сам того не замечая, побрел к секции компьютеров, расположенной в дальнем конце магазина.

Но остановился на полпути. Там, на краю отдела кухонной техники, на ярко разукрашенном и подсвеченном возвышении стоял сверкающий новенький холодильник, или, скорее, «смартфридж». Реклама гласила, что это холодильник, оборудованный выходом в Интернет.

Такая простая и понятная, эта идея потрясла меня до глубины души.

Подошел продавец, истолковав мое остолбенение как признак проявленного интереса: «Поразительно, не так ли?» – и принялся демонстрировать его работу. В дверь холодильника был встроен экран, рядом с ним имелся держатель с крошечным стилусом, позволявшим нацарапать записку. Не нравятся каракули – можно записать даже аудио- или видеообращение. А еще можно использовать экран как обычный компьютер, так как холодильник подключен к Интернету через вайфай. Так что заодно можно проверить почту или вести ежедневник. Можно

посмотреть клипы на YouTube или послушать музыку в MP3. С холодильника можно даже позвонить. Я еле удержался, чтобы не набрать номер Линдси, мол, звоню тебе с холодильника.

Помимо этого, продолжал продавец, компьютер холодильника следит за температурой внутри и, сканируя штрихкоды магазинов, проверяет свежесть ваших продуктов. Он сообщает об их пищевой ценности, а также предлагает рецепты блюд. Стоил холодильник, по-моему, девять тысяч долларов. «Доставка включена», – добавил продавец.

Обратно домой я вел машину со сконфуженной путаницей в голове. Не уверен, что это был тот самый резкий скачок технологий, технология будущего, которую нам так обещали. Не сомневался я лишь в одном: эта штука имела выход в Интернет, а значит, могла доложить производителю обо всем, чем пользуется владелец, включая все данные о домашнем хозяйстве. Производитель, в свою очередь, продаст эти данные на сторону и получит прибыль. А мы, как предполагается, еще и заплатим за такую честь.

Я недоумевал, что так переживал из-за правительственного надзора, когда мои друзья, соседи и все сограждане с радостью устанавливали надзор корпораций у себя дома, позволив высматривать что-то в своих кладовках столь же успешно, как в Интернете. А ведь еще оставалось лет пять до технологии «умного дома» и «виртуальных помощников», таких как Amazon Echo и Google Home, с гордостью внесенных в спальни и возложенных на ночные столики – записывать и передавать всю активность, анализировать привычки и предпочтения (не говоря уже о фетишах и странностях) – словом, собирать все данные, которые позже будут переработаны в алгоритмы рекламы, а далее – конвертированы в звонкую монету. Данные, которые мы оставляем уже потому, что просто живем (или позволяем надзирать за собой, пока живем), будут обогащать частный бизнес и обеднять наше частное бытие в равной мере. Если государственная слежка имела результатом превращение гражданина в субъект, по милости государственной власти, то надзор корпораций превращал потребителя в продукт, который будет продан другим корпорациям, аналитикам данных и рекламодателям.

Складывалось впечатление, что каждая крупная технологическая компания, включая Dell, внедряет новые гражданские версии того, над чем я работал в ЦРУ: «облако». (Известно, что компания Dell четырьмя годами ранее пыталась зарегистрировать торговый знак cloud computing, «облачные вычисления», но получила отказ.) Я был поражен, как люди

охотно подписывались на такое, с воодушевлением размещали свои фото, видео, музыку и электронные книги, чтобы иметь к ним постоянный доступ – и как они не отдавали себе отчета, почему столь суперсложные и удобные способы хранения предлагаются им так дешево, а порой и задаром.

Не думаю, что я встречал раньше такую концепцию, которую одновременно стремились внедрить и в разведке, и в частной жизни. Dell с такой же эффективностью продавали «облако» Центральному разведывательному управлению, с какой Amazon, Apple и Google предлагали своим пользователям. Я и сейчас, закрывая глаза, слышу голос Клиффа, рассказывающего пиджакам из ЦРУ, что «облачный сервис поможет легко устанавливать обновления безопасности на все компьютеры агентства» или «у вас появится возможность отследить, кто имеет доступ к тем или иным файлам по всему миру». Облако было белым, пушистым и таким спокойным, плывущим высоко над всеми дрязгами. Много облаков делают небо хмурым, но одно облако защищает, дарит желанную тень. Мне кажется, у всех невольно появлялись ассоциации с райскими небесами.

Dell наряду с крупнейшими частными компаниями, также поставивших ставку на облачный сервис – Amazon, Apple и Google, – рассматривали его как новую эру компьютерных технологий. Но по сути, это была регрессия – возврат к мейнфреймам[55], то есть серверной архитектуре ранней компьютерной «эры», когда многие пользователи зависели от единственного и мощного суперкомпьютера, технически поддерживать который могли только элитные кадры профессионалов. Мир отошел от этой имперсональной модели только в предыдущем поколении, когда предприятия, подобные Dell, разработали персональные компьютеры – достаточно дешевые, достаточно простые, рассчитанные на простых смертных. Ренессанс, который последовал за этим, породил настольные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, словом, все приспособления, которые предоставляли людям свободу в творчестве и работе. Оставался только один вопрос: как все это хранить?

Вот он, момент зарождения «облачных вычислений». Когда уже не важно, какого типа у вас компьютер, потому что настоящий компьютер, на который вы полагаетесь, размещается в громадных центрах обработки и хранения данных, которые «облачные» компании понастроили по всему миру. Они и стали в каком-то смысле теми новыми мейнфреймами, ряд за рядом стоящими на стойках, – одинаковые серверы, связанные между собой таким образом, чтобы каждая отдельная машина

действовала заодно внутри коллективной компьютерной системы. Потеря одного сервера или даже всего дата-центра больше не имеет значения, потому что все они – мельчайшие капли большого глобального «облака».

Для обычного пользователя «облако» – всего лишь устройство хранения данных, которое гарантирует, что ваши данные обрабатываются и хранятся, но только не на вашем персональном оборудовании, а на других серверах, которые в конечном итоге принадлежат сторонним компаниям. В результате ваши данные как бы уже и не совсем ваши. Они контролируются компаниями, которые могут пользоваться ими в собственных целях.

Прочтите условия пользовательского соглашения об облачном хранении, которые с каждым годом становятся все длиннее и длиннее – нынешние содержат свыше шести тысяч слов (вдвое больше средней длины глав в этой книге). Когда мы добровольно решаем хранить данные онлайн, мы уступаем свои права на них. Компании решают, какого рода информацию они будут хранить, и даже могут по собственной воле стереть данные, которые сочтут нежелательными. Если мы не позаботились сохранить отдельный экземпляр на собственной машине или диске, эта информация будет для нас безвозвратна утеряна. Если что-то из наших данных будет сочтено предосудительным или нарушающим условия обслуживания, компания может в одностороннем порядке удалить нашу учетную запись, отказать нам в наших же данных – и при этом скопировать их для передачи властям без нашего ведома и согласия. В итоге приватность наших данных зависит от того, кому эти данные принадлежат. Не существует собственности, которая была бы защищена меньше, и при этом нет собственности, более приватной.

Интернет, в котором я рос, Интернет, который меня воспитал, безвозвратно уходил. А вместе с ним уходила и моя юность. Сам процесс входа в Сеть, который ощущался когда-то как чудесное приключение, превратился в мучительное испытание. Самовыражение требовало теперь такой сильной самозащиты, что это исключало свободу и сводило на нет удовольствие. Каждый обмен информацией становился не творческим актом, а делом защиты собственной безопасности. Каждое взаимодействие было потенциальной угрозой.

Тем временем частный бизнес была занят тем, что утверждал свои позиции на рынке, эксплуатируя нашу зависимость от их техники. Большинство американских интернет-пользователей проживали всю свою «цифровую» жизнь в электронной почте,

социальных сетях и на платформах для онлайн-торговли – принадлежащих триумвирату компаний Google, Facebook и Amazon, – в то время как разведсообщество Америки искало способ извлечь выгоду из получения доступа в их сети как через прямое обращение, так и через негласное управление версиями, что держалось в тайне и от самих компаний. Наши пользовательские данные оборачивались громадными выгодами для компаний, а государство растаскивало их даром. Кажется, я никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

Была еще одна эмоция, которую я ощущал: странное чувство, будто плывешь по течению и в то же самое время – как будто кто-то насильно вторгается в твою частную жизнь. Казалось, что я распылен: части моей жизни были раскиданы по серверам всей планеты – и в то же время кто-то вмешивался в мою жизнь, что-то навязывал мне… Каждое утро, выезжая из своего таунхауса, я замечал, как сгибаюсь перед камерами слежения, расставленными то там, то тут по всей территории. Прежде я никогда не обращал на них внимания, но теперь, когда загорался красный свет, я вспоминал о сенсоре, который пялится на меня и следит, проскочу я перекресток или остановлюсь. Распознаватели номеров знали обо всех моих въездах и выездах, даже если я ездил со скоростью не больше 35 миль в час.

Основополагающие законы Америки созданы для того, чтобы делать работу правоохранительных органов не легче, а труднее. Это не баг, а главный стержень демократии. Американская модель государства предполагает, что правоохранительные органы защищают граждан друг от друга. В свою очередь, от судов ожидается, что они будут сдерживать государственную власть от злоупотреблений и возмещать ущерб обществу от властей предержащих, которые могут задерживать, налагать арест и применять силу, в том числе – огонь на поражение. Наиболее важные из этих ограничений: сотрудникам правоохранительных органов запрещено наблюдение за частными гражданами на их территории и изъятие частных записей граждан без ордера. Есть небольшое число законов, которые ограничивают наблюдение за государственной собственностью, но они охватывают огромное большинство улиц и переулков в Америке.

Установка правоохранительными органами камер наблюдения за государственной собственностью изначально рассматривалась как способ избежать преступлений, а также как помощь работникам следствия, если преступление все-таки совершено. Однако по мере падения стоимости на эти устройства они сделались вездесущими, а их роль стала профилактической – учитывая, что правоохранительные органы применяют их для

слежки за людьми, которые не только не совершили никаких преступлений, но даже ни в чем не подозреваются. Но наибольшая опасность еще была впереди, с развитием искусственного интеллекта, способным распознавать лица и образы. Камера наблюдения, работающая на основе искусственного интеллекта, станет не просто устройством для съемки, но приблизится к автоматизированному сотруднику полиции – настоящий «робокоп», отслеживающий «подозрительную» деятельность – как, например, явные сделки с наркотиками (когда люди обнимаются или пожимают руки) или явную связь с гангстерской группой (когда люди носят одежду определенного цвета или бренда). Уже в 2011 году мне было ясно, даже без общественных дебатов, как будут дальше развиваться эти технологии.

Потенциальные случаи злоупотребления мониторингом громоздились в моем мозгу, образуя картину ужасающего будущего. Мир, в котором все люди будут поголовно находиться под наблюдением, по логике вещей, станет миром, в котором все законы будут полностью нарушены – причем автоматически, компьютерами. Трудно представить себе искусственный интеллект, который, заметив, как люди нарушают закон, не возьмет их на заметку. Никакой алгоритм, применяющийся в полицейской деятельности, не будет запрограммирован на снисходительность и прощение – даже если бы это было возможно.

Я гадал, будет ли это окончательным, но гротескным исполнением первоначального американского обещания, что все граждане станут равны перед законом: равенство быть притесняемыми посредством тотального, доведенного до автоматизма поддержания правопорядка. Я представил себе «умный» холодильник будущего, установленный у меня на кухне, который по моим привычкам пить прямо из упаковки или не мыть руки перед едой сделает вывод, что я отпетый негодяй.

Такой мир автоматизированного поддержания правопорядка – типа правил для владельцев животных или законов, регламентирующих бизнес на дому, – будет невыносим. Максимальная справедливость может обернуться максимальной несправедливостью, и не просто по части самого наказания, но и по части того, как последовательно и тщательно закон будет приводиться в исполнение. Почти любое развитое и долго существующее общество обладает множеством неписаных законов, соблюдения которых оно вправе ждать от каждого, наряду с грудами писаных законов, которые не будет соблюдать никто, даже если слышал о них. Согласно Уголовному кодексу

штата Мэриленд, параграф 10-501, прелюбодеяние незаконно и наказывается штрафом в размере десяти долларов. В Северной Каролине закон 14–309.8 объявляет незаконной игру Бинго, если она длится свыше пяти часов. Оба эти закона пришли к нам из прошлого, более щепетильного в вопросах морали и порядка. По той или иной причине они так и не были объявлены недействительными. Большая часть нашей жизни протекает не в черно-белом, а в «сером» поле, где мы нарушаем правила движения, не сортируем мусор, раскладывая его в неправильные мусорные баки, ездим на велосипедах по тротуару и пользуемся чужим вайфаем, чтобы скачать книгу, за которую не собираемся платить. Проще говоря, мир, где каждый закон приводится в исполнение, будет миром, где все – преступники.

Я пытался поговорить обо всем этом с Линдси. Хотя в общем и целом она сочувствовала моим печалям, она не хотела жить без удобств или отказываться от Фейсбука и Инстаграма. «Если бы это случилось, – сказала она, – мне пришлось бы отказаться от своего искусства и забыть про своих друзей. А тебе всегда нравилось поддерживать общение с другими людьми».

И она права. Она права еще и в том, что беспокоилась за меня. Линдси считала, что я слишком напряжен и нахожусь под очень большим стрессом. Так оно и было, но не из-за количества работы, а из-за моего желания поделиться с ней мыслями, чего я сделать не мог. Я не мог ей сказать, что мои бывшие сослуживцы по АНБ могли сделать ее объектом наблюдения и читать любовные стихи, которые она писала мне в эсэмэсках. Я не мог рассказать, что они могут получить доступ к ее фотографиям – не только публичным, но и интимным. Я не мог сказать ей о сборе информации на нее и других людей, что равносильно невысказанной угрозе со стороны государства: «Если ты оступился, мы используем твою личную жизнь против тебя».

Я пытался ей все это как-то объяснить, вскользь, пользуясь аналогиями. Представь, сказал я, ты открываешь однажды свой ноутбук и на рабочем столе видишь электронную таблицу…

– С какой стати? – возмутилась она. – Я не люблю электронных таблиц!

Я не был готов к такой реакции, поэтому сказал первое, что пришло на ум:

– Никто их не любит, но эта называется «*Конец*».

– О-о! Как загадочно!

– Ты не помнишь, чтобы ты составляла эту таблицу, но когда ты ее открыла, то сразу узнала ее содержание. Потому что там внутри – все, абсолютно все, что может тебя погубить. Каждый клочок информации о тебе, который может разрушить твою

жизнь.

– А на твою посмотреть можно? – Линдси рассмеялась.

Она шутила, а мне было не до шуток. Таблица со всей информацией о тебе может представлять смертельную угрозу. Вообразите: все секреты, большие и маленькие, которые могут поставить точку на браке и карьере; секреты, которые отравят отношения с самыми близкими, оставят вас сломленным, одиноким – и за решеткой. Может, там будет упомянута самокрутка с марихуаной, которую ты выкурил в гостях у друзей в прошлые выходные, или щепотка кокаина, которую ты втянул носом с экрана своего телефона в баре колледжа. Или случайная связь по пьяни с девушкой своего друга, которая теперь его жена, и вы оба сожалеете о том, что случилось, и договорились никогда об этом не упоминать…

Может, там будет написано, что вы в подростковом возрасте сделали аборт и до сих пор скрываете это от родителей и супруга. А может, просто информация о подписанной петиции или поддержанном протесте. Каждый имеет за душой какую-то компрометирующую информацию – не в самих файлах, так в электронной почте, не в почте, так в истории просмотров браузера. И теперь вся эта информация стала достоянием правительства США.

Некоторое время спустя Линдси подошла ко мне и сказала:

– Я подумала, что могло бы быть в таблице моего полного уничтожения – секрет, который мог бы меня погубить.

– Какой?

– Тебе не скажу.

Я пытался успокоиться, но у меня стали развиваться странные физические симптомы. Я сделался странно неуклюжим, не раз падал с лестницы – или стукался о притолоки дверей. То я споткнусь, то уроню ложку, то неправильно рассчитаю расстояние и не смогу дотянуться до предмета, который хотел взять. То пролью воду на себя, то поперхнусь, когда пью. Мы с Линдси разговариваем, и вдруг я пропускаю ее слова, а она спрашивает: «Где ты сейчас был?» – а я был словно в ином мире, каком-то замороженном…

Однажды я пошел встречать Линдси после ее занятий шестовой акробатикой и вдруг почувствовал головокружение. Этот симптом был куда тревожнее, чем то, что я испытывал раньше. Нас обоих это напугало, особенно когда за этим последовала постепенная потеря чувствительности. Объяснений я мог найти сколько угодно: неправильное питание, отсутствие физических нагрузок, недостаток сна. На все у меня была куча

оправданий: тарелка стояла на краю, ступеньки были скользкие. Я размышлял, что хуже: если это психосоматика или же врожденная болезнь. Я решил сходить к врачу, но в ближайшие недели записи не было.

Примерно через день, около полудня, я удаленно работал на дому. Говорил по телефону с офицером службы безопасности из компании Dell – и вдруг снова почувствовал сильное головокружение. Извинившись, я немедленно прервал звонок, с трудом выговаривая слова, а когда стал мучиться с трубкой, понял, что умираю.

Тем, кто пережил это чувство неизбежной обреченности, описания не нужны, а для тех, кто не пережил, нет правильных слов, чтобы это объяснить. Просто внезапно по тебе наносят удар и стирают все прочие чувства, все мысли, кроме беспомощной покорности. Жизнь моя кончалась. Я рухнул в рабочее кресло и потерял сознание.

В том же положении я вскоре пришел в себя. Часы на столе показывали чуть больше часа дня. Я выключился меньше чем на час, но чувствовал себя измученным. Казалось, я проснулся после начала времен.

В панике я потянулся за телефоном, но мои руки по-прежнему не слушались и хватали воздух. Один раз мне удалось его схватить, но затем я осознал, что не помню номер Линдси или помню цифры, но не помню их порядок.

У меня как-то получилось спуститься по лестнице, продумывая каждый шаг и хватаясь рукой за стену. В холодильнике я нашел сок и выпил весь до дна, держа коробку обеими руками, но все равно пролил много себе на подбородок. После я лег на пол, прижался щекой к прохладному линолеуму и заснул. В таком положении меня и застала Линдси. Оказывается, у меня случился приступ эпилепсии.

У моей мамы была эпилепсия, и какое-то время она была склонна к эпилептическим припадкам: пена изо рта, руки и ноги бьются, тело извивается до тех пор, пока не застынет в ужасной бессознательной оцепенелости. Не верится, что с самого начала я не связал свои симптомы с ее болезнью, хотя и она сама десятилетиями убеждала себя, что ее частые падения – это «неуклюжесть» и «нарушение координации». Ей не ставили диагноз лет до сорока, и после непродолжительного медикаментозного курса судороги прекратились. Обычно она рассказывала нам с сестрой, что эпилепсия не передается по наследству, и до сего дня я не знаю, сказал ли ей такое доктор или она сама пыталась успокоить нас, что мы не повторим ее судьбу.

Диагностических тестов по эпилепсии не существует. Клинический диагноз выносится, если было две или больше необъяснимых судорог – и все. У современной медицины подход к лечению эпилепсии феноменологический. Врачи не говорят об «эпилепсии», они обсуждают «судороги». Судороги обычно разделяются на два вида: локализованные и генерализованные, первые – это электрические вспышки в определенном отделе вашего мозга, которые не распространяются дальше; вторые – это электрические вспышки, которые создают цепную реакцию. Проще говоря, волна вспыхивающих синапсов катится по вашему мозгу, вызывая потерю моторных функций и в конечном итоге потерю сознания.

Эпилепсия – это такой странный синдром. Страдающие им чувствуют разные вещи в зависимости от того, в какой части мозга произошел изначальный обвал электрического каскада. Те, у кого это начинается в слуховом центре, известны тем, что слышат звук колокольчиков. Те, у кого поражен зрительный центр, видят темноту или искры. Если сбой произошел в более глубоких отделах мозга – как это произошло со мной, – болезнь вызывает сильное головокружение. Со временем я стал замечать сигналы и научился готовиться к приближающейся судороге. На популярном языке эпилепсии эти знаки называются «аурой», хотя ученые считают, что эта аура и есть сама судорога.

Я консультировался у всех специалистов по эпилепсии, каких только сумел отыскать. В работе с Dell лучшее – это медицинская страховка. Мне сделали томографию, МРТ, анализы. Тем временем Линдси, мой неутомимый ангел, перевозила меня на машине от одного врача к другому, продолжала искать любую известную информацию об этом синдроме. Она гуглила сайты и аллопатов, и гомеопатов, да так истово, что вся контекстная реклама, которая ей показывалась, была только о фармакотерапии при эпилепсии.

Я был уничтожен. Две великие институции в моей жизни предали меня: моя страна и Интернет. А теперь их примеру последовало и мое тело.

В моем мозгу произошло буквально короткое замыкание.

На кушетке

Поздней ночью 1 мая 2011 года я обнаружил на телефоне сообщение новостной рассылки: Усама бен Ладен был выслежен и схвачен в районе Абботтабада, Пакистан; убит командой «морских котиков» ВМС США.

Итак, всё уже в прошлом. Тот, кто спланировал нападения, побудившие меня пойти в армию, а оттуда в разведку, убит. Пациент на диализе застрелен в упор, окруженный своими многочисленными женами, в роскошном укрытии, находящемся неподалеку от дороги к крупнейшей военной академии Пакистана. Сайт за сайтом показывали карты с указанием места, где находится этот чертов Абботтабад, вперемешку с уличными сценами в американских городах, где люди вскидывали кулаки, били себя в грудь и неистово, до упаду кричали. Праздновал даже Нью-Йорк, чего почти никогда не бывало.

Я выключил телефон. У меня и в мыслях не было присоединиться ко всеобщему ликованию. Не поймите меня неправильно: я был рад, что мерзавец убит. Просто в тот момент у меня было задумчивое настроение: я чувствовал, что кольцо сжимается.

Десять лет. Вот сколько времени прошло с тех пор, как те два самолета врезались в башни-близнецы, – и чем мы на это ответили? Что реально было сделано за прошедшие десять лет? Я сидел на кушетке, которая переехала ко мне из кондоминиума матери, и пялился в окно на улицу, где сосед сигналил своим автомобилем, стоя на парковке. Я не мог избавиться от мысли, что потратил последнее десятилетие своей жизни зазря.

Эти десять лет были чередой американских трагедий: затяжная война в Афганистане, катастрофическая смена режима в Ираке, бессрочное содержание заключенных в Гуантанамо-Бэй, «чрезвычайные выдачи», пытки, целенаправленные убийства гражданских лиц – даже американцев – с помощью беспилотников. В самой стране – процесс трансформации в полицейское государство, создание шкалы рейтинга угроз (красный – крайняя опасность; оранжевый – высокая степень опасности; желтый – повышенный уровень) и постоянное урезание гражданских свобод – тех самых свобод, которые нас так призывали защищать. В совокупности эти изменения – о которых было даже страшно думать – казались совершенно необратимыми. А мы почему-то сигналим и мигаем фарами на парковках, торжествуя.

Крупнейшая террористическая атака на американской земле

произошла в век цифровых технологий, что и распространило последствия теракта на большую часть земного шара – хочется нам это признавать или нет. Конечно, причиной тому, что большая часть наших программ слежения была реализована во время величайшего страха и оппортунизма, был объявлен терроризм. На самом деле страх – вот что есть настоящий терроризм, и совершила его политическая система, искавшая любого оправдания применению силы. Американские политики не столько боялись террора, сколько боялись показаться слабыми или нелояльными по отношению к своей партии; нелояльными по отношению к спонсорам их политической кампании, обладавших безмерными аппетитами на государственные контракты и нефтепродукты с Ближнего Востока. «Противодействие террору» стало сильнее самого террора: панические действия государства, не имевшие аналогов по материально-техническим возможностям, ничем не ограниченные в сфере политики, тупо равнодушные к верховенству права. После 11 сентября все приказы разведсообщества провозглашали миссию «Больше никогда!» – которая никогда не будет выполнена. Десятилетие спустя стало ясно – по крайней мере мне, – что «призрак терроризма», которым политическая элита так активно запугивала массы, не был беспокойством или ответной реакцией на какую-либо специфическую угрозу, а только циничным устремлением насадить страх, который требовал бы постоянной непрекословной бдительности.

После десятилетия массового слежения технология показала, что представляет собой мощное оружие – не столько против террора, сколько против самих свобод. Продолжая эти программы слежения, продолжая эту ложь, Америка защитит самую малость, не выиграет ничего, а потеряет многое, и главное – разницу между «мы» и они», когда-то полярными противоположностями, обозначившимися после 11 сентября.

Конец 2011 года прошел в череде повторяющихся судорог и бесчисленных посещениях врачей и больниц. Меня просвечивали, тестировали, мне выписывали стабилизирующие состояние лекарства, но они затуманивали мой рассудок, вгоняли меня в депрессию и сонливость, лишали возможности сосредоточиться.

Я не понимал, как буду жить дальше с этим, как его называла Линдси, «состоянием», не потеряв при этом работу. Как старший технический специалист ЦРУ в компании Dell, я обладал невиданной гибкостью: мне было достаточно телефона, я мог работать дома. Проблема была в личных контактах. Обычно встречи происходили в Виргинии, а я жил в Мэриленде, штате,

где закон запрещал людям с эпилепсией водить машину. Если меня бы застукали за рулем, то лишили бы водительских прав, а вместе с этим – возможности ездить на встречу, которая единственная, среди прочих других обязанностей, не подлежала обсуждению.

В конечном итоге я отступил перед неизбежностью, взял отпуск по временной нетрудоспособности и ретировался на подержанную мамину кушетку. Цветом она была под стать моему настроению, но очень удобная. На многие недели она стала эпицентром моего существования – местом, где я спал, ел, читал и снова очень много спал; где бесцельно прозябал, пока время морочило мне голову.

Не помню, какие книги я пытался читать, но точно помню, что не мог одолеть больше страницы, а потом закрывал глаза и откидывался на подушки. Я не мог сосредоточиться ни на чем, кроме моей слабости. Тот неспособный контактировать тюфяк, бывший когда-то мною, теперь неподвижно валялся, тыча пальцем в экран телефона, который был единственным источником света в комнате.

Я прокручивал новости, потом дремал, снова новости и снова сон, а тем временем протестующих в Тунисе, Ливии, Египте, Йемене, Алжире, Марокко, Ираке, Ливане и Сирии бросали в тюрьмы, подвергали пыткам – или просто убивали в перестрелках на улицах тайные агенты кровожадных режимов, многим из которых Америка помогла остаться у власти. Страдания того периода были безграничны, они закручивались по спирали, переходя к очередному новому витку. То, на что я смотрел, – было сплошное отчаяние, по сравнению с которым мои собственные невзгоды казались пустяком. В морально-этическом отношении они были ничтожными, ибо я находился в несравнимо более привилегированном положении.

По всему Ближнему Востоку ни в чем не повинные жители жили под постоянной угрозой насилия, без электричества и примитивных удобств, испытывали затруднения с работой и образованием. Во многих регионах не было доступа даже к минимальной медицинской помощи. Каждый раз, когда я сомневался, что мои тревоги по поводу массовой слежки и отсутствия приватности были обоснованными, мне нужно было просто посмотреть на лозунги, которые провозглашались на улицах Каира, в Сане, в Бейруте, Дамаске и Ахвазе – в любом городе или провинции, охваченных Арабской весной и иранским «Зеленым движением». Народные массы требовали положить конец притеснениям, цензуре, неопределенности. Они заявляли, что в подлинно справедливом обществе люди не подотчетны

правительству, а правительство, напротив, подотчетно людям. Хотя и казалось, что каждая новая толпа в каждом новом городе преследовала свои особенные мотивы и ставила свои особенные цели, у всех них была одна общая черта: неприятие авторитаризма, возвращение к принципу гуманности, утверждающему, что индивидуальные права являются врожденными и неотчуждаемыми.

В авторитарном государстве права исходят от государства и предоставляются людям. В свободном государстве права исходят от людей и передаются государству. В первом случае люди являются *субъектами*, или подданными, которым *разрешено* иметь собственность, получать образование, работать, отправлять религиозные обряды и говорить, покуда государство им это позволяет. Во втором случае люди являются *гражданами*, которые *согласны* быть управляемыми на основании договора между властью и обществом, который должен периодически обновляться и может быть конституционно отменен. Именно в этом и заключается разница между авторитарным и либерально-демократическим обществами, и в этом, как я убежден, состоит главный идеологический конфликт моего времени. Не в ходульном, предвзятом споре о вечном различии Востока и Запада – и не в реанимированном крестовом походе против христианства или ислама.

Авторитарные государства обычно не являются правовыми: это государства, лидеры которых требуют от своих подданных лояльности и враждебно относятся к несогласным. Либерально-демократические государства, напротив, не выдвигают подобных требований, но, напротив, напрямую зависят от каждого гражданина, который добровольно принимает на себя ответственность за защиту свобод всех и каждого независимо от их расы, этнического происхождения, веры, способностей, пола и ориентации. Любой коллективный договор, основанный не на крови, но на согласии, в конечном итоге ведет к эгалитаризму, равенству всех граждан. И хотя демократические режимы часто отходили от своих идеалов, я все равно верю, что это единственная форма правления, которая в полной мере позволяет самым разным людям уживаться вместе, будучи равными перед законом.

Это равноправие подразумевает не только права, но и свободы. Фактически многие права, наиболее ценные для граждан демократических государств, не предусмотрены законом, а вытекают из него косвенно. Они существуют в пустом пространстве, созданном посредством ограничения государственной власти. Например, американцы имеют «право»

на свободу слова и свободу прессы, потому что правительству запрещено эти свободы ущемлять. Они имеют «право» на свободное отправление культов, потому что власть не может принимать законы, относящиеся к религиозным верованиям, а «право» на мирные собрания и протесты гарантировано людям потому, что запрещены какие бы то ни было законы, объявляющие, что этого делать им нельзя.

В современной жизни мы имеем единственную концепцию, которая в полной мере охватывает пространство, которое недоступно для правительства. Эта концепция – «приватность», частная жизнь. Это пустая зона, которая лежит вне пределов досягаемости, «вакуум», куда закону разрешено проникать только с ордером. Не с тем ордером «на всех сразу», как тот, который правительство США посмело выписать для себя, добиваясь массовой слежки, – но с ордером, выписанным на конкретного человека, с конкретной целью, подкрепленным достаточными основаниями.

Само слово «приватность» несколько пустое, так как оно по существу не имеет четкого определения – или имеет этих определений слишком много. У каждого из нас собственное представление о нем. Приватность что-то значит для каждого. Нет человека, для которого это слово не имело бы смысла.

Способа совсем отказаться от приватности не существует. Оттого что свободы гражданского населения независимы, отказаться от своей личной свободы – на деле значит отказаться от свободы всех и каждого. Вы можете сами отказаться от нее ради удобства или под предлогом, что приватность нужна только тем, кому есть что скрывать. Но говорить, что вам она совсем не нужна, так как вам нечего прятать, – значит подразумевать, что никто не должен скрывать вообще ничего, включая иммигрантский статус, историю незанятости, финансовую историю и сведения о здоровье. Таким образом, вы допускаете, что каждый, включая вас самих, будет делиться сведениями о религиозных воззрениях, политических пристрастиях и сексуальных предпочтениях так же открыто, как если бы речь шла о любимых фильмах, музыкальных или читательских вкусах.

И наконец, утверждать о том, что приватность вам безразлична, потому что вам нечего скрывать, равносильно высказыванию: мне не нужна свобода слова, потому что мне нечего сказать. Или что вы безразличны к свободе печати, потому что не любите читать. Или вы равнодушны к вопросам религии, потому что вы не верите в Бога. Или что вам не нужна свобода мирных собраний, поскольку вы ленивый, необщительный тип с агорафобией. Если та или иная свобода не имеет для вас

значения сегодня, еще не значит, что она не будет иметь значение завтра – для вас, для вашего соседа или для толп принципиальных диссидентов, за телефонными переговорами которых я следил; для тех, кто протестует по всей планете, чтобы добиться хотя бы малой частицы тех свобод, которые моя страна активно демонтирует.

Я хотел помочь, но не знал как. Я был сыт по горло чувством беспомощности, лежа, как последний придурок, в байковой пижаме на потертой кушетке, завтракая чипсами и запивая диетической колой, пока весь мир в это время полыхал в огне.

Молодые люди на Ближнем Востоке требовали повышения заработков, снижения цен, лучших пенсий, но я не мог им дать ничего из перечисленного, и никто бы не смог научить их самоуправлению, пока они не научатся сами. Также они агитировали за свободный Интернет. Они поносили иранского лидера аятоллу Хомейни, который постоянно усиливал цензуру, блокируя нежелательный контент, отслеживая и перехватывая трафик сайтов неугодного содержания и закрывая доступ иностранным провайдерам. Протестующие выступали против действий президента Египта Хосни Мубарака, который перекрыл доступ в Интернет целой стране – и добился лишь того, что молодежь, еще более яростная и несговорчивая, вышла на улицы.

С тех пор как меня посвятили в проект Tor в Женеве, я пользовался его браузером и настроил собственный Tor-сервер, желая выполнять свои профессиональные обязанности дома и не желая, чтобы мой трафик отслеживался. Я избавился от своего отчаяния, поднялся с кушетки и потащился в свой домашний офис – настроить Tor-мост для обхода иранской интернет-блокады. Затем я передал его цифровое удостоверение основным разработчикам Tor.

Это было наименьшее, что я мог сделать. Если был хотя бы малейший шанс, что какой-нибудь парнишка из Ирана, способный выйти в Сеть, теперь будет обходить поставленные фильтры и ограничения и свяжется со мной – свяжется через меня, – будучи защищенным Tor-системой и анонимностью моего сервера, тогда это стоило моего минимального усилия. Я представил, что он теперь сможет читать свою электронную почту или входить в социальные сети, не опасаясь, что его друзей и родных арестуют. Я понятия не имел, таким ли я его себе представлял и соединится ли кто-то в Иране с моим сервером. Важно было другое: помощь, которую я оказал, исходила от частного лица, приватно.

Парень, который начал Арабскую весну, был почти моего возраста. Он был разносчиком из Туниса, продавал фрукты и

овощи с тележки. Протестуя против постоянных притеснений и вымогательства властей предержащих, он вышел на площадь и совершил акт самосожжения, погибнув мученической смертью. Если последний свободный поступок, который ты можешь себе позволить, это самосожжение в знак неприятия противозаконного режима, я обязательно встану с кушетки и нажму на несколько клавиш.

Часть третья

Туннель

Представьте, что вы входите в туннель. Представьте перспективу: когда вы смотрите вдаль во всю его длину, простирающуюся перед вами, и замечаете, что стены сужаются в крошечной точке света далеко, на другом его конце. Свет в конце туннеля стал символом надежды, а еще, говорят, это то, что видят пережившие опыт клинической смерти. Им предстояло идти туда, говорят они. Их туда тянуло. Но куда еще можно идти, оказавшись в туннеле? Разве не все в итоге ведет туда, в эту точку света?

Мой туннель был Туннель: громадный подземный авиационный завод эпохи Перл-Харбора под ананасовой плантацией на острове Оаху на Гавайях, затем превращенный в объект АНБ. Объект сооружен из железобетона; его назвали в честь километровой трубы на склоне холма, которая выводит к трем подземным этажам с устроенными в них серверными хранилищами и «склепами». В то время когда Туннель только строился, холм был покрыт громадным количеством песка, почвы, сухими листьями ананасов и участками выжженной солнцем травы для маскировки от налетов японских бомбардировщиков. Шестьдесят лет спустя он напоминал огромный погребальный курган, памятник минувшей цивилизации или гигантскую кучу песка, которую какой-то неведомый древний бог сгреб посреди своей великанской песочницы. Официальное его название – Региональный центр операций по обеспечению безопасности в Кунии[56].

Я пошел туда работать, еще оставаясь на контракте в Dell, только теперь, в начале 2012 года, я снова работал на АНБ. И вот летним днем (кстати, это был день моего рождения) я прошел через зону досмотра и спустился в Туннель. Он потряс меня – прямо там я ясно увидел собственное будущее.

Не скажу, чтобы в то мгновения я принял какие-то решения. Самые важные жизненные решения не принимаются таким способом. Они принимаются подсознательно и только тогда обнаруживают себя на сознательном уровне, когда полностью оформлены – когда вы наконец достаточно сильны, чтобы принять этот выбор вашего сознания. Принять факт, что это наши убеждения, все то, во что мы верим, выбрали такой курс. В двадцать девятый день своего рождения я сделал себе подарок: убежденность, что я вошел в Туннель, который сузит мою жизнь в направлении единственного, но пока еще не оформившегося поступка.

В историческом смысле Гавайи всегда были важной остановкой на полпути – эта цепочка островов использовалась американскими военными чем-то вроде топливного склада для кораблей и самолетов посреди Тихого океана. Сегодня они – важная точка переключения американских коммуникаций. Сюда из сорока восьми штатов стекается разведывательная информация – а также из Японии, моего прежнего места работы, и других сайтов в Азии.

Работа, на которую я пошел, была серьезным шагом вниз по карьерной лестнице – свои обязанности я мог так же успешно выполнять и во сне. Предполагалось, что уменьшенная нагрузка будет создавать меньше стрессов. Я был единственным сотрудником Отдела информационного обмена, где работал в качестве системного администратора продуктов и технологий SharePoint.

SharePoint – это продукт Microsoft, немного туповатая программа, а точнее – сборная солянка программ для управления документооборотом внутри компании. Кто что может читать, кто что может издать, послать, получить и все в таком роде. Сделав меня системным администратором гавайской программы SharePoint, АНБ сделало меня менеджером по документообороту. В сущности, я был главным читателем на одном из самых важных объектов агентства. Как всегда я делал на новой должности, я сразу уделил несколько дней на автоматизацию моих обязанностей – занялся написанием скриптов, которые бы делали работу за меня, освободив мне тем самым время для чего-нибудь поинтереснее.

Прежде чем двигаться дальше, я хочу подчеркнуть следующее: мой активный поиск злоупотреблений АНБ начался не с копирования документов, а с их чтения. Изначально я хотел подтвердить подозрения, возникшие у меня еще в 2009 году в Токио. Три года спустя я был настроен отыскать, существует ли американская система массового слежения, и если существует, то как она функционирует. И хоть я плохо представлял себе, как проведу это расследование, я был точно уверен в одном: мне надо до конца понять, как эта система работает еще до того, как я решу, что мне с этим делать.

Разумеется, вовсе не для этого мы с Линдси прибыли на Гавайи. Не для того мы выдержали весь этот путь в рай на земле, чтобы я из принципа пустил наши жизни псу под хвост.

Мы приехали начать все заново. Начать все заново в очередной раз.

Врачи сказали мне, что климат и более расслабленный образ

жизни на Гавайях могут благотворно повлиять на мою эпилепсию, тем более что недосып послужил главным триггером болезни. К тому же переезд помог решить проблему с вождением машины: Туннель находился на расстоянии велосипедной прогулки от целого ряда жилых районов в Кунии, этого тихого сердца внутри горячего и красного острова. Каждый день – приятная двадцатиминутная прогулка на работу, через поля сахарного тростника при ослепительном солнечном свете. Горы вздымались спокойные, высокие на фоне ясной синевы, и мрачное настроение последних месяцев улетучивалось, как утренний туман.

Мы с Линдси нашли себе дом на Элеу-стрит в Роял-Кунии, Вайпаху – приличных размеров бунгало и обставили его своими вещами из Колумбии, штат Мэриленд, тем более что Dell оплатила нам расходы на перевоз вещей. Мебель не особенно была нужна, поскольку солнце и жара вынуждали нас лежать на коврике под кондиционером, сняв с себя все лишнее. Со временем Линдси превратила гараж в фитнес-студию, оборудовав ее ковриками для йоги и пилоном, привезенным из Колумбии. Я настроил новый Tor-сервер. Скоро трафик со всего света стал проходить через ноутбук, стоявший в нашем развлекательном центре, скрывая тем самым мою собственную активность в Сети.

Однажды ночью, летом, когда мне исполнилось двадцать девять, Линдси настояла, чтобы мы с ней пошли на луау[57]. Ей пришлось какое-то время меня уговаривать, потому что несколько ее подруг с занятий танцами на пилоне должны были там выступать, но я сопротивлялся. Такие вещи мне казались слишком туристическими, к чему я не чувствовал особого уважения. Гавайская культура древняя, хотя старые традиции продолжают жить; меньше всего я хотел бы потревожить чей-нибудь священный ритуал.

В конце концов я капитулировал. И рад, что это сделал. Больше всего меня поразил не сам праздник – по большей части это был спектакль с вращением огня, – но старик, который собирал поклонников рядом в небольшом амфитеатре возле моря. Он был коренным гавайцем, эрудитом, с характерным мягким островным выговором, слегка в нос, и он рассказывал людям, собравшимся вокруг огня, мифы коренных народов о сотворении мира.

Одна история, которая мне запомнилась, рассказывала о двенадцати священных островах, принадлежащих богам. Должно быть, когда-то в Тихом океане существовала дюжина островов, и они были такими красивыми и чистыми, что их держали в тайне от всего человечества, которое их бы испортило. Три из них были особенно благоговейно чтимы: Кане-хана-моку, Кахики и Пали-

ули. Счастливые боги, которые обитали на этих островах, решили прятать их и впредь, потому что верили – один взгляд на их изобилие сведет людей с ума. Перебрав множество хитроумных вариантов, как можно спрятать эти острова – в том числе перекрасить их в цвет моря или погрузить на дно океана, в результате боги решили сделать их плывущими по небу.

Как только острова стали воздухоплавательными, ветер переносил их с места на место, и они постоянно были в движении. На рассвете или закате вам может показаться, что вы заметили один из островов, парящий высоко над горизонтом. Но в тот момент, когда вы укажете на него кому-то еще, оно внезапно уплывет прочь или приобретет совсем иную форму, как плавающая по воде пемза, извергнутая вулканом. Или как облако.

Я много думал об этой легенде, продолжая свои поиски. Открытия, которые я делал, были вроде тех островов: экзотические заказники, которые пантеон самоназванных правителей с большим самомнением решил держать в секрете от человечества. Я хотел знать точные технические средства, имевшиеся у АНБ для слежки; распространяются ли они за пределы постоянной деятельности АНБ и как далеко; кто одобрил эту деятельность, кто о ней знал; и последнее, хотя, безусловно, не наименее важное, как эти системы – и технически, и институционально – функционируют.

В один момент я было подумал, что заметил один из этих «островов» – нашел написанное заглавными буквами кодовое название, которое не понимал; какую-то программу, упомянутую в примечаниях в конце отчета. Я стал искать другие ссылки на нее в остальных документах, но не нашел ничего. Казалось, будто она нарочно уплывает от меня. Потом, дни или недели спустя, она могла «всплыть» под другим обозначением, в документе другого отдела.

Иногда я находил программу с узнаваемым именем, но без объяснений, что она делала. В другой раз я находил объяснение без имени, без дальнейших указаний, реальные ли это функции программы или желательные. Я просматривал раздел за разделом, одно предостережение внутри другого, программы внутри других программ… Такова природа АНБ – предумышленно сделать так, чтобы левая рука никогда не знала, что делает правая.

Это занятие напомнило мне, как однажды я случайно увидел документальный фильм о картографии. Там рассказывалось, что морские карты были созданы в те дни, когда люди еще не знали ни съемки, ни GPS. Капитаны судов заносили наблюдения в судовой журнал и записывали свои координаты, а на суше

картографы пытались эти записи интерпретировать. Лишь через постепенное обновление этих сведений, спустя сотни лет, Тихий океан был полностью исследован и все его острова были отмечены на картах.

Но у меня не было сотен лет, как и сотен судов. Я был один: одинокий исследователь, сгорбившийся над пустым синим океаном в надежде отыскать клочочек суши – один нужный кусочек информации, взаимосвязанный со всеми остальными данными.

Сердцебиение

В Японии в 2009 году, том самом, когда я участвовал в судьбоносной конференции о Китае, я думал, что заведу там друзей, особенно из JCITA, Объединенной учебной академии контрразведки. С тех пор прошло три года, и академия полдюжины раз, если не больше, приглашала меня провести лекции или семинары под эгидой Разведывательного управления Министерства обороны США. По сути, я преподавал то, как американская разведка может защититься от китайских хакеров и использовать их приемы хакерских атак, чтобы «хакнуть» их в ответ.

Мне всегда нравилось преподавать – гораздо больше, чем быть студентом и учиться самому. В первые годы утраты мной иллюзий – к концу пребывания в Японии и во время работы в Dell – у меня было чувство, что, останься я в разведке до конца своей карьеры, то выбрал бы преподавание – как работу, которая требует меньше всего компромиссов и вызывает меньше всего сомнений. Преподавание в JCITA в этом смысле стало неким «заделом на будущее». К тому же это способ всегда держать себя в тонусе – когда преподаешь, нельзя позволять студентам тебя обгонять, особенно в технических областях.

Поэтому у меня вошло в привычку просматривать то, что в АНБ называлось «readboards». Это электронная доска объявлений в формате новостного блога, с той оговоркой, что «новость» здесь – сведения с ограниченным доступом. Каждый крупный сайт АНБ поддерживает собственный блог, и сотрудники ежедневно его обновляют, размещая самые, с их точки зрения, важные и интересные документы – все, что должен знать каждый работник агентства, чтобы оставаться на уровне.

В силу привычки, связанной с подготовкой к лекциям и семинарам в Академии JCITA, а также, честно говоря, оттого что скучал на Гавайях, я взял за правило просматривать целый ряд подобных ресурсов ежедневно: мой собственный на Гавайях, мой бывший в Токио и много разных – из Форт-Мид. Не слишком напряженный рабочий график позволял мне читать сколько захочу. Мой кругозор (и границы моей любознательности) могли бы вызвать ряд вопросов на ранней стадии моей карьеры, но теперь я был единственным сотрудником Отдела информационного обмена, *я сам* был Отдел информационного обмена, так что знать обо всей информации, подлежащей обмену, было моей прямой служебной обязанностью. Тем временем большинство моих коллег в Туннеле проводили перерывы,

просматривая Fox News.

В надежде упорядочить взятые с разных досок документы я начал формировать папку самых интересных материалов. Файлы быстро начали скапливаться, пока милая леди, отвечавшая за цифровое хранение, не пожаловалась на размер моей папки. Я сообразил, что мой персональный список стал не столько «ежедневным дайджестом», сколько архивом особо секретной информации, тематика которой выходила далеко за пределы моих нужд. Не желая стирать или прекращать накапливать файлы, я решил поделиться ими с другими. Лучшего оправдания тому, что я делал, было не найти, а так я мог более-менее законно собирать материал из широкого круга источников. Поэтому с одобрения моего босса я занялся созданием автоматизированной электронной «доски» – которая не зависит от других людей, а обновляется сама по себе.

Как и EPICSHELTER, моя автоматизированная электронная платформа была запрограммирована на непрерывный поиск уникальных документов. В самой исчерпывающей манере она «заглядывала» в NSAnet – сеть АНБ; в сети ЦРУ и ФБР, в JWICS[58] – сверхсекретную ведомственную сеть Министерства обороны. Идея была в том, чтобы сделать эти находки достоянием каждого служащего АНБ, и при этом через сравнение их цифровых удостоверений с тематикой документов, формой допуска и так далее, для каждого сотрудника создавалась бы «персональная» доска с информацией, наиболее подходящей к его отделу, роду занятий, уровню допуска к секретным данным. Информация будет поступать с администрируемого только мной сервера, который находится дальше по коридору от моего «склепа». Этот сервер также будет хранить по копии каждого документа, в нем находящегося, что облегчит мне задачу осуществлять глубокий междуведомственный поиск материалов, о каком главы агентств могли только мечтать.

Я назвал эту систему *Heartbeat* – «сердцебиение», поскольку она «держала руку на пульсе» АНБ и шире – всего разведывательного сообщества. Объем информации, проходившей через ее вены, был огромен, поскольку она вытаскивала файлы с внутренних сайтов, посвященных каждой специализации – от самых последних обновлений по новейшим исследованиям в криптографии до протоколов собраний Совета национальной безопасности. Я настроил систему на медленный и неспешный прием файлов, чтобы не перегружать волоконно-оптическую систему, связывающую Гавайи и Форт-Мид, но она выгружала настолько больше документов, чем смог бы любой человек, что незамедлительно стала самой содержательной электронной

доской в АНБ.

В самом начале этой операции я получил по электронке письмо, которое едва не заставило *Heartbeat* остановиться навсегда. Далекий заморский администратор – явно единственный на все разведсообщество, кто реально дал себе труд просмотреть свой журнал регистрации доступа, – хотел знать, почему система на Гавайях копировала одну за другой все записи из его базы данных. Он тут же заблокировал меня в порядке предосторожности, что прервало мою работу, а теперь требовал объяснений. Я объяснил, что делаю, и показал, как пользоваться внутриведомственным веб-сайтом, который позволит ему самому читать *Heartbeat*. Его ответная реакция напомнила мне о забавной роли технологии в области разведки: едва я дал ему доступ, как его настороженность немедленно сменилась любопытством. Он еще мог сомневаться в человеке, но он не мог сомневаться в машине. Теперь он видел, что *Heartbeat* делала то, что и должна была делать по задумке, и делала это идеально. Он был восхищен. Разблокировал меня из своего хранилища данных и даже предложил помощь в распространении материалов *Heartbeat* среди его коллег.

Почти все документы, которые я позже передал журналистам, попали в мои руки через *Heartbeat*. Через нее я узнал не только цели, но и возможности разведывательной системы массового слежения. Именно это я хочу подчеркнуть: в середине 2012 года я всего лишь пытался разобраться, как на самом деле работает массовая слежка. Почти каждый журналист, который позже выпускал материалы по мотивам моих документов, больше интересовался целями наблюдения – наблюдением за американскими гражданами или лидерами американских союзников. Иными словами, их интересовали больше темы отчетов наблюдений о слежке, нежели то, как эта слежка осуществляется. Я уважаю этот интерес, конечно же, разделяя его сам, но мое изначальное любопытство касалось технической стороны вопроса. Это хорошо и правильно – читать документ или листать слайды презентации в PowerPoint, находя, для чего программа предназначена, но чем лучше ты понимаешь ее механику, тем лучше ты понимаешь опасность злоупотреблений ею.

Так, например, я не слишком интересовался материалами для брифинга – типа слайдов презентации 2011 года, которая очерчивала работу слежки АНБ в шести призывах: «Все разнюхай! Все узнай! Все собери! Все обработай! Все используй! Будь партнером!» Обычный маркетинговый жаргон, чтобы произвести

впечатление на союзников Америки: Австралию, Канаду, Новую Зеландию, Соединенное королевство – те страны, с которыми Америка в первую очередь делится разведданными. (Вместе с США эти страны именуются «Пять глаз».) «Все разнюхай» следует понимать как поиск источника данных; «Все узнай» – розыск самих данных; «Все собери» – захват данных; «Все обработай» – это анализ данных в интересах разведки; «Все используй» – использование данных разведкой в дальнейших целях агентства; «Будь партнером» означало обмен новыми данными с союзниками. Хотя такую шестиуровневую таксономию легко запомнить, легко продать, узнать размер амбиций агентства и уровень договоренностей с иностранными правительствами, она не давала мне никакого инсайда в вопросе, как эти амбиции воплощаются с технической точки зрения.

Гораздо более показательным был ордер Суда по надзору за внешней разведкой – законное требование к частной компании вернуть приватную информацию клиентов федеральному правительству. Такие ордера, как этот, условно оформлялись на основании публичного законодательства, тем не менее их содержание и сам факт их существования получали гриф «Совершенно секретно». Согласно разделу 215 «Патриотического акта»[59], так называемому положению «о записи деловых операций», правительство было наделено полномочиями получать ордера Суда по надзору за внешней разведкой, обязавшие третью сторону предоставлять «любой осязаемый след», который имел бы отношение к иностранной разведке или расследованиям, связанным с терроризмом. Но как ясно показывал судебный ордер, который я нашел, АНБ тайно интерпретировало эти полномочия как лицензию на ежедневный постоянный сбор всех «записей деловых операций» – метаданных или коммуникаций провайдеров телефонных услуг, таких как Verizon и AT&T. Это включало, конечно, отслеживание коммуникаций между американскими гражданами, что нарушало Конституцию.

Также раздел 702 Поправок к Закону о надзоре за иностранной разведкой позволяет разведывательному сообществу брать на прицел любого иностранца вне Соединенных Штатов, законно рассматривая его в качестве цели, если он способен передавать «иностранную разведывательную информацию», – категория, в которую попадают журналисты, сотрудники корпораций, ученые, сотрудники гуманитарных организаций и бессчетное количество других не повинных ни в каком злодеянии людей. Это законодательство было использовано АНБ, чтобы оправдать два самых известных метода интернет-слежки: программа PRISM и «восходящий сбор» данных.

PRISM позволяет АНБ рутинно собирать сведения Microsoft, Yahoo! Google, Facebook, Paltalk, YouTube, Skype, AOL и Apple, включая почту, фото, видео и аудио-чаты, историю браузеров, запросы поисковых систем и другие данные, хранящиеся в их облачных хранилищах, – тем самым делая эти компании «соучастниками». «Восходящий сбор» еще агрессивнее. Он дает возможность собирать данные прямо из частного сектора инфраструктуры Интернета – с маршрутизаторов и коммутаторов, которые разветвляют интернет-трафик по всему миру, посредством орбитальных спутников и оптоволоконных кабелей, проходящих по дну океана. Сбор был организован «Отделением операций со специальными источниками» (Special Sources Operation) АНБ, которые создали секретное прослушивающее оборудование и внедрили его на корпоративные объекты, принадлежащие законопослушным интернет-провайдерам по всему миру. В совокупности PRISM (сбор информации с серверов интернет-провайдеров) и «восходящий сбор» данных (прямой сбор данных из инфраструктуры Интернета) способствуют тому, чтобы вся мировая информация, хранящаяся или передающаяся, была доступна для наблюдения.

На следующей стадии моего расследования нужно было выяснить, как этот сбор реально осуществлялся – то есть изучить документы о том, какие инструменты применялись и каким образом из громадной массы данных отбирались сведения, представляющие повышенный интерес. Трудность была в том, что эта информация не существовала ни в одной презентации, независимо от уровня секретности, – только в инженерных диаграммах и необработанных схемах. Для меня найти эти варианты было наиболее важно. В отличие от слоганов из презентации «Пяти глаз», они были бы подлинными доказательствами того, что возможности, о которых я читал, не были обычными фантазиями упившегося кофе менеджера проекта. Потому что как системщик, которого вечно подстегивали выдавать самые разнообразные решения, я слишком хорошо знал, что агентства сообщают о своих технологиях еще до их появления – как мой знакомый «продажник» Клифф, дававший слишком много обещаний иногда просто из откровенного тщеславия.

В данном случае технологии «восходящего сбора» действительно существовали. Как я стал догадываться, эти инструменты являются самыми агрессивными из всех технологий АНБ, скорее всего потому, что ближе всего к пользователю – который, в свою очередь, ближе всего к лицу, которое находится под наблюдением. Представьте, что вы сидите за компьютером и

хотите зайти на веб-сайт. Открываете веб-браузер, набираете URL, нажимаете «Ввод». URL – это ваш запрос, который уходит, чтобы отыскать сервер назначения. Где-то на полпути, прежде чем ваш запрос достигнет того сервера, он пройдет через TURBULENCE, один из самых могущественных инструментов АНБ.

Характерно, что ваш запрос пройдет сквозь ряд «черных» серверов, поставленных один на другой, образовав нечто, по высоте похожее на книжный шкаф. Они устанавливаются в специальных комнатах в больших частных телекоммуникационных зданиях по всем странам-союзницам, а также в посольствах США и на военных базах США и содержат два критически важных инструмента. Первый – это TURMOIL, он отвечает за «пассивный сбор», делая копии с проходящих сквозь него данных. Второй – TURBINE, он отвечает за «активный сбор» – то есть вступает во взаимодействие с пользователем.

Вы можете считать TURMOIL стражем, поставленным у невидимого брандмауэра, через который проходит интернет-трафик. Видя ваш запрос, он проверяет его метаданные на критерии, которые помечают этот запрос как заслуживающий более тщательного рассмотрения. Критерии могут быть любыми, смотря что АНБ сочтет подозрительным: тот или иной электронный адрес, кредитная карточка или телефонный номер; географическая точка, где инициируется интернет-активность, или конечный пункт запроса; определенные «ключевые слова», как, например, «анонимный прокси» или «протест».

Если TURMOIL поставит флажок на подозрительный трафик, он скинет его на TURBINE, который завернет ваш запрос на серверы АНБ. Там алгоритмы решат, какой из эксплойтов агентства – вредоносную программу – применить против вас. Этот выбор зависит от типа веб-сайта, который вы хотели посетить, а также от программного обеспечения вашего компьютера и интернет-подключения. Выбранные эксплойты отправляются обратно на TURBINE (с помощью пакета программ Quantum, если вас это интересует), и она вводит их в канал трафика и доставляет к вам вместе с веб-сайтом, который вас интересовал. Конечный результат: вы получаете весь контент, который хотели, вместе со всей слежкой, которую не хотели, и все это произошло за 686 миллисекунд. Совершенно без вашего ведома.

Как только эксплойты оказались на вашем компьютере, АНБ может собирать не только ваши метаданные, но и остальные данные тоже. Вся ваша цифровая жизнь отныне всецело принадлежит им.

Дующие в свисток

Если у кого-то из сотрудников АНБ, кто не работает с программным обеспечением SharePoint, я пробовал что-нибудь разузнать про SharePoint, выяснялось, что они знают их ежедневник. Обычный ежедневник, ничем не отличавшийся от того, что выпускают негосударственные компании, только несколько подороже и с подсказками, когда и где я должен быть на собрании, – словом, их интерфейс был «подточен» специально под персонал АНБ на Гавайях. Вести мне его, как вы сами понимаете, было страшно интересно. Именно поэтому я постарался настроить его так, чтобы календарь был «напоминалкой» на все праздничные даты – я имею в виду вообще на все: не только федеральные праздники, но и Рош ха-Шана, Ид Аль-Фитр, Ид аль-Адха и Дивали.

Мой самый любимый праздник среди них – 17 сентября, День Конституции, или, как он правильно называется, День гражданства. Название это служит напоминанием о том моменте 1787 года, когда Конституционный конвент официально ратифицировал, т. е. подписал документ. Собственно говоря, День Конституции не является федеральным праздником, он неофициальный праздник в том смысле, что конгресс не считает основополагающий документ нашей страны и старейшую национальную конституцию, все еще действующую, настолько важной, чтобы дать людям еще один оплаченный выходной.

У разведывательного сообщества всегда были неловкие отношения с Днем Конституции – празднество, как правило, ограничивалось рассылкой пресных электронных писем, составленных ведомственной прессой и подписанной «директором таким-то», и накрытым столиком в дальнем углу кафетерия. На столе будут лежать несколько бесплатных экземпляров Конституции, напечатанной, переплетенной и преподнесенной в дар правительству некими щедрыми активистами вроде Института Катона или фонда «Наследие», поскольку разведсообщество редко бывает заинтересовано в том, чтобы потратить малую часть своих миллиардов на продвижение гражданских свобод посредством бумаги, скрепленной степлером.

Не уверен, понимал персонал намек или нет. Я встречал День Конституции семь раз вместе с разведывательным сообществом и не помню, чтобы кто-нибудь, кроме меня, за все годы хоть раз взял брошюру со стола. Любя иронию не меньше, чем «халяву», я всегда брал несколько: один экземпляр для себя, остальные – чтобы сеять на рабочих местах своих друзей. Мой экземпляр

стоял на письменном столе, подпертый кубиком Рубика, и временами я имел привычку перечитывать текст во время еды, стараясь не закапать строчку «Мы, народ» соусом жалкой пиццы из местной столовой.

Я любил читать Конституцию отчасти потому, что ее идеи велики, отчасти потому, что проза хороша, но если честно, для того чтобы эпатировать сослуживцев. В офисе, где вся ненужная документация сразу уничтожается в шредере, кто-нибудь непременно заинтересуется печатной копией, лежащей на столе. Послонявшись поблизости, они подходят и спрашивают: «Что это у тебя такое?»

«Конституция».

Коллега с гримасой медленно отходит в сторону.

В 2012 году в День Конституции я взял документ для дела. Я уже несколько лет не перечитывал ее целиком, поэтому был рад, что еще помню преамбулу наизусть. И теперь я прочел ее всю, от статей до поправок. Я был удивлен, вспомнив, что добрая половина Билля о правах (первые десять поправок к документу) была посвящена тому, чтобы затруднить работу сил правопорядка. Четвертая, Пятая, Шестая, Седьмая и Восьмая поправки были умышленно, нарочно составлены так, чтобы снизить эффективность и создать затруднения правительству в возможности применять власть и вести наблюдение.

Это особенно справедливо по отношению к Четвертой поправке, которая защищает людей и их собственность от пристального наблюдения со стороны государства: «Право народа на гарантии неприкосновенности личности, жилища, документов и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту».

Перевожу: если должностные лица имеют намерение влезть в вашу жизнь, они первым делом обязаны пойти к судье и под присягой доказать достаточность оснований. Это значит, что им придется объяснить судье, откуда взялась причина подозревать, будто вы совершили то или иное преступление, или что свидетельство о том или ином преступлении должно оказаться где-нибудь среди ваших личных вещей. Потом они должны поклясться, что эти основания они изложили честно и с благими намерениями. И только если судья одобрит ордер, им позволят совершить обыск – только тогда, причем в ограниченный промежуток времени.

Конституция была написана в XVIII веке, в те времена, когда единственными счетными машинами были деревянные счеты, механические калькуляторы и ткацкие станки, а сообщение через океан на корабле занимало недели, а то и месяцы. Логично считать, что компьютерные файлы, независимо от их содержания, – аналог «документов», упоминаемых в Конституции. Мы и в самом деле пользуемся ими как «документами», особенно если это текстовые файлы, электронные таблицы, наши сообщения или история наших запросов. А сама информация в этих файлах, опять же в нынешней версии, – это принадлежащее нам «имущество», слово весьма многозначное, но оно относится ко всему тому, чем мы владеем, что производим, продаем и покупаем онлайн. По умолчанию сюда входят и метаданные, которые являются записью всего этого добра, которым мы владеем, которое производим, продаем и покупаем – идеальный учетный журнал наших частных жизней.

За века после принятия Конституции наши «облака», компьютеры и телефоны стали нашим прибежищем, таким же личным, интимным, как и настоящее наше жилище. Если вы не согласны, то ответьте мне тогда вот на такой вопрос: что вы сделаете охотней – оставите ваших коллег у вас дома в ваше отсутствие на один час или позволите десять минут поковыряться в вашем разблокированном телефоне?

Программа наблюдения АНБ, в частности программа по внутреннему надзору, полностью пренебрегает Четвертой поправкой. Агентство неоднократно заявляло, что положения этой поправки не имеют отношения к современной жизни. Внутренняя политика агентства также не рассматривала ваши данные как вашу охраняемую собственность и не считала свой сбор этих данных обыском или изъятием. Вместо этого АНБ продолжало утверждать, что поскольку вы уже «поделились» вашей телефонной коммуникацией с «третьей стороной» – вашим провайдером телефонной связи, – то вы уступили свои частные конституционно-правовые интересы, которые ранее могли иметь. Также агентство настаивало, что обыск и изъятие считаются таковыми только тогда, когда аналитики, а не алгоритмы, начинают активно просматривать то, что было собрано автоматически.

Если бы механизм конституционного надзора работал соответствующим образом, эта экстремистская трактовка Четвертой поправки – настаивающая на том, что сам факт использования современных технологий равнозначен утрате конституционных прав, – была бы отвергнута конгрессом и в судах. Отцы-основатели Америки были опытными инженерами

политической власти, особо чуткими к опасностям, исходящим от юридических уловок и соблазнов президентства как осуществления монаршей власти. Предупреждая о подобных случаях, они выстроили систему, изложенную в первых трех статьях Конституции, которая утверждала форму правления в США из трех равноправных ветвей, полагая, что каждая из них может сдерживать друг друга. Но в век цифровых технологий ни одна из этих ветвей не справилась с задачей защиты права на частную жизнь – что привело к коллапсу всей системы.

Законодательная власть, обе палаты конгресса, с готовностью отказалась от своей надзорной роли. Даже когда государственные сотрудники разведсообщества и контрактники выражали несогласие, ряд конгрессменов, несомненно, информированных о технических возможностях и действиях разведки, продолжали сохранять безучастность, пока несколько членов специального комитета не были извещены во время слушаний за закрытыми дверями. И то они были проинформированы лишь о некоторых, но не обо всех, действиях разведки. Когда немногочисленные публичные слушания состоялись, позиция АНБ отчетливо прояснилась: агентство не намерено сотрудничать, оно не собирается быть честным и, что еще хуже, через определение степеней и требований секретности будет требовать от американских законодательных органов поддержания этого обмана. В начале 2013 года, например, Джеймс Клэппер, в то время – директор Национальной разведки, под присягой заявил, что АНБ не занимается сбором коммуникаций американских граждан. На вопрос: «Собирает ли АНБ данные любого рода о миллионах или сотнях миллионов американцев?» – Клэппер ответил: «Нет, сэр» – и добавил: «Бывают случаи, когда они собирают их непреднамеренно, но не предумышленно». То, конечно, была заведомая откровенная ложь, и не только конгрессу, но и всему американскому народу. Немало людей в конгрессе, кому Клэппер свидетельствовал, знали, что его слова – неправда, но они отказались или чувствовали себя бессильными с точки зрения права указать ему на это.

Провал судебного ведомства был даже еще более разочаровывающим. Суд по делам о надзоре за иностранными разведками (FISC), который осуществляет контроль над сбором разведданных за рубежом, – это специализированный орган, который собирается втайне и подчиняется только правительству. Он был создан для выдачи индивидуальных ордеров для сбора данных иностранных разведок и всегда с особой охотой шел навстречу АНБ, отвечая согласием на 99 % запросов агентства – показатель, больше говорящий о механической «штамповке»

ордеров, чем о продуманной судебной процедуре. После 11 сентября суд расширил свои полномочия – разрешил наблюдение не только за отдельными специфическими индивидами, но постановил массовую слежку при отсутствии критического контроля законной и соответствующей Конституции. Орган, изначально имевший задачу вести наблюдение за Иностранным Террористом № 1 или Иностранным Шпионом № 2, теперь использовался для придания законности инфраструктуре PRISM и «восходящему сбору». Судебный контроль над этой инфраструктурой свелся, по словам Американского союза защиты гражданских свобод, к тайному суду, поддерживающему тайные программы по переиначиванию федерального закона.

Когда правозащитные организации, такие как Американский союз защиты гражданских свобод, пытались призвать к ответу деятельность АНБ в обычных, открытых федеральных судах, произошла одна любопытная вещь. Правительство не стало защищать себя, настаивая, что деятельность по наблюдению является законной или соответствующей Конституции. Вместо этого оно провозгласило, что Американский союз защиты гражданских свобод и его клиенты вообще не имеют права находиться в суде, так как он не может доказать, что его клиенты находились под наблюдением. Более того, Американский союз защиты гражданских свобод не должен пользоваться судебными тяжбами для поиска доказательств слежки, поскольку существование (или несуществование) этих сведений является «государственной тайной», а то, что просочилось в прессу, не в счет. Иными словами, суд не признавал информацию, опубликованную в СМИ, а признавал только те сведения, правдивость которых была официально подтверждена правительством. Ссылка на секретность означала, что ни Американский союз защиты гражданских свобод, ни кто-либо еще не мог рассчитывать на право обжалования в открытом суде, подав судебный иск. К моему негодованию, Верховный суд США в феврале 2013 года голосованием пять к четырем согласился с этими аргументами и отклонил иск Американского союза защиты гражданских свобод и организации Amnesty International о массовой слежке, даже не рассматривая вопрос о законности действий АНБ.

Наконец, есть исполнительная ветвь власти – первопричина нарушения конституционных норм. Администрация президента через Министерство юстиции раскрутила маятник этих злоупотреблений, выпустив секретные директивы, которые санкционировали массовую слежку после событий 11 сентября. Это превышение полномочий только усугублялось на протяжении

последующих десятилетий, причем администрации от обеих партий в одностороннем порядке издавали директивы, которые извращали закон и которые нельзя было оспорить, поскольку их секретный статус не позволял публике знать о них.

Конституционная система только тогда может функционировать как одно целое, когда все три ветви власти работают так, как это было задумано изначально. Когда терпят неудачу все три, но делают это умышленно и скоординированно, результатом становится тотальная безнаказанность. Я сознавал, что глупо воображать, будто Верховный суд, или конгресс, или президент Обама, стремясь в своей политике отмежеваться от президента Джорджа Буша, когда-либо привлекут разведывательное сообщество к ответственности перед законом – хоть за что-нибудь. Настало время уяснить тот факт, что разведорганы считают себя выше закона, и, учитывая, насколько далеко зашел процесс разрушения закона, они правы. Разведсообщество научилось понимать правила системы лучше, чем ее создатели, и воспользовалось этим знанием для собственной выгоды.

Они «хакнули» Конституцию.

Америка была рождена в результате акта измены. Декларация независимости явилась открытым нарушением всех законов Англии и одновременно – полным выражением того, что отцы-основатели называли «естественным правом»: среди всего прочего она даровала право на отказ подчиняться временной власти и право на мятеж во имя своих принципов под диктатом собственной совести. Первые американцы осуществили это право, а первые в американской истории, кто «подул в свисток», появились годом позже – в 1777 году.

Эти мужчины, как и большинство мужчин в моей семье, были моряками, офицерами Континентального флота, которые в защиту своей новой родины несли службу в море. Во время революции они служили на 32-пушечном парусном фрегате «Уоррен» под командованием коммодора Изека Хопкинса, командующего Континентальным флотом. Хопкинс был ленивым и несговорчивым лидером, который отказывался вводить свой корабль в бой. Офицеры также свидетельствовали, что он бил и морил голодом британских военнопленных. Десять членов экипажа, офицеры фрегата «Уоррен», посоветовавшись со своей совестью и поразмыслив о дальнейшей судьбе, решили обратиться с жалобой к вышестоящему начальству, составив в Морской комитет следующую петицию:

Глубокоуважаемые джентльмены!

Мы, представляющие вам эту петицию, служим на борту корабля «Уоррен» с искренним желанием и твердым устремлением оказать как можно большие услуги нашей стране. Мы все еще испытываем тревогу о благоденствии Америки и не желаем ничего так же искренне, как видеть ее мир и процветание. Мы готовы рисковать всем, что нам дорого, и, в случае необходимости, пожертвовать самой жизнью ради блага страны. Мы полны желания активно защищать наши конституционные свободы и права против несправедливых и жестоких притязаний тирании и против притеснений; но ввиду сложившихся на борту фрегата обстоятельств мы не представляем себе дальнейшей службы в нашем теперешнем положении. Мы пребываем в таком положении в течение уже долгого времени. Мы лично хорошо знакомы с подлинным моральным обликом и поведением капитана нашего корабля Коммодора Хопкинса, и мы избираем, не имея более удобной возможности, прибегнуть к этой правдивой и смиренной петиции в почтенный Морской комитет, чтобы там справились об его облике и поведении, ибо мы полагаем, что его облик и поведение таковы, что он виновен в таких преступлениях, которые выставляют его непригодным для того поста, который он сейчас занимает, каковые преступления мы, нижеподписавшиеся, можем в достаточной степени удостоверить.

По получении этого письма Морской комитет провел расследование по делу коммодора Хопкинса. Тот ответил увольнением офицеров и команды, в приступе ярости возбудив дело о клевете против мичмана Самюэля Шо и третьего помощника Ричарда Марвена – тех двух офицеров, которые признались, что были авторами петиции. Дело рассматривалось судом на территории Род-Айленда, последним колониальным губернатором которого был Стивен Хопкинс – родной брат коммодора, принимавший участие в подписании Декларации независимости.

Дело было передано судье, назначенному губернатором Хопкинсом, но до начала судебных заседаний Шо и Марвена спас их товарищ, морской офицер Джон Грэннис, который нарушил субординацию и изложил суть дела непосредственно Континентальному конгрессу. Континентальный конгресс был также встревожен создавшимся прецедентом, разрешив жалобу на служебные злоупотребления военных моряков, попавших под уголовное преследование за клевету, и вмешался в процесс. Тридцатого июля 1778 года конгресс отстранил коммодора

Хопкинса от должности, а мичман Шо и третий помощник Марвел получили от казначейства законную компенсацию. Таким образом, это решение единодушно было признано в Америке законом о защите осведомителей, сообщающих о злоупотреблениях. Закон провозглашал: «…долг каждого лица, находящегося на службе Соединенным Штатам, равно как и всех прочих жителей …дать как можно более раннюю информацию Конгрессу или иному представителю власти о любом невыполнении обязанностей, мошенничестве или нарушениях дисциплины, допущенных любым должностным лицом или лицом на государственной службе, о которых ему стало известно».

Закон подарил мне надежду – и дает ее мне до сих пор. Как в роковой час революции, когда самое существование страны было поставлено на карту, конгресс признал не факт идейного расхождения в принципах, а закрепил этот факт в качестве примера исполнения долга. Однако во второй половине 2012 года я был полон решимости исполнить мой долг самостоятельно, хотя знал, что свои разоблачения я буду делать в иные времена – более комфортные и более циничные. Немногие, если вообще кто-либо, из моих начальников в разведке стали бы рисковать своими карьерами за те же американские принципы, за которые постоянно рискуют своей жизнью американские военнослужащие. И в случае соблюдения субординации и донесения вышестоящему руководству (в разведорганах это называется «соответствующими каналами») у меня нет той возможности, которая была у десяти моряков из команды «Уоррена». Нет в этой иерархии подчиненности того, кто надзирал бы за агентством, они все заодно.

В организациях вроде АНБ – где злоупотребления стали структурной основой, словно это уже не вопрос личной инициативы, но идеология, – «соответствующие каналы» могут стать ловушкой для еретиков и изгоев. Я уже испытал поражение из-за отказа команды поддержать меня в Уоррентоне, а потом и в Женеве, где в процессе исполнения своих обязанностей обнаружил брешь в системе безопасности важнейших программ. Я заявил об этой уязвимости, но ничего сделано не было – о чем я тоже доложил. Мои непосредственные начальники не обрадовались этому, потому что их начальники были всем довольны. Цепочка субординаций – воистину цепь, которая связывает, и нижнее звено можно подтянуть вверх только верхним.

Я происхожу из семьи служащих в Береговой охране, и меня всегда восхищало, как много слов в английском языке имеет морской подтекст. Во времена парусных фрегатов даже такие

мощные устройства, как морские суда, могли пострадать от течи. Когда на смену парусникам пришли пароходы, на море дули в свисток для подачи сигналов – о работах или грозящей опасности. Один свисток – пропустить с левого борта, два свистка – пропустить с правого борта, пять свистков – предупреждение.

Одни и те же выражения в европейских языках между тем, могут быть нагружены дополнительными коннотациями в зависимости от исторического контекста. Французы использовали термин *denonciater* большую часть XX века, но начиная со Второй мировой войны ассоциации с пособничеством немцам (*denouncer* и *informant*) исподволь привели к тому, что стало употребляться выражение *lanceur d'alerte* («тот, кто поднимает тревогу»). Немецкий язык, который до сих пор преодолевает свое нацистское прошлое и опыт Штази, продвинулся в терминологии дальше, изобретя помимо тех же общепринятых *Denunziant* («доносчик») и *Informant* («осведомитель») еще и *Hinweisgeber* («указатель», «подсказчик»), *Enthueller* («изобличитель»), *Skandalaufdecker* («раскрывающий скандалы») и даже *ethische Dissidenten* («этичный диссидент»). Тем не менее в Сети немцы употребляют таких слов мало, а в связи с нынешними разоблачениями, касающимися Интернета, просто заимствуют существительное *Whistleblower* («лицо, совершающее служебное разоблачение»; буквально – «дующий в свисток») и глагол *leaken*, говоря об утечке информации. Языки таких режимов, как Россия и Китай, со своей стороны, используют определения, которые несут резко неодобрительный смысл – *snitch* («ябеда», «стукач») и *traitor* («изменник», «предатель»). Существование сильной свободной прессы в этих странах позволило бы наполнить эти слова более положительными коннотациями или создать новые, которые толковали бы разоблачение не как акт измены, а как гражданский долг.

Итак, каждый язык, включая английский, демонстрирует присущее данной культуре отношение к власти даже тем, каким словом он обозначает акт разоблачения. Даже заимствованные из морского языка английские выражения, по смыслу нейтральные и мягкие, описывают поступок разоблачителей с точки зрения учреждений, которые считают себя пострадавшими, а не публики, которая страдает по вине этих учреждений. Когда учреждения объявляют об «утечке», предполагается, что *leaker* повредил что-то или виновен в саботаже.

Сегодня *leaking* и *whistleblowing* воспринимаются как взаимозаменяемые слова. Но, на мой взгляд, термин *leaking* должен использоваться совсем в другом смысле. Он должен

применяться в отношении актов разоблачения, совершенных не для общественного блага, а в погоне за собственными интересами, для преследования институциональных или политических целей. Скажу больше: я считаю, что *a leak,* «утечка», – это что-то ближе к *plant*, сеянию зерен, в смысле «насаждения пропаганды». Иногда случается избирательный выброс секретной информации, чтобы воздействовать на общественное мнение или повлиять на принятие решений. Это большая редкость, чтобы «неназванные» или «анонимные» высшие правительственные чиновники, намеками или подсказками расположив к себе журналистов, не дали «просочиться» чему-нибудь секретному для продвижения собственной повестки дня и на пользу своему ведомству или партии.

Особенно ярко это было заметно в 2013 году, когда крупные чины разведки, вероятнее всего, чтобы расковырять старую рану «терроризма» и отвлечь публику от критики массовой слежки, организовали «утечку» информации. На нескольких новостных сайтах появились чрезвычайно подробные отчеты о телефонной конференции лидера «Аль-Каиды» Аймана аль-Завахири с его родственными организациями по всему миру. В ходе конференции, названной «Страшным судом», аль-Завахири, предположительно, обсудил организационную кооперацию с Насером Аль-Вахиши, лидером «Аль-Каиды» в Йемене, и представителями «Талибана» и «Боко харам». Таким образом, сообщая публике о возможности перехвата этого телефонного звонка – при условии, что мы верим в подобную утечку, хотя дается пересказ звонка, а не его запись, – разведсообщество безвозвратно лишается источника информации о планах и намерениях террористских лидеров высшего ранга ради каких-то временных политических выгод. Ни один человек не был привлечен к судебной ответственности за подобную выходку, хотя это, безусловно, сделано нелегально и стоило Америке возможности прослушивать предполагаемую горячую линию «Аль-Каиды».

Время и опять-таки американский политический класс доказали, что готовы мириться с «утечками» и даже их создавать, когда они служат их собственным целям. Разведывательное сообщество часто объявляет о своих «успехах», невзирая на грифы секретности и последствия операций. Никогда это не было столь очевидно, как в недавно «просочившейся» истории об умерщвлении без суда родившегося в Америке проповедника и экстремиста Анвара аль-Авлаки в Йемене. Втихаря публикуя в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» материалы об атаке дронов на аль-Авлаки, администрация Обамы своим молчанием

признает существование программы дронов в ЦРУ и ее «матрицу диспозиции» или список убийств, причем и то, и другое – официально «совершенно секретная» информация. Тем самым правительство косвенно подтверждает, что замешано не только в целенаправленных убийствах, но и в целенаправленных убийствах американских граждан. Такие утечки, выполненные скоординированным образом в ходе медийных кампаний, служат шокирующим подтверждением ситуационного подхода государства к секретности: запечатывающее устройство может быть использовано в руках государства как акт безнаказанности, но может быть взломано, когда правительство хочет приписать заслугу себе.

И только в этом контексте отношение правительства США к «утечкам» может быть понято до конца. Власть прощает «несанкционированные» утечки, когда они приносят неожиданные выгоды, и забывает о «санкционированных», когда они наносят вред. Но если правительство не видит разницы между вредом от утечки и отсутствием на нее разрешения – то что тогда делает одну «утечку» допустимой, а другую – нет?

Ответ – власть. Ответ – контроль. Разоблачение допустимо только тогда, когда оно не угрожает фундаментальным устоям государственности. Если бы все структуры организации, от почтового отделения до пафосного кабинета начальника, наделялись равной властью обсуждать внутренние проблемы, то ее руководители утратили бы контроль над информацией, а дальнейшее функционирование организации оказалось бы под угрозой. Равенство голосов, независимых от организационного менеджмента или иерархии принятия решений, – это и есть то, что называется *whistleblowing*, сигнальный свисток, особенно угрожающий для разведсообщества, которое основывается на строгой субординации и действует под юридически легализованным покровом секретности.

«Дующий в свисток», в моем понимании, – это человек, на собственном тяжком опыте пришедший к заключению, что жизнь внутри учреждения стала несовместимой с разработанными принципами широкого общества вне его стен, которому это учреждение должно быть подотчетно и которому обязано лояльностью. Этот человек осознает, что не может оставаться в таком учреждении, и знает, что учреждение не может и не хочет быть расформировано. Реформирование этого учреждения, однако, возможно, и вот он дует в свисток и раскрывает информацию, чтобы вызвать общественное давление.

Таково адекватное описание моей ситуации, с одним важным дополнением: вся информация, которую я намеревался раскрыть,

была под грифом «Совершенно секретно». Поэтому я, «дунув в свисток», должен был показать, что системы слежения – не абсолютная прерогатива государства вопреки утверждениям разведсообщества, а незаслуженная привилегия, которой разведсообщество злоупотребляет ради того, чтобы ослабить над собой демократический контроль. Без публикации полного диапазона секретных возможностей разведсообщества не было бы надежды восстановить баланс сил между гражданами и их правительством. Этот мотив «дунуть в свисток» я считаю основным: согласно ему, разоблачение – не радикальный акт сопротивления или инакомыслия, а сигнал, чтобы корабль вернулся в порт, где его разоружат, переоснастят и устранят течи.

Тотальное разоблачение тотального аппарата массового слежения – не мной, но средствами массовой информации (а это, де-факто, четвертая ветвь власти правительства США) – защищено Биллем о правах: это единственный ответ, соответствующий масштабу преступления. Можно было просто раскрыть конкретное злоупотребление или ряд злоупотреблений, которое агентство могло бы пресечь (или сделать вид, что пресекло), оставив в тени нетронутым весь остальной аппарат. Вместо этого я решил предать огласке единственный, но всеобъемлющий факт: мое правительство разработало и применило глобальную систему массовой слежки без ведома и согласия на то своих граждан.

«Дующие в свисток» могут быть порождены обстоятельствами на любом уровне работы учреждения. Но цифровая технология привела нас в ту эпоху, когда впервые за всю описанную историю эти люди появляются из низов иерархической пирамиды, где традиционно меньше всего заинтересованных в поддержании статуса-кво. А в разведсообществе, как практически в каждом гигантском, децентрализованном учреждении, которое полагается на компьютеры, низшие уровни кишат техническими специалистами вроде меня. Узаконенный доступ таких специалистов к инфраструктуре компании находится в невероятной диспропорции к их формальной возможности влиять на решения, принимаемые учреждением. Говоря иначе, существует дисбаланс между тем, что эти работники должны знать в их должности, и тем, что они способны узнать; дисбаланс между незначительной властью поменять культуру учреждения и большой властью адресовать свою обеспокоенность всему обществу. Хотя подобными технологическими привилегиями, конечно, могут злоупотребить (в конце концов, большинство системщиков имеют доступ ко всем файлам), наивысшая привилегия заключена в самой технологии. Технические специалисты, пытающиеся сообщить о систематическом

злоупотреблении технологиями, обязаны сделать больше, чем просто вынести свои находки на публику, если важность этих находок должна быть понята. Их долг – контекстуализировать свои находки, объяснить их подробно.

Примерно несколько десятков человек, находящихся в наиболее выгодном положении в мире, сидели вокруг меня в Туннеле. Мои коллеги-технари приходили туда каждый день, садились за свои терминалы и продолжали выполнять свою работу. Они не вникали в происходящие злоупотребления, им было просто нелюбопытно, и это отсутствие любопытства делало их не злодейскими, а трагическими фигурами. Не важно, что привело их в разведку, патриотизм или оппортунизм, – но, войдя внутрь машины, они сами сделались машинами.

Четвертая власть

Нет ничего тяжелее, чем жить с тайной, которую никому нельзя открыть. Лгать незнакомым, прикрываясь своей легендой, скрывать тот факт, что твой офис находится под самым секретным ананасовым полем в мире, может считаться таким примером, но, по крайней мере, ты в этой лжи – часть команды. И раз это ваш общий секрет, то и бремя ваше – общее. Все это так грустно, но и смешно – немного…

Когда же у вас есть настоящий секрет, который вы не можете открыть никому, даже смех будет ложью. Я мог бы говорить о своих переживаниях, но никогда – о том, куда они могут меня завести. До конца жизни я буду помнить, как пытался объяснить коллегам, что наша работа нарушает клятвы, которые мы давали, а они, пожимая плечами, говорили в ответ: «Ну что поделать?» Я терпеть не могу эту фразу, это чувство смирения, это чувство поражения, но, значит, оно еще властвует над тобой, если ты спрашиваешь себя: «А правда – что?»

Когда ответ нашелся, я решил стать «дующим в свисток». Но шепнуть Линдси, любви всей моей жизни, хоть словечко об этом решении – означало бы подвергнуть наши отношения еще более жестоким испытаниям, чем если бы я не говорил вообще ничего. Не желая причинять ей больший вред, чем тот, с которым уже примирился, я молчал и был одинок в своем молчании.

Я думал, одиночество и уединенность дадутся мне легче, или по крайней мере легче, чем моим предшественникам из числа разоблачителей. Разве не был каждый шаг в моей жизни своего рода подготовкой к этому решению? Разве я не привык быть один после всех этих лет тишины и завороженного сидения перед экраном? Я был хакер-одиночка, начальник ночной вахты, хранитель ключей от пустого офиса. Но я был и живой человек тоже, и отсутствие единомышленников переживал тяжело. Каждый день для меня стал борьбой, каждый день я терпел поражение в попытке примирить мораль и закон, долг и желания. У меня было все, чего бы я ни желал: любовь, семья, успех – гораздо больше, чем я заслуживал. Я жил в Эдеме, в райских кущах, – и лишь один плод был для меня запретным. Казалось бы, что проще? Просто подчиняйся правилам!

Информация, которую я намеревался раскрыть относительно массовой слежки в моей стране, была настолько взрывной и при этом настолько специфической – по технической части, – что я сомневался, буду ли понят в полной мере. Вот почему я решил, что, выйдя к публике, мне необходимо иметь при себе документы.

Способ раскрыть засекреченную инициативу по слежке – это, наверное, просто указать на факт ее существования, но способ раскрыть секретное программное обеспечение – это показать принципы его работы, столько файлов агентства, сколько понадобится, чтобы охватить масштаб злоупотреблений. (Хотя я знал, что покажи я хоть один PDF-файл, мне грозила бы тюрьма.)

Угроза правительственного возмездия тому лицу или сайту, который опубликует мои данные, сначала привела меня к решению опубликовать их самостоятельно. Это было бы наиболее удобным и безопасным способом: просто собрать документы, которые наилучшим образом отражали мои беспокойства, выложить их в Интернет в неизмененном виде и распространить ссылку. Но причина, почему я не воспользовался этим способом, была в аутентификации. Уйма людей публикуют «засекреченные тайны» в Интернете каждый день, многие из них – о путешествиях во времени и инопланетянах. Я не хотел, чтобы мои собственные откровения, такие невероятные, были свалены в одну кучу с внеземным вздором и потерялись среди записок психов.

С самого начала было ясно, что я нуждался, а публика заслуживала, чтобы кто-нибудь, человек или учреждение, поручились бы за подлинность документов. Еще мне хотелось, чтобы у меня был партнер, который рассчитал бы потенциальные риски, вызванные разглашением секретной информации, и помог мне дать к ней разъяснения, поместив ее в технологический и юридический контекст. Я полагался на себя в том, как я объявлю о проблеме массовой слежки и поясню принципы ее работы, но мне надо было положиться и на других людей, если я хочу эту проблему решить. Независимо от того, насколько настороженно в подобных вопросах я относился к другим институциям, меня еще больше настораживало, что я буду пытаться действовать сам по себе. Договоренность с какой-нибудь медиакомпанией защитила бы меня от обвинений в мошенничестве, подкорректировала бы мои возможные ошибки – личностные или профессиональные, осознанные или нет. Я не хотел, чтобы мои политические воззрения бросили тень на мою презентацию, ее восприятие публикой или масштаб разглашенных сведений. В конце концов, в стране, где каждый был под наблюдением, не было вопроса менее предвзятого, чем слежка.

Оглядываясь сейчас назад, я должен отдать должное Линдси, чье благотворное влияние установило идеологические фильтры на мои желания. Линдси потратила годы, терпеливо прививая мне понимание, что мои интересы и заботы не всегда ее – и уж точно не всего мира; если я имею на что-то свое мнение, из этого вовсе не следует, что кто-то должен это мое мнение разделять. Не

всякий, кто был противником вторжения в частную жизнь, хотел пользоваться 256-битным шифрованием или отказываться от Интернета. То, что одного человека беспокоит как нарушение Конституции, может беспокоить другого как нарушение его права на частную жизнь или его супруга и детей. Линдси была моим ключом к пониманию истины, что различие в мотивах и подходах может только улучшить шансы на достижение общих целей. Она, сама о том не ведая, дала мне уверенность, чтобы одолеть свои мучительные сомнения и выйти к другим людям.

Но к каким людям? К кому? Сейчас может быть трудно вспомнить или даже себе представить, что в то время, когда я решил выступить, лучшим форумом «дующих в свисток» был *WikiLeaks*. В то время он был во многих отношениях традиционным изданием, хоть и скептически относящимся к государственной власти. *WikiLeaks* регулярно выкладывал публикации из ведущих иностранных газет – «Гардиан», «Нью-Йорк таймс», «Шпигель», «Ле Монд», «Эль Паис», публикуя документы с указанием источников. Работа, которую проделали партнеры этого новостного ресурса в 2010–2011 годах, навела меня на мысль, что *WikiLeaks* – наиболее ценный посредник, который способен привлечь к моим откровениям журналистов и послужить защитной стеной, если надо будет сохранить анонимность материалов.

Однако подходы *WikiLeaks* изменились после публикации разоблачений рядового армии США Челси Мэннинг – огромного количества секретных материалов об участии Америки в войнах в Ираке и Афганистане, о заключенных тюрьмы в Гуантанамо-Бэй, а также об утечке дипломатических телеграмм США. Ввиду очень сильного недовольства правительства и споров в СМИ вокруг помещенных на сайте материалов *WikiLeaks* решил поменять курс, и все последующие материалы шли так, как их получали – в первозданном, неотредактированном виде. Это значило, что *WikiLeaks* уже не отвечал моим потребностям. Размещение материалов там было равносильно самопубликации – путь, который я уже отверг как недостаточно эффективный. Я знал, что история, которую рассказывали документы АНБ о глобальной системе слежки, проводимой в глубочайшей тайне, была трудной для понимания. Это сильно запутанная история, с большим количеством технических подробностей, поэтому я все больше убеждался, что ее нельзя публиковать просто как «вброс документов». Лучший сценарий из возможных мог претвориться в жизнь только при терпеливой и внимательной работе журналистов, при поддержке многочисленных независимых изданий.

Хотя я чувствовал небольшое облегчение от того, что решил открыться непосредственно журналистам, что-то меня сдерживало, и я медлил. Большинство этих журналистов работали в престижнейших изданиях страны – в частности, газете «Нью-Йорк таймс». Но когда раздумывал о контракте с «Таймс», у меня возникали сомнения. Вместе с тем, что газета проявила желание доставить неудовольствие правительству США своими материалами в *WikiLeaks*, я вспоминал ее поведение в связи с одной важной статьей Эрика Лихтблау и Джеймса Райзена о тайной программе властей по незаконному прослушиванию телефонов.

Двое этих журналистов, собрав информацию из Министерства юстиции, сумели раскрыть один из аспектов STELLARWIND – слежку, инициированную АНБ после 11 сентября, – и представили написанную, отредактированную и перепроверенную статью, готовую к выходу из печати в середине 2004 года. На этом этапе главный редактор «Таймс» Билл Келлер из вежливости решил обсудить содержание статьи с правительством – чтобы услышать аргументы другой стороны, не будет ли публикация той или иной информации наносить ущерб национальной безопасности. В этом случае, как и в большинстве подобных случаев, правительство отказалось дать какое-либо объяснение, сообщив, что одна причина все-таки существует и она тоже засекречена. Администрация Буша указала Келлеру и владельцу газеты Артуру Сульцбергеру, не предъявляя никаких доказательств, что публикация «Таймс» о прослушке американских граждан в обход надлежащего ордера помогает врагам Америки и способствует терроризму. К сожалению, газета поддалась давлению и отвергла статью. Лихтблау и Райзен в конце концов напечатали ее, но спустя год, в декабре 2005 года, и только после того, как Райзен надавил на газету, объявив, что материал включен в его книгу, которая вот-вот должна выйти. Если бы статья вышла сразу же после написания, она наверняка повлияла бы на ход выборов 2004 года.

Если бы «Таймс» или любая другая газета поступили бы таким же образом – приняли мои материалы, одобрили их к публикации, а после «завернули» материал, – мне был бы конец. Учитывая вероятность идентификации меня как источника информации, я был бы «раскрыт» еще до того, как мои откровения увидят свет.

Если я не мог доверять даже уважаемой газете, как я мог довериться какой-либо институции? К чему беспокоиться понапрасну? Я не подписывался на такое. Изначально я просто хотел заниматься компьютерами, заодно принося пользу своей

стране. У меня была съемная квартира, девушка, здоровье мое улучшалось. Каждый знак «стоп» на дороге я воспринимал как совет прекратить это добровольное безумие. Разум и сердце у меня были в конфликте, и оставалась лишь одна отчаянная надежда, что кто-то помимо меня сделает такое же открытие. В самом деле, разве журналистика – не хождение по следу из хлебных крошек и не соединение точек воедино? Чем-то ведь еще занимаются журналисты, кроме как пишут в Твиттер?

Я знаю, по крайней мере, две вещи о представителях «четвертой власти»: они гоняются за сенсациями и знают очень мало о технике. Как раз это отсутствие компетентности или даже простого интереса к технике заставило их пропустить два события, которые потрясли меня, пока я собирал факты о массовой слежке.

Первое было связано с объявлением о строительстве нового здания Центра данных АНБ в Блафдейле, штат Юта. В агентстве его назвали Massive Data Repository – «Массивным хранилищем данных». Но какой-то пиарщик дал понять, что такое словосочетание будет трудно объяснить публике, и объект переименовали в Mission Data Repository – «Хранилище данных миссии», – сохранив аббревиатуру MDR. Естественно, что чем дольше ты не меняешь акроним, тем дольше тебе не надо переделывать слайды для брифинга. Согласно проекту, хранилище имело четыре зала общей площадью 25 тысяч квадратных футов[60], заставленные серверами. Оно могло вместить невероятное количество данных: практически историю всего живого на планете – если можно понимать жизнь через связь платежей с людьми, людей с телефонами, телефонов со звонками, звонков с сетями, которые единым потоком перемещаются по Сети.

Единственным именитым журналистом, заметившим это объявление, был Джеймс Бэмфорд, который написал о событии в журнал *Wired* в марте 2012 года. Были и повторные публикации, но в них не было ничего нового. Никто не задал тогда очень важных вопросов: для чего государственному ведомству, пусть даже и разведывательному, понадобилось столько площади? Зачем эти данные, не важно, в каком количестве, нужно хранить именно здесь – и сколь долго? Потому что попросту нет причины строить что-то настолько громадное, если не планируешь хранить вообще все данные, к тому же вечно. Тут, на мой взгляд, усматривается *corpus delicti*[61], ясный, как день, преступный умысел – гигантский бетонный бункер посреди пустыни Юта, окруженный колючей проволокой и сторожевыми вышками, потребляющий электричества, как целый город! Но никому не

было дела.

Второе событие произошло год спустя, в марте 2013 года, через неделю после того, как Клэппер соврал конгрессу с молчаливого одобрения последнего. Несколько периодических изданий отозвались на это событие нейтральной заметкой об отказе Клэппера признать факт «объемного сбора» данных американцев. Но никто из так называемых «мейнстримных» СМИ не написал о публичном заявлении Айры «Гаса» Ханта, директора по технологиям ЦРУ.

Я был немного знаком с Гасом в период моего пребывания в Dell на службе у ЦРУ. Он был одним из наших главных клиентов, и каждый поставщик товаров любил его явную неспособность быть сдержанным: он каждый раз сообщал вам больше, чем ему полагалось. Для торговых агентов Гас был большим мешком денег с дыркой для рта. И тут он показывается в качестве особого гостя на «гражданском» мероприятии о технологиях в Нью-Йорке – GigaOM Structure: Data conference. Туда мог пойти каждый, у кого завалялись сорок долларов. Главные доклады, как и выступление Гаса, транслировались бесплатно в прямом эфире.

Причиной, по которой я решил послушать его речь, было то, что я уже прочел во внутреннем канале АНБ: ЦРУ приняло окончательное решение аннулировать свой «облачный» контракт. Он разрывал отношения с моей командой в Dell, а также с HP, взамен заключая 600-миллионный контракт на облачный сервис с Amazon сроком на десять лет. У меня не было особых переживаний по этому поводу – напротив, я был даже доволен, что моя работа не будет использоваться агентством. Но меня терзало профессиональное любопытство, мог ли Гас проговориться и выдать инсайдерскую информацию, почему был выбран Amazon, – ходили слухи, что предложение было изначально подстроено в их пользу.

Я получил инсайд, но такой, какого совершенно не ожидал. Мне выдалась возможность увидеть, как сотрудник ЦРУ высочайшего ранга рассказывает непросвещенным «чайникам» об амбициях своего ведомства и его технических возможностях. Пока шла его презентация и он перемежал плохие шутки с таким же плохим знанием PowerPoint, я все больше переставал верить своим глазам.

«В ЦРУ, – вещал он, – мы принципиально пытаемся собирать все данные и хранить их вечно». Словно это не было и так понятно, он продолжал: «В наших силах собрать практически всю информацию, произведенную человечеством». Гас сказал это *сам*. Он озвучивал свои кривые слайды с жутким шрифтом, иллюстрируемые картинками в четыре цвета, но с

государственной печатью.

В толпе явно было несколько журналистов, кажется, все из специализированного государственного журнала о технологиях *Federal Computer Week*. Это говорило о том, что после презентации Гас намеревался ответить на вопросы журналистов, и эта дополнительная презентация была рассчитана на них. Он явно хотел снять какой-то груз с души, и уж точно речь шла не о его клоунском галстуке.

Гас рассказал журналистам, что агентство может отслеживать их смартфоны, даже если они выключены, что оно может отслеживать любой акт коммуникации человека. Повторю: это была кучка отечественных журналистов. Американских журналистов. И его слова про то, что агентство *«может»*, звучали так, как будто оно уже это «*делает*» – и будет делать дальше. Он ораторствовал в отчетливо встревоженной манере, как верховный жрец ЦРУ: «Технологии заходят дальше, чем правительство и законы могут сдерживать нас. Они движутся быстрее, чем вы можете поспевать… Вам пора задать вопрос, каковы ваши права и кто завладел вашими данными». Я был в шоке: всякий рангом пониже Гаса после такой презентации был бы одет в оранжевое[62] к концу дня.

Материал с откровениями Гаса был помещен только в «Хаффингтон пост», но само выступление и по сей день находится на YouTube – по крайней мере в момент написания этих строк через шесть лет. Когда я был там последний раз, у ролика было 313 просмотров – из них дюжина моих.

Я вынес для себя урок: чтобы мои разоблачения были эффективными, я должен сделать больше, нежели просто вручить нескольким журналистам несколько документов, и даже больше, чем помочь им в них разобраться. Я должен был стать их партнером, обеспечить их знанием и инструментами, чтобы они могли написать все точно и бережно. Выбрать подобный ход действий равносильно самому главному преступлению в разведке: не шпионажу, подстрекательству или предательству – а пособничеству и соучастию журналистской деятельности. Вся загвоздка в том, что на самом деле эти преступления синонимичны. Американский закон не делает различий между выдачей засекреченной информации прессе в интересах публики и передачей информации – даже за деньги – противнику. Единственное возражение по этому поводу я слышал в пору моей первой индоктринации. Мне говорили: предложить государственные секреты врагу немногим лучше, чем бесплатно отдать местным репортерам. Репортер расскажет публике, тогда как враг не поделится ими даже со своими союзниками.

Учитывая риск, на который я шел, мне надо было вычислить людей, которым я мог доверять и которым бы также доверяла публика. Мне нужны были репортеры, прилежные, но сдержанные, независимые, но надежные. Они должны быть достаточно сильными, чтобы сличить мои подозрения с тем, что можно доказать документально; достаточно сильными, чтобы бросить вызов правительству, которое лживо обвиняет их в том, будто их работа угрожает жизням соотечественников. Но самое главное: кого бы я ни выбрал, я должен быть уверен, что он сумеет противостоять нажиму властей – который, безусловно, будет сильнее всего, что и они, и я испытывали раньше.

Я закинул удочку не так далеко, чтобы поставить под угрозу свою миссию, но достаточно далеко, чтобы избежать повторения ситуации с «Нью-Йорк таймс». Одного журналиста, одной публикации, даже одной страны, в которой выйдет публикация, недостаточно – потому что правительство США уже продемонстрировало свою готовность задушить подобные материалы в зародыше. В идеале я бы дал каждому журналисту по индивидуальному набору документов одновременно, ничего не оставив на руках. Это гарантировало бы, что, даже если я буду арестован, правда все равно выйдет наружу.

По мере того как список моих потенциальных партнеров сужался, я понимал, что делаю все не так и трачу время попусту. Я не должен искать журналистов сам – я должен сделать так, чтобы система, которую я хочу разоблачить, сама нашла их для меня. Моими лучшими партнерами, решил я, будут журналисты, которых уже выбрало Агентство национальной безопасности.

Лору Пойтрас я знал как документалиста, больше всего озабоченного внешней политикой США после 11 сентября. В ее фильме «Моя страна, моя страна» показаны парламентские выборы в Ираке, проводившиеся в условиях американской оккупации. Лора Пойтрас также сняла «Программу» – документальный фильм о криптоаналитике АНБ Уильяме Бинни, который высказал свои возражения вышестоящему руководству о TRAILBLAZER[63], предшественнике STELLARWIND, за что был обвинен в утечке засекреченной информации, подвергался угрозам и был арестован под угрозой оружия у себя дома, хотя обвинение ему предъявлено не было. Правительство часто угрожало и Лоре: ее много раз останавливали и допрашивали на границе каждый раз, когда она въезжала в страну или выезжала за рубеж.

Гленна Гринвальда я знал как адвоката и защитника гражданских свобод. Вначале он вел колонку в *Salon*, где был одним из первых, кто написал о засекреченной версии «Отчета»

АНБ в 2009 году – а позже опубликовался в американской версии «Гардиан». Мне он нравился своим скептицизмом и умением доказательно спорить. Такой человек сразился бы с самим дьяволом, но, когда дьявола нет рядом, он будет сражаться с самим собой. Хотя Ивен МакАскилл из британской версии «Гардиан», Барт Джеллман из «Вашингтон пост» вскоре докажут, что они надежные и преданные партнеры (и терпеливые проводники по чащобам журналистики), я раньше сблизился с Лорой и Гленном – возможно потому, что они не столько хотели разоблачать разведку, сколько имели личные интересы в понимании этой темы.

Осталось только придумать, как связаться.

Не имея возможности раскрыть свое настоящее имя, я контактировал с журналистами под целым набором вымышленных имен, то снимая, то надевая маски. Сначала я представился как Цинциннат – в честь легендарного античного фермера, который стал римским консулом, а потом добровольно снял с себя полномочия. Потом я стал Citizenfour – журналисты позже объясняли, что я считал себя четвертым диссидентом в новейшей истории АНБ после Бинни и его коллег – Дж. Кирка Уиби и Эда Лумиса, которые раскрыли существование TRAILBLAZER. Хотя на самом деле триумвират, который я имел в виду, состоял из Томаса Дрэйка, который рассказал о TRAILBLAZER журналистам, и Даниэля Эллсберга и Энтони Руссо, предавших гласности «Документы Пентагона»[64], что помогло разоблачению лжи о войне во Вьетнаме и привело к ее завершению. И последним в своей переписке я использовал имя Verax – от латинского «говорящий правду», в надежде предложить альтернативу Mendax, то есть «говорящий неправду» – псевдониму молодого человека, который вырастет и станет Джулианом Ассанжем в *WikiLeaks*.

Вы не представляете, как тяжело остаться анонимным в Интернете, когда начинаешь действовать так, как если бы от этого зависела вся твоя жизнь. Большая часть систем связи, установленных разведсообществом, работает по одному и тому же принципу – наблюдатель за процессом коммуникации не должен различать идентичность тех, кто включен в этот процесс, и как бы то ни было образом соотносить их с агентством. Именно по этой причине в разведорганах такой обмен получил название «неопределяемый». До появления Интернета шпионская анонимность была прославлена в кинофильмах: адреса явок, нацарапанные на туалетных кабинках, или секретные коды, вмонтированные в сокращенные слова рекламных текстов. Или, как в годы холодной войны, «тайники» с черточками, сделанными

мелом на почтовом ящике, удостоверяющие, что пакет ждет в дупле такого-то дерева в общественном парке. Современные версии этих шифровок – скорее всего, фейковый профиль, торгующий фейковыми чатами на сайте знакомств или, что встречается еще чаще, – внешне безобидная программа, которая оставляет внешне безобидное сообщение на внешне безобидном севере Amazon, тайно контролируемом ЦРУ. Что решил сделать я, было куда лучше этого – и не требовало ни такого риска, ни такого бюджета.

Я решил воспользоваться чужим Интернет-соединением. Хотелось бы мне, чтобы это было так же просто, как воспользоваться вайфаем в «Макдоналдсе» или «Старбаксе». Но там видеонаблюдение, кассовые чеки и много людей – кто-нибудь меня да запомнит. Более того, каждое беспроводное устройство, от телефона до ноутбука, имеет свой уникальный идентификатор, который называется MAC-адрес (полное название – Machine Address Code); он записывается каждой точкой доступа к вайфаю; настоящий подарок для следствия, отмечающий каждый шаг пользователя.

И я не пошел ни в «Макдоналдс», ни в «Старбакс», а сел за руль и занялся вардрайвингом – это когда вы превращаете ваш автомобиль в передвижной вайфай-адаптер. Для этого вам нужен ноутбук, высокомощная антенна и магнитный GPS-датчик, который устанавливается на крыше автомобиля. Источниками питания могут быть и машина, и переносные батарейки, и сам ноутбук. Все, что вам нужно, помещается в рюкзак.

Я взял с собой дешевый ноутбук с программой TAILS на основе Linux – эта операционная система склонна к «амнезии»: забывает все, как только ты ее выключаешь, не оставляя никаких следов в логах. TAILS помогла мне легко замаскировать MAC-адрес ноутбука: при соединении с Сетью она выдавала мой адрес за чей-то другой, записанный в системе, который никак не ассоциировался с моим. Этого обычно достаточно, однако TAILS вдобавок предоставляет встроенное подключение к анонимной сети Tor.

Ночами и по выходным я кружил по дорогам всего острова Оаху, проверяя, как моя антенна ловит импульсы других вайфай-сетей. Мой GPS-датчик отмечал каждую точку доступа с ее местоположением благодаря утилите под названием Kismet. В результате у меня получилась карта с невидимыми сетями, которые мы пересекаем ежедневно, даже не замечая этого. Скандально высокий процент сетей не имел никакой защиты вообще или такую, которую я легко обходил. Некоторые сети требовали более изощренного хакерства. Я быстро блокировал

сеть, вынуждая ее пользователей подключиться заново; в своих попытках входа они автоматически ретранслировали весь свой пакет аутентификации мне – а я перехватывал его и использовал для расшифровки пароля, чтобы войти как «авторизованный» пользователь.

С картой под рукой я изъездил весь Оаху как сумасшедший, проверяя электронную почту, чтобы увидеть, кто из журналистов мне ответит. Я наладил контакт с Лорой Пойтрас, я столько вечеров провел, сочиняя для нее письма, сидя на песке возле моей машины и прихватывая вайфай с ближайшего пляжного курорта. Некоторых журналистов, которых я выбрал, надо было убеждать использовать зашифрованную электронную почту – что тогда, в 2012 году, было тем еще занятием. Иногда я должен был показать, как ее настроить, и скачивал инструкции, сидя в машине на стоянке и подворовывая Интернет у библиотеки. Или у школы. Или у заправки. Или у банка – они до ужаса плохо охраняются. Весь смысл в том, чтобы не создавать никаких поведенческих паттернов.

На крыше крытой стоянки большого торгового центра защищенный знанием, что стоит мне закрыть крышку моего ноутбука, и мой секрет надежно укрыт, я делал наброски манифестов, объясняя, почему я вышел на публику. Но потом я их стирал. Начинал писать письма Линдси, которые стирал тоже. Я просто не мог подобрать слова.

Чтение, запись, выполнение

Чтение. Запись. Выполнение. В компьютерах это называется «права доступа». Говоря функционально, они обозначают диапазон разрешенных вам действий как на самом компьютере, так и в сети компьютеров, точно определяя, что вы можете, а что не можете.

Команда *Чтение* дает вам доступ к содержанию файла, а команда *Запись* позволяет вносить изменения. *Выполнение* – это правило означает, что вы имеете возможность запускать файл или программу и выполнять все действия, для которых они предназначены.

Читать, записывать, выполнять: таков мой простой трехшаговый план. Я хотел докопаться до самой сути самой скрытой сети в мире, чтобы найти правду, скопировать ее и вытащить на свет, показав всему миру. И мне надо было преуспеть в этом, не будучи пойманным – чтобы меня «не читали», «не записывали» и чтобы написанное «не выполняли».

Почти все, что вы делаете в компьютере или на другом устройстве, оставляет запись. Особенно это относится к АНБ. Каждый вход в систему, каждый выход из системы – это запись в журнале. Всякий раз, когда я открывал файл, всякий раз, когда я копировал файл, эти действия записывались. Каждый раз, когда я загружал, перемещал, уничтожал файлы, все это фиксировалось, и журналы безопасности обновлялись, отражая данные события. Записи сетевого потока, записи инфраструктуры открытых ключей – коллеги шутили, что даже в туалете стоят камеры. Агентство имело немалое число контрразведывательных программ, которые шпионили за теми, кто шпионил за простыми людьми, и если бы меня поймали на чем-то таком, что я не должен был бы делать, то уж точно не за то, что я уничтожил файл, который не надо было уничтожать.

К счастью, сила этих программ была также и их слабостью: их усложненность означала, что даже люди, работающие с ними, не всегда знали, как они работают. Фактически никто толком не понимал, где у них область перекрытия, а где явные дыры в защите. Никто, не считая системных администраторов. Кто-то же ведь установил в первую очередь все эти навороченные системы мониторинга с пугающими названиями вроде MIDNIGHTRIDER («ночной всадник»). АНБ, может быть, оплачивает свою сеть, но реально ею владеют такие системные администраторы, как я.

Фаза «чтения» включает продирание сквозь цифровую сеть ловушек, расставленных поперек пути, соединяющего АНБ с

каждым разведывательным агентством, отечественным или иностранным. (Среди них был партнер АНБ в Соединенном Королевстве, Центр правительственной связи[65], расставивший сети-ловушки: OPRTICNERVE, программу, которая каждые пять минут сохраняет скриншот с веб-камер людей, общающихся в видеочате Yahoo Messenger; и PHOTONTORPEDO, который захватывал IP-адреса пользователей MSN Messenger.) Используя *Heartbeat*, чтобы достать нужные мне документы, я мог бы организовать «объемный сбор» данных тех людей, которые обернули его против американских граждан – натравить «Франкенштейна» на само разведсообщество. Инструменты безопасности агентства следили, кто какие файлы читал, но это не имело значения: всякий, кто дал себе труд проверить свои журналы, увидел бы *Heartbeat*. Идеальное прикрытие!

Но пока *Heartbeat* будет делать свое дело, собирая файлы – очень много файлов, – он доставит их на Гавайи, на сервер, хранивший логи так, что и я не мог подобраться. Мне нужно было придумать способ работать с файлами, осуществлять по ним поиск, отбрасывать неподходящие, неинтересные и те, которые содержат узаконенную тайну. На этом этапе – а это еще только первый этап чтения – опасности многообразны, в основном из-за того, что протоколы, с которыми я сталкивался, направлены не на мониторинг, а на предотвращение. Если бы свои поиски я вел на сервере *Heartbeat*, то он бы радостно зажег большую мигающую табличку с надписью «Арестуйте меня».

Мне пришлось подумать. Я не мог прямо скопировать файлы с сервера *Heartbeat* на свой жесткий диск и плясать от радости по Туннелю, потому что меня бы неминуемо поймали. Единственное, что я мог сделать, – это держать файлы чуть ближе к себе на «перевалочном» пункте.

Я не мог переслать их на один из наших обычных компьютеров, ибо к 2012 году наш Туннель оснастили «тонкими клиентами» – слабенькими машинами с беспомощными жесткими дисками и процессорами, которые толком не могли ни обрабатывать данные, ни выполнять функции сохранения и обработки на «облаке». Но в богом забытом углу офиса стояла пирамида вышедших из употребления настольных компьютеров – старые, полусгнившие, доставшиеся по наследству машины, списанные ведомством подчистую. Под «старыми» я подразумеваю «новые» для тех, кто не живет на такие же гигантские, как у АНБ, бюджеты. То были персональные компьютеры Dell года, наверное, 2009–2010-го, большие, но не слишком тяжелые серые прямоугольники. Они могли хранить и обрабатывать данные самостоятельно, не будучи соединены с

«облаком». Мне нравилось, что, хотя они еще были подключены к сети АНБ, их нельзя было отследить, так как я держал их вне центральных сетей.

Я легко мог придумать оправдание для использования этих солидных, надежных «ящиков», сказав, что решил проверить, совместим ли *Heartbeat* со старыми операционными системами. По правде сказать, не все еще в агентстве имели на столах по одному такому «тонкому клиенту». Что, если Dell захочет разработать «штатскую» версию *Heartbeat*? А если, например, ЦРУ, или ФБР, или другая замшелая организация захочет ее использовать? Под видом тестов на совместимость я бы мог перенести файлы на эти старые компьютеры, где смогу вести поиск, фильтровать и упорядочивать их столько, сколько захочу, соблюдая осторожность. Я нес эту громадину к себе на стол, и меня увидел один из руководителей IT-отдела и остановил, спросив, что я делаю (он был большим поклонником идеи избавиться от «старья»). «Ворую секреты», – ответил я, и мы, посмеявшись, разошлись.

Фаза «чтение» заканчивается на стадии разложенных по папочкам файлов. Но они все еще находились в компьютере, который не был моим, и находился глубоко под землей в Туннеле. Перейдем же к фазе «запись» – которая в моем случае означала чудовищно медленный, невыносимо затянутый процесс копирования из наследия Dell чего-то такого, что я мог бы скрытно вынести из здания.

Самый простой и легкий способ скопировать файл с любого объекта разведсообщества – он же и самый старый: фотокамера телефона. Смартфоны, само собой, в зданиях АНБ запрещены, но сотрудники часто по ошибке приносят их с собой в любое время, зная, что никто не обратит внимания. Их оставляют в спортивных сумках или в карманах ветровок. Если изредка работников застают со смартфонами в руках, то, конечно, никто не кричит «караул» – смущенные владельцы трубок просто выслушивают замечание с предупреждением, особенно если это первое нарушение. Но иметь при себе смартфон, нагруженный секретными документами АНБ из Туннеля, – рискованная затея. Конечно, никто не заметит, если я выйду с объекта с телефоном, на который сфотографирован один-единственный отчет о пытках, но мне совсем не улыбалось делать тысячи фотографий с моего компьютерного экрана, сидя посреди совершенно секретного объекта. Также телефон нужно было настроить таким образом, чтобы ни один, даже самый гениальный криминальный эксперт, заполучив его в свои руки, не мог найти в там ничего криминального.

Я воздержусь от подробного описания того, как на самом деле я справился с копированием и шифрованием, так что АНБ может пока спать спокойно. Упомяну, однако, какую технологию сохранения файлов я использовал. Забудьте про флешки: они крупноваты, к тому же вместимость их довольно маленькая. Вместо этого я выбрал SD-карты памяти – сокращение расшифровывается как Secure Digital, «безопасные цифровые», мини- и микро-размера.

Вы узнаете SD-карты, если когда-нибудь пользовались цифровой фото- или видеокамерой или хотели увеличить память на своем планшете. Это крошечные мерзавцы, притом настоящее чудо из мира флеш-накопителей: $20 \times 20{,}5$ мм – miniSD и 15×11 мм – microSD, размером с ноготь на вашем мизинце – можно спрятать надежно. Такую штуку можно засунуть между гранями кубика Рубика и сверху заклеить, никто не увидит. В другой раз я положил карточку в носок, а еще – самый параноидальный случай – засунул за щеку, чтобы если что проглотить. К концу, когда я собрал все необходимые свидетельства, я хранил карточку в глубине кармана. Они не определяются металлоискателями, да и кто не поверит, что я просто не заметил такую мелочь в своем кармане?

Размер SD-карт имеет и свои минусы – скорость передачи информации через них очень небольшая. Большие массивы данных всегда копируются долго, по крайней мере дольше, чем вам хотелось бы. И продолжительность вырастает еще больше, когда вы копируете не на скоростной жесткий диск, а на крохотную силиконовую пластинку, обернутую в пластик. К тому же я не просто копировал – я занимался дедупликацией, сжимал, шифровал, причем ни один из этих процессов нельзя было выполнять одновременно с другими. Я применял все свои накопленные умения сохранять файлы, потому что, по сути, все годы это и было моей основной работой. Я создавал «хранилище» для «хранилища» данных АНБ, создавая «резервную копию» злоупотреблений разведывательного сообщества.

На полное заполнение SD-карты уходило по восемь и больше часов. И хоть я вновь стал работать по ночам, эти часы были просто ужасны. Старый компьютер пыхтит, монитор выключен, потолочные панели, экономя энергию в ночное время, горят еле-еле… И вот я время от времени включаю монитор, чтобы проверить прогресс, и ежусь. Вы знаете это чувство, когда на мониторе высвечивается: «84 % завершено», «85 % процентов»… Осталось еще 1:58:53… И к тому моменту, как завершены все сто процентов, я уже весь взмок, в глазах темно, а в коридоре мерещатся чьи-то шаги…

Финальный этап: «выполнение». Все карточки заполнены, пора думать о путях к отступлению. Весь этот жизненно важный архив я должен вынести из здания, пройти мимо начальников и военных в форме, вниз по лестнице, по пустому холлу, пройти сканирование бейджей, вооруженную охрану и воздушный шлюз – зону безопасности с двумя дверями, где вторая дверь не откроется, пока не закроется предыдущая, а твой бейдж не будет проверен. А если все пойдет кувырком, охранники вынут оружие, двери закроются, и ты промямлишь: «Что? Что-то не так?» И вот именно здесь – судя по всем отчетам, которые читал, и кошмарам, которые видел – меня бы и поймали. Каждый раз, выходя, я будто каменел. Усилием воли старался не думать о SD-карте. Когда об этом думаешь, ведешь себя как-то по-другому, более подозрительно.

Неожиданный бонус того, что я стал лучше понимать принципы надзора в АНБ, заключался в том, что я стал лучше распознавать опасности, которые мне грозили. Другими словами, изучив системы слежки агентства, я стал разбираться, как не быть ими пойманным. Моими «наставниками» в этом деле стали обвинительные заключения, которые правительство предъявляло бывшим агентам – в большинстве своем действительно форменным негодяям, которые «отфильтровывали», говоря жаргоном разведки, засекреченную информацию для своей же выгоды. Я собирал и изучал очень много таких обвинений. ФБР, агентство по расследованию всех преступлений в сфере разведсообщества, страшно гордилось, сообщая, как были схвачены те или иные злоумышленники, а я извлекал выгоду из их опыта. Как я понял, в каждом случае ФБР выжидает, когда преступник закончит свое дело и пойдет домой. Иногда ему дают взять информацию из Пункта безопасного хранения информации[66], представляющего собой изолированную от наблюдения комнату или здание. Его выпускают, и он смешивается с толпой, причем нахождение в толпе – уже само по себе преступление, предусмотренное федеральным законом. Я часто представлял команду агентов ФБР, затаившихся в ожидании меня, – прямо здесь, в самом далеком конце Туннеля.

На выходе я всегда добродушно обменивался шутками с охранниками, и тут мой кубик Рубика всегда оказывался особенно кстати. Охрана и все остальные в Туннеле знали меня как «парня с кубиком», потому что я всегда верчу его в руках, спускаясь в холл. Я так наловчился, что мог собрать и разобрать его одной рукой. Он стал моим тотемом, талисманом, моим отвлекающим маневром – как для меня самого, так и для моих

сослуживцев. Многие воспринимали эту привычку как выпендреж или повод к заумному разговору. Мне он, конечно, помогал справиться с тревогой. Он меня успокаивал.

Я купил несколько кубиков и подарил их всем коллегам. Каждый, кто взял его, получил от меня пару советов. Чем больше люди к ним привыкали, тем меньше они разглядывали меня.

Я хорошо ладил с охранниками – или внушил себе это. Может быть, потому, что знал, где в это время витали их мысли: где угодно. Я ведь когда-то тоже охранял здание CASL. И хорошо себе представлял, как тупеет мозг, когда проводишь бессонную ночь на ногах. Сначала болят ноги. Немного времени спустя болит все тело. И тебе становится так одиноко, что ты готов заговорить со стеной.

Я решил стать более занимательным, чем стена, заранее придумав по паре фраз на все случаи жизни. С одним охранником я заговаривал о бессоннице и трудностях дневного засыпания. С другим парнем мы трепались о политике. Он называл демократов «дерьмократами», так что до беседы с ним я взял за правило читать новости на Breitbart News[67]. Что было общего у них обоих, так это реакция на мой кубик: он вызывал у них улыбку. За все время моей работы в Туннеле каждый раз кто-нибудь из них затягивал: «О-о-о, чувак, я тоже любил в детстве играть с этой штукой». И тут же, неизменно: «Я переклеивал наклейки, чтобы кубик собрался». Я тоже, дружище. Я тоже.

Только когда я приходил домой, то мог хоть немного расслабиться. Я по-прежнему боялся, что дом под сигнализацией – еще один очаровательный метод ФБР, используемый против тех, кого подозревают в недостаточной лояльности. Я дал резкий отпор Линдси, когда она выразила беспокойство по поводу моего ночного бдения, так что теперь она ненавидела меня, а я ненавидел себя. Она спала на кровати, а я на кушетке, прячась, как ребенок, с головой под одеялом с ноутбуком. Хлопковые ткани заграждают от камер слежения. Уже не так боясь угрозы внезапного ареста, я мог продолжать работать. И я переносил файлы на жесткий диск побольше (только тот, кто ничего не понимает в технике, подумает, будто я решил держать их на ноутбуке всегда). Потом я запирал их под многими слоями алгоритмов шифрования – так что даже если один файл повредится, остальные останутся целы.

Я старался не оставлять никаких следов на работе и тщательно следил, чтобы мои шифры и до́ма не вели к документам. Все же я помнил, что документы могут быть соотнесены с моим именем, раз я послал их журналистам и они расшифрованы. Любой дознаватель, разбираясь, к каким

сотрудникам агентства могли обратиться, чтобы получить к файлам доступ, составит список только из одного имени: моего. Конечно, я мог показать журналистам меньше документов, но тогда они не смогли бы выполнить работу наилучшим образом. В конечном счете я должен был признать, что даже один слайд презентации, один PDF-файл мог меня выдать, потому что все цифровые файлы содержат метаданные – невидимые тэги, которые вычисляют их происхождение.

Я ломал голову, как разрулить ситуацию с метаданными. Если не избавлюсь от них, переживал я, они могут выдать меня в тот самый момент, когда журналисты расшифруют и откроют файлы. Но также я переживал, что, тщательно избавившись от метаданных, я рискую изменить документы, что вызовет сомнение в их подлинности. Что же важнее: личная безопасность или общественное благо? Может показаться, что выбор несложный. Но мне понадобилось время, чтобы сделать решение. Я выбрал риск и оставил метаданные в неприкосновенности.

Не трогать метаданные мне помог страх, что помимо них все равно остались бы еще своего рода цифровые «водяные знаки», с которыми я бы не справился. Еще одна трудность – убрать с файлов «замок» единственного пользователя. Однопользовательский документ помечен специфическим кодом в расчете, что, если журналисты захотят им воспользоваться, правительство об этом обязательно узнает. Иногда уникальный идентификатор скрывается в дате создания файла, иногда замаскирован в пикселях логотипа, или замаскирован каким-то другим образом, о котором я еще не догадался. Этот феномен должен был меня обескуражить, но вместо этого придал мне смелости. Поначалу технические трудности всерьез понуждали меня отшвырнуть весь мой житейский опыт анонимности и указать себя в качестве источника. Я бы не поступился своими принципами, написав под документами свое имя – и пускай бы меня проклинали за это.

В совокупности все документы, которые я отобрал, уместились на одном диске, который я открыто хранил на письменном столе. Я знал, что теперь документы в полной безопасности – как если бы они были в офисе на работе. Даже еще безопаснее благодаря многочисленным уровням и методам шифрования. Именно в этом и состоит несравненная красота искусства криптологии. Немного математики там, где не справятся ни все орудия мира, ни колючая проволока, – немного математики, чтобы сохранить тайну.

Шифрование

Большинство тех, кто пользуется компьютерами (а в это число входят и представители «четвертой власти), привыкли думать, что четвертое разрешенное нам действие помимо «чтения», «записи» и «выполнения» – это «удаление».

Эта команда неизменно на стороне компьютерных пользователей. В самом компьютере она есть на клавиатуре, а в программном обеспечении – это опция, которая может быть выбрана из выпадающего меню. В выборе кнопки *Delete* есть какая-то окончательность и известное чувство ответственности. Иногда ящик так и подпрыгивает с двойной проверкой: «Вы уверены?» Если компьютер испытывает вас дважды, требуя подтверждения, кликните «Да»: это наполнит вас ощущением, что команда будет иметь важные последствия, порой она – даже крайнее решение.

Несомненно, так оно и обстоит в мире за пределами компьютерных систем, где силы вычеркивания и вымарывания исторически значили бескрайне много. И, как нам красноречиво показывали разнообразные деспоты в мировой истории, чтобы избавиться от документа, недостаточно уничтожить каждую его копию. Надо уничтожить саму память о нем, а это равносильно тому, чтобы уничтожить всех людей, которые его помнят, а также все копии документов, где был упомянут этот документ, и всех людей, которые помнят те, другие документы. И вот тогда, может быть тогда, он пропадет совсем.

Функция «удаления» появилась с самого начала цифровых вычислений. Инженеры понимали, что в мире неограниченных опций некоторые действия неизбежно будут ошибочными. Пользователи независимо от их технического уровня должны чувствовать уверенность в отношении того, что создали сами. Умение разрушить то, что создано, и начать с чистого листа – главнейшая функция, которая придает пользователю чувство собственной значимости, несмотря на то что он может быть зависим от «железа», которое не умеет ремонтировать, и программного обеспечения, которое не может изменить, и связан правилами платформ, которые принадлежат некой третьей стороне.

Задумайтесь, почему вы нажимаете кнопку *Delete*. На своем персональном компьютере вы, может быть, хотите избавиться от какого-то документа, на котором поставили крест, или когда-то скачали файл, который вам больше не нужен; или вы не хотите, чтобы кто-то знал, что вы пользовались этим файлом. В своей почте вы можете стереть письмо от бывшего любовника, о

котором не желаете вспоминать или не хотите, чтобы ваша вторая половина это письмо увидела; или письмо с приглашением на оппозиционную акцию, которую вы посетили. На телефоне вы можете удалить всю историю мест, которые ваш телефон «посетил» вместе с вами; некоторые фотографии, видео и личные записи, которые он автоматически загрузил в «облако». В одно мгновение вы нажимаете *Delete*, и файл исчезает.

Правда, однако, в том, что процесс уничтожения технически никогда не существовал таким, как мы его себе представляем. «Удаление» одной кнопкой – это подвох, обман, распространенный вымысел, не вполне благородная ложь, которую вам говорит компьютер, чтобы ободрить и успокоить. Хотя уничтоженный файл исчезает с глаз долой, он редко исчезает совсем. В техническом отношении «удаление» – это просто разновидность команды среднего уровня доступа, как и «запись». Обычно, когда вы нажимаете *Delete*, уничтожая файл, его данные, валяющиеся где-то глубоко на диске, на самом деле остались нетронутыми. Эффективные современные операционные системы не предусмотрены для того, чтобы отправляться вглубь, во внутренности диска, чисто для того, чтобы там что-то стереть. А вместо этого компьютерная карта, указывающая, где хранится каждый файл (она назвается «файловой таблицей») переписывается, чтобы сказать: «Я больше не использую это место для чего-то важного». И это значит, что ваш удаленный файл, словно забытая книга в громадной библиотеке, еще может быть прочитан кем-то, кто хорошенько его поищет. Вы стерли только ссылку на него, а сам файл остался.

Это можно проверить на собственном опыте. В следующий раз, пока будете копировать файл, спросите себя, почему это так долго по сравнению с моментальным актом уничтожения. Ответ таков: удаление ничего не делает файлу, а только скрывает его. Проще говоря, компьютеры создавались не для того, чтобы исправлять ошибки, а чтобы их прятать – и прятать только от тех, кто не знает, где искать.

Убывающие дни 2012 года принесли зловещую новость: немногочисленные меры правовой защиты, запрещающие массовую слежку главными членами разведывательной сети «Пять глаз», более не существуют. Правительства Австралии и Соединенного Королевства предложили законопроекты по обязательной регистрации телефонов и интернет-метаданных. Первый раз демократические правительства публично признались в стремлении установить своеобразную «машину времени» слежки, которая позволит им повернуть вспять события жизни

любого человека на месяцы, а то и годы назад. Я увидел трансформацию так называемого «Западного мира»: из создателя и защитника свободного Интернета он превратился в его будущего разрушителя. Хотя эти законы и имели оправданием общественную безопасность, они представляли собой вопиющее вторжение в повседневную жизнь невиновных граждан – и даже граждан других стран, которые считали, что за ними слежки нет (вероятно, потому, что их правительства предпочли держать этот факт в тайне).

Эти общественные инициативы раз и навсегда доказали, что естественного союза между технологией и органами власти быть не может. Разрыв между моими двумя странно взаимосвязанными общностями – американским разведсообществом и глобальным племенем IT-специалистов – стал окончательным. В самом начале своей службы в разведке я еще мог примирить эти две культуры между собой. Я существовал где-то на периферии между своей шпионской работой и обычными «технарями» в Интернете, каждый из которых, от хакеров-анархистов до вполне «академических» Tor-специалистов, помогал мне развиваться профессионально и вдохновлял по части политики. Я годами обманывал себя, что мы находимся на одной стороне истории: защищаем Интернет, поддерживаем его свободу слова и свободу от страха. Однако больше я не был в силах обманывать себя. Мое правительство, оно же мой работодатель, теперь стало моим противником. То, что всегда подозревали эти ребята, подтвердилось, а я не мог им об этом сказать. Пока не мог.

Что я мог все-таки сделать – начать им помогать, покуда это не подвергало опасности мои планы. Так я и оказался в Гонолулу, прекрасном городе, к которому раньше не испытывал особенного интереса – в качестве одного из гостей и учителей на КриптоВечеринке. Это новый вид неофициальных встреч, изобретенный «снизу» международным криптологическим движением, в котором на волонтерских началах принимали участие технические специалисты. Бесплатно они проводили лекции на тему цифровой самозащиты – показывая, главным образом, как обеспечить безопасность своих коммуникаций. Во многих отношениях это была та же тема, которую я преподавал в Объединенной академии подготовки контрразведчиков (JCITA), поэтому я ухватился за возможность принять участие.

Вы можете ужаснуться, что я повел себя неосмотрительно, учитывая, чем я занимался все это время. Но этот поступок лишь показал, насколько сильно я верю в методы шифрования, которые преподавал. Это те самые методы, которые защищали дома мой диск, полный свидетельств о злоупотреблениях

разведсообщества, – на нем стоял такой замок, который не по зубам самому АНБ. Я знал, что любого числа документов и публикаций о массовой слежке недостаточно: людям нужны инструменты для защиты себя, и им нужно знать, как ими пользоваться. Поскольку я также пытался передать эти инструменты журналистам, я сильно переживал, что мой подход стал слишком техническим. После такого количества часов преподавания коллегам возможность рассказать предмет в упрощенном виде пойдет на пользу мне самому не меньше, чем публике. А если честно, я скучал по лекциям. Прошел уже год, как я стоял перед классом, и в тот момент, когда я вновь вернулся к преподаванию, я осознал, что все время преподавал правильные вещи «неправильным» людям.

Когда я говорю о «преподавании», то не имею в виду школы разведсообщества или брифинги агентств. КриптоВечеринка проводилась в единственном зале галереи искусств, по соседству с мебельным складом и коворкингом. Пока я настраивал проектор, чтобы показать слайды со схемами работы Tor-сервера и рассказать, как он был бы полезен, например, жителям Ирана, а еще и жителям Австралии, Соединенного Королевства и Штатов, – мои слушатели начали заполнять зал. То была разношерстная группка незнакомцев, а также несколько человек, с которыми я до этого общался только в Интернете. Всего я насчитал человек двадцать, пришедших в тот декабрьский вечер, чтобы послушать выступления меня и моей содокладчицы Руны Сандвик – блестящей молодой специалистки по технологии Tor из Норвегии. (Позднее Руна станет Старшим директором по информационной безопасности в «Нью-Йорк таймс», и газета будет спонсировать ее следующие КриптоВечеринки.) Что объединяло нашу аудиторию, так это не интерес к Tor и даже не страх, что за тобой наблюдают, – а желание восстановить утраченный контроль над личным пространством и собственной жизнью. Присутствовали бабушки и дедушки, зашедшие прямо с улицы, местный журналист, освещавший гавайское движение Occupy! и женщина, ставшая жертвой порномести. Я также пригласил несколько коллег из АНБ, надеясь вовлечь их в это движение и продемонстрировать, что я не скрываю свои связи от агентства. Пришел только один: сел сзади и, расставив ноги и скрестив на груди руки, все время ухмылялся.

Я начал свою презентацию с обсуждения иллюзорности функции «удаления», цель которой – полностью стереть информацию – никогда не достигается. Толпа поняла это моментально. Я продолжил объяснения, рассказав, что в лучшем случае данные, видеть которые никто не должен, надо просто

перезаписать: «замаскировать» сверху случайными или как бы случайными записями, которые скроют первоначальный текст. Но я предостерег, что даже этот подход имеет свои недостатки. Всегда существует вероятность, что ваша операционная система, не оповещая, спрячет копию файла, который вы рассчитывали уничтожить, в какой-нибудь временный уголок для хранения, о чем вы даже не узнаете.

В этом случае я предложил использовать криптографическую защиту.

Функция стирания – это мечта того, кто осуществляет слежку, и кошмар для того, за кем следят, но шифрование должно быть данностью для них обоих. Это единственная действенная защита против слежки. Если все ваши жесткие диски зашифрованы, ваши недоброжелатели не смогут копаться в уничтоженных вами файлах или где-либо еще – пока у них не будет ключа шифрования. Если все электронные письма в вашей папке входящих сообщений зашифрованы, Google не может их просматривать, чтобы составить ваш «портрет», пока не будет иметь ключа шифрования. Если все ваши коммуникации проходят по враждебным австралийским, британским, американским, китайским или российским сетям, шпионы их не прочтут до тех пор, пока у них не будет ключа шифрования. Определяющий принцип шифрования – вся власть у того, у кого есть ключи.

Шифрование работает, объяснил я, посредством алгоритмов. «Алгоритм шифрования» – звучит устрашающе и выглядит так же, но сам концепт примитивен. Это математический метод, который трансформирует вашу информацию (электронные письма, телефонные звонки, фото, видео и другие файлы) таким образом, что она становится недоступной всякому, кто не имеет ключа шифрования. Можете представить современный алгоритм шифрования как волшебную палочку, который вы взмахнете над документом, превратив каждую букву в язык, на котором читаете только вы и те, кому вы доверяете. Ключ шифрования – как волшебные слова заклинания: именно они приводят волшебную палочку в действие. Не важно, сколько человек знают о вашей волшебной палочке, пока вы скрываете слова заклинания от тех, кому не доверяете.

«Алгоритмы шифрования» в основе своей – математические задачи, решение которых должно быть невероятно сложным даже для компьютера. Ключ шифрования – это подсказка, которая помогает компьютеру решить конкретный набор математических задач, которые использованы в шифре. Вы помещаете читаемые данные, именуемые «простым» или «открытым» текстом, в один конец алгоритма шифра, а на выходе получите невразумительную

абракадабру, называемую криптотекстом. Если кто-нибудь захочет прочитать криптотекст, им нужно перевернуть его обратно, но только – что очень важно – правильным ключом. Тогда вновь всплывает изначальный «открытый текст». Разные алгоритмы обеспечивают разные уровни защиты, а безопасность ключа шифрования часто основывается на его длине, что определяет уровень сложности математической задачи, которая лежит в основе алгоритма. В алгоритмах, которые коррелируют с более длинными ключами, сложность загадки нарастает по экспоненте. Если мы представим себе, что злоумышленнику нужны сутки, чтобы взломать 64-битный алгоритм шифрования – который кодирует ваши данные одним из 2^{64} уникальных вариантов (18,446,744,073,709,551,616 – уникальные комбинации цифр), то ему понадобится вдвое больше времени, двое суток, чтобы взломать 65-битный алгоритм шифрования, и четверо суток, чтобы добраться до 66-битного ключа. А чтобы взломать 128-битное шифрование, потребуется в 2^{64} раза больше времени, чем сутки, – это 50 миллионов миллиардов лет. К тому времени, меня, надеюсь, простят.

Общаясь с журналистами, я пользовался 4096- и 8192-битными ключами шифрования. А это означало, что даже криптоаналитики АНБ при совокупной мощи всех своих машин не смогли бы забраться в мои диски – ввиду отсутствия крупных инноваций в вычислительных технологиях или фундаментального переосмысления принципов, по которым числа разлагаются на множители. Поэтому шифрование – самый лучший инструмент для противодействия слежке в любой ее форме. Если все наши данные, включая личные контакты, были бы зашифрованы подобным способом, от отправителя до получателя, ни одно правительство, ни одно ведомство, мыслимое сегодня, не смогло бы ничего в них понять. Правительство может продолжать перехватывать и накапливать сигналы, но оно будет перехватывать и накапливать ничего не значащий шум. Шифрование наших коммуникаций поможет стирать их из памяти любого, с кем мы общались. Оно отзовет право их просматривать тем, кому это право изначально не выдавалось.

У каждого правительства, рассчитывающего получить доступ в зашифрованные коммуникации, есть два варианта выбора: идти к хранителю ключей или идти за самим ключом. Первый случай подразумевает давление на специалистов по криптографии с тем, чтобы они продавали поддельные ключи шифрования; или давление на криптографическое сообщество, чтобы встроить в алгоритмы шифрования намеренные дефекты, которые оставляют

возможность секретных точек входа – иначе «бэкдоры». Второй вариант подразумевает целенаправленные атаки на конечные точки коммуникаций, на аппаратное и на программное обеспечение, которое осуществляет процесс шифрования. Это подразумевает эксплуатацию уязвимостей, которые ищут, чтобы украсть ваши ключи – техника, которая раньше использовалась злоумышленниками, но теперь взятая на вооружение крупными государственными структурами. Но даже и этот способ пагубен, так как предполагает создание разрушительных дыр в кибербезопасности важнейшей международной инфраструктуры.

Лучшие средства, которые у нас есть, чтобы держать ключи в недосягаемости, – это «zero knowledge», так называемое «нулевое разглашение». Оно гарантирует, что данные, которые вы пытаетесь хранить отдельно – например, на облачной платформе компании, – зашифрованы алгоритмом вашего устройства до того, как были загружены и ключ никому не передавался. В схеме «нулевого разглашения» ключи остаются в руках пользователя – и только у него. Никакой компании, никакому агентству, никакому врагу они не достанутся.

Мой ключ к секретам АНБ идет дальше «нулевого разглашения»: это ключ с нулевым разглашением, состоящий из множества нулевых разглашений. Представьте такую ситуацию: допустим, в конце моей лекции на КриптоВечеринке я стоял у выхода, а все двадцать слушателей проходили мимо. Теперь вообразите, что, когда каждый из них через дверь выходил в ночной Гонолулу, я каждому шепнул на ухо словечко – лишь одно слово, которое больше никто не услышал, а повторить эти слова они могут, только снова собравшись вместе в этой же комнате. Только собрав снова два десятка человек и заставив повторить их слова в том же самом порядке, как я их раздал вначале, можно собрать заново заклинание из двадцати слов. Если кто-то из них забыл свое слово или порядок их воспроизведения будет чуть-чуть иным, заклинание не подействует, волшебства не случится.

Мои ключи к диску с секретными данными напоминали этот прием, но с одной маленькой уловкой: раздавая по кусочку свое заклинание, я один оставил себе. Фрагменты моего волшебного заклинания могут быть спрятаны повсюду, но стоит мне разрушить хотя бы один, тот, что я припас для себя, как будет разрушен и доступ к тайнам АНБ – навечно.

Мальчик

Лишь оглядываясь назад, я могу увидеть, как высоко взошла моя звезда. Я был учеником с затруднениями речи, который с трудом отвечал в классе, – а стал учителем языка новой эпохи. Ребенок из семьи скромных представителей провинциального среднего класса, я жил блаженной жизнью на островах и зарабатывал столько, что деньги давно потеряли для меня всякий смысл. За семь коротких лет я поднялся от менеджера локального сервера до разработчика глобальных сетей; из сторожа в «склепе» я вырос в создателя ключей от заколдованного дворца.

Но только всегда есть опасность позволить даже самому квалифицированному работнику подняться слишком высоко до того, как он очерствеет, станет циничным и распрощается со своим идеализмом. Я самым неожиданным образом оказался на самом «всевидящем» месте в разведсообществе; находясь на самой низкой должности в иерархии своего учреждения, я получил заоблачный доступ буквально ко всему. И хотя я получил феноменальную и, откровенно говоря, незаслуженную возможность наблюдать самые отвратительные деяния разведки, я успел сохранить и присущее мне по жизни любопытство, особенно насчет одного вопроса, все еще непостижимого для меня: границ слежки, предельного множества тех, на кого агентство устремляет свой пристальный взгляд. Каково то предельное число людей, установленное не полицией или законом, а самими техническими возможностями безжалостной, неуступчивой всевидящей машины? Был ли вообще хоть кто-то, за кем эта машина не следила?

Единственным способом отыскать ответ было – сойти с высот на землю, сузить кругозор и выбрать роль поскромнее. Служащие АНБ с самым свободным доступом к необработанной, «сырой» информации – это операционисты, которые выстукивают на компьютерной клавиатуре имена попавших под наблюдение тех индивидов – не важно, граждан США или иностранцев. По той или иной причине либо без всяких причин, эти люди стали объектом самого пристального внимания агентства, и теперь оно с интересом собирает все сведения в их коммуникациях. Крайней точкой моих изысканий стал, как я понимал, момент, где именно государство положило глаз на человека, а человек остался в неведении.

Программа, которая делала такой доступ возможным, называлась XKEYSCORE – это своего рода поисковая система, которая позволяет аналитику совершать поиск по всем записям

вашей жизни. Представьте такой Google, который вместо страниц из Интернета показывает вам фрагменты вашей переписки по электронке, ваши разговоры в мессенджерах, личные файлы – словом, вообще все. Я прочел о программе достаточно, чтобы понять, как она работает, но сам ею не пользовался, поэтому мне понадобилось узнать о ней больше. Изучая XKEYSCORE, я сверялся со своими ощущениями, искал подтверждения всей глубины проникновения АНБ в частную жизнь людей. Я хотел подтверждения не на бумаге, но из собственного непосредственного опыта.

Один из немногих офисов на Гавайях с неограниченным доступом к XKEYSCORE был Национальный центр управления угрозами (NTOC[68]), занимавший сверкающее, безлюдное, со свободное планировкой здание, которое раньше в АНБ называли «Домом Рошфора» – в честь легендарного морского криптоаналитика Второй мировой войны Джозефа Рошфора, расшифровавшего японские коды. Большинство сотрудников искажали название, превратив Рошфор в Форт-Рош – или просто Рош[69]. Когда я подал туда заявление, часть здания еще строилась, что тут же мне напомнило о первой секретной работе в CASL. Такая у меня судьба – начать и закончить свою карьеру в недостроенных зданиях. Помимо почти всех работавших на Гавайях переводчиков и аналитиков в Форте-Рош размещалось местное отделение Управления операциями индивидуального доступа (TAO[70]). Этот центр при АНБ отвечал за удаленный взлом компьютеров людей, которых аналитики выбрали целями, – современный эквивалент старинных краж со взломом, когда, вламываясь в чужой дом один раз, там оставляют жучки и потом собирают компрометирующий материал. А главным занятием NTOC, напротив, было надзирать за иностранными аналогами TAO и срывать их планы. По счастливому стечению обстоятельств, Центр управления угрозами имел вакансию по контракту с «Буз Аллен Гамильтон» – должность, которую они эвфемистически описали как «инфраструктурный аналитик». В обязанности этого аналитика входило использование полного спектра инструментов АНБ для массового слежения, включая XKEYSCORE, – чтобы осуществлять надзор над интересующей разведку «инфраструктурой», то есть всем Интернетом.

Хотя я буду получать в «Буз» чуть-чуть побольше денег, около 120 тысяч долларов в год, я посчитал это первым понижением в должности – с него и начался мой путь вниз, с потерей моего доступа, моих возможностей, моих привилегий в агентстве. Я был инженером, а становился аналитиком, и в финале – изгнанником, мишенью для тех самых технологий, которыми когда-то

управлял. Имея в виду такую перспективу, мой первый спуск по карьерной лестнице казался совсем незначительным. Он был лишь небольшим шажком по дуге моей жизни, которая несла меня вниз, к точке удара о землю – концу моей карьеры, моих отношений, моей свободы, а может быть, и жизни.

Я решил вывезти мои архивы из страны и передать их журналистам, с которыми вошел в контакт. Но прежде я хотел обдумать логистику этого процесса, а для этого нужно было сделать несколько деловых рукопожатий. Мне пришлось слетать в округ Колумбия и провести несколько недель с моими новыми боссами и коллегами, лелеявшими большие надежды на мою беспримерную сообразительность в понимании анонимности в Сети, которая поможет им срывать маски с наиболее хитрых объектов наблюдения. Поездка дала мне возможность побывать дома в Белтвее, в самый последний раз, и вновь зайти на объект, где произошла моя первая встреча с ведомством, которое утратило контроль, – Форт-Мид. На этот раз я приехал не как посторонний, а как член организации.

События, случившиеся свыше десяти беспокойных лет тому назад, глубочайшим образом изменили не только людей, которые работали в АНБ, но и само место. Когда меня остановили на выезде с парковки агентства (все еще вызывавшей воспоминания о страшной панике, гуле телефонных звонков и сирен), я впервые заметил, что после 11 сентября все дороги, ведущие в сторону штаб-квартиры АНБ, отныне перекрыты для тех, у кого нет специального бейджа – который как раз болтался на моей шее.

Всякий раз, когда я не занимался пожиманием рук руководства Центра управления угрозами в штаб-квартире, я стремился узнать как можно больше от аналитиков, которые разрабатывали разные программы и разные виды целей – чтобы впоследствии я смог обучить моих гавайских коллег новым инструментам агентства. Таково по крайней мере было официальное объяснение моему любопытству, которое, как всегда, выходило за рамки служебных обязанностей, но с благодарностью принималось теми, кто имел технические склонности. Аналитики были несказанно рады показать мощь машинерии, которую они разрабатывали, не выражая ни тени сомнения по поводу того, куда эта мощь будет приложена. В штаб-квартире я также провел серию испытаний по надлежащему использованию системы, которые были скорее упражнениями по соблюдению нормативных требований, чем осмысленными инструкциями. Остальные аналитики говорили мне, что, раз я могу проводить столько тестов, сколько понадобится, мне не надо

заучивать инструкции: «Просто кликайте на окошки, пока не пройдете».

АНБ описывало XKEYSCORE – в документе, который я вскоре передам журналистам, – как инструмент «широчайшего диапазона», используемый для отслеживания «практически всего, что делает пользователь в Интернете». Технические характеристики, которые я изучал, содержали более подробные детали о том, как в точности это достигалось – путем «пакетирования» и «обработки сеансов», то есть когда пользовательскую сессию разделяли на управляемые пакеты для анализа, – но никакие инструкции не могли подготовить меня к тому, что я увидел.

То был готовый сюжет из научной фантастики – куда ближе к ней, чем к науке как таковой. Интерфейс, который позволял набирать чей угодно адрес места жительства, телефон, IP-адрес, а затем гулять по всей их недавней активности в Интернете. В некоторых случаях можно было даже прокрутить назад историю онлайн-сессий, захваченную на видео, – как будто бы их экран был вашим. Вы могли читать их электронные письма, видеть историю просмотров в браузере, посты в социальных сетях – вообще все. Вы могли включить всплывающие оповещения, как только человек или устройство, которыми вы интересуетесь, в течение дня проявляют активность в Интернете. Вы могли просматривать пакеты с интернет-данными, чтобы видеть поисковые запросы этого человека, как они появляются буква за буквой – в силу того, что столько сайтов передают каждый символ по мере того, как он набирается на клавиатуре. Как будто наблюдаешь за автозаполнением: буквы и цифры сами набираются на экране. Но за символами скрывался не искусственный интеллект, а человеческий: по ту сторону экрана сидел живой человек.

Недели, проведенные в Форт-Мид, и короткое пребывание в «Буз» на Гавайях – это моя первая и единственная встреча со злоупотреблениями, о которых до сих пор я только читал в отчетах для внутреннего пользования. Непосредственно видеть, как осуществлялась слежка, – значило осознавать, насколько оторвано мое положение как «системщика» от точки отсчета непосредственного вреда. Наверное, такая оторванность возможна только в дирекции агентства или, если на то пошло, у президента США.

Я не стал вбивать имена директора агентства или президента в XKEYSCORE, но после достаточного количества времени, проведенного наедине с системой, понял, что мог бы. Коммуникации каждого человека были в этой системе – *каждого*.

Изначально я боялся, что, если я проверю кого-то из высших эшелонов власти, меня поймают и уволят, а то и хуже. Но скрыть запрос, касающийся даже таких видных лиц, было на удивление легко, просто закодировав мои условия поиска – и результат был бы непонятной абракадаброй для людей, но вполне понятным запросом для XKEYSCORE. Любой контролер, просматривавший поисковый запрос, если только он дал себе труд посмотреть повнимательнее, увидел бы лишь невнятные обрывки бессмысленного кода, в то время как я бы смог выведать самые приватные сведения о членах Верховного суда или конгрессменах.

Насколько я видел, никто из моих коллег не собирался злоупотреблять своей властью с таким размахом – хотя, если и собирался, вслух бы все равно не сказал. Впрочем, когда аналитики злоупотребляли системой, им куда менее интересно было узнать, что она для них может сделать в профессиональном плане, чем то, что она может сделать лично для них. В агентстве возникла практика, которую прозвали LOVEINT – грубая насмешка и над HUMINT, и над SIGINT, своеобразная пародия на всю разведывательную деятельность. Аналитики использовали программы своего ведомства для слежки за бывшими и теперешними любовницами, друзьями и знакомыми, читали их электронные письма, подслушивали телефонные звонки и просматривали их сетевую активность. Сотрудники АНБ знали, что только последних болванов можно застукать на месте преступления, и хотя закон утверждал, что всякий, кто использует инструменты слежки в личных целях, может загреметь в тюрьму по крайней мере на десять лет, никто в истории агентства ни разу не был приговорен даже на одни сутки. Аналитики понимали, что правительство никогда не будет судить их открыто: невозможно обвинить человека в злоупотреблении секретной системой массового сбора данных, если отрицаешь сам факт ее существования. Цена подобной политики стала ясна мне, когда я сидел в глубине «склепа» V22 в штаб-квартире АНБ в компании двух наиболее талантливых аналитиков инфраструктуры, чье рабочее место украшала двухметровой высоты афиша «Звездных войн» с портретом знаменитой волосатой Чубакки. Я понял, что перехваченная обнаженка стала чем-то вроде неформальной офисной валюты: пока первый аналитик растолковывал мне некоторые рутинные процедуры безопасности, второй его товарищ поворачивался на вращающемся кресле и перебивал нас, улыбаясь: «*Какова*?» – на что мой инструктор неизменно отвечал: «Ого!» или «Миленькая!» Подтекст был такой, что если вы находите женское «ню», фотографию или видео, и эта цель (или

кто-то, кто был с ней в контакте) привлекательна, то ты должен поделиться со всеми остальными мужчинами в отделе, если, конечно, рядом нет женщин. Это происходит, потому что ты знаешь, что можешь доверять остальным: вы все замешаны в одном преступлении.

Одну вещь начинаешь понимать очень скоро, когда используешь XKEYSCORE – почти у каждого в мире, кто был в Сети, есть две общие черты. Все они в то или иное время смотрели порнографию и хранили снимки и видео своей семьи. Это относится практически ко всем, независимо от пола, национальной принадлежности, расы и возраста, от террориста до убеленного сединами почтенного горожанина, который может оказаться дедушкой террориста, его папой или еще каким-то родственником.

Меня до мозга костей пронимает именно семейный аспект. Я помню одного малыша из Индонезии, маленького мальчика. Теоретически я не должен был интересоваться им, но мои наниматели заинтересовались его отцом. Материалы о нем я просматривал из общей папки «персонального» аналитика – так называют сотрудника, который большую часть дня копается в чатах, письмах на Gmail и сообщениях на Facebook, а не лезет в более темный и сложный, типично хакерский трафик инфраструктурных аналитиков.

Папа мальчика, как и мой отец, был инженером, но, в отличие от моего отца, он не был ни правительственным служащим, ни военным. Он был рядовым преподавателем, попавшим в ловушку слежки. Я не помню конкретно, почему он вызвал повышенный интерес, кроме того, что послал документы о приеме на работу в Иран. Основания для подозрений практически всегда были слабо подкреплены документально (если были подкреплены вообще), а связи обычно притягивались за уши: «Считается, что такой-то связан с…» Далее следует название международной организации – какой угодно, от организации, разрабатывающей телекоммуникационные стандарты, или ЮНИСЕФ до чего-то действительно серьезного.

Выборки из коммуникаций этого мужчины были выловлены из интернет-трафика и собраны в папки. Вот роковая копия резюме, посланная в подозрительный университет. Вот сам текст резюме. Вот история запросов в браузере, корреспонденция за последнюю неделю – письма посланные и полученные, с указанием IP-адресов. Вот геозона с координатами, которые аналитик рассчитал на случай, если «цель» окажется слишком далеко от дома – например, поедет в тот самый университет на собеседование.

Были еще фотоснимки и видео. Мужчина сидел перед своим компьютером, точно как я сидел перед своим. На руках у него был годовалый ребенок в памперсах.

Отец что-то читал с экрана, а малыш возился у него на коленях, хватал ручонками связку ключей и хохотал. Встроенный микрофон ноутбука поймал этот хохот, и я слышал его в своих наушниках. Отец крепче сжал ребенка, мальчик выпрямился и своими темными сливовидными глазами посмотрел прямо в веб-камеру. Я не мог отделаться от мысли, что он смотрит прямо на меня. Внезапно я почувствовал, что затаил дыхание. Я прекратил просмотр, встал из-за компьютера и вышел из офиса в туалет холла, опустив голову, забыв снять наушники, провод от которых тянулся за мной…

Этот ребенок и его отец напомнили мне о собственном отце, с которым я встретился пообедать вечером, пока находился в Форт-Мид. Мы уже довольно долго не виделись, но посреди застольных разговоров, за салатом «Цезарь» и розовым лимонадом, мне вдруг подумалось: *«Я больше никогда не увижу свою семью»*. Мои глаза остались сухими, я приложил все усилия, чтобы не заплакать, но внутренне был очень подавлен. Я знал, что, если расскажу о том, что задумал, он вызовет полицейских. Или окрестит психом, и меня поместят в больницу для душевнобольных. Он обязательно сделал бы хоть что-нибудь, чтобы не дать мне совершить самую большую мою ошибку.

Я могу только надеяться, что его боль со временем исцелится гордостью.

И снова на Гавайи, между мартом и маем 2013 года, где ощущение скорой развязки сопровождало почти каждое мое движение, и как ни тривиальны были эти переживания, они облегчили мой дальнейший путь. Не так болезненно было думать, что я в последний раз останавливаюсь возле того ресторана, где подают карри в Милилани, или захожу в арт-галерею, где собираются хакеры Гонолулу, или сижу на крыше машины и «сканирую» ночное небо в поисках падающих звезд. Куда больнее было осознавать, что у меня остался только месяц, чтобы побыть с Линдси, или еще неделя, чтобы спать с ней рядом, при этом постепенно отдаляясь, чтобы этот удар не сломал ее.

Я делал приготовления, будто готовился к смерти. Снял со счетов все деньги, положив наличность в пустую железную коробку, чтобы смогла найти Линдси и не отобрали при обыске. Я переделал всю работу по дому, которую постоянно откладывал: укрепил оконные рамы, сменил электрические лампочки. Я стер и зашифровал содержимое моих старых компьютеров, превратив те в безмолвные памятники лучшим временам. Я приводил свои

дела в порядок, стараясь облегчить жизнь Линдси или стараясь облегчить свою совесть, переключившись с забот о целом мире на женщину, которая у меня была, и семью, которую я любил.

Все было пропитано этим ощущением конца, но еще были моменты, когда казалось, что впереди не конец и что план, разработанный мной, рушится. Журналистов было трудно уговорить встретиться по большей части потому, что я не мог им сказать, с кем они будут встречаться и даже время и место, где это случится. Я должен был считаться с вероятностью того, что они не выйдут на контакт или уйдут в тень после первой встречи. В конце концов я решил, что, если ничего не произойдет, я откажусь от своего плана, вернусь на работу и к Линдси, как будто ничего и не было. И буду ждать следующего случая.

Пока я колесил по Кунии – двадцатиминутная поездка туда и обратно, которая могла превратиться в двухчасовую «охоту» на вайфай, – я изучал многие страны, пытаясь отыскать самое удобное место для встречи с журналистами. Казалось, что я сам выбираю себе тюрьму или могилу. Все страны «Пяти глаз», конечно, отпадали. Фактически отпадали все европейские страны: на них нельзя было рассчитывать из-за принятия практики экстрадиции политических преступников под неизбежным давлением США. Африка и Латинская Америка тоже исключались – американская история изобилует примерами безнаказанности в отношениях с этими регионами. Россия не пойдет, потому что это Россия, а Китай – потому что Китай. Обе страны вне игры: правительству США, чтобы дискредитировать меня, ничего не надо будет делать, лишь указать место на карте. Хуже, наверное, только Ближний Восток. Казалось, что самый сложный «хак» в моей жизни – это не «ограбление» АНБ, а попытка найти на карте место для встречи, одновременно независимое от Белого дома, но свободное, чтобы никто не вмешивался в мои дела.

Методом отбрасывания вариантов я остановился на Гонконге. В геополитическом плане он – самое нейтральное место, эдакая «ничья земля», но вместе с этим – город с активными средствами массовой информации, протестной культурой, не говоря уже о неподцензурном Интернете. Его существование было аномалией: либеральный город всемирного значения, чья номинальная автономия отгородит меня от Китая, не позволив Пекину провести публичную акцию против меня или журналистов, – но чье существование в зоне его влияния исключит возможность одностороннего вмешательства США. В ситуации, где не было никакой уверенности в безопасности, была по крайней мере гарантия выиграть время. И все-таки шансов на успех моего плана

было немного. Я мог только надеяться, что успею сделать разоблачение прежде, чем меня схватят.

В утро последнего дня я проснулся с Линдси, она уезжала на Кауаи – в непродолжительный туристический поход с друзьями, который я поддержал. Мы лежали в постели, и я обнимал ее слишком крепко, и когда она с сонным недоумением спросила, что со мной и почему я такой нежный, я извинился. Сказал, что сожалею, что был так занят и что буду скучать, потому что она – лучший человек, которого я встречал в жизни. Она улыбнулась, чмокнула меня в щеку и вскоре пошла паковать вещи.

В тот момент, когда она вышла из комнаты, я впервые за многие годы заплакал. Я чувствовал вину за все, кроме того, в чем меня обвинит правительство. И особенно я стыдился своих слез, ведь моя боль – ничто, по сравнению с той болью, которую я причиню любимой женщине, и теми страданиями и смятением, которые я причиню семье.

По крайней мере, у меня было преимущество знать, что будет дальше. Линдси вернется из похода, увидит мое отсутствие, предполагая, что я в командировке, и буквально на пороге встретится с моей мамой. Дело в том, что я позвал маму в гости, в поездку такую неожиданную, что она вправе ожидать сюрприза – например, нашей с Линдси помолвки. Я чувствовал себя ужасно из-за этого притворства и с дрожью думал о разочаровании, которое ее ожидало, но продолжал твердить себе то, что меня оправдывало. Мама позаботится о Линдси, а Линдси позаботится о ней. Все будут нуждаться в поддержке друг друга, чтобы пережить надвигающийся шторм.

Через день после отъезда Линдси я взял врачебное освобождение от работы, ссылаясь на эпилепсию, упаковал скудный багаж и четыре ноутбука: с защищенной связью, с обычной связью для отвода глаз и с «воздушным зазором» (компьютер, который никогда не был и не будет онлайн). Я положил смартфон на кухонную столешницу, рядом с блокнотом, на котором быстро написал: *«Вызвали на работу. Люблю тебя».* И подписался своим ником для писем – «Эхо». Потом я отправился в аэропорт и купил за наличные билет на самолет до Токио. В Токио за наличные я купил другой билет на самолет, и 20 мая прибыл в Гонконг, где обо мне впервые услышал мир.

Гонконг

Психологическая привязанность к игре, представляющей собой последовательность испытаний постоянно возрастающей сложности, оправдывается верой в то, что можешь победить. Никогда это не казалось мне настолько явным, как в случае с кубиком Рубика, который воплощает человеческую фантазию о том, что если работать достаточно усердно и перепробовать все, что только возможно, то предмет, кажущийся бессвязным и беспорядочным, в финале вдруг щелкнет и обретет идеальную размеренную четкость; что людская изобретательность сможет преобразовать самые хаотичные системы в нечто логичное и упорядоченное, где каждая грань трехмерного пространства сияет светом своей безупречной равномерности.

Я выработал план – точнее, множество планов, – в которых единственная ошибка означала бы, что тебя схватят. И все-таки меня не схватили: я выбрался из АНБ, выбрался из страны. Я выиграл игру. По всем меркам худшее было позади. Но мое воображение не успокаивалось, поскольку журналисты, которых я просил приехать, не появлялись. Они тянули время, просили прощения, извинялись.

Я знал, что Лора Пойтрас, которой я уже послал несколько документов и обещал намного больше, готова была лететь из Нью-Йорка по первому моему сигналу, но она не собиралась лететь одна. Пыталась уговорить Гленна Гринвальда, чтобы тот выразил свою точку зрения, убеждала его купить новый ноутбук, еще не подключенный к Сети. Поставив зашифрованные программы, мы смогли бы тогда лучше поддерживать связь. И вот я в Гонконге, смотрю, как часы своим тиканьем укорачивают мое время, как календарь отсчитывает дни, умоляя, упрашивая: *«Пожалуйста, вернись, прежде чем в АНБ поймут, что тебя слишком долго нет на работе!»* Горестно было думать, сколько мучительных часов и минут я пережил ради перспективы ждать в Гонконге, словно судно, севшее на мель. Я пытался вызвать в себе симпатию к этим журналистам, которые, казалось, слишком заняты или слишком нервничают, чтобы принять окончательное решение о поездке. Потом я вспоминал, как мало материала, из-за которого я рисковал своей головой, на деле будет показано публике, если полиция приедет раньше. Я думал о своей семье и Линдси и о том, как это глупо – доверить свою жизнь людям, которые даже не знают твоего имени…

Я забаррикадировался в своем номере в отеле «Мира», который выбрал из-за его местоположения в центре города в

шумном деловом районе с магазинами и офисами. Чтобы не надоедали горничные, я повесил табличку «Не беспокоить» на ручку двери, и десять дней никуда не выходил из-за страха, что в мое отсутствие проникнет шпион и наставит везде жучков. Когда ставки так высоки, единственное, что остается делать, это ждать. Мой номер превратился в кабинет бедного компьютерщика, невидимое сердце сети потайных туннелей Интернета, откуда я рассылал все более пронзительные послания отсутствующим эмиссарам нашей свободной прессы. Потом, в ожидании ответа, я стоял у окна, глядя на красивый парк, который не мог посетить. Ко времени, когда Лора и Гленн наконец приехали, я перепробовал по доставке в номер все блюда, какие только были в меню.

Нельзя сказать, чтобы я полторы недели просто сидел и пописывал жалобные послания. Я продумывал свой последний брифинг, который мне предстояло провести – перебирал архивы документов, размышляя, как лучше объяснить их содержание журналистам при встрече, ведь времени точно будет в обрез. Интересная назревала проблема: как наиболее убедительно рассказать технически не подкованным людям (которые, вероятно, скептически относятся ко мне) тот факт, что правительство США прослушивает весь мир – и какими методами оно это делает. Я создал словарик по терминам вроде «метаданные» и «носитель информации». Я собрал глоссарий акронимов и аббревиатур: CCE, CSS, DNI, NOFORN… Я принял решение объясняться не через технологии и системы, но через программы слежения – в сущности, рассказывая истории в стремлении говорить на их языке. Но я не мог решить, с какой истории мне начать. И все-таки продолжал перебирать их в уме, пытаясь выстроить наилучшую последовательность наихудших преступлений.

Мне нужно было найти способ помочь Лоре и Гленну в течение нескольких дней разобраться в том, на что у меня ушли годы. Но было еще кое-что: я должен был помочь им понять, кто я и почему я решился это сделать.

Гленн и Лора появились в Гонконге 2 июня. Когда они пришли ко мне в отель «Мира», я их, по-моему, разочаровал, по крайней мере сперва. Гленн даже сказал, что ожидал встретить «кого-то постарше, дымящего, как паровоз, в запое, терминальной стадии рака и с больной совестью». Он не мог понять, как такой молодой человек, как я – он все переспрашивал, сколько мне лет, – не только получил доступ к огромному количеству документов, но и еще вздумал сам сломать себе жизнь. Со своей

стороны, я не понимал, о каких «седых волосах» могла идти речь, если я инструктировал их перед встречей: пройдите прямо к тихой нише в ресторане отеля, к банкетке, отделанной под кожу аллигатора, и ждите парня с кубиком Рубика. Забавно, что в целях конспирации я вначале остерегался использовать такой яркий признак, но кубик был единственным моим предметом, который выглядел ни на что не похоже, благодаря чему узнавался издалека. А еще он помогал скрывать стресс от ожидания того, чего я больше всего боялся, – эпизода с наручниками.

Тот стресс достигнет заметного пика минут через десять, когда я привел Лору и Гленна в свой номер 1014 на десятом этаже. Едва Гленн успел по моей просьбе положить смартфон в мини-бар, как Лора уже меняла освещение в номере, включая и выключая лампы. Затем она распаковала цифровую видеокамеру. Хотя предварительно мы договорились в зашифрованной переписке, что она будет снимать нашу встречу, в реальности я оказался к этому не готов.

Ничто не могло бы подготовить меня к тому моменту, когда она направила на меня камеру, устроившись на моей неубранной кровати в тесной неприбранной комнате, где я просидел безвыходно последние десять дней. Я думаю, всем знакомо это неприятное чувство, когда ты осознаешь, что тебя снимают, и чем лучше осознаешь, тем больше чувствуешь неловкость. Просто осознание, что кто-то нажимает кнопку записи на смартфоне и направляет его на тебя, вызывает ужасное смущение, даже если это делает друг. Хотя с тех пор все мои деловые встречи проходят перед камерой, я все еще не уверен, какой опыт мне кажется более отчуждающим: видеть себя на пленке или участвовать в съемке. Пытаюсь уйти от первого, а уклоняться от камер сейчас вынуждены все.

В ситуации, которая и без того была напряженной, я окаменел. Горящий огонек камеры Лоры, как снайперский прицел, напоминал мне, что дверь в любой момент может распахнуться и меня отсюда выволокут – навсегда. Вновь возвращаясь к этой мысли, я старался представить себе, как эта запись будет выглядеть при ее демонстрации в суде. Я успел подумать, сколько всего на самом деле мне надо было сделать – например, одеться поприличнее и побриться. Тарелки из ресторана и мусор валялись по всему номеру – контейнеры от лапши и недоеденные бургеры, горы грязного белья и мокрые полотенца на полу.

Абсурдная ситуация! Я не только никогда не встречался с киношниками перед тем, как меня стали снимать, – я ни разу не общался с журналистами перед тем, как стать для них

источником. В первый раз заговорив вслух о системе массовой слежки правительства США, я уже говорил со всеми людьми, живущими в мире, где у каждого было интернет-соединение. Но в итоге, независимо от того, каким неряшливым я выглядел на пленке и как натянуто говорил, пленке Лоры не было цены, потому что она показывала миру происходящее в номере отеля, как ни одна газета не смогла бы. Кадры, отснятые Лорой в Гонконге в те дни, нельзя исказить. Их существование – дань не только ее профессионализму как документалиста, но и ее способности предвидеть.

Я провел неделю с третьего по девятое июня в заточении в своем номере вместе с Гленном и его коллегой из «Гардиан» Ивеном МакАскиллом, который присоединился чуть позже. Мы говорили и говорили, обсуждая программы АНБ, а Лора все кружила над нами, ведя съемку. В противовес этим исступленным дням ночи были пустыми и одинокими. Гленн с Ивеном отправлялись в свой отель – оформлять полученный материал в статьи, а Лора исчезала, чтобы монтировать отснятое на пленку и готовить свой материал совместно с Бартом Джеллманом из «Вашингтон пост», который не приезжал в Гонконг, а работал удаленно с документами, полученными от нее.

Я мог бы заснуть, хотя бы попытаться уснуть – или включить телевизор и на англоязычных каналах, Би-би-си и Си-эн-эн, увидеть реакцию международного сообщества. Пятого июня в «Гардиан» напечатали первую статью Гленна про то, как ордер Суда по надзору за внешней разведкой (FISA) дал разрешение АНБ на сбор информации в американской телекоммуникационной компании «Веризон» с каждого телефона, подключенного к ней. Шестого июня Гленн напечатал историю с PRISM, почти одновременно с аналогичным материалом в «Вашингтон пост», подготовленным Лорой и Бартом. Я знал, и думаю, все мы знали, что чем больше выйдет статей, тем скорее меня разоблачат – отчасти еще и потому, что мой офис уже начал засыпать меня запросами об обновлении статуса, а я не отвечал. И хотя Гленн, и Ивен, и Лора с неизменным сочувствием относились к моей «мине замедленного действия», они ни разу не поколебались в своем стремлении служить истине. Следуя их примеру, я вел себя так же.

Журналистика, как и документальное кино, показывает то, что есть на самом деле. И все-таки интересно, что остается между строк в силу условностей или технологий. В прозе Гленна, особенно в его публикациях в «Гардиан», мы видим узкоспециализированное изложение фактов, нарезанных в жесткой манере, характеризующей личность автора. Проза Ивена

более полно отражает его характер – искренний, утонченный, терпеливый и беспристрастный. Тогда как Лора, видевшая многое, будучи редко видимой другими, имела преимущества всезнания и сардонический ум: наполовину искусная шпионка, наполовину искусная артистка.

Разоблачения следовали сплошь одно за другим на каждом телевизионном канале и веб-сайте, и становилось ясно, что правительство США бросила всю свою машинерию на идентификацию источника. Было также ясно, что, как только его найдут, используют найденное лицо – мое лицо, – чтобы снять с себя ответственность: вместо разговора по сути разоблачений начнут оспаривать правдивость и обсуждать тайные мотивы «источника утечки». Понимая, какова ставка, я должен был перехватить инициативу, пока не поздно. Если я не успею разъяснить свои действия и намерения, правительство это сделает за меня, но так, чтобы сбить фокус и отвлечь от собственных прегрешений.

Моя единственная надежда – принять бой, опередив их и раскрыв себя. Я дам публике достаточно деталей, чтобы удовлетворить возбужденное любопытство, с ясным утверждением, что случившееся объясняется не особенностями моей личности, а фактами, не совместимыми с принципами американской демократии. Потом я исчезну так же быстро, как появился. По крайней мере таков был план.

Мы с Ивеном решили, что он напишет очерк о моей карьере в разведывательном сообществе, а Лора предложила снять видеообращение, которое появится одновременно с публикацией в «Гардиан». В нем я единолично признаю себя в качестве источника, сообщившего о глобальной массовой слежке. Но хотя Лора вела съемки всю неделю (многое из отснятого позже войдет в ее документальный фильм *Citizenfour*), нам просто не хватило времени просмотреть материал в поисках кусочков, где я говорю более связно и держу визуальный контакт. То, что она в конце концов предложила, – это первое записанное обращение, которое снималось прямо тогда, и оно начинается словами: «Эм, мое имя Эд Сноуден, и мне – э-э-э – 29 лет».

Привет, мир!

Хоть я никогда не сожалел, что открылся миру, все-таки хотелось бы сделать это с хорошей дикцией и с более четким планом дальнейших действий в голове. По правде говоря, плана никакого у меня и не было. Я изначально не слишком задумывался о том, что стану делать, когда игра закончится, – может быть, оттого, что благополучный исход казался

маловероятным. Все, что меня занимало, это возможность выложить факты перед всем миром: я рассчитывал, что, предав документы огласке, я могу полагаться на милосердие общественности. Ни о какой стратегии отступления не могло быть и речи, так как каждый шаг, обдуманный заранее, увеличивал риск воспрепятствовать разоблачениям.

Если бы я позаботился предварительно о том, чтобы улететь в конкретную страну и там искать убежище, меня бы назвали агентом этой страны. Тогда как если бы я вернулся в свою собственную страну, лучшее, на что я мог бы рассчитывать, это арест сразу после посадки самолета и обвинение, согласно Закону о шпионаже. Это обрекало бы меня на показательный процесс без реальной защиты, профанацию, шоу, на котором любые разговоры по существу имеющихся фактов были бы под запретом.

Самым большим препятствием на пути справедливости стал бы главный порок закона, допущенный правительством намеренно. Никому, оказавшемуся в моей ситуации, не дали бы сказать на суде, что разоблачения, которые я сделал перед журналистами, для общества благотворны. Даже и теперь, спустя несколько лет, мне не позволили бы сказать, что на основании отчетов по следам моих разоблачений конгресс изменил ряд законов, касающихся слежки. Он убедил суды отменить часть программ массового слежения как противоречащие закону, а также вынудил главного прокурора и президента США признать, что дебаты по поводу массовой слежки чрезвычайно важны для общества и в конечном итоге укрепляют страну. Все эти аргументы были бы сочтены не просто неуместными, а недопустимыми при той форме судебных разбирательств, с какими я бы столкнулся, если вернулся на родину. Единственное, что мое государство доказывало бы в суде, – это то, что я раскрыл засекреченную информацию журналистам, факт, не подлежащий сомнению. Вот почему всякий, кто считает, что я должен был вернуться в Штаты для судебного разбирательства, на самом деле говорит, что я должен вернуться за приговором, и этот приговор что тогда, что сейчас был бы наверняка суровым. Раскрытие сверхсекретных документов – не важно, иностранным шпионам или своим журналистам – карается сроком до десяти лет за каждый документ.

С того момента, как видео, снятое Лорой, 9 июня появилось на сайте «Гардиан», я был обнаружен. У меня на спине была мишень. Я знал, что заведения, которые я опозорил, не угомонятся, пока не получат меня с мешком на голове и в наручниках. А до тех пор (скорее всего, и после) они будут преследовать моих родных и стараться всячески опорочить меня,

исследуя каждую деталь моей биографии и карьеры, чтобы запятнать меня или пустить дезинформацию. Мне хорошо была знакома технология этого процесса благодаря прочтению секретных внутренних материалов о случаях в самом ведомстве, а также судебных дел других разоблачителей. Я знал историю героев, таких как Даниэль Эллсберг и Энтони Руссо, а также относительно недавнюю историю Томаса Тамма, адвоката Управления разведывательной политики и анализа, одного из отделов Министерства юстиции – многие отчеты о незаконной прослушке в середине 2000-х годов ссылались на него как на источник. Были также Дрэйк, Бинни, Уиби и Лумис – последователи Перри Фелдворка в цифровую эпоху. Фелдворк еще в 1971 году раскрыл в прессе существование тогда еще негласного АНБ, что заставило Сенатский церковный комитет (предшественник современного Сенатского комитета по разведке) утверждать, что цель агентства ограничивается сбором скорее иностранной, нежели внутренней разведывательной информации. А еще известна история рядового армии Челси Мэннинг, которая за свой проступок – раскрытие фактов военных преступлений США – была отдана под трибунал и приговорена к 35 годам тюремного заключения, из которых отбыла семь. Приговор был смягчен под влиянием международной общественности, возмущенной тем обращением, которому она подвергалась в одиночной камере.

Все эти люди, попали они в тюрьму или нет, были встречены с неприятием, часто жестоким и проистекавшим из того самого источника, который я помог раскрыть: слежка. Если бы они излили свой гнев в частных сообщениях, они бы вызвали недовольство. Если бы они хоть однажды побывали у психиатра, или психотерапевта, или просто выбрали в библиотеке книги на соответствующую тему, их бы назвали «душевнобольными». Если хоть раз выпили, то их стали бы называть алкоголиками. Случись у них интрижка на стороне, их поведение осудили бы как сексуально девиантное. Немало случаев, когда люди теряли свои дома, становились банкротами. Ведомству проще очернить чью-то репутацию, не принимая в свои расчеты принципиальное инакомыслие. Ему достаточно ознакомиться с их личным делом, добрать недостающие улики и – если понадобится – сфабриковать их.

Но насколько я был уверен в негодовании официальных органов, настолько же я не сомневался в поддержке моей семьи и Линдси, которая, как я был убежден, меня поймет. Возможно, что не простит, но поймет – учитывая мое недавнее поведение. Я утешался, думая о любви ко мне близких. Это помогало

смириться с тем, что в моей игре не было дальнейших планов. Я мог только сохранять свою веру в свою семью и Линдси и веру – быть может, идеалистическую – в моих сограждан; надеяться, что когда-либо, собрав все доказательства массовой слежки в Америке, они мобилизуются и призовут к правосудию. Они захотят восстановить справедливость в отношении их самих, и в этом свете моя судьба тоже решится. Таков был последний рывок моей веры: я едва ли мог верить кому-то – и приходилось верить во всех.

В течение нескольких часов после появления видео в «Гардиан» один из постоянных читателей Гленна в Гонконге связался с ним и предложил ему вывести меня на Роберта Тиббо и Джонатана Мэна – двух местных адвокатов, которые впоследствии добровольно занялись моим делом. Они помогли мне выбраться из «Мира», где пресса все-таки вычислила меня и осаждала отель. Гленн, отвлекая внимание, вышел через главную дверь фойе, где его немедленно окружили люди с камерами и микрофонами. Тем временем я проскочил через один из многочисленных запасных выходов, пройдя из него по переходу, ведущему в торговый центр.

Мне понравился Роберт. Быть его клиентом – значит быть его другом на всю жизнь. Он идеалист и рыцарь, способный без устали отстаивать безнадежные дела. И даже больше, чем его адвокатская миссия, впечатляла его изобретательность в поиске безопасных укрытий. Пока репортеры осаждали каждый пятизвездочный отель в Гонконге, он отвез меня в один из беднейших кварталов и познакомил с другими своими клиентами, несколькими из почти двенадцати тысяч беженцев: под давлением Китая Гонконг подтверждает статус резидента лишь одному проценту изгнанников. Обычно я не называл имен, но, коль скоро эти люди сами мужественно открыли их прессе, назову: это Ванесса Мей Бондалиан Родель с Филиппин, Аджит Пушпакумара, Супун Тилина Келлапата и Надика Дилрукши Нонис из Шри-Ланки.

Эти добрые и щедрые люди подошли ко мне с милосердием и заботой. Солидарность, которую они проявили, не была политической. Она была человеческой, и за это я у них в вечном долгу. Им было не важно, кто я и чем может обернуться их помощь мне. Для них я был всего лишь нуждающимся. Сами они слишком хорошо знали, что это такое – в отчаянии бежать, спасаясь от смертельной угрозы, переживать тяжелейшие испытания, далеко превосходящие мои по сей день, и, надеюсь, в будущем: пытки военных, насилие и сексуальные

надругательства. Они впустили измотанного иностранца к себе домой, и не отступились, увидев мое лицо на экранах телевизоров.

Хотя их средства ограничены – Супун, Надика и Ванесса с двумя маленькими девочками жили в ветхой, тесной квартире неподалеку от моего отеля «Мира», – они поделились со мной всем, что у них было. За свою помощь они отказывались брать плату, причем с таким шумным протестом, что мне пришлось спрятать деньги в их комнате, чтобы они позже сами их нашли. Они накормили меня, дали вымыться, уложили спать – и охраняли меня. Никогда не смогу объяснить, как такое получается, когда так много могут дать те, кто имеет так мало, когда ты принят ими без рассуждений. Я, прятавшийся по углам, как бездомный кот, воровавший вайфай в отдаленных отелях своей особенной антенной, так забавлявшей маленьких детей.

Гостеприимство и дружеское участие этих людей было как дар, ибо для нашего мира иметь подобных людей – это дар, поэтому мне так больно, что и по прошествии стольких лет дела Аджита, Супун, Надики и ее дочерей все еще на рассмотрении. Мое восхищение этими людьми сопоставимо лишь с моим возмущением гонконгскими бюрократами, которые продолжают отказывать этим людям в нормальном пристанище. Если такие достойные и порядочные люди, как эти, не считаются достойными защиты со стороны государства, то это потому, что государство само недостойно. Что придает мне надежду, это то, что, когда настоящая книга готовилась к печати, Ванесса с дочерьми получила политическое убежище в Канаде. С нетерпением буду ждать того дня, когда смогу посетить моих старых гонконгских друзей в их новом доме, где бы он ни был, и, может быть, мы на свободе поделимся более счастливыми воспоминаниями.

14 июня правительство США выдвинуло мне обвинения в соответствии с Законом о шпионаже, а 21 июня официально запросило о моей экстрадиции. Я знал, что пора двигаться с места. К тому же это был мой тридцатый день рождения.

Когда Государственный департамент США выслал запрос, мои адвокаты приняли от меня апелляцию об оказании помощи в Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Власти Гонконга, под давлением Пекина или нет, воспротивились любому вмешательству ООН в вопрос о предоставлении мне международной поддержки на их территории и в дальнейшем рассудили, что в первую очередь необходимо удовлетворить требования той страны, гражданином которой я являюсь. Иными словами, Гонконг велел мне ехать домой и общаться с ООН из

тюремной камеры. Я не просто был не дома – я был незваным гостем. Если я хочу уехать свободно, мне надо ехать сразу. Я начисто стер с моих четырех ноутбуков все и уничтожил криптографический ключ. Это значило, что у меня больше нет доступа ни к каким документам, даже если бы меня принудили их показать. Потом я собрал немногочисленные вещи, одежду, и вышел. В «Ароматной гавани» укрытия мне уже не найдется.

Москва

Прибрежная страна на северо-западном краю Южной Америки, на расстоянии половины земного шара от Гонконга, Эквадор находится в самой середине всего. Недаром ее название переводится как «Республика Экватора». Многие мои соотечественники резонно заметят, что это очень маленькая страна, а некоторые даже в состоянии вспомнить, что она исторически считалась «угнетаемой». И я вынужден упрекнуть их в невежестве, если они думают, что и сейчас Эквадор – это тихая провинция. Когда в 2007 году Рафаэль Корреа стал президентом страны, на подъеме так называемого «демократического социализма», вслед за лидерами, победившими на выборах в конце 1990-х и начале 2000-х в Аргентине, Бразилии, Парагвае и Венесуэле, он поднял страну на гребень политических мер по противодействию американскому империализму. Одной из таких мер, учитывая, что по роду своей деятельности Корреа – экономист, было объявление национального долга противозаконным, фактически он был расценен как «одиозный долг», начисленный по вине деспотического режима и вследствие деспотической торговой политики. Уплата одиозного долга неприемлема. Этим заявлением Корреа освободил народ от экономического рабства, длившегося десятилетия, хотя и завел немало врагов в финансовых кругах, которые в немалой степени содействовали внешней политике США.

Эквадор, по крайней мере в 2013 году, сохранял тяжело доставшуюся веру в институт политического убежища. Как известно, посольство Эквадора в Лондоне при президенте Корреа стало пристанищем и укрытием для Джулиана Ассанжа, основателя WikiLeaks. У меня не было желания жить при посольстве, возможно, потому, что я уже работал в одном. Но мой гонконгский адвокат согласился, что, учитывая сложившиеся обстоятельства, Эквадор – самая подходящая страна для предоставления политического убежища, меньше всего запуганная гневом гегемона, который хозяйничал в этом полушарии. Моя растущая *ad hoc*[71] команда адвокатов, журналистов, технических специалистов и активистов поддержала это решение. Вся моя надежда была – добраться до Эквадора без приключений.

Так как мое правительство намеревалось привлечь меня в рамках Закона о шпионаже, я, таким образом, обвинялся по политической статье – то есть в таком преступлении, жертвой которого считается государство, а не отдельная личность.

Согласно международному гуманитарному праву, те, кому выдвинуто обвинение такого рода, обычно освобождаются от экстрадиции, поскольку обвинение в политических преступлениях чаще бывает авторитарной попыткой подавить допускаемое законом инакомыслие. В теории это означает, что «дующие в свисток» разоблачители нуждаются в защите от экстрадиции практически везде. На практике, конечно, это бывает редко, особенно когда пострадавшей стороной себя мнит правительство Америки – которое на словах стремится содействовать демократии за рубежом, а на практике имеет при себе тайный эскадрон частных летательных аппаратов, предназначенных для таких противозаконных экстрадиций, как похищение.

Моя группа поддержки обратилась к властям по всему миру, от Исландии до Индии, осведомляясь, будут ли они поддерживать запрет на экстрадицию тех, кто обвиняется в политических преступлениях, и будут ли они вмешиваться в мое возможное путешествие. Вскоре стало очевидно, что даже самые передовые демократии боятся навлечь на себя гнев правительства США. В частном порядке они выражали сочувствие, но не изъявляли желания предложить даже неофициальные гарантии. В сухом остатке оставался вариант лететь через страны, которые не экстрадируют политических беженцев, и при этом таким рейсом, который не пересекает территорию страны, сотрудничавшей или имевшей совместные оборонные проекты с США. Один чиновник, кажется, из Франции, сказал, что шансы мои значительно повысились бы, если бы я имел *laissez-passer*, признанный Организацией Объединенных Наций документ для проезда в одну сторону, выдаваемый для обеспечения безопасного проезда беженцам для пересечения границ. Но как его получить? Легче сказать, чем сделать.

О моей судьбе узнала Сара Гаррисон, журналист и редактор *WikiLeaks*. Как только новость о разоблачении глобальной системы массового слежения разразилась в Америке, она немедленно вылетела в Гонконг. Имея большой опыт работы с *WikiLeaks* и зная о судьбе Джулиана Ассанжа, она хотела помочь мне найти самое надежное в мире убежище. Имелись у нее и связи в юридическом сообществе Гонконга.

Люди долго приписывали эгоистичные мотивы желанию Ассанжа оказать мне помощь, но я верю, что он больше всего желал одного – помочь мне избежать задержания. Лишний раз доставить неприятность правительству США – для него дополнительный бонус, но никак не самоцель. Это правда, что Ассанж эгоистичен, тщеславен, непостоянен и даже бывает

грубоват – после резких расхождений всего через месяц после начала переписки я больше ни разу не вступал с ним в контакт. Он искренне считает себя борцом в исторической битве за общественные права, в которой он готов на все, чтобы одержать победу. Именно по этой причине я считаю, что низводить его мотивы до минутной блажи или саморекламы – ошибочно. Для него, на мой взгляд, гораздо важнее была сама возможность получить пример, противоположный истории с Челси Мэннинг, чей 35-летний тюремный приговор стал беспрецедентным, чудовищным уроком для разоблачителей по всему миру. Хотя я никогда не буду и никогда не был источником для Ассанжа, мой случай помог ему исправить зло. Он ничего не мог поделать в случае с Мэннинг, но казалось, что при содействии Сары он настроен сделать все, чтобы спасти меня.

Несмотря на все это, вначале я опасался вмешательства Сары. Но Лора сказала, что та серьезный, компетентный и – самое главное – независимый человек. Она одна из немногих в *WikiLeaks*, кто посмел в открытую не согласиться с Ассанжем. Несмотря на все предосторожности, я был в трудном положении, но, как сказал однажды Хемингуэй, «лучший способ узнать, можете ли вы доверять кому-то, – это доверять ему».

Лора предупредила меня о приезде в Гонконг Сары только за день до того, как она общалась со мной на зашифрованном канале, что тоже было всего за день или за два, как я встретился с ней лично. Если я сейчас немного путаюсь в датах, вы должны меня простить: один сумасшедший день сменялся другим. Сара была настоящим ураганом с момента ее прибытия в Гонконг. Хотя она не была юристом, ее познания оказались очень глубокими в том, что я назвал бы межперсональными и неофициальными нюансами обхода экстрадиции. Она встретилась с местными правозащитниками, и я был глубоко впечатлен ее темпами и ее контактами. Благодаря ее связям в *WikiLeaks* и чрезвычайной смелости консула Эквадора в Лондоне Фиделя Нарвеза они вдвоем сумели получить *laissez-passer* на мое имя. Этот документ, который, как предполагалось, приведет меня в Эквадор, был оформлен консулом в срочном порядке, так как у нас не было времени, чтобы ждать формального одобрения правительства в Эквадоре. Времени не было, Сара наняла микроавтобус, чтобы ехать в аэропорт.

Так мы с ней и встретились – на ходу. Я был бы рад сказать, что знакомство началось с изъявления мной благодарности, но вместо этого я спросил: «Когда ты последний раз спала?» Сара, как и я, выглядела измотанной и растрепанной. Она засмотрелась в окно, словно подыскивая ответ, а потом покачала головой: «Не

помню».

Мы оба подхватили простуду, и наш осторожный разговор перемежался кашлем и чиханием. Как она объяснила, она хотела помочь мне по зову собственной совести, а вовсе не по требованию работодателя. Было ясно, что ее действия были продиктованы не столько дикой оппозицией Ассанджа к центральной власти, сколько ее собственным убеждением, что слишком многое в современной журналистике скорее служило правительству, чем боролось с ним. Мы примчались в аэропорт, зарегистрировались и прошли паспортный контроль для первого из запланированных трех рейсов. Все это время я ждал, что она попросит у меня что-либо – хоть что-нибудь, типа сделать заявление в поддержку Ассанжа или его организации. Но она ничего не просила от меня, хотя бодро придерживалась мнения, что я свалял дурака, доверив конгломератам средств распространения информации «охранять ворота» между публикой и правдой. За эту честность, как и за многое другое, я буду вечно восхищаться Сарой.

Мы отправлялись в Кито, столицу Эквадора, через Москву, Гавану и Каракас по одной простой причине: это был единственный доступный нам безопасный маршрут. Из Гонконга не было прямых рейсов на Кито, а все остальные пересекали воздушное пространство США. Пока я переживал о длительной стоянке в России – у нас будет больше двадцати часов перед вылетом рейса на Гавану, – мой наибольший страх касался последующего этапа пути, так как рейс из России на Кубу предполагал перелет через воздушное пространство, контролируемое НАТО. Меня не особенно радовало, что мы будем пролетать над такой страной, как Польша, потому что на моей памяти она делала все, чтобы угодить правительству США, включая размещение секретных тюрем ЦРУ, где мои бывшие коллеги по ведомству проводили с заключенными «усиленные допросы» – очередной эвфемизм эпохи Буша к слову «пытка».

Я надвинул на глаза шапку, чтобы меня не узнали, а Сара оглядывалась по сторонам. Она взяла меня за руку и провела к воротам, где мы ждали посадки. Последний пункт, где она может повернуться и уйти. «Ты не обязана делать это», – сказал я.

«Чего?»

«Охранять меня вот так».

Сара напряглась. «Давай внесем ясность, – сказала она, когда мы вошли в самолет. – Я не охраняю тебя. Я здесь для того, чтобы постороннему было сложнее вмешаться. И убедиться, что кое-кто держится нормально».

«Так ты мой свидетель», – сказал я.

Она усмехнулась: «Кто-то же должен быть последним, кто видел тебя живым. Этим последним могу быть я».

Хотя три пункта, где нас наиболее вероятно могли бы остановить – регистрация, паспортный контроль и ворота, – были позади, в самолете я не чувствовал себя в безопасности. Я не хотел расслабляться. Я сел у окна, Сара рядом, загородив меня от других пассажиров через проход. Прошла целая вечность, двери салона закрылись, трап отъехал, и наконец, мы тронулись. Но перед тем, как самолет вырулил на взлетную полосу, он вдруг резко остановился. Я стал нервничать. Опустив поля шляпы до самых очков, я напрягся, ожидая услышать звук сирен и увидеть голубые вспышки. Опять я играл в эту игру – «ждать», играл снова и снова, и ожиданию не было конца. Наконец самолет снова пришел в движение и сделал поворот, и тут я заметил, что мы просто стоим в очереди на взлет.

Моя уверенность росла по мере того, как самолет набирал высоту, но еще трудно было поверить, что я вне опасности. Уже в воздухе я перестал судорожно сжимать пальцами бедра и решил поискать свой кубик Рубика в сумке. Но я знал, что нельзя – ничто не вызвало бы больше подозрений. Поэтому я снова сел, откинулся назад и снова натянул на глаза свою шляпу, поглядывая на видеоэкран, вмонтированный в спинку кресла прямо передо мной, где был обозначен пикселями наш маршрут через Китай, Монголию и Россию. Ни одна из этих стран не имела ни малейшего желания угождать Госдепу США. Но, с другой стороны, я не мог предсказать, как поступит российское правительство, когда мы приземлимся, после того как нас потащат на осмотр, где найдут только «вычищенные» ноутбуки и пустую сумку. Что, как я надеялся, поможет нам в таком случае – это то, что за мной наблюдал весь мир, а мои адвокаты и юристы *WikiLeaks* следили за нашими передвижениями.

И только раз, когда мы вошли в воздушное пространство Китая, я догадался, что не смогу успокоиться, пока открыто не задам Саре этот вопрос: «Почему ты мне помогаешь?»

Она понизила голос, словно хотела приглушить свои эмоции, и сказала, что хочет для меня хорошего исхода. Она не пояснила, что имела в виду, и я мог только ловить в ее ответе нотки доверия и уважения.

Я успокоился и по крайней мере смог немного поспать.

Мы приземлились в Шереметьево 23 июня, думая, что останемся там на сутки. Но время ожидания растянулось на шесть лет. Изгнание – бесконечное время ожидания.

В разведке, и особенно в ЦРУ, ты много тренируешься не

попасть впросак на таможне. Нужно продумать одежду, поведение. Позаботиться о вещах в сумке и карманах, о том, что о себе говорить. Твоя сверхзадача – быть самым скучным в очереди, с идеально незапоминающимся обликом. Но все это не имеет значения, если твое имя гремит в новостях.

Я вручил свою синюю книжечку похожему на медведя парню в кабинке на пограничном контроле, который пробежал ее глазами и перелистал страницы. Я хорошо помнил, сколько времени это длилось с людьми, стоявшими в очереди перед нами. С нами это было намного дольше. Парень взял свой телефон и что-то проворчал по-русски, как тотчас же – слишком быстро – появились два сотрудника охраны в костюмах. Они, должно быть, уже ждали нас. Тот, что шел впереди, взял мою книжечку у парня из кабинки и наклонился ко мне. «У вас проблема с паспортом, – сказал он. – Пожалуйста, пройдемте».

Сара немедленно вступилась за меня и обрушила на них свой быстрый, бурный английский: «Я юрист-консультант по правовым вопросам. Я всегда его сопровождаю. Я иду с вами. Согласно…»

Но, прежде чем она успела процитировать соответствующие пакты ООН и Женевские соглашения, сотрудник поднял руку и взглянул на очередь. «Хорошо, вы тоже пройдите», – сказал он.

Я даже не уверен, понял ли он ее слова. Было ясно, что он просто не хотел сцены.

Двое сотрудников охраны быстро провели нас в место, которое, как я думал, будет специальным помещением для вторичного осмотра, но вместо этого оно оказалось стильным бизнес-залом Шереметьево – для пассажиров бизнес-класса и первого класса, где на роскошных креслах сидели несколько расслабленных пассажиров. Нас с Сарой провели мимо них, затем вниз, в большой холл, и затем – в своего рода конференц-зал, где вокруг большого стола сидели мужчины в серых костюмах. Их было с полдюжины или около того, все с армейской стрижкой. Один сидел в стороне, держа в руках ручку. Вероятно, стенографист, своего рода секретарь, как я понял. Перед ним была папка с листами писчей бумаги. На обложке папки была монохромная эмблема, и мне не нужно было знать русский, чтобы понять: это меч и щит, символ главного ведомства российской разведки – ФСБ. Как и ФБР в Соединенных Штатах, ФСБ уполномочена не только шпионить и расследовать, но и производить аресты.

На центральном месте за столом сидел человек постарше в более дорогом костюме, чем у остальных, с белой сединой, сиявшей, словно ореол его власти. Он жестом пригласил меня и Сару сесть напротив, внушительным взмахом руки и улыбкой

обнаружив бывалого сотрудника агентурной разведки – или как там их называют в России. В разведслужбах всего мира есть такие типажи – прирожденные актеры, которые пробуют различные эмоциональные «ключи», пока не получат от тебя нужной им реакции.

Он кашлянул и выдал мне на приличном английском то, что в ЦРУ называют «холодной подачей»: это когда вам фактически делают предложение от имени разведслужбы другого государства, суть которого – «переходите к нам и работайте с нами». В обмен на сотрудничество иностранцам они сулят всевозможные блага, от пачек денег до обещания вытащить из тюрьмы, а на деле могут обмануть или вовсе организовать заказное убийство. Ловушка в том, что иностранцы всегда ждут равноценного или лучшего в обмен. Эта на первый взгляд ясная и недвусмысленная сделка никогда не совершается так, как оговаривается вначале. Даже странно, что это называется «холодной подачей», потому что тот, кто затевает игру, начинает обычно тепло, с улыбочкой, шуточкой, с проникновенными словами.

Я знал, что его надо срезать. Если иностранных офицеров разведки не срезать сразу, то потом не имеет значения, когда ты дашь им решительный отпор, потому что они успеют разрушить твою репутацию, просто дав просочиться записям, где ты размышляешь над этим. Как только этот человек принес нам извинения за доставленные неудобства, я подумал о спрятанных записывающих устройствах и постарался подбирать слова очень тщательно.

«Послушайте, я понимаю, кто вы и что здесь происходит, – сказал я. – Пожалуйста, позвольте мне ясно выразить то, что я не имею намерения сотрудничать с вами. Я не собираюсь сотрудничать ни с одной разведывательной службой. Я не хочу никого оскорбить, но такого разговора у нас не выйдет. Если вы хотите проверить мою сумку, то она здесь, – и я указал себе под стул. – Но я уверяю вас, в ней нет ничего, что могло бы вас заинтересовать».

Пока я говорил, лицо мужчины меняло выражение. Он притворялся, что глубоко ранен моими словами. «Нет, мы бы никогда не стали этого делать, – сказал он. – Пожалуйста, верьте нам, мы хотим только помочь вам».

Сара кашлянула и вступила в разговор: «Это весьма любезно с вашей стороны, но я надеюсь, вы понимаете, что все, что мы хотим, это продолжить наш транзитный рейс».

На краткий миг поддельное сочувствие мужчины сменилось раздражением: «Вы его адвокат?»

«Я его юридический консультант», – ответила Сара.

Мужчина обратился ко мне: «Так вы приехали в Россию не для того, чтобы остаться в России?»

«Нет».

«А могу я вас спросить, куда вы пытаетесь уехать? Каково ваше место конечного назначения?»

«Кито, Эквадор, через Каракас и Гавану», – сказал я, хотя знал, что мой ответ ему известен заранее. Он наверняка имел копию моего маршрута, поскольку мы с Сарой летели из Гонконга на самолете «Аэрофлота», флагмана российских авиалиний.

До этого момента мы с ним разговаривали по одному и тому же сценарию разведки, но тут разговор резко свернул в сторону. «Вы разве не слышали? – спросил он. Он смотрел на меня так, как будто принес скорбную весть о смерти кого-то из моих родственников. – Боюсь вас огорчить, но ваш паспорт объявлен недействительным».

Это было настолько неожиданно, что я стал заикаться. «Простите, но я – я не верю!»

Мужчина наклонился вперед над столом и сказал: «Нет, это правда. Поверьте. Это решение вашего министра Джона Керри. Ваш паспорт аннулирован вашим правительством, и служба авиалиний получила инструкцию не дать вам вылететь».

Я был уверен, что это трюк, но не совсем понимал, с какой целью. «Прошу одну минуту, – сказал я, но, прежде чем я повернулся к Саре с вопросом, она выхватила из сумки ноутбук и стала подключаться к вайфаю аэропорта.

– Конечно, проверьте, – сказал мужчина и, повернувшись к коллегам, стал мило болтать с ними по-русски, как будто бы он вообще никуда не торопился.

Об этом сообщали на всех сайтах, которые открыла Сара. Как только прошла новость, что я покинул Гонконг, Государственный департамент США объявил, что аннулировал мой паспорт. Это аннулировало и мои билеты, пока я был в воздухе.

– Это правда, – сказала Сара, тряхнув головой.

– Так что вы будете делать? – спросил мужчина, обойдя стол и направляясь к нам.

Прежде чем я показал эквадорский пропуск беженца, гарантировавший безопасный перелет, Сара сказала: «Простите, я должна посоветовать мистеру Сноудену больше не отвечать ни на какие вопросы».

Мужчина указал на меня и сказал: «Идите сюда».

Он жестом указал окно в дальнем углу конференц-зала. Я прошел к окну, встал рядом и выглянул. Тремя или четырьмя этажами ниже была улица и на ней – самая большая толпа из

всех, что я видел. Многочисленные репортеры держали наготове камеры и микрофоны.

Зрелище было впечатляющее, возможно, срежиссированное ФСБ, возможно, нет, а может быть, и так и так. Почти все в России и так, и так. Но по крайней мере сейчас я понял, зачем нас с Сарой привели в эту лаундж-зону, именно в этот конференц-зал.

Я отошел к своему стулу, но садиться не стал.

Мужчина отвернулся от окна и посмотрел на меня: «Жизнь для человека в вашей ситуации может быть очень трудной, если у него нет друзей, способных помочь». Слова его стали звучать тягуче.

Вот оно, начинается. Прямое переманивание, подумал я.

– Если есть какая-то информация, наверное, вы поделитесь с нами, чем сможете?

– Мы справимся сами, – сказал я. Сара стояла рядом.

Мужчина вздохнул. Он что-то пробубнил по-русски, его товарищи встали и покинули помещение. «Надеюсь, вы не пожалеете о вашем решении», – сказал он мне. Потом отвесил легкий поклон и удалился, и вошли двое из администрации аэропорта.

Я потребовал, чтобы мне разрешили пройти к выходам на гаванский рейс, но они меня проигнорировали. Я вытащил эквадорский пропуск и помахал им, но они проигнорировали и его.

В общей сложности мы пробыли в западне аэропорта сорок библейских дней и сорок ночей. В течение этих дней я подал прошение в 27 стран о предоставлении мне политического убежища. Ни одна не захотела противостоять американскому давлению, причем одни страны отказали наотрез, другие объявили, что они не имеют возможности даже рассмотреть мое прошение, пока я не прибуду на их территорию – трюк, который мне был не под силу. В конечном итоге единственным «главой государства», ответившим на мои просьбы с сочувствием, был «король бургеров», Бургер Кинг, которой ни разу не отказал мне в Воппере с помидором и луком.

Вскоре мое присутствие в аэропорту превратилось в глобальный спектакль. Рано или поздно Россия столкнулась с большой неприятностью. Первого июля президент Боливии Эво Моралес, принимавший участие в Форуме стран – экспортеров газа (GECF), вылетал из Внуково, другого международного московского аэропорта, на самолете, принадлежащем Боливии. Правительство США, предполагая, что я мог быть на борту, в силу выраженной президентом Моралесом солидарности, надавило на правительства Италии, Франции, Испании и Португалии, чтобы те

отказали пропустить самолет в их воздушное пространство и добились, что он вынужден был повернуть в Австрию. Там ему не разрешили взлет, обыскали и разрешили продолжать полет, только когда не обнаружили меня на борту. Это было вопиющим нарушением суверенитета, заслужившим порицание ООН. Для России происшедшее стало оскорблением – получилось, что она не сумела гарантировать высокому гостю безопасный перелет на родину. И это убедило и Россию, и меня, что каждый рейс, на котором Америка заподозрит мое присутствие, подвержен тому же риску – что его повернут обратно и задержат, не давая вылета.

Российское руководство, должно быть, решило, что лучше избавиться от меня и толп репортеров, осаждавших главный аэропорт страны. Первого августа мне было предоставлено временное убежище. Нам с Сарой позволили покинуть Шереметьево, но в результате только один из нас летел домой. Время, проведенное вместе, сделало нас друзьями на всю жизнь. Я всегда буду благодарен ей за недели, которые она провела со мной, за ее порядочность и стойкость.

Из дневников Линдси Миллс

Пока я был так далеко от дома, все мои мысли были поглощены моей Линдси. Я бы поостерегся рассказывать ее историю – о том, что произошло с ней, когда я исчез: допросы в ФБР, наблюдение, внимание прессы, угрозы в Сети, растерянность и боль, гнев и грусть. Я понял, в конце концов, что только сама Линдси и никто другой мог бы подробно изложить события того периода. Только она прошла через этот опыт, и только у нее есть право рассказывать эту историю. Большая удача, что она с юности вела дневник, записывая все события своей жизни и делая наброски для творческих работ. В отрывках ниже все имена, кроме членов семьи, изменены, опечатки исправлены, текст заново отредактирован. Иными словами, вот как все было с того момента, как я покинул Гавайи.

22.5.2013

Остановилась возле Кей-март, чтобы купить лей[72]. Хотела порадовать Венди настоящим духом Алохи, но злюсь. Эд звал свою маму в гости на несколько недель. Это он ее пригласил. Я надеялась, что он будет дома, когда я проснусь утром. Когда мы ехали из аэропорта в Вайпаху, Венди была обеспокоена. Она не привыкла, чтобы он срывался вот так сразу, не предупредив никого. Я пыталась сказать ей, что это необычно. Такое бывало, когда мы жили за пределами Америки, не на Гавайях, но я не помню другого такого случая, чтобы Эд был не дома и не на связи. Мы заехали приятно пообедать, чтобы отвлечься, и Венди рассказывала, как думала, что у Эда медицинское освобождение. Ей казалось, что он не мог сорваться снова на работу, раз у него отпуск по болезни. Как только мы приехали домой, Венди пошла спать. Я взяла телефон и обнаружила три пропущенных вызова с незнакомого номера, но без голосовой почты. Долго гуглила этот зарубежный номер. Эд, должно быть, в Гонконге.

24.5.2013

Венди весь день дома одна, мысли носятся кругами в ее голове. Я ужасно за нее переживаю и могу только утешать себя мыслью, как бы справился Эд, если бы ему самому пришлось принимать мою маму. За обедом Венди не переставая расспрашивала меня о здоровье Эда, и, по-моему, ее беспокойство можно понять, учитывая ее собственную историю эпилепсии. Она сказала, что боится его следующего припадка, и начала плакать, а потом начала плакать и я. До меня еще только доходит, что и я

беспокоюсь. Только вместо эпилепсии я думаю: что если он уехал, потому что у него роман? Кто она? Пережди этот визит и живи в свое удовольствие. Слетай на самолетике на Большой Остров. К вулкану Килауэа, как собиралась. Раз Венди уезжает, пересмотри свои планы.

3.6.2013

Отвезла Венди в аэропорт, она летит обратно в Мэриленд. Ей не хотелось возвращаться, но ей надо на работу. Я проводила ее, куда только могла пройти, и обняла. Я не хотела выпускать ее из объятий. Потом она встала в очередь на проверку багажа. Я вернулась к себе и обнаружила, что у Эда изменился статус в Скайпе: «Простите меня, но это нужно сделать». Не знаю, когда он его изменил. Мог сделать это сегодня, а мог – в прошлом месяце. Я только что проверяла Скайп и наткнулась на запись, и схожу с ума от того, что он, может быть, так передает мне сообщение.

7.6.2013

Разбудил звонок из АНБ от спецагента Меган Смит, которая просит перезвонить ей по поводу Эда. Чувствую себя еще неважно из-за температуры. Машину сдала в автосервис, Тод подвез меня на своем «Дукати». Когда мы повернули на нашу улицу, я увидела белый служебный автомобиль на подъездной дорожке и агентов, опрашивающих наших соседей. Я с этими соседями даже никогда не встречалась. Не знаю почему, но, повинуясь первому инстинктивному побуждению, я сказала Тоду, чтобы он ехал дальше. Пригнулась, делая вид, что ищу что-то в сумочке. Мы подъехали к «Старбаксу», где Тод показал мне на газету, что-то про АНБ. Я пробовала прочесть заголовки, но тут как раз дико взыграла моя паранойя. Не потому ли белый внедорожник стоял у дорожки, ведущей к нашему дому? Не он же сейчас припарковывается на стоянке возле «Старбакса»? Стоит ли мне сейчас записывать всю эту ерунду? Вернулась домой, внедорожника нет. Приняла какие-то таблетки и вспомнила, что еще не ела. Посреди обеда в окне кухни показались копы. Через окно я слышала, как они по радио докладывают, что кто-то находится по месту жительства. Под «кем-то» имелась в виду я. Я открыла входную дверь двум агентам и полицейскому чину из HPD[73]. Они выглядели устрашающе. Полицейский осматривал дом, пока агент Смит расспрашивала меня про Эда, который должен был выйти на работу 31 мая. Полицейский заметил, что бывает подозрительно, когда на работе заявляют об исчезновении человека, а его жена или девушка – нет. Он смотрел на меня так, как будто я убила Эда. Он осмотрел весь дом в поисках его тела.

Агент Смит спросила, можно ли ей посмотреть все компьютеры, какие есть в доме, и это вывело меня из себя. Я сказала ей, что она должна получить ордер. Они покинули дом, но разбили лагерь на углу.

Сан-Диего, 8.6.2013

Я немного опасалась, что Управление транспортной безопасности не даст мне улететь с острова. Телевидение в аэропорту постоянно передавало новости об АНБ. Уже на борту самолета я написала письма по электронке агенту Смит и гавайскому полицейскому по делам о пропавших людях, что у моей бабушки операция на открытом сердце, вследствие чего я буду отсутствовать на острове в течение нескольких недель. Операция была назначена на конец месяца и во Флориде, а не в Сан-Диего, но я не смогла придумать другой уважительной причины, чтобы выбраться на материковую часть страны. По крайней мере, такая причина уважительнее, чем сказать, что я должна увидеться с лучшей подругой Сандрой, у которой день рождения. Как только самолет коснулся земли, я тут же потеряла сознание от облегчения. Приземлившись, я почувствовала, что меня колотит от жара. Сандра меня подвезла. Я ничего пока не стала ей говорить, потому что моя паранойя зашкаливала. Но она видела, что что-то не так и что я не просто так приехала к ней на день рождения. Она спросила, разорвали ли мы с Эдом отношения. Я сказала, что может быть.

9.6.2013

Мне позвонила Тиффани. Спросила, как я, и сказала, что беспокоилась обо мне. Я не понимала. Она замолчала. Затем спросила, видела ли я новости. Рассказала, что Эд сделал видеообращение и оно сейчас на главной странице «Хаффингтон пост». Сандра перевернула свой ноутбук в режим планшета. Я тихо ждала 12 минут, пока загрузится видео на YouTube. И вот наконец он. Худой, но голос звучит по-старому. Старый Эд, уверенный и сильный. Каким он был перед этим тяжелым годом. Мужчина, которого я люблю, а не тот холодный, далекий призрак, с которым я жила последнее время. Сандра обняла меня, и я не знала, что сказать. Мы стояли в тишине. Мы выехали на барбекю в честь ее дня рождения к ее родственникам по красивой холмистой южной части города, прямо у мексиканской границы. Потрясающее место, но я едва ли что-то видела вокруг. Я отключалась. Не в состоянии была переварить всю ситуацию. По приезде нас встретили приветливые лица, и никто не догадывался, что происходит у меня внутри. Эд, что ты натворил?

Как ты из этого выберешься? Я почти не участвовала в болтовне на вечеринке. Телефон звонил не переставая. Отец, мама, Венди. На обратном пути с барбекю я сидела за рулем «Дюранго» родственников Сандры, который Сандре на этой неделе надо перегнать. Когда мы ехали, черный служебный автомобиль следовал за нами и остановил машину Сандры, ту самую, в которой я ехала на день рождения. Я продолжала вести «Дюранго», надеясь, что знаю, куда еду, потому что телефон уже сел от всех этих звонков и сообщений.

10.6.2013

Я знала, что Эйлин[74] играла важную роль в местной политической жизни, но не знала, что она просто монстр. Эйлин вмешивалась во все. Когда мы сидели у телефона и ждали соединения, чтобы договориться об адвокате, мне позвонили из ФБР. Звонил агент по имени Чак Ландовски, который спросил, что я делаю в Сан-Диего. Эйлин сказала, чтобы я прекратила разговор. Агент перезвонил, и я ответила на звонок, хотя Эйлин предупредила, что не надо этого делать. Агент Чак сказал, что не хочет появляться в доме без предупреждения, а потому сейчас звонит «из вежливости» – сказать, что придут агенты. Эйлин при этом чуть не подпрыгнула. Она чертовски крутая, это что-то невероятное. Она велела мне оставить телефон в доме, потом мы взяли ее машину и поехали кататься, чтобы как следует все обдумать. Эйлин получила эсэмэс от друзей, рекомендовавших адвоката, которого звали Джерри Фарбер, передала мне свой телефон и велела ему позвонить. Ответила секретарша, я сказала, что меня зовут Линдси Миллс, что я девушка Эдварда Сноудена и что мне понадобится представительство. Секретарша ответила: «Ага, давайте я вас сейчас соединю». Занятно было слышать в ее голосе нотки признания.

Джерри подошел к телефону и спросил, чем может помочь. Я рассказала ему о звонках из ФБР, он спросил имя агента, чтобы поговорить с федералами. Пока мы ждали ответа от Джерри, Эйлин настояла, чтобы мы завели одноразовые предоплаченные телефоны – один для связи с семьей и друзьями, один для разговоров с Джерри. Покончив с телефонами, Эйлин спросила, в каком банке я держу деньги. Мы подъехали к ближайшему филиалу, и она велела мне немедленно снять со счета все деньги на случай, если ФБР заморозит мои счета. Я пошла и сняла все мои сбережения, частично в банковских чеках, частично наличными. Эйлин настояла, чтобы я поделила всю сумму именно таким образом, и я последовала ее инструкциям. Банковский служащий спросил, для чего мне нужна вся эта сумма

наличными, и я ответила: «На жизнь». На самом деле я хотела послать его подальше, но решила, что, если буду вежлива, меня будет труднее запомнить. Я беспокоилась, что люди могут узнать меня, так как мое лицо показывали в новостях рядом с Эдом. Когда мы вышли из банка, я поинтересовалась у Эйлин, когда она стала таким экспертом в том, что надо делать, попав в беду. Она ответила с холодком: «Приходится знать обо всем этом, если ты женщина». Подразумевалось, мол, всегда приходится снимать всю наличку в банке, когда разводишься. Мы взяли на дом вьетнамской еды в закусочной и вернулись в дом Эйлин, где ели, сидя на полу, на верхней площадке лестницы. Эйлин и Сандра включили свои фены, чтобы создать шум, и мы говорили шепотом, на случай, если нас подслушивают.

Адвокат Джерри позвонил и сказал, что встретиться с ФБР мы должны сегодня. Эйлин везла нас в офис, и по дороге мы заметили, что за нами следят. Такая бессмыслица. Мы ехали на встречу, чтобы беседовать с представителями ФБР, а за нами тоже ехали представители ФБР, два внедорожника и «Хонда Аккорд» без номерных знаков. Эйлин пришло в голову, что это вовсе не ФБР. Она подумала, вдруг эти люди из других агентств или даже из других государств, которые хотят похитить меня. Она поехала быстрее и рывками, чтобы оторваться от них, но каждый раз, когда мы подъезжали к светофору, на нем загорался красный. Я сказала ей, что она сходит с ума и что надо сбавить скорость. Человек в штатском стоял у дверей дома Джерри, и то, что он сотрудник органов, было написано у него на лице. Мы поднялись на лифте, и, когда дверь открылась, нас ждали там трое мужчин: два агента и Джерри. Он был единственным, кто поздоровался со мной за руку. Джерри сказал Эйлин, что она не может пройти вместе с нами в комнату для переговоров. Сказал, что позвонит, когда мы закончим. Эйлин настояла, что будет ждать. Она сидела в фойе с таким выражением на лице, будто готова ждать миллион лет. По дороге в комнату переговоров Джерри отвел меня в сторону и сказал, что обсуждал бы «ограниченный иммунитет», на что я ответила, что это бессмысленно, и он не стал возражать. Предупредил, чтобы я не пыталась лгать и что, если я не знаю, что ответить, надо говорить: «Я не знаю». Ухмылка агента Майка чуточку слишком добрая, а агент Лиланд все время смотрел на меня, как на какой-то любопытный экспонат, будто изучает мои реакции. Оба пугали меня до мурашек. Они начали со стандартных вопросов обо мне, как бы давая понять, что уже все обо мне знают. Конечно, они знали. Эд знал, как они знают. Госслужащие всегда знают все. Они заставили меня рассказывать о последних двух месяцах – дважды. И потом, когда я закончила,

восстановив всю хронологию событий, агент Майк попросил начать снова, с самого начала. Я сказала: «Начала чего?» Он сказал: «Расскажите, как вы встретились».

11.6.2013

Ушла с допроса измученная, поздно вечером, с целой вереницей будущих допросов в голове. Сколько конкретно, мне не скажут. Эйлин подвезла нас туда, где ждала Сандра, чтобы поужинать в ресторанчике, и когда мы выезжали из городского центра, заметили, что за нами опять хвост. Эйлин попыталась оторваться, увеличивая скорость и делая запрещенный разворот на 180 градусов, но я умоляла ее перестать. Мне казалось, что такое вождение портит обо мне впечатление. Это вызывало больше подозрений. Но Эйлин – дама упертая. На парковке перед закусочной она стукнула в окно сопровождавшей нас машины и громко крикнула, что я даю показания и поэтому нет нужды за мной следить. Меня это легонько смутило, как будто твоя мама заступается за тебя в школе, но по большому счету я испытывала перед ней священный трепет. Какая смелость – подойти к машине с федеральными агентами и отчитать их! Сандра ждала за столиком в глубине зала, мы сделали заказ и поговорили об «освещении в прессе». Я была во всех новостях.

Посреди нашей трапезы к нашему столику подошли двое мужчин. Один – высокий, в бейсболке, в подтяжках, а его спутник был одет так, как будто собрался в клуб. Первый отрекомендовался как агент Чак, тот, который звонил мне раньше. Он попросил меня поговорить о «поведении за рулем», когда мы закончим ужин. В тот момент, когда он это сказал, мы поняли, что не хотим больше есть. Агенты ждали снаружи у входа в кафе. Агент Чак показал свой бейдж и сказал, что его главная цель – защитить меня. Он сказал, что моей жизни грозит опасность. Похлопал себя по карману и сказал, что, если возникнет какая-либо угроза, они позаботятся об этом, потому что «вооружены». Он изображал эдакого мачо в своих попытках вызвать у меня доверие, ставя меня при этом в уязвимое положение. Потом он продолжил, добавив, что я должна буду находиться под наблюдением ФБР 24/7, неопределенный период времени, поэтому безбашенная манера вождения Эйлин является недопустимой. Он сказал, что агентам не положено вообще вступать в разговоры с ведомыми, но он чувствует в данных обстоятельствах, что должен «указать на нужное направление в интересах безопасности всех».

Он вручил мне визитку с его контактной информацией и предупредил, что будет стоять припаркованным за домом Эйлин

всю ночь и мне следует ему позвонить, если мне понадобится он или что-то еще, что угодно. Он сказал, что я свободна и могу ходить куда захочу («Ну да, конечно», – подумала я). Но куда бы я ни собралась, мне следует сообщить ему эсэмэской. Он произнес: «Открытая коммуникация все делает проще». Сказал: «Держите нас в курсе – целее будете. Обещаю».

16.6.2013–18.6.2013

Не писала несколько дней. Я так злюсь, что должна сделать глубокий вдох и сообразить, на кого и на что конкретно я злюсь, потому что все сливается воедино. Чертовы «федералы»! Изнурительные допросы, на которых ко мне относятся как к виновной, сопровождают повсюду, но что еще хуже – они расстроили весь мой распорядок дня. Обычно я срываюсь в лес делать снимки или писать, но теперь, куда бы я ни пошла, за мной всюду следует группа наружного наблюдения. Вместе с моей энергией, временем и желанием писать они отняли у меня последнюю возможность частной жизни, которая у меня была. Мне необходимо помнить все, что происходило. Первым делом они заставили меня принести мой ноутбук и скопировали все, что было на жестком диске. Наверное, поставили кучу жучков. Еще распечатали все мои электронные письма и чаты, и теперь они читали все, что я писала Эду, а Эд писал мне, и требуют, чтобы я давала пояснения. В ФБР думают, что все, что написано, – это секретный код. И впрямь, в вакууме письма любого человека выглядят странновато. Но ведь это личное общение двух людей, которые были вместе восемь лет! Агенты действуют так, как будто никогда сами не были в отношениях! Они задавали вопросы, пытаясь эмоционально меня измотать, чтобы после, когда мы вернемся к «хронологии», мои ответы изменились. Они не допускают, что я ничего не знала. И мы по-прежнему возвращаемся к «хронологии», но уже с расшифровкой моих электронных писем и чатов и моим онлайн-календарем, которые лежат в распечатках рядом с нами.

Я вправе ожидать, что сотрудники секретных служб понимают, что Эд всегда скрывал от меня свою работу и что я вынуждена была принимать его скрытность как должное, но они не понимают этого. Отказываются понимать. Некоторое время спустя я просто разревелась, и наша встреча тогда закончилась раньше. Агент Майк и агент Лиланд предложили отвезти меня обратно к Эйлин, но, прежде чем я выехала, Джерри отвел меня в сторону и сказал, что ФБР, похоже, мне симпатизирует. «Кажется, вы им понравились, особенно Майку». Он пожелал все-таки быть осторожной, чтобы не попасть в западню по пути домой. «Не

отвечайте ни на какие их вопросы». Когда мы выехали, Майк вставил свое мнение: «Я уверен, что Джерри сказал не отвечать ни на какие вопросы, но у меня их только парочка». Пока Майк говорил, он сообщил, что офис ФБР в Сан-Диего заключил пари. Агенты, очевидно, поспорили, сколько пройдет времени, прежде чем пресса вычислит место моего пребывания. Победителю бесплатно мартини. Позже Сандра поделилась сомнениями. «Зная его, – сказала она, – понимаешь, что пари у них на что-то другое».

19.6.2013–20.6.2013

Пока вся остальная страна вплотную подходит к осознанию факта, что частная жизнь граждан подвергается насильственному вторжению, мою от меня отрывают насильно на совершенно новом уровне. И то и другое благодаря Эду. Ненавижу посылать Чаку «отчеты о перемещениях», а потом ненавижу себя за то, что не могу решиться их не посылать. Худшей была ночь, когда я послала сообщение, что еду встретить Сандру, но заблудилась по дороге и не хотела просить агентов мне помочь, поэтому я попросту водила их за собой кругами. Я все думала, не насажали ли они жучков в машину Эйлин, и начала громко разговаривать в машине, думая, что они меня слышат. Я не просто говорила – я кляла их на чем свет стоит. Мне надо заплатить Джерри, и после оплаты все, что мне останется, – это только оплакивать наши налоги, которые впустую транжирятся на то, чтобы за мной следили по дороге в офис моего адвоката и в тренажерный зал. После первых двух дней встреч у меня закончилась приличная одежда, поэтому я поехала в универмаг Macy's. Агенты ходили за мной по отделу женской одежды. Я ломала голову, войдут ли они со мной в примерочную. Еще скажут: «Это идет, а то нет, зеленый не ваш цвет». У входа в примерочную был телевизор, который громко передавал новости, и я застыла, услышав: «Подружка Эдварда Сноудена». Я отбежала от кабинки и кинулась к экрану. Видя, как там мелькают мои фотографии, я схватила телефон и совершила ошибку, погуглив свое имя. Столько комментариев, где пишут, что я стриптизерша и шлюха… Ни один ко мне не относится. Как и ФБР, они про меня уже все решили.

22.6.2013–24.6.2013

Допросы кончились – до поры до времени. «Хвост» все еще тянется за мной. Я выхожу из дома, счастливая, что смогу повисеть и покружиться, занимаясь воздушной гимнастикой на полотнах. Подъехала к студии, но не смогла припарковаться, а мой «хвост» смог. Он отъехал и освободил место следом за мной, как только я отъехала на какое-то расстояние. Сделала петлю,

вернулась и заняла их место. Поговорила по телефону с Венди. Мы разговаривали про то, что, как бы ни больно сделал нам Эд, он сделал правильно, уезжая, убедившись, что мы с Венди будем вместе. Вот почему он ее позвал и так настаивал на ее приезде. Он хотел, чтобы мы были вместе на Гавайях, когда выходили на публику, чтобы мы были заодно и давали друг другу силу и утешение. Так трудно сердиться на того, кого любишь. И еще труднее сердиться на того, кого любишь и уважаешь за то, что он все сделал правильно. Мы с Венди обе были в слезах и потом притихли. Мне кажется, мы одновременно думали об одном и том же. Разве можно разговаривать как нормальные люди, если все наши разговоры кто-то подслушивает?

25.6.2013

Главный аэропорт Лос-Анджелеса – международный аэропорт Гонолулу. Всю дорогу, пока летела, носила медного цвета парик. Сандра летит со мной. В ресторанном дворике устраиваем плотный предполетный ланч. Все больше телеканалов показывают Эда, и я думаю, что еще так сюрреалистично все то, что для других стало реальностью. Получаю сообщение от агента Майка, который говорит, чтобы мы с Сандрой подошли увидеться с ним к выходу на посадку 73. Серьезно? Приехал в Лос-Анджелес из Сан-Диего? Выход 73 огорожен лентой и пуст. Майк сидит и ждет нас у составленных в ряд стульев. Положил ногу на ногу, чтобы было видно пистолет, который носит на лодыжке. Опять мачизм и дурацкое желание запугать. Он привез бумаги, чтобы подписать ордер ФБР с разрешением взять ключи от машины Эда на Гавайях. Сказал, что двое агентов будут ждать нас в Гонолулу с ключами. И еще другие агенты будут сопровождать нас в полете. Извиняется, что не летит сам лично. М-да.

29.6.2013

Занимаюсь домашними вещами, ФБР теперь отвлекает не так часто. Подписываю еще какие-то бланки. Это пытка, настигающая повсюду. Находишь все эти домашние мелочи, всякий раз напоминающие о нем. Как сумасшедшая все мою и чищу, постоянно поглядывая на его половину кровати. Все чаще замечаю, чего не хватает. Что взяли агенты ФБР. Технику, конечно, но и книги тоже. Оставили следы от ботинок, потертости на стенах и грязь.

30.6.2013

Вайпаху, распродажа старых вещей на заднем дворике. Трое мужчин откликнулись на объявление Сандры на Крейгслисте –

«Забирайте все, самые низкие цены». Приехали, чтобы копаться в вещах Эда, сопровождавших всю его жизнь – пианино, гитара и набор гантелей. Все, что я не вынесла бы хранить или что не смогла бы перевезти на материк. Мужчины загружают пикап доверху и вскоре возвращаются за новой партией вещей. К моему удивлению, и, думаю, к удивлению Сандры тоже, меня не слишком расстраивает, что они тут рылись. Но когда они отваливают, я ощущаю потерю.

2.7.2013

Все упаковано, кроме футонов и кушетки – их я просто выкину. Все, что осталось из вещей Эда после налетов ФБР, уместилось в небольшом картонном ящике. Немного фотографий и одежда, в том числе масса непарных носков. Ничего такого, что может служить вещественным доказательством в суде, просто свидетельство нашей с ним совместной жизни. Сандра принесла жидкость для розжига и притащила металлический мусорный бак. Я высыпала барахло Эда в кучу, фотографии и одежду, подожгла коробок спичек и бросила в кучу… Мы с Сандрой сидели неподалеку, пока все это горело и дым поднимался в небо. Свет и дым от костра напомнили мне нашу с Венди поездку на Килауэа: я возила ее на вулкан Большого Острова. Это было чуть больше месяца назад, но кажется, что прошли годы. Откуда нам было знать, что произойдет разлом во всей нашей жизни? Эд, как вулкан, готов был уничтожить все вокруг? Но, помню, в путеводителе написано, что вулканы разрушительны непродолжительный период времени. А в длительной перспективе они меняют мир. Они создают острова, охлаждают планеты и обогащают почву. Их лава течет бесконтрольно, а потом застывает и твердеет. Пепел, которым вулканы выстреливают в небо, разлетается по сторонам минеральными веществами, которые делают почву плодородной, чтобы на ней росла новая жизнь.

Любовь и изгнание

Если в каком-то пункте вашего путешествия по книге вы задержались на минутку на каком-то слове и, чтобы узнать о нем поподробнее, вбили его в поисковую строку, – и если оно показалось в некотором роде подозрительным, вроде термина XKEYSCORE, например, – поздравляю: вы теперь в их базах, жертва собственного любопытства.

Но даже если вы ничего не искали в Сети, заинтересованному правительству не потребуется много времени, чтобы узнать, что вы эту книгу читали. По крайней мере, совсем нетрудно выяснить, что она у вас есть, независимо от того, скачали ли вы ее бесплатно или приобрели в солидном магазине, расплатившись кредитной картой.

А вы всего лишь хотели почитать – принять участие в самом интимном человеческом деянии, в слиянии человеческих сознаний посредством языка. Но этого больше чем достаточно. Вашего естественного стремления соединиться с миром было достаточно, чтобы соединить ваше живое, дышащее «я» с серией глобальных, уникальных идентификаторов, таких как ваша электронная почта, ваш телефон и IP-адрес вашего компьютера. Создав глобальную всеохватывающую систему, которая отслеживает эти идентификаторы по всем доступным каналам электронных коммуникаций, американское разведсообщество обрело власть записывать и сохранять навечно данные вашей жизни.

И это было только начало. Потому что как только американские шпионские агентства удостоверились, что можно пассивно собирать все ваши коммуникации, они начали и активно вмешиваться в них. Отправив сообщения, которые посылались к вам, фрагментами атакующих кодов или эксплойтами, они научились прибирать к рукам не только слова, но и нечто большее. С этих пор они были способны осуществлять тотальный контроль над вашей аппаратурой, включая видеокамеру и микрофон. А это означает, что, если сейчас вы читаете мои слова на любом современном устройстве, смартфоне или планшете, они могут проследить и *прочитать вас*. Они могут сказать, как быстро или медленно вы переворачиваете страницы, читаете ли главы подряд или перескакиваете. Они с удовольствием позволят себе разглядеть ваши ноздри и увидеть, как вы шевелите губами во время чтения, ровно столько, сколько им понадобится, чтобы собрать о вас сведения, какие им нужны и какие дают им возможность всесторонне вас идентифицировать.

Таков результат двух последних десятилетий неконтролируемых инноваций – финальный продукт политического класса и крупного бизнеса, который стал владеть вами. Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, ваша жизнь для них теперь – открытая книга.

Если бы массовая слежка присутствовала по умолчанию, постоянно в повседневной жизни, то я хотел бы, чтобы опасности, которые она несет, и ущерб, который она уже нанесла, тоже постоянно в ней присутствовали. Своими разоблачениями в прессе я хотел, чтобы об этой системе узнали. Узнали, что ее существование – часть моей страны и всего мира и оно не может игнорироваться. За последние годы это осознание возросло, как и в общем масштабе, так и в частностях. Но в век социальных сетей мы вынуждены всегда напоминать самим себе: одного осознания недостаточно.

В Америке, как признал сам президент Обама, первые отчеты в прессе об этом разоблачении дали толчок «национальной дискуссии». Поддерживая это начинание, я все еще хочу, чтобы он отметил, что все то, что делает его «национальной» «дискуссией» – тот факт, что впервые американская публика была проинформирована достаточно, чтобы иметь право голоса.

Откровения 2013 года особенно встряхнули конгресс, обе палаты которого дали ход многочисленным расследованиям злоупотреблений АНБ. Они постановили, что агентство неоднократно вводило в заблуждение относительно природы и эффективности своих программ массового слежения даже тех законодателей, кто имел самые высокие уровни допуска к государственным секретам.

В 2015 году Федеральный апелляционный суд вынес решение по делу Американского союза гражданских свобод (ACLU) против Джеймса Клэппера. Иск оспаривал законность программ АНБ по сбору данных на основе телефонной прослушки. Суд постановил, что данная программа АНБ нарушила даже самые нестрогие стандарты «Патриотического акта» и более того – являлась, по всей вероятности, неконституционной. Постановление сфокусировалось на интерпретации АНБ Раздела 215 «Патриотического акта», который разрешает государству требовать от третьих сторон «практически осуществимых действий», считающихся наиболее «релевантными» в отношении иностранных разведок и расследований террористических дел. По мнению суда, определение, которое государство дает термину «релевантный», настолько расширительно, что становится практически лишенным смысла. Считать собранные сведения

«релевантными» только лишь потому, что они могут стать релевантными в некий непонятный момент в будущем – «беспрецедентно и незаконно». Отказ суда принять трактовку этого термина правительством заставил не одного ученого-правоведа интерпретировать это решение как сомнение в законности всех правительственных программ объемного сбора данных, предсказанных этой доктриной будущей релевантности. По следам вынесенного решения конгресс принял Акт о свободе США, который внес изменения в Раздел 215, прямо запрещая объемный сбор телефонных записей американцев. Отныне подобные записи будут храниться там, где они изначально и находились – под частным контролем телекоммуникационных компаний, а правительству придется делать запрос на получение ордера Суда по делам о надзоре за иностранными разведками (FISC), если ему понадобится к ним доступ.

Дело Американского союза гражданских свобод против Клэппера, вне всякого сомнения, – выдающаяся победа, которая создала позитивный прецедент. Суд подтвердил то, что отстаивала американская публика: американцы имеют право оспаривать в суде законность правительственной секретной системы массовой слежки. Но, по мере того как и другие многочисленные судебные дела, возникшие в результате разоблачения, продолжают медленно и целенаправленно пробиваться через судебные процессы, мне становится все более ясно, что американское сопротивление массовому слежению – лишь зародыш того, что в будущем должно стать международным движением оппозиции как в правительстве, так и в частном секторе.

Реакция технокапиталистов на разоблачения была немедленной и мощной, очередной раз доказывая, что с крайней опасностью приходят и неожиданные союзники. Документы показали, что АНБ решительно настроено добывать всю информацию, которую, как оно считает, намеренно от него скрывают, что подрывает протоколы шифрования Интернета – например, делает финансовые и медицинские данные граждан более уязвимыми, подрывая их доверие к компаниям, которые эти данные хранят. В качестве ответной меры Apple ввел шифрование для своих айфонов и айпадов, а Google поступил аналогичным образом со своими продуктами Android и Chromebooks. Но, возможно, самые важные перемены в частном секторе произошли тогда, когда предприниматели в целях безопасности расширили протокол *http* до *https* (где «с» означает «секретность»), который препятствует третьей стороне проникать в веб-трафик. 2016 год стал вехой в истории технологий – первый раз с момента

появления Интернета зашифрованного веб-трафика стало больше, чем незашифрованного.

Интернет, несомненно, стал более безопасным, чем в 2013 году, особенно если учитывать быстрое глобальное признание необходимости инструментов шифрования. Я лично принимал участие в разработке и создании некоторых из них – через «Фонд свободы прессы» (Freedom of the Press Foundation), некоммерческую организацию по защите независимой общественной журналистики в новое тысячелетие. Важной частью повестки этого фонда является сохранение и укрепление Первой и Четвертой поправок Билля о правах посредством развития шифровальных технологий. Для этой цели «Фонд свободы прессы» осуществляет финансовую поддержку Signal – это приложение для зашифрованных звонков и сообщений, созданное компанией Open Whisper Systems; а также разрабатывает SecureDrop (изначально спроектированный покойным Аароном Шварцем[75]). Это платформа с открытым исходным кодом, которая позволяет новостным медиаорганизациям безопасно получать документы от анонимных разоблачителей и других источников. Сегодня SecureDrop доступна на 10 языках и используется более чем 70 медиаорганизациями по всему миру, включая «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Гардиан» и «Нью-Йоркер».

В идеальном – то есть несуществующем – мире сами законы сделали бы эти инструменты устаревшими. Но в мире, который есть у нас, они чрезвычайно необходимы. Куда труднее добиться изменения законов, чем технических стандартов, и до тех пор, пока законодательные инновации отстают от технологических инноваций, институты общества будут искать способ преодолеть этот разрыв, продвигая свои интересы. Независимым разработчикам открытого аппаратного и программного обеспечения выпало на долю искоренить этот разрыв, обеспечивая жизненно важным гражданским свободам такую защиту, какую закон не может, а возможно, и не хочет гарантировать.

В моей нынешней ситуации мне постоянно напоминают, что законодательство определяется нормами права конкретных стран. Зато к технологиям это не относится. У каждой нации есть собственный законодательный код, но компьютерный код у всех один. Техника пересекает границы и живет практически под любым паспортом. С годами мне все больше кажется, что законодательные реформы против слежки в моей родной стране не обязательно помогут журналисту или диссиденту страны моего изгнания, а вот зашифрованный смартфон – вполне.

В международном масштабе разоблачения помогли оживить дебаты о слежке в местах с долгой историей злоупотреблений. Страны, чьи граждане особенно резко настроены против американского массового слежения, – это те, чьи правительства больше всего затронуты им в процессе сотрудничества, от государств «Пяти глаз» (особенно Соединенное Королевство, чей Центр правительственной связи остается главным партнером АНБ) до стран Евросоюза. Германия, которая приложила много усилий, чтобы расквитаться со своим нацистским и коммунистическим прошлым, показывает первоочередной пример этого размежевания. Гражданам и законодателям страны надоело слушать, что АНБ прослушивает немецкие коммуникации и даже добралось до смартфона канцлера Ангелы Меркель. Вместе с тем Федеральная разведывательная служба Германии (БНД), главное разведывательное ведомство страны, сотрудничало с АНБ в многочисленных операциях и через посредников даже предприняло ряд инициатив, которые АНБ не смогло или не захотело предпринять само.

Почти каждая страна в мире оказалась в аналогичной ситуации: граждане оскорблены, правительство соучаствует. Любое избранное правительство, которое опирается на слежку, чтобы удерживать контроль над гражданами, считающими слежку злом для демократии, перестает быть демократическим. Такой когнитивный диссонанс, возникший на геополитическом уровне, помог вернуть повестку неприкосновенности частной жизни в международный диалог о правах человека.

Впервые после окончания Второй мировой войны либерально-демократические правительства во всем мире обсуждали частную жизнь как естественное, неотчуждаемое право каждого мужчины, женщины и ребенка. В процессе обсуждения они вернулись к 1948 году, году принятия Декларации прав человека ООН, статья 12 которой гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». Как и все декларации ООН, этот вдохновляющий документ не получил законную силу, но он был составлен с намерением подготовить почву для транснациональных гражданских свобод в мире, который пережил ужасы ядерной бомбардировки и преднамеренного геноцида и столкнулся с беспрецедентным количеством беженцев и лишенных гражданства.

Европейский союз, все еще находясь во власти своего послевоенного универсалистского идеализма, стал первым транснациональным организмом, который реализовал эти принципы на практике – утвердив новую директиву, которая стандартизировала защиту разоблачителей в государствах – членах союза, наряду со стандартизацией правовой базы для защиты частной жизни. В 2016 году парламент Евросоюза провел Общий регламент по защите данных – пока что самую значительную попытку опередить наступление технологической гегемонии, которую Европейский союз склонен считать, и не без оснований, как продолжение американской гегемонии.

«Общий регламент» обозначает жителей Европейского союза (которых называет «естественными личностями», а также «субъектами данных») как людей, которые генерируют персонально идентифицируемые данные. В Соединенных Штатах данные обычно рассматриваются в качестве собственности того, кто их собирает. Но в Европейском союзе персональные данные – это собственность лиц, которых эти данные представляют, что, в свою очередь, позволяет рассматривать их как объект права, нуждающийся в защите.

«Общий регламент» – несомненно, большой прогресс по части законности, но даже его транснациональный характер является слишком ограниченным: Интернет глобален. Наши естественные права личности никогда не будут законом приравнены к нашим правам как «субъектов данных» – не в последнюю очередь потому, что первые существуют в одном месте в некий момент, а другие во многих местах одновременно.

Сегодня независимо от того, кто вы и где физически находитесь, вы в то же время обитаете всюду, вы вовне страны, которую называете своей, и в то же время вы подотчетны законам каждой страны, какую бы ни пересекали. Записи одной жизни, прожитой в Женеве, оказались в Белтвее. Видео, снятое на свадьбе в Токио, просматривалось в Сиднее, где проходил медовый месяц. Видео похорон в Варанаси на iCloud, фактически находящееся в дата-центре Apple в штате Северная Каролина, частично разбросано по партнерским серверам Amazon, Google, Microsoft и Oracle, пересекая Евросоюз, Соединенное Королевство, Южную Корею, Сингапур, Тайвань и Китай.

Наши данные гуляют по всему свету. Они в бесконечном движении.

Мы еще не родились, а уже генерируем свои данные, и технологии находят нас *in utero*[76], и данные о нас продолжат распространяться после нашей смерти. Конечно, наши сознательно создаваемые воспоминания, записи, которые мы

публикуем по собственному выбору – это лишь небольшой осколок всей той информации, которая исторгнута из нас течение жизни, по большей части бессознательно или без нашего согласия, надзором со стороны бизнеса и правительства. Мы – первые люди в истории планеты, к которым это относится, первые люди, кто несет на себе бремя бессмертия данных – бремя того факта, что собранные о нас записи могут получить вечное существование. Вот почему у нас есть вечный долг. Мы должны позаботиться о том, чтобы эти записи о нашем прошлом не обернулись против нас или наших детей.

Сегодня у свободы, которую мы называем частной жизнью, есть поборники из нового поколения. Родившиеся после 11 сентября, они прожили свою жизнь под вездесущим оком этой слежки. Эти молодые люди, не знавшие мир другим, посвятили себя созданию его в своем воображении, и их политическая креативность и технологическое мастерство дают мне надежду.

И все-таки, если мы не потребуем вернуть нам наши данные сегодня, наши дети уже могут не справиться с этой задачей. Тогда они и их дети окажутся в ловушке – каждое последующее поколение, принужденное жить в контексте данных их родителей, окажется под таким огромным массивом информации, что ее подверженность общественному контролю и чужим манипуляциям перейдет не только границы закона, но и границы воображения.

Кто среди нас умеет предсказывать будущее? Кто бы осмелился? Ответ на первый вопрос – «никто», а ответ на второй – «каждый», особенно каждое правительство и каждая корпорация на планете. Вот для чего они используют сведения о нас. Алгоритмы анализируют поведенческие паттерны, чтобы предсказать поведение в будущем – создать своего рода цифровое пророчество, которое только чуть-чуть точнее предсказывания судьбы по ладони. Когда вы начинаете копаться в актуальных технических механизмах, посредством которых рассчитывается предсказуемость, вы приходите к пониманию, что ее научность – на самом деле антинаучность и в название вкралась пагубная ошибка: предсказуемость на самом деле есть манипуляция. И веб-сайт, который говорит, что, раз вам понравилась эта книга, вам также могут быть интересны книги Джеймса Клэппера и Майкла Хайдена[77], не столько делает обоснованное предположение, сколько мягко принуждает вас обратить на них внимание.

Мы не можем допустить, чтобы с нами обращались таким образом, чтобы нас использовали против нашего будущего. Мы не можем позволить, чтобы наши персональные данные использовались для продажи нам вещей, которые продавать

нельзя – таких как журналистика. Если мы позволим этому случиться, то журналистика будет такой, какой ее хочет видеть власть – в противовес честному коллективному разговору, который так необходим. Мы не можем позволить, чтобы «богоподобное» наблюдение, под которым мы находимся, использовалось для того, чтобы «оценить» степень нашей гражданской порядочности, «предсказать» наше криминальное поведение; сказать, какого рода образование или работу мы должны иметь или можем ли мы вообще иметь образование или работу; дискриминировать нас из-за наших финансовых, юридических и медицинских историй, не говоря уже об этнических корнях или расе – которые суть конструкт, который наши данные навязывают нам. А если мы позволим использовать нашу генетическую информацию – самые интимные сведения о нас – для нашей идентификации, то можно будет даже нас исказить. Переделать наш облик и самую суть нашего человеческого «я» в образ технологии, которая только и ищет над ними контроль.

Конечно же, все вышесказанное уже произошло.

Изгнание. Не прошло и дня с 1 августа 2013 года, чтобы я не вспомнил, что под «изгнанием» я понимал, когда был подростком: когда отрубается доступ к Сети. Нет связи с Интернетом? Изгнание. Я вне диапазона сигнала? Изгнание. Тот, кто так говорил, кажется таким юным сегодня. Он кажется таким далеким.

Когда меня спрашивают, какова моя сегодняшняя жизнь, я стараюсь отвечать, что она такая же, как у них; что я провожу много времени за компьютером – читаю, пишу, общаюсь. То, что пресса любит называть «местом, не подлежащим огласке», – это трехкомнатная квартира в Москве, которую мне удалось снять, и, сидя в ней, я «путешествую» по сценам всего мира, выступая в защиту гражданских свобод в цифровую эпоху перед студентами, школьниками, законотворцами, техническими специалистами.

Иногда я устраиваю виртуальные встречи с моими товарищами из правления «Фонда свободы прессы» или говорю с членами Европейской юридической группы, возглавляемой Вольфгангом Калеком, в Европейском центре по конституционным и правам человека. В иные дни я просто беру что-нибудь в «Бургер Кинге» (я знаю свои привязанности!) и играю в игры – приходится скачивать их пиратским способом, потому что я не могу больше пользоваться кредиткой. Каждый день я выхожу на связь со своим американским юристом, доверенным лицом и консильери, Беном Уизнером из

Американского союза гражданских свобод – который проводит меня через мир, каков он есть, и при этом мирится с моими размышлениями о мире, каким он должен быть.

Такова моя жизнь. Она стала значительно ярче морозной зимой 2014 года, когда приехала в гости Линдси – я впервые увиделся с ней после Гавайев. Я не очень надеялся на ее приезд, потому что знал, что не заслуживаю такого шанса; единственное, что я заслужил – это пощечину. Но когда я открыл дверь, она положила ладонь мне на щеку, и я сказал, что я люблю ее.

«Тсс, – сказала она. – Я знаю».

Мы обнялись и стояли в тишине, слушая дыхание каждого как обещание восполнить потерянное время.

С того момента мой мир – это ее мир. Сперва я предпочитал сидеть в четырех стенах – на самом деле так я существовал и в прошлой жизни. Но Линдси настаивала: она еще не бывала в России, теперь мы будем туристами вместе.

Мой российский адвокат Анатолий Кучерена, который помог мне получить убежище в этой стране, был единственным адвокатом, который догадался прийти в аэропорт с переводчиком. Это культурный и находчивый человек, который умеет в равной степени раздобыть билеты на оперу и наладить мои отношения с законом. Он достал два билета в ложу Большого театра, так что мы с Линдси оделись и тут же поехали, хотя не скрою, что я переживал. Там было так многолюдно, в холле тесно. Линдси чувствовала мое нарастающее беспокойство. Когда свет погас и поднялся занавес, она наклонилась ко мне, ткнула под ребро и шепнула: «Никто из этих людей не пришел смотреть на тебя. Они здесь ради этого».

Мы с Линдси посвятили время некоторым московским музеям. Третьяковская галерея содержит богатейшую коллекцию в мире русских православных икон. Художники, писавшие их, были по существу «контрактниками», как я думал, и обычно не могли подписывать свои работы или же не хотели. Время и традиция, в духе которых создавались эти работы, не были особенно склонны признавать индивидуальные достижения. Когда мы с Линдси стояли перед одной из икон, юная туристка, девочка-подросток, внезапно встала между нами. Меня не в первый раз узнавали на публике, но, учитывая присутствие Линдси, это могло действительно стать инфоповодом в Интернете. По-английски, с немецким акцентом, девочка спросила, можно ли ей сделать с нами селфи. Я не понимаю, как объяснить свою реакцию, наверное, робкой и скромной просьбой немецкой девочки – а может быть, повлияло жизнелюбие и хорошее настроение Линдси, от которого улучшается и мое. Но я

без колебаний согласился. Линдси улыбнулась, когда девочка встала между нами и сделала снимок. И, сказав несколько вежливых слов в поддержку, отошла.

Через мгновение я потащил Линдси прочь из музея. Я боялся, что если девочка запостила снимок в соцсетях, нас отделяют минуты от нежелательной встречи. Я вел себя глупо, подумав такое. Я нервно вел поиски в Интернете, но фото так и не появилось. Ни в тот день, ни на следующий. Насколько я могу судить, оно вообще не выкладывалось – просто его сохранили как воспоминание о моменте.

Когда бы я ни выходил из дома, я всегда стараюсь немного изменить внешность. То я избавлюсь от бороды, то надену другие очки. Мне никогда не нравился холод, пока я не понял, что шапка и шарф обеспечивают самую надежную и ненавязчивую анонимность. Я меняю ритм и шаг своей походки и вопреки мудрым советам моей матери смотрю не в сторону движения, когда перехожу дорогу. Именно поэтому я ни разу не попал в видеорегистраторы, которые здесь повсюду. Проходя мимо домов, оборудованных камерами наблюдения, я опускаю голову, так что теперь никто не увидит меня как обычно в Сети – с высоко поднятой головой. Я все время переживал по поводу автобусов и метро, но сейчас все настолько заняты тем, что таращатся в свои телефоны, что никто второй раз на меня и не посмотрит. Если я беру такси, то сажусь на остановке автобуса или у станции метро в нескольких кварталах от дома, где живу, и выхожу в нескольких кварталах от места, куда направляюсь.

Сегодня я выбрал долгий путь вокруг этого громадного странного города, чтобы найти розы. Красные розы, белые розы, даже голубые фиалки. Любые цветы, какие найду. Я не знаю русских названий ни одного из цветов. Я просто мычу и тычу пальцем.

Линдси владеет русским лучше, чем я. Она и смеется легче, и терпеливее, и великодушнее, и добрее.

Сегодня вечером мы отмечаем нашу годовщину. Она приехала сюда три года тому назад. Сегодня два года, как мы поженились.

Благодарности

В мае 2013 года, когда я сидел в гостиничном номере в Гонконге, гадая, приедет ли кто-нибудь из журналистов, я никогда не чувствовал себя более одиноким. Шесть лет спустя я оказался в прямо противоположной ситуации: меня приветствовали экстраординарные и постоянно растущие толпы журналистов, адвокатов, технологов и поборников прав человека, у которых я в неоплатном долгу. Традиционно в заключении книги автор благодарит людей, которые помогли ей состояться, и я, конечно же, намереваюсь сделать то же самое. Но в данных обстоятельствах я был бы крайне неучтив, если бы также не поблагодарил людей, которые помогли состояться самой моей жизни – выступив за мою свободу, а также неустанно и самоотверженно работая, чтобы защитить наши общества и технологии, которые сводят нас воедино.

На протяжении последних девяти месяцев Джошуа Коэн преподавал мне писательство, помогая трансформировать мои бессвязные реминисценции и манифесты в книгу, которой, я надеюсь, он будет гордиться.

Крис Пэрис Лэм проявил себя как проницательный и терпеливый агент, тогда как Сэм Николсон осуществил четкую и ясную редактуру и оказал поддержку, как и вся команда «Метрополитен Паблишерз», от Гиллиана Блейка до Сары Берштел, Ривы Хошерман и Григори Товбиса.

Успех этой команды – доказательство талантливости ее членов и талантов человека, который собрал ее, – Бена Уизнера, моего адвоката и, сочту за честь это сказать, моего друга.

В аналогичном ключе я хотел бы поблагодарить международную команду юристов, неустанно трудившихся, чтобы освободить меня. Я также хочу сказать «спасибо» Энтони Ромеро, директору Американского союза защиты гражданских свобод, который поддержал мое дело в то время, когда организация претерпевала основательные политические риски, и наряду с этим поблагодарить остальных участников союза, которые помогали мне на протяжении нескольких лет, – в том числе Беннетта Штейна, Никола Морроу, Ноа Яшо и Дэниэля Кан Гиллмора.

В дополнение к сказанному я хотел бы выразить признательность Бобу Уолкеру, Иену Тавитиану и их команде из American Program Bureau, которые позволили мне зарабатывать себе на жизнь, распространяя мое послание аудитории по всему миру.

Тревор Тимм и работавшие совместно с ним члены правления «Фонда свободы прессы» предоставили мне место и ресурсы в обмен на мою искреннюю привязанность, зиждущуюся на стремлении к социальному благу. Я особо благодарен бывшему руководителю работ Эммануэлю Моралесу и нынешнему члену правления фонда Дэниэлю Эллсбергу, подарившему миру образец честности, тогда как мне он подарил свое тепло и чистосердечие своей дружбы.

Эта книга была написана с использованием бесплатного программного обеспечения, которое находится в открытом доступе. Я буду рад поблагодарить за это Qubes Project, Tor Project и Software Foundation.

Самые первые дружеские советы о том, как работать в условиях жестких дедлайнов, я получил от таких мастеров, как Гленн Гринвальд, Лора Пойтрас, Ивен МакАскилл и Барт Джеллма, чей профессионализм подтверждается неподдельной порядочностью. Будучи сам изданным, я получил возможность вновь высоко оценить их редакторов, которые не испугались и пошли на риск, что делает честь их принципам.

Неизменно моя глубочайшая благодарность Саре Гаррисон.

Сердце мое принадлежит моей семье, широкому кругу ближайших людей и прежде всего – моему отцу Лону, моей матери Венди и моей блистательной сестре Джессике.

Единственно возможный вариант окончания этой книги совпадает с тем, как она начинается, – посвящением Линдси, чья любовь помогает мне выживать в изгнании.

notes

Примечания

1

Агентство национальной безопасности специализируется на радиоэлектронной разведке и защите электронных коммуникационных сетей госучреждений США.

2

United States Intelligence Community, сокр. *IC* – собирательный термин для обозначения 17 отдельных правительственных учреждений США, перед которыми стоит задача сбора информации и ведения разведывательной деятельности в интересах страны.

3

Роберт Ладлэм (1927–2001) – американский писатель, наиболее известный по экранизированной книге «Идентификация Борна», главный герой которой – бывший агент ЦРУ.

4

Том Клэнси (1947–2013) – американский писатель, работавший в жанре технотриллера и описывавший альтернативную историю. Известен благодаря детально проработанным с технической точки зрения бестселлерам, посвященным холодной войне и событиям после нее. Имя Тома Клэнси также стало брендом в индустрии компьютерных игр.

5

Принцип «необходимого знания» (англ. *need-to-know basis*) – концепция безопасности, ограничивающая доступ к информации и ресурсам обработки информации в объеме, необходимом для выполнения обязанностей данного лица.

6

В США существует национальный домен верхнего уровня. us, при этом у каждого штата домен свой.

Internet Message Access Protocol (*англ.),* протокол доступа к электронной почте.

8

Simple Mail Transfer Protocol (*англ.),* простой протокол передачи почты.

9

Post Office Protocol Version 3 (*англ.),* протокол почтового отделения, версия 3.

File Transfer Protocol (*англ.),* протокол передачи файлов.

11

Network Time Protocol (*англ.),* протокол сетевого времени.

12

Transmission Control Protocol (*англ.),* протокол управления передачей данных.

13

User Datagram Protocol (*англ.),* протокол пользовательских датаграмм.

14

Информационный хайвей (информационная магистраль, англ. *Information superhighway, infobahn*) – термин, популярный в 90-е годы. Обозначал революционное развитие информационных сетей на базе волоконно-оптических линий связи в противовес куда более медленной модемной связи.

15

Алгонквинский язык – собирательное название группы языковых объединений коренных народов Северной Америки. Используется племенем алгонквинов наряду с английским и французским в Квебеке и Онтарио.

16

«Мейфлауэр» (*англ*. Mayflower, *рус*. «майский цветок») – английское торговое судно, на котором англичане, основавшие одно из первых британских поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан. Кульминация путешествия – в подписании Мэйфлауэрского соглашения, которое установило элементарную форму демократии с каждым участником, способствующим благосостоянию сообщества.

17

Бондарь – мастер по изготовления бочек; то же самое, что «бочар».

18

Перевод Д. Горфинкеля.

19

Захват торговых кораблей неприятеля с разрешения верховной власти.

20

Межведомственная и многонациональная, направляемая Береговой охраной США единица, призванная противостоять наркотрафику в Карибском бассейне.

21

Квакеры (англ. *Quakers*) – изначально протестантское христианское движение, возникшее в середине XVII века в Англии и Уэльсе.

22

Уильям Пенн (1644–1718) – ключевая фигура в ранней истории английских колоний в Америке. Пенн почитается в США как один из отцов-основателей государства и его первой столицы – Филадельфии.

23

Около 8 кв. км.

24

400 км.

25

Промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами. Уоррент-офицер также выполняет специальные функции технического специалиста.

26

Bulletin Board System, сокр. BBS – электронные доски объявлений. Пользовались популярностью в конце 1970-х – середине 1990-х годов. Каждая BBS управлялась системным оператором, который брал с пользователей плату за доступ к центральному серверу системы или предоставлял этот доступ бесплатно.

27

Internet Relay Chat, сокр. IRC – протокол прикладного уровня для обмена сообщениями в режиме реального времени. Для общения в групповом чате пользователю нужно было установить и настроить IRC-клиент, а после присоединиться к тому или иному каналу для общения.

28

Манифест хакера – текст, написанный 8 января 1986 года хакером Ллойдом Блэнкеншипом, более известным как Наставник (англ. *The Mentor*), после его ареста агентами ФБР. Немного позже этот текст (вскоре ставший программным документом для хакеров всего мира) был включен в седьмой номер электронного журнала Phrack. Манифест провозглашает основные ценности культуры хакера: безразличие к цвету кожи, национальности и религии; превосходство знаний и нестандартного образа мыслей; безграничная свобода информации для исследования, изучение из любопытства.

29

В оригинале: 18 X-Ray, или сокращенно 18X. Также «X-ray» по-английски означает «рентген».

30

Между 90 и 136 кг.

31

Песчаный холм (*англ.*).

32

Личный состав армии США должен жить в соответствии с нормами, устанавливаемые тем, что называется «Солдатское кредо». Это 13 предложений, которые должен знать наизусть любой солдат. Когда произносятся слова «Солдатского кредо», военнослужащие в честь него встают по стойке «смирно».

33

Национальный гимн США.

34

День независимости США.

35

Капеллан – в католических странах священник в армии, авиации и на флоте.

36

Single Scope Background Investigation, сокращенно SSBI.

37

Глубинное государство (англ. *deep state*) – теория, согласно которой в США существует скоординированная группа государственных служащих, влияющих на государственную политику без оглядки на демократически избранное руководство.

38

Blackwater – частная военная компания, основанная в 1997 году офицером «Морских котиков» Эриком Принсом и тренером по стрельбе Элом Кларком. Одна из самых известных и крупных ЧВК в мире. Основные прибыли получает от участия в военных конфликтах, около 90 % выручки составляют правительственные заказы.

39

Фотографии издевательств над иракскими узниками со стороны американских военных попали в Сеть в 2004 году, шокировав общественность. В том же году группа переживших пытки иракцев обратилась с иском в суд к компаниям CACI International, Inc. и Titan Corporation (сейчас – L3 Technologies, Inc.). Обе компании были наняты Вооруженными силами США для предоставления услуг военных переводчиков.

40

Lockheed Martin Corporation – американская военно-промышленная корпорация, специализирующаяся в области авиастроения, авиакосмической техники, судостроения, автоматизации почтовых служб и аэропортовой инфраструктуры и логистики. Возникла в 1995 году в результате слияния корпораций Lockheed и Martin Marietta.

41

BAE Systems plc – оборонная компания Великобритании, занимающаяся разработками в области вооружений, информационной безопасности, аэрокосмической сфере. На 2008 год являлась крупнейшей компанией в мире по производству вооружений.

42

Booz Allen Hamilton Holding Corporation – американская консалтинговая фирма по менеджменту и информационным технологиям. Имеет 80 отделений по всему миру.

43

DynCorp – частная военная компания, официальный подрядчик ООН. Выполняла техническое обслуживание вертолетов ВВС США во время войны в Персидском заливе, участвовала в военном конфликте в Колумбии; также занимается охраной стратегически важных объектов, в т. ч. нефтяного резерва США и мн. др.

44

Популярный в Америке сайт электронных объявлений.

45

На английском языке для каждого здания есть аббревиатуры: OHB и NHB – Old Headquarters Building и New Headquarters Building соответственно.

Англ.: Basic Telecommunications Training Program.

Англ.: Technical Information Security Officers.

48

Примерно 36 кг.

Англ.: blowback, дословно – отдача при выстреле.

50

Имеется в виду Росс Перо (1930–2019) – американский бизнесмен, филантроп, консервативный политик и независимый кандидат на пост президента США в 1992 и 1996 годах.

51

И цзин, или «Книга перемен», – один из древнейших китайских философских текстов (ок. 700 года до н. э.), состоящий из 64 гексаграмм. Применялся в основном для гадания. Во II веке до н. э. был принят конфуцианской традицией как один из канонов конфуцианского Пятикнижия.

52

Полное название: Joint Counterintelligence Training Academy.

53

Англ.: Protect America Act (2007) и FISA Amendments Act (2008).

Англ.: Unclassified report on the President’s Surveillance.

55

Мейнфрейм (англ. *mainframe*) – универсальный, большой компьютер высокого уровня, предназначенный для решения задач, связанных с интенсивными вычислениями и обработкой больших объемов информации. Понятие «мейнфрейм» синонимично термину ЭВМ. Мейнфреймы занимали господствующие позиции на компьютерном рынке до начала 1980-х годов, в основном выпускались компанией IBM.

Англ.: Kunia Regional Security Operations Center.

57

Традиционная гавайская вечеринка. Первоначально так назывался только местный праздник плодородия, но сейчас это слово обозначает любой праздник на островах.

Joint Worldwide Intelligence Communications System (*рус*. Объединенная глобальная сеть разведывательных коммуникаций).

59

Имеется в виду акт «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» – федеральный закон, принятый в США после террористического акта 11 сентября 2001 года.

60

Примерно 2300 кв. м.

61

Состав преступления (*лат.*).

62

Тюремную робу.

Trailblazer Project – программа АНБ по анализу данных, передаваемых по коммуникационным сетям, в частности – посредством сотовых телефонов и электронной почты.

64

Сборник «Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: Исследование» предназначался для внутриведомственного использования в Министерстве обороны США, однако был частично обнародован в прессе в 1971 году. Благодаря общественному давлению Эллсберг и Руссо были оправданы судом.

Government Communications Headquarters (GCHQ).

Англ.: Sensitive Compartmented Information Facility (SCIF).

67

Breitbart News Network – американский ультраправый веб-сайт, публикующий новости, мнения и комментарии.

National Threat Operations Center.

69

Игра слов: Rochefort – Roach Fort; Roach – таракан.

Tailored Access Operations.

Специально для этого; по особому случаю (*лат.*).

72

Традиционная гавайская гирлянда из цветов.

73

Гавайское управление полиции.

Мать Сандры.

75

Аарон Хиллел Шварц (1986–2013) – американский интернет-активист, IT-визионер, программист и писатель. В 14 лет Шварц стал соавтором спецификации RSS 1.0, позднее работал над Open Library, Creative Commons и watchdog.net. Сооснователь Reddit.com. Накануне смерти находился под следствием по уголовному делу за нелегальное скачивание более 4 млн документов из базы данных JSTOR – архива академических журналов и научных работ.

В утробе (*лат.*).

77

Оба – бывшие директора Национальной разведки и АНБ соответственно.